

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

Studies in the Humanities
at Ural Federal University

Britain and Russia: Understanding
through Comparison

Bilingualism in Kazakhstan

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 10 | 2022 | № 5

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

•
Дополнительный выпуск

•
Extra Issue

•
Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620002, Россия, Екатеринбург,
ул. Мира, 19

•
Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg,
Russia

•
Зарегистрирован как научное пе-
риодическое издание Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и мас-
совых коммуникаций (свидетельство
о регистрации ПИ № ФС77-56174
от 15.11.2013)

•
Registered as a scholarly periodical
by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information
Technology and Mass Media (Journal
Registration Certificate (PI № FS77-
56174 as of 15.11.2013)

•
«Quaestio Rossica» – рецензируемый науч-
ный журнал, сферой интересов которого
являются исследования в области культуры,
искусства, истории, лингвистики и лите-
ратуры России. Задача журнала – расши-
рить представления о российском гумани-
тарном дискурсе в пространстве мировой
науки. Приоритет отдается публикациям,
в которых исследуются новые исторические
и литературные источники, выполняются
требования академизма и научной объектив-
ности, историографической полноты и по-
лемической направленности. К публикации
принимаются статьи на русском, английском,
немецком и французском языках. Полнотек-
стовая версия журнала находится в свобод-
ном доступе на сайте журнала и размещается
на платформе Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ) Российской универ-
сальной научной электронной библиотеки.
Полная информация о журнале и правила
оформления статей размещены на сайте:
<http://qr.urfu.ru>

•
“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed
academic journal focusing on the study of
Russia’s culture, art, history, literature and
linguistics. The journal aims to broaden the
idea of Russian studies within discourse in
the humanities to encompass an international
community of scholars. Priority is given
to articles that consider new historical
and literary sources, that observe rules of
academic writing and objectivity, and that
are characterized not only by their critical
approach but also their historiographic
completeness. The journal publishes articles
in Russian, English, German and French.
A fulltext version of the journal is available
free of charge on the journal’s website and
is published in the database of the Russian
Science Citation Index of the Russian Universal
Scientific Electronic Library. For more
information on the journal and about article
submission, please consult the journal’s
website: <http://qr.urfu.ru>

•
Журнал индексируется
в *AHCI Web of Science, Scopus.*

•
The journal is indexed
in *AHCI Web of Science, Scopus.*

Адрес редакции: Уральский федеральный
университет им. первого Президента Рос-
сии Б. Н. Ельцина. 620075, Россия,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, каб. 335
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal
University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin. Office 335, 51 Lenin Ave.,
620075, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Deputy Chief Editors* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS), Prof. **Tatiana Itskovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Editor* – Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); *Executive Secretary Associate* – Prof. **Alexey Antoshin** (Russia, Yekaterinburg, UrFU). *Translation Editors* – Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Malcolm Spencer** (Russia, Yekaterinburg, UrFU)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Simon Dixon** (UK, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); Dr **Vladislav Rjeoutsky** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Seo Sangbeom** (Republic of Korea, Busan University of Foreign Studies); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, Sofia University "St Kliment Ohridski"); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington); Prof. **Paul Werth** (USA, Las Vegas, University of Nevada); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, St Petersburg Institute of History of RAS); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Moscow, RGADA); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, HSE University); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A ; M University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History of RAS); Dr, Corresponding Member of RAS **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University)

Logo; cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); зам. главного редактора – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Т. В. Ицкович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); выпускающий редактор – проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); ответственный секретарь – проф. **А. В. Антошин** (Россия, Екатеринбург, УрФУ).

Редакторы перевода – доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Спенсер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Охридского); проф. **П. Верг** (США, Лас-Вегас, Университет Невады); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лапидус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); проф. **Ф.-К. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Со Санбом** (Республика Корея, Пусанский университет иностранных языков); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Уо** (США, Сиэтл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербургский институт истории РАН); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Москва, РГАДА); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинкский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н., член-корр. РАН **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

Логотип и дизайн обложки – **Константин Первухин**

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

Dmitry Timofeev. Projects in the Humanities at Ural Federal University: An Invitation to Dialogue. 1595

Dmitry Timofeev. Projects in the Humanities at Ural Federal University: An Invitation to Dialogue. 1595

Problema voluminis

Международные контакты:
цели и векторы взаимодействий

International Contacts:
Objectives and Areas of Interaction

Konstantin Abdrakhmanov. Купечество Российской империи в торговле со Средней Азией: культурно-антропологический аспект 1607

Konstantin Abdrakhmanov. Merchants of the Russian Empire Trading with Central Asia: Cultural-Anthropological Aspects 1607

Юлия Цыряпкина. «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана 1625

Yulia Tsyryapkina. “Fighting for the Russian Cause”: The Imperial Colonisation of Turkestan 1625

Elena Shelestyuk, Altyngul Suyunbayeva, Marat Bukharbaev. Professional Communication in the Republic of Kazakhstan in Conditions of Diglossia and Bilingualism 1642

Elena Shelestyuk, Altyngul Suyunbayeva, Marat Bukharbaev. Professional Communication in the Republic of Kazakhstan in Conditions of Diglossia and Bilingualism 1642

Алексей Сорокин. Экономические отношения Советского Союза с Австрией и ФРГ: политические факторы и искусство дипломатии (1955–1964) 1657

Aleksey Sorokin. The Soviet Union’s Economic Relations with Austria and the Federal Republic of Germany: Political Factors and the Art of Diplomacy (1955–1964) 1657

Андрей Келлер. Поиск путей экономического сотрудничества Австрии и Советского Союза во время хрущевской оттепели . . 1674

Andrei Keller. Looking for Economic Cooperation between Austria and the Soviet Union during Khrushchev’s Thaw 1674

Валерий Юнгблуд. «Путь к Рубикону»: американо-советские контакты в области науки и технологий. . . 1691

Valery Yungblud. “The Way to the Rubicon”: American-Soviet Contacts in Science and Technology 1691

Компаративистика:
мировидение и исследования

Comparative Studies:
Worldview and Research

Лорина Репина, Вероника Высокова, Лариса Соболева. Идеи и ценности: Британия и Россия в эпоху перемен 1708

Lorina Repina, Veronika Vysokova, Larisa Soboleva. Ideas and Values: Britain and Russia in an Era of Transition 1708

Ксения Созинова. «Письма леди Рондо»: восприятие России англичанкой в эпоху Просвещения 1724

Kseniya Sozinova. Letters of Lady Rondeau: Russia as Seen by an Englishwoman in the Age of Enlightenment 1724

Георгий Шпак. Древнерусские хождения и российские травелоги Нового времени: темпоральные коррективы репрезентативных практик 1741

Georgy Shpak. Medieval Russian Journeys and Modern Russian Travelogues: Temporal Corrections of Representative Practices 1741

Региональность и культура памяти в исследовательском дискурсе историков и филологов

Regionality and the Culture of Memory in the Research Discourse of History and Philology

Светлана Цеменкова. Выпускники Морской академии на горных заводах Урала: служба и судьба . . 1753

Svetlana Tsemenkova. Naval Academy Graduates at Ural Mining Plants: Service and Destiny 1753

СОДЕРЖАНИЕ

Elena Glavatskaya, Elizaveta Zabolotnykh, Dmitry Bakharev, Aleksander Bobitsky. From Birth to Marriage: Sex Ratios in the Late Imperial and Early Soviet Urals 1770

Олег Зырянов. Аутентичный Д. Н. Мамин-Сибиряк: принципы издания и рецепция творческого наследия писателя 1788

Елена Ефремова, Олег Шабатовский. Творческая реализация Д. Н. Мамина-Сибиряка в эпистолярном наследии и библиотеке писателя 1803

Елена Власова. Создание литературной карты Урала в путевой очеркистике Д. Н. Мамина-Сибиряка 1821

Юлия Подлубнова. Уральская поэтическая школа: фантом или реальность .. 1836

Людмила Мазур, Наталья Граматчикова, Елена Пряжикова, Наталья Веселкова. Музеи малых городов России и культуры памяти 1852

Гуманитаристика в цифровом пространстве

Наталья Граматчикова, Татьяна Хоруженко. Фольклорный архив на бумаге и в Интернете: проблемы цифровизации 1868

Владимир Владимиров, Елена Брюханова, Наталья Неженцева. Информационная система «Историческая статистика Алтая» 1884

Conceptus et conceptio

Oksana Golovashina. Между официальными идеологемами и травматическим опытом в представлениях о Гражданской войне 1899

Controversiae et recensiones

Yuri Smirnov. The Chevalier d'Éon and His Contemporaries' Contribution to French Rossica: from Diplomatic Dispatches and Notes to *Anecdotes Secrètes* 1917

Ольга Ермакова. Нетипичная история эльзасца при петербургском дворе .. 1924

Katalin Schrek. Hungarian and International Russian Studies in a Modern Academic Journal: Overview and Trends 1936

Об авторах 1947

Сокращения 1956

CONTENTS

Elena Glavatskaya, Elizaveta Zabolotnykh, Dmitry Bakharev, Aleksander Bobitsky. From Birth to Marriage: Sex Ratios in the Late Imperial and Early Soviet Urals 1770

Oleg Zyryanov. The Authentic D. N. Mamin-Sibiryak: Publication Principles and the Reception of the Writer's Oeuvre 1788

Elena Efremova, Oleg Shabatovsky. D. N. Mamin-Sibiryak's Creative Realisation in His Epistolary Heritage and Library 1803

Elena Vlasova. Drawing a Literary Map of the Urals in the Travel Essays of D. N. Mamin-Sibiryak 1821

Yulia Podlubnova. The Ural Poetic School: Phantom or Reality 1836

Lyudmila Mazur, Natalya Gramatchikova, Elena Pryamnikova, Natalya Veselkova. Russian Town Museums and Cultures of Memory 1852

The Humanities in Digital Space

Natalya Gramatchikova, Tatiana Khoruzhenko. A Folklore Archive Offline and Online: Digitisation Problems 1868

Vladimir Vladimirov, Elena Bryukhanova, Natalya Nezhentseva. The Historical Statistics of the Altai Information System 1884

Oksana Golovashina. Between Official Ideologemes and Traumatic Experience: Perceptions of the Civil War 1899

Yuri Smirnov. The Chevalier d'Éon and His Contemporaries' Contribution to French Rossica: From Diplomatic Dispatches and Notes to *Anecdotes Secrètes* 1917

Olga Ermakova. An Untypical Story of an Alsatian at the St Petersburg Court . 1924

Katalin Schrek. Hungarian and International Russian Studies in a Modern Academic Journal: Overview and Trends 1936

On the authors 1947

Abbreviations 1956

Projects in the Humanities at Ural Federal University: An Invitation to Dialogue

The diversity of cultures, ways of communication, and mutual perceptions in the modern world are popular topics for reflection among researchers in the humanities. The search for tools to identify and understand the value of diversity in the social, economic, and mental space of different countries in various historical, cultural, and economic contexts inevitably opens up an academic dialogue about possible approaches and research vectors in the modern humanities. The purpose of such a dialogue is to exchange experience in studying acceptance and/or rejection, adaptation, and competition, both in the history of interactions between the imperial centre and the regions of Russia and in international cooperation with other countries. It was the desire to provoke such a dialogue that predetermined the intention of the editorial board of *Quaestio Rossica* to show the research of authors from Ural Federal University alongside thematically and methodologically similar scholarship from different regions of Russia, Hungary, and Kazakhstan.

The *Problema voluminis* section presents articles united by a common interest in the interaction and adaptation of historical actors in a broader cultural and anthropological context. Thus, *Konstantin Abdrakhmanov* (Orenburg, Russia) addresses one of the little-studied aspects of Russia's trade with Asian states in the nineteenth century – the individual qualities of Russian merchants, such as their moral, psychological, and physiological readiness and the intellectual abilities that allowed them to successfully conduct trade in an unusual, and often unfriendly, sociocultural environment. *Yulia Tsyryapkina* (Barnaul, Russia) presents the survival and development of a culturally “alien” space by revealing the contradictions in the imperial plans for integrating the territories of Turkestan annexed to Russia in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries. The analysis of materials from the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan demonstrates the factors that made it difficult to form group solidarity and cohesion between Russian Orthodox immigrants, both in terms of the national-territorial basis of their former places of residence and a number of socioeconomic criteria. In this context, the historical reconstruction of the complexity of a seemingly unified community seeks to overcome the oversimplification of the history of Russian colonization.

A slightly different yet fundamentally important view for understanding the optimal conditions for the coexistence of different cultural patterns in an individual's daily life is proposed by *Elena Shelestyuk* (Chelyabinsk, Russia), *Altyngul Suyunbayeva*, and *Marat Bukbarbaev* (Aktobe, Kazakhstan). The authors consider the socio-cultural aspects of bilingualism in vocational education as a necessary component of state development, as it is able to significantly intensify access to world-class information and promote Kazakhstan in knowledge-intensive areas.

Another array of articles is grouped around the problem of intercultural dialogue as a way to find compromise and achieve mutually acceptable goals. The researchers here identify the influence of political, administrative, ideological, and economic factors on the USSR's relations with Western Europe and the United States. *Aleksey Sorokin* (Omsk, Russia), considering relations between the USSR, Austria, and Germany in 1955–1964, convincingly shows the disproportionality of political factors in economic cooperation: in relations between the USSR and Austria, these had a positive impact, but at the same time hindered economic cooperation with Germany. *Andrei Keller* (Moscow, Yekaterinburg, Russia), proposing to consider the European continent as a complex space of multilevel cooperation between a wide range of subjects, focuses on the peculiarities of decision-making mechanisms in the economic relations between Austria and the USSR. The interest in identifying practices of interaction between societies that are different in their institutional, political, social, and cultural characteristics is shared by *Valery Yungblud* (Kirov, Russia), whose article explores a complex set of factors that led to the possibility of resuming scientific and technical ties between the ideologically opposed USA and USSR in the late 1960s and early 1970s. A retrospective analysis of this experience may be important for understanding and searching for solutions to current international problems.

The need for methods in understanding diversity, cooperation, and the rejection of similarity during different epochs and in various social structures paved the way for the popularity of *comparative studies* as a general method that allows us to determine not only political or economic, but also more complex similarities and differences in the worldviews of past peoples. United by the grant “The Idea of the ‘Common Good’ in the Intellectual Discourse of Britain and Russia (1650–1750)”, *Lorina Repina* (Moscow, Yekaterinburg, Russia), *Veronika Vysokova*, and *Larisa Soboleva* (Yekaterinburg, Russia) offer an exploration of the ideas and value systems of early modernity in Russia and Britain. The authors, rather than showing self-evident differences in the history of ideas in the two countries, attempt to explore essential convergences. A similar approach is also presented through the prism of the subjective perception of “other” cultures and ways of understanding in the work of *Kseniya Sozinova* (Yekaterinburg, Russia). Through an analysis of letters by Jane Vigor (Lady Rondeau) from 1728 to 1739, the author

presents a woman's view on Russian politics and the routines of the Russian imperial court. This allows one to see events in a new historical perspective – the consciousness of an English lady who tried to delve into the very essence of “another” life.

Georgy Shpak (Moscow, Yekaterinburg, Russia) looks at individual worldviews and their reflection in early modern Russian travelogues. Comparing the historical traditions of the earlier Russian *hozheniya* (travels) with early modern travelogues, the author observes the influence of past tropes on the descriptive strategies of the eighteenth century. This method offers a panoramic view on geographic movements that can be placed in the context of time: not only the speed of travel, but also the goals, objects of attention, and the emotionality of the descriptions change.

An equally important and expanding area at UrFU and in Perm is the study of the *regional* identity of the Russian periphery. The metaphorical idea that Russia is the sum of provinces, each with its own subjectivity (which means the success of the state depends on the qualities of each region), is discussed. A thorough approach is guaranteed by the substantial use of original sources. Using new archival data, *Svetlana Tsemenkova* (Yekaterinburg, Russia) presents a prosopographical analysis of the biographies and service strategies of graduates of the Maritime Academy who worked in the Urals mining administration between 1720 and 1750. This allows the researcher to show the main models of adaptation used by these graduates when encountering the peculiarities of life and service in the Urals, in particular their personal qualities and business acumen.

The work of *Elena Glavatskaya*, *Aleksander Bobitsky*, *Elizaveta Zabolotnykh*, and *Dmitry Bakharev* (Yekaterinburg, Russia) is a successful example of the use of demographic statistics methods to single out the specificity of the Ural region. As a result of a comparative analysis of the 1897 and 1926 general censuses, as well as the 1887, 1900, and 1912 household censuses of Yekaterinburg district, the study reveals the ratio of men to women in various age groups from birth to marriage, taking into account the correlation of infant mortality, religious affiliation, and professional activity over 50 years.

Understanding this region's cultural identity is impossible without a comprehensive examination of Urals-related tropes in literature, in particular in the works of Dmitry Mamin-Sibiriyak. His oeuvre, considered undervalued, has been of interest to many UrFU philologists in the past (see numerous works by K. V. Bogolyubov, I. A. Dergachev, G. K. Shchennikov, and others), and continues to provoke interest, reaching a new, wider field. This is evidenced by the review of *Oleg Zyryanov* (Yekaterinburg, Russia) on the publication of a 20-volume collection of the writer's works. A notable contribution to the study of Sibiriyak's creative heritage is an ongoing project to publish his letters, scattered throughout various archives in Russia: this is being conducted by Oleg Shabatovsky of the United Museum of Ural Writers.

New sources for exploring the personality and interests of this writer can be found in the review of the catalogue of the Mamin-Sibiriyak Library, which is nearing completion. This work was carried out by UrFU graduates who are currently employees of V. G. Belinsky Sverdlovsk Regional Research Library in Yekaterinburg and is presented by the project managers *Elena Efremova* and *Oleg Shabatovsky* (Yekaterinburg, Russia). A complete bibliographic description of the writer's library and electronic copies of his books have been prepared for online publication. *Elena Vlasova* (Perm, Russia), in her article about the literary map of the Urals (created on the basis of the writer's travels), opens new aspects in the study of Mamin-Sibiriyak's essays. Meanwhile, *Yulia Podlubnova* (Yekaterinburg, Russia) draws a modern picture of the poetic Urals. Based on the project of the poet and *literaturträger* V. O. Kalpidi (although often disagreeing with him), the author records the significant theoretical and practical shifts that have been occurring over recent decades in Urals literature.

The practices of commemoration and ways of transmitting historical memory at the regional level have become an independent field of research at UrFU. A team of authors present a project within this field: *Lyudmila Mazur*, *Natalya Gramatchikova*, *Elena Pryamikova*, and *Natalya Veselkova* (Yekaterinburg, Russia). Based on the materials collected as a result of 2021–2022 field expeditions to ten small Russian towns, the authors identified the characteristic features of museum expositions and the principles of their work. This made it possible to create a classification of types of “cultures of memory”, through which various approaches to the formation and preservation of the past are implemented.

Digital history is a relatively new yet promising area of research, designed not so much to show the possibilities of modern technologies as to contribute to the existing methods for working with big data in historical, literary, linguistic, and cultural studies. The *Humanities in the Digital Space* section offers an article by *Natalya Gramatchikova* and *Tatiana Khoruzhenko* (Yekaterinburg, Russia) concerning the difficulties of digitalising the large folklore archive at Ural University, as well as the goals and prospects of coordinating this work with other centres in the study of folklore. *Vladimir Vladimirov*, *Elena Bryukhanova*, and *Natalya Nezhentzeva* (Barnaul, Russia) introduce the reader to the development strategy of the big data information system “Historical Statistics of the Altai”.

The *Conceptus et conceptio* section, conceived as a space to discuss controversial issues, is also connected with the research of Ural scholars. *Oksana Golovashina* (Yekaterinburg, Russia) explores the methods, development, and functioning of the ideas and tropes of the Russian Civil War. Recognizing the possible changeability of descriptions of the past as a result of the emergence of new interpretations and mythologies, the author focuses on the correlation of the official narrative about the Civil War and its comprehension as a traumatic experience in the literary works and films of the 1920s and 30s.

The inner logic of this issue, focused on the diversity of interrelationships in socio-economic, social, and cultural spaces, is continued in the *Controversiae et recensione*s section. It presents two reviews (by Yuri Smirnov (Samara, Russia) and Olga Ermakova (Yekaterinburg, Russia)) on the books *An Unknown French Work of the Mid-18th Century: "Secret Anecdotes about the Court of the Empress of All-Russia"* (St Petersburg, 2019) by S. A. Mezin and *Louis Henri de Nicolay, un intellectuel stasbourgeois dans la Russie des Lumières* (Strasbourg, 2020) by Rodolphe Baudin and Alexandra Veselova. Each reflects individual and intellectual interrelations of Russia and France or Russia and Alsace, respectively. This section concludes with a review by Katalin Schrek (Debrecen, Hungary) of the works of European scholars in Russian studies published in the *Russian Studies Hu* journal, drawing a comprehensive picture of the main trends of research over the previous 20 years.

Dmitry Timofeev

*Institute of History and Archaeology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia*

Многообразие культур, способов коммуникации и взаимовосприятия в современном мире является одной из востребованных тем для осмысления исследователями гуманитарного профиля. Поиск инструментов выявления и способов понимания самоценности разнообразия в социальном, экономическом и ментальном пространстве различных стран в историко-культурном и экономическом контексте неизбежно открывает перспективу научного диалога о подходах и исследовательских векторах развития современной гуманитаристики. Цель такого диалога – обмен опытом изучения процессов принятия и/или отторжения, адаптации и конкуренции, которые прослеживаются как в истории взаимодействия имперского центра и регионов России, так и в сфере международного сотрудничества с другими странами. Именно стремление пригласить к такому диалогу предопределило намерение редакции журнала показать вектор и исследовательские перспективы авторов из Уральского федерального университета на фоне близких по тематике и подходам ученых из разных регионов России, Венгрии и Казахстана.

В рубрике *Problema voluminis* представлены статьи, объединенные общим интересом исследователей к проблеме исторического опыта взаимодействия и адаптации акторов исторического процесса в широком культурно-антропологическом контексте. С этих позиций Константин Абдрахманов (Оренбург, Россия) обращается к одному из малоизученных аспектов торговли России с государствами Азии в XIX в. – характеристике индивидуальных качеств российских тор-

говцев, их морально-психологической, физиологической готовности и интеллектуальным способностям, которые позволяли им успешно проводить торговые операции в непривычной, а порой и недружественной социокультурной среде. Сложный процесс выживания и освоения культурно «чужого» пространства представлен в статье *Юлии Цыряпкиной* (Барнаул, Россия), раскрывающей противоречия между имперскими планами интеграции присоединенных к России территорий Туркестана во второй половине XIX – начале XX в. Проведенный ею анализ материалов Центрального государственного архива Республики Узбекистан показал факторы, затруднявшие формирование групповой солидарности и сплоченности русских православных переселенцев как по национально-территориальному признаку прежнего места жительства, так и по ряду социально-экономических критериев. В данном контексте историческая реконструкция, казалось бы, единой для внешнего окружения общности позволяет избежать упрощения представлений об истории российской колонизации.

Несколько иной, но принципиально важный для понимания оптимальных условий сосуществования разных культурных образцов в повседневной жизни индивида взгляд предложен в статье *Елены Шелестюк* (Челябинск, Россия), *Алтыnguль Суюнбаевой* и *Марата Бухарбаева* (Актобе, Казахстан). Авторы рассматривают социокультурные аспекты феномена билингвизма в профессиональном образовании как необходимый компонент государственного развития, который способен существенно интенсифицировать обращение к информации мирового плана и способствовать продвижению Казахстана в наукоемких сферах.

Наряду с социально-антропологической перспективой исследования проблема межкультурного диалога как способа поиска компромиссов и достижения взаимоприемлемых целей нашла свое отражение в статьях, посвященных выявлению политико-административных, идеологических и экономических факторов, повлиявших на отношения СССР со странами Западной Европы и США. *Алексей Сорокин* (Омск, Россия), рассматривая взаимоотношения СССР, Австрии и ФРГ в 1955–1964 гг., убедительно обосновывает несоразмерность воздействия политического фактора на характер и результаты экономического сотрудничества: в отношениях между СССР и Австрией он оказывал позитивное влияние, а между СССР и ФРГ – существенно затруднял взаимодействия. *Андрей Келлер* (Москва, Екатеринбург, Россия), предлагая рассматривать Европейский континент как сложное пространство многоуровневого сотрудничества между широким кругом субъектов, акцентировал внимание на особенностях функционирования механизмов принятия решений в сфере экономических взаимоотношений Австрии и СССР. Общую направленность авторов на выявление практик взаимодействия различных по своим институционально-политическим, социальным и культурным характеристикам обществ подтверждает и статья *Валерия Юнгблуда* (Киров, Россия), в которой

раскрывается сложный комплекс факторов, обусловивших возможность возобновления научно-технических связей между идеологически противоборствовавшими друг другу США и СССР в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Представляется, что ретроспективный анализ такого опыта может быть важным для осмысления и поиска вариантов решения актуальных международных проблем.

Еще один аспект вопроса о методах и перспективах осмысления многообразия, сопряжения и отталкивания подобия, свойственного различным эпохам и социальным структурам, предопределил обращение к *компаративистике* как общей методологической установке, позволяющей определить не только политические или экономические, но и более сложные для внешнего наблюдателя сходства и отличия в способах мировосприятия людей прошлого. Выявлению внутренней переклички в развитии идей и процессу формирования системы ценностей Нового времени в России и Британии посвящена статья авторов, объединенных в гранте «Идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)», *Лорины Репиной* (Москва, Екатеринбург, Россия), *Вероники Высоковой*, *Ларисы Соболевой* (Екатеринбург, Россия), которые стремятся увидеть не столько самоочевидные различия в истории интеллектуального поиска в культуре разных стран, сколько сущностные сближения не заимствованного, а историко-типологического характера. Данный подход представлен также через призму субъективного восприятия «другой» культуры и способов понимания вненациональной человеческой натуры в работе *Ксении Созиновой* (Екатеринбург, Россия). Через анализ писем из России Джейн Вигор (леди Рондо), созданных в период с 1728 по 1739 г., ею представлен женский взгляд на российскую политику и жизненный уклад российского имперского двора, что позволяет увидеть события в новом ракурсе – через призму сознания английской леди, старавшейся вникнуть в самую суть иной жизни.

Своеобразным продолжением приложения сравнительного метода применительно к мировосприятию индивида и особенностям его отражения в текстах русских травелогов Нового времени является работа *Георгия Шпака* (Москва, Екатеринбург, Россия). Сопоставляя исторические традиции жанра путешествий, сформированные в форме «хожений», автор сравнивает их с травелогамы Нового времени и констатирует влияние образов прошлого на изменения в описательных стратегиях путешественников XVIII в. Этот прием дал возможность панорамного взгляда на включение географических перемещений в контекст времени, который меняет не только скорость, но и цели, выбор объектов внимания, характер описания.

Не менее важное и постоянно расширяющееся направление научных проектов как ученых из УрФУ, так и коллег из Перми – исследование региональной идентичности российской провинции. Метафорическая идея о том, что Россия – это сумма провинций и ее слагаемые обладают субъектностью, а следовательно, успех государственного обустройства

зависит от качеств каждого региона, представлена работами коллег исторических и филологических специализаций. Их основательность определяется существенными изысканиями источниковедческого характера. В статье *Светланы Цеменковой* (Екатеринбург, Россия) на основании новых архивных данных представлен просопографический анализ биографий и служебных стратегий выпускников Морской академии, работавших в системе горнозаводской администрации Урала в 1720–1750 гг. Такой подход позволил показать основные модели адаптации выпускников академии к особенностям быта и службы на Урале в тесной взаимосвязи с их личностными и деловыми качествами.

Еще одним примером применения методов демографической статистики для выявления особенностей Уральского региона в общероссийском контексте является работа *Елены Главацкой, Александра Бобицкого, Елизаветы Заболотных, Дмитрия Бахарева* (Екатеринбург, Россия). В результате сравнительного анализа материалов всеобщих переписей 1897 и 1926 гг., а также подворных переписей Екатеринбургского уезда Пермской губернии 1887, 1900 и 1912 гг. ими выявлено соотношение мужского и женского населения в различных возрастных группах от рождения до вступления в брак с учетом корреляции факторов младенческой смертности, религиозной принадлежности и профессиональной деятельности на протяжении 50 лет.

Осмысление культурного своеобразия региона невозможно без всестороннего рассмотрения содержания образов Урала в литературе, в частности, в произведениях Дмитрия Мамина-Сибиряка. Его творчество, не оцененное в должной мере, было важной темой исследования филологов УрФУ в прошлом (см. многочисленные работы К. В. Боголюбова, И. А. Дергачева, Г. К. Щенникова и др.) и остается таковым в настоящее время, выходя на новый масштабный уровень. Об этом свидетельствует обзор *Олега Зырянова* (Екатеринбург, Россия), посвященный изданию 20-томного собрания сочинений писателя. Заметным вкладом в изучение его творческого наследия стал проект издания писем, разбросанных по разным архивохранилищам страны, подготовкой которого занимается сотрудник Объединенного музея писателей Урала Олег Шабатовский.

Тема открытия новых источников познания личности и интересов уральского писателя продолжена в обзоре приближающегося к завершению описания библиотеки Мамина-Сибиряка. Эта работа была осуществлена выпускниками УрФУ, сотрудниками Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского и презентована в изложении руководителя проекта *Елены Ефремовой* и *Олега Шабатовского* (Екатеринбург, Россия). Полное библиографическое описание библиотеки и электронные копии книг подготовлены к публикации в интернет-пространстве. Новые повороты в исследовании очеркистики писателя представлены в статье *Елены Власовой* (Пермь, Россия) о литературной карте Урала, создаваемой на основании путешествий писателя. Одновременно с ретроспективным ра-

курсом в работах уральских исследователей в статье *Юлии Подлубновой* (Екатеринбург, Россия) обозначена характеристика современной картины поэтического Урала. Опираясь на проект поэта и литературтрегера В. О. Кальпиди и дискутируя с его автором, автор фиксирует существенные теоретические и практические сдвиги, произошедшие в последние десятилетия на литературной карте Урала.

Сформировавшимся в самостоятельное проблемно-тематическое поле гуманитарных исследований в УрФУ стало изучение практик коммеморации и способов трансляции исторической памяти на региональном уровне. Один из проектов в рамках данного направления – исследование *Людмилы Мазур, Натальи Граматчиковой, Елены Прямиковой, Натальи Веселковой* (Екатеринбург, Россия). На основании материалов, собранных в результате полевых экспедиций 2021–2022 гг. в десяти российских малых городах, авторы выявили характерные особенности формирования экспозиций и принципов их работы, что позволило создать классификацию видов музейной культуры, посредством которых реализуются различные подходы к формированию и сохранению образов прошлого.

Относительно новым, но перспективным направлением исследований, которое призвано не только показать возможности использования современных технологий, но и способствовать выработке методик работы с большими массивами данных в исторических, литературоведческих, лингвистических и культурологических исследованиях, стала разработка проблемного поля *Digital history*. В разделе *Гуманитаристика в цифровом пространстве* опубликована статья *Натальи Граматчиковой и Татьяны Хоруженко* (Екатеринбург, Россия) о сложностях цифровизации большого фольклорного архива Уральского университета, о целях и перспективах координации этой работы с другими центрами изучения фольклора. С опытом разработки информационной системы «Историческая статистика Алтая» читателя знакомят *Владимир Владимиров, Елена Брюханова, Наталья Неженцева* (Барнаул, Россия).

Содержательное наполнение рубрики *Conceptus et conceptio*, задуманной как место обсуждения дискуссионных вопросов, также связано с исследованиями ученых из Уральского университета. В статье *Оксаны Головашиной* (Екатеринбург, Россия) к обсуждению предложен вопрос о способах, содержании и результатах сложного процесса формирования в обществе представлений о сущности Гражданской войны в России. Признавая изменчивость образов прошлого в результате появления новых трактовок и мифологем, автор акцентирует внимание на соотношении официального нарратива о Гражданской войне и отражении процесса ее осмысления как травматического опыта в литературных произведениях и кинофильмах 1920–1930-х гг.

Общую логику настоящего номера, посвященного теме многообразия форм взаимосвязей различных по своему масштабу субъектов в социально-экономическом, социальном и культурном пространстве, продолжают публикации в рубрике *Controversiae et recensione*.

В ней представлены две рецензии (*Юрия Смирнова* (Самара, Россия) и *Ольги Ермаковой* (Екатеринбург, Россия)) на книги «Неизвестное произведение французской россики середины XVIII века “Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской”» (СПб., 2019) С. А. Мезина и *Louis Henri de Nicolay, un intellectuel strasbourgeois dans la Russie des Lumières* (Strasbourg, 2020), каждая из которых отражает индивидуальные и интеллектуальные взаимосвязи России и Франции, России и Эльзаса. Завершает данную рубрику представленный *Каталин Шрек* (Дебрецен, Венгрия) обзор исследований по исторической русистике европейских ученых, опубликованных в разные годы на страницах журнала *Russian Studies Hu*, что позволило автору составить комплексную картину основных трендов современных исследований в области русистики за предшествующие 20 лет.

Дмитрий Тимофеев

*Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия*

Problema voluminis

INTERNATIONAL CONTACTS: OBJECTIVES AND AREAS OF INTERACTION

COMPARATIVE STUDIES: WORLDVIEW AND RESEARCH

REGIONALITY AND THE CULTURE OF MEMORY IN THE RESEARCH DISCOURSE
OF HISTORY AND PHILOLOGY

THE HUMANITIES IN DIGITAL SPACE

Problema voluminis

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНТАКТЫ: ЦЕЛИ И ВЕКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

КОМПАРАТИВИСТИКА: МИРОВИДЕНИЕ И ИССЛЕДОВАНИЯ

РЕГИОНАЛЬНОСТЬ И КУЛЬТУРА ПАМЯТИ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ
ДИСКУРСЕ ИСТОРИКОВ И ФИЛОЛОГОВ

ГУМАНИТАРИСТИКА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

INTERNATIONAL CONTACTS: OBJECTIVES AND AREAS OF INTERACTION

DOI 10.15826/qr.2022.5.750

УДК 94(470)"18" + 339.92 + 339.1 + 94(5)"18" + 159.922.4:930 + 316.728

Купечество Российской империи в торговле со Средней Азией: культурно-антропологический аспект*

Константин Абдрахманов

Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия

Merchants of the Russian Empire Trading with Central Asia: Cultural-Anthropological Aspects

Konstantin Abdrakhmanov

Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russia

This article examines the personal qualities of Russian merchants who traded with Asian states in the nineteenth century. The author analyses the mental characteristics of entrepreneurs in demand in international trade and the correspondence of merchants' behaviour to business conditions. The research methodology relies on the anthropological approach, which makes it possible to examine entrepreneurs' personality traits and physical characteristics as the main elements of business success. The innovative character of the study lies in the fact that for the first time, the author considers the foreign trade activity of merchants in the Asian direction from the perspective of the moral, psychological, intellectual, and physical readiness of individuals to master the labour-intensive sphere of commerce. The lack of specialised works that detail the mental properties, specific skills, and knowledge intended to help merchants

* *Citation:* Abdrakhmanov, K. (2022). Merchants of the Russian Empire Trading with Central Asia: Cultural-Anthropological Aspects. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1607–1624. DOI 10.15826/qr.2022.5.750.

Цитирование: Abdrakhmanov K. Merchants of the Russian Empire Trading with Central Asia: Cultural-Anthropological Aspects // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1607–1624. DOI 10.15826/qr.2022.5.750 / Абдрахманов К. Купечество Российской империи в торговле со Средней Азией: культурно-антропологический аспект // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1607–1624. DOI 10.15826/qr.2022.5.750.

to solve business problems in the external arena makes the article relevant and innovative. Researchers have not considered the health and physical potential of entrepreneurs previously. The new sources introduced into scholarly circulation will help fill the research gaps and harmoniously supplement the existing historiographic block. In addition, the search for the most effective mechanisms to adapt to the rapidly changing realities of the modern market has made works reflecting the historical experience of developing labour-intensive areas of entrepreneurship relevant. This work refers to materials from the State Archives of Orenburg Region (GAOO) available in the fund of the Office of the Military Governor. Also, the author examines published sources of personal origin produced by direct participants and contemporaries of the events. The negative factors that turned foreign trade business operations into an extremely risky venture included robbery, severe natural and climatic conditions, the inconvenience of long journeys in a caravan, the need to temporarily get by without familiar food, and discrimination against Russian Christian merchants by Asian officials. Doing business in extreme conditions radically influenced the mentality of merchants. The desire to compensate for losses or gain excess profit sometimes pushed merchants to violate the law. At the same time, these same businesspeople had a high level of intelligence, courage, and unshakable willpower, which made them take on a seemingly hopeless business with renewed vigour. The high-level communication abilities of merchants, a combination of their skills, knowledge, and physical characteristics made them ideal actors for the Russian advancement into Asian markets in the nineteenth century.

Keywords: 19th-century Russian Empire, trade with Asia, merchants, mentality, character

Исследуются личные качества российских купцов, торговавших с государствами Азии в XIX в. Анализируются ментальные особенности, умения и навыки предпринимателей, востребованных в сфере внешней торговли, соответствие поведения купцов условиям ведения бизнеса. Методология исследования выстроена в аспекте антропологического подхода, что позволяет рассмотреть черты характера и физические данные предпринимателей как ключевые элементы успеха деловых операций. Впервые внешне-торговая деятельность купцов на азиатском направлении рассматривается с позиций их морально-психологической, интеллектуальной и физической готовности к освоению трудоемкой сферы коммерции. Актуальность статьи связана с отсутствием узконаправленных работ, детально освещающих поставленную проблему. Вопрос о возможностях здоровья и физическом потенциале предпринимателей исследователями практически не поднимался. Введение в научный оборот новых источников ГАОО, представленных в фонде «Канцелярия военного губернатора», позволит заполнить пробелы в исследованиях и гармонично дополнить существующий историографический блок. Поиск наиболее эффективных механизмов адаптации коммерсантов к быстро изменяющимся реалиям современного рынка обусловил актуальность работ, отражающих исторический опыт освоения бизнесом трудоемких направлений предпринимательства. Развивав-

шие в XIX в. торговлю с государствами Азии предприниматели регулярно сталкивались с большим количеством трудностей, негативно влиявших на финансовые показатели их деятельности, психическое и физическое здоровье. К негативным факторам, помимо грабежей караванов, относились суровые природно-климатические условия, неудобство длительного передвижения в караване, необходимость отказа от привычной пищи, дискриминация российских купцов-христиан со стороны азиатских чиновников. Ведение дел в экстремальных условиях коренным образом меняло купеческую ментальность. Стремление компенсировать потери или получить сверхприбыль порой толкало купцов на нарушение закона. Вместе с тем эти же коммерсанты выделялись высоким уровнем интеллекта, обладали мужеством и непоколебимой волей, заставлявшей их с новыми силами браться за, казалось бы, безнадежное дело. Высокие коммуникативные навыки, совокупность умений, знаний, физических свойств делали купцов-экспортеров идеальными акторами продвижения России на азиатские рынки.

Ключевые слова: Российская империя в XIX в., торговля с Азией, купечество, менталитет, характер

Антропологический поворот в истории, ориентированный на изучение ментальности и повседневности, актуализировал попытки углубленного рассмотрения специфики трудовой деятельности человека.

В купеческой сословной среде, особенно в семьях, где коммерция оставалась главным источником доходов на протяжении жизни нескольких поколений, непрерывно шло формирование комплекса психологических черт, знаний и навыков, повлиявшего на эффективность ведения бизнеса. У коммерсантов, проводивших деловые операции на азиатском направлении, отдельные качества получили максимальное выражение по сравнению с купечеством, занятым на внутреннем рынке. Понимание процессов взаимодействия и обоюдного влияния кочевой культуры народа казахской степи, феодального общества ханств Средней Азии и прогрессивной российской цивилизации обеспечило обращение к новейшему концепту «имперская политика аккультурации» [Имперская политика аккультурации; Васильев, Любичанковский, 2018а; Любичанковский, Аканов].

Интерес исследователей к истории российского предпринимательства привел к появлению в постсоветское время большого массива работ по данной тематике. Особенности характера дальневосточного пореформенного купечества рассмотрены в статье О. А. Устюговой [Устюгова]. И. В. Маслова произвела анализ менталитета провинциальных предпринимателей второй половины XIX – начала XX в. сквозь призму конфликтологии [Маслова]. Исследование М. В. Мальцевой демонстрирует необходимый в бизнесе набор навыков и их применение на примере деятельности семьи коммерсантов из Великого Устюга дореформенной эпохи [Мальцева].

Несмотря на активность ученых, работающих в данной области, в современной историографии недостаточно раскрыты вопросы ментальности, наличия особых навыков и умений и физического состояния купцов, торговавших с ханствами Средней Азии. Фрагментарно эти аспекты были затронуты в работах Е. В. Бурлуцкой [Бурлуцкая; Бурлуцкая, Абдрахманов] и К. А. Абдрахманова [Абдрахманов].

Цикл работ, освещающих вопросы бытовой аккультурации Российской империей соседних тюркских народов, воссоздает пространство населенных пунктов Азиатского региона, где в XIX в. осуществлялся деловой обмен между российскими купцами, кочевниками казахской степи и оседлым населением городов Средней Азии [Васильев, Любичанковский, 2018b, с. 152-153; Васильев, Любичанковский, 2018c]. Исследователи отмечали, что взгляду посетивших города Средней Азии жителей России открывались «иные улицы, иные жилища, иной ритм жизни, иные постоянные дворы и трактиры, иные городские рынки, иная одежда, иная музыка, иные семейные (и вообще социальные) отношения» [Васильев, Любичанковский, 2018c, с. 17]. Имея представление о размерах населенных пунктов, качестве жилых построек, количестве жителей, наличии торговой инфраструктуры и характеристике мест отдыха и питания приезжих, можно понять условия труда российских купцов, занятых внешнеторговой деятельностью на азиатском направлении.

К субъектам, реализовывавшим функции предпринимателей во внешней торговле с ханствами Азии в XIX в., относились не только выходцы из гильдейского купечества, официально включенные в гильдейские списки, но и их приказчики, и представители управленческого персонала.

Особенности менталитета

К факторам, определяющим формирование купеческого менталитета, О. А. Устюгова относит уровень развития экономики отдельного региона, источники происхождения и пополнения сословия, численность и национальный состав торгового класса [Устюгова, с. 57]. Выделенные ею объективные условия связаны с глобальными критериями, а в локальной плоскости на особенности характера деловых людей влияла коммерческая занятость со свойственной ей организационной спецификой.

На образ мыслей предпринимателей, связавших свой бизнес с внешней торговлей на азиатском направлении, в большей степени влияли тяжелые условия реализации деловых предприятий, обусловленные длительными переходами по безводной местности, природно-климатическими условиями казахской степи и Средней Азии, а также постоянный риск подвергнуться налету кочевников, тогда как религиозная и этническая принадлежность, уровень грамотности, финансовые возможности, место жительства и проч. были второстепенными факторами в процессе формирования ментальности купцов-экспортеров.

В дореформенный период потери товаров и средств купцами, отправлявшими свои товары в города Средней Азии и обратно в составе торговых караванов, происходили регулярно. Основной причиной неудач являлись нападения банд степняков.

По инициативе оренбургского губернатора И. И. Неплюева в 1753 г. самарский купец Д. Рукавкин был отправлен с караваном в Хиву. В составленных предпринимателем заметках указано, что весь проделанный до столицы ханства путь Рукавкин и его компаньоны находились «во всегдашнем ожидании разграбления каравана и побития» [Руссов, с. 26]. Ситуация, когда любой из вышедших в степь караванов мог быть разграблен кочевниками, сохранялась вплоть до середины 60-х гг. XIX в. С началом активной фазы присоединения азиатских земель к Российской империи в 1865 г. налеты на караваны хоть и перестали быть массовым явлением, но отдельные эпизоды с захватом купцов и товаров фиксировались и в более позднее время [Терентьев, т. 2, с. 63].

Осуществлявшие деятельность в столь экстремальных условиях коммерсанты для защиты своей жизни и деловых интересов шли на любые меры, не сверяясь с моральной стороной поступка. Участникам торговли со Средней Азией было свойственно ставить свой интерес выше коллективных задач. В 1803 г. отправившееся из Оренбурга в Бухару посольство поручика Якова Гавердовского подверглось нападению казахов из Чиклинского рода. Вместе с отрядом российского посланника выдвинулся купеческий караван, организованный предпринимателями из разных городов России [Водопьянов, с. 66]. Среди коммерсантов, отправивших свое имущество с официальным представителем империи, были купцы первой гильдии Савва Кайдалов из Ростова, Абдулла Утямышев из Малмыжа, Муса Мунасыпов и Назир Баязитов из Казани [Там же]. Отбив очередную атаку разбойников на свои позиции, глава дипломатической миссии обнаружил, что в отряде не хватает некоторых купцов и их приказчиков. Выяснилось, что,

...будучи одеты по-киргизски, они еще в начале нападения чиклинцев скрылись, руководимые верными киргизами, причем успели захватить на двух верблюдах легкие товары, главным образом в червонцах и корольках [Там же, с. 70].

Очевидно, что для купцов, занятых в караванной торговле, выполнение делового замысла являлось приоритетной задачей при любых обстоятельствах. Стремясь сохранить жизнь и продолжить торговое предприятие, они проигнорировали возможность отбиться от нападавших общими силами, предоставив остальным участникам посольства, в том числе коллегам по цеху, решать вопрос выживания и сохранения имущества в индивидуальном порядке. Но, несмотря ни на что, все же стоит отдать должное самообладанию купцов.

Их поведение говорит о том, что даже в чрезвычайных условиях здравый смысл преобладал над жадностью, убеждая купцов отказаться от спасения тяжелых грузов в ущерб скрытности и скорости передвижения. Знающие цену каждой копейке предприниматели прекрасно понимали важность компромисса в ситуации, когда лучше пожертвовать частью имущества, чем потерять все, включая жизнь.

В некоторых случаях эгоизм и стремление восполнить понесенный ущерб толкали коммерсантов на недалновидные поступки, последствия которых грозили парализовать всю российско-азиатскую торговлю. Так, в 1813 г. купец третьей гильдии из г. Арска Казанской губернии А. Галиев обвинил в ограблении своего каравана восьмерых казахов-возчиков и при содействии начальства Орской крепости поместил их под арест. Находившиеся в это время в крепости бухарские предприниматели оповестили оренбургскую пограничную таможню о возможных негативных последствиях действий арского купца для движения караванов через казахскую степь. К тому же, со слов представителей Бухарского эмирата, захваченные Галиевым возчики не имели никакого отношения к налетчикам, ограбившим предпринимателя. Бухарские подданные опасались, что «по сему задержанию невинных киргизцев не могло последовать остановки идущему ныне к пределам России в немалом количестве каравану или самого ограбления» [ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 824. Л. 41].

Кроме таких отрицательных черт как эгоизм, склонность к обману, жажда обогащения, менталитет купцов, занятых во внешней торговле, содержал позитивные элементы – упорство в достижении цели, умение идти на риск и храбрость. По словам И. В. Масловой, «азарт и риск в организации коммерческих сделок являлись одной из черт менталитета купеческого сословия» [Маслова, с. 29]. В характере коммерсантов, отправлявших грузы в азиатские ханства, умение рисковать достигло своего апогея. Реализуя торговое предприятие в ханствах Средней Азии, предприниматели могли не только потерять имущество, но и расстаться с жизнью или лишиться свободы. Генерал-лейтенант М. А. Терентьев писал об угрозе для российских подданных, приезжавших по торговым делам в Бухару, Хиву и Коканд, и отмечал, что «наши купцы не смели показываться в ханствах, не подвергаясь, особенно в Хиве, опасности попасть в вечное рабство» [Терентьев, т. 1, с. 106]. Самарский купец Д. Рукавкин, проезжая через казахскую степь, отметил, что там «не только караваны нападению, а товары – разграблению, но и купцы нередко убийству подвержены бывают» [Руссов, с. 33].

Вызывает уважение непоколебимое желание предпринимателей добиться благополучного исхода дела, невзирая на все известные трудности. Коммерсантов, осваивавших сектор внешней торговли, не останавливала даже череда неудач, связанных с разбойными нападениями кочевников. Например, казанский купец М. Мунасыпов при нападении на караван в 1806 г. потерял имущества на сумму

12700 руб. [ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2067. Л. 3]. Следующее несчастье настигло купца в 1812 г., когда «ограблено было за рекою Тоболом общего с братом моим товару на 59331 р.» [Там же]. Предприниматель не покинул эту сферу коммерции и в 1816 г., когда снова попытался реализовать предприятие.

Наряду с деловым упрямством и склонностью к риску храбрость являлась неотъемлемой чертой купеческого менталитета. Работавший приказчиком у многих предпринимателей и лично сопровождающий караваны в Среднюю Азию Н. Уралов вспоминал об этой важной черте своего характера:

Бывало, верхом на лошади, с дрянным револьверишком, годным только для вколачивания гвоздей, рыскал я по горам и ущельям, - и не страшны были встречи ни с двуногими хищниками-барантачами, способными за медный чайник выпустить своим кривым ножом кишки, ни с четвероногими... [Уралов, с. 4].

Во время нападения казахов на отряд поручика Я. П. Гавердовского в 1803 г. один из бухарских купцов «оказал при сшибке с киргизцами великую храбрость и чрез то изобрел себе хорошую славу...» [ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 24А. Л. 7 об.].

Специальные знания и навыки

Сложность организации и проведения деловых операций с ханствами Средней Азии, особенно в дореформенное время, влияла на развитие у купцов специфических интеллектуально-физических способностей. Особый набор знаний и навыков должен был обеспечить купцам успех коммерческой деятельности и сохранить жизнь в случае неблагоприятного развития событий. Историк Е. В. Бурлуцкая также пришла к выводу, что «внешнеторговая деятельность вынуждала предпринимателей интеллектуально самосовершенствоваться, набираться на практике необходимых знаний и навыков, что превращало их в итоге в настоящую элиту сословия» [Бурлуцкая, с. 60]. Доверяя исследователю, согласимся, что основная масса российского делового сообщества не обладала рядом узкоспециализированных умений и навыков, присущих исключительно торговавшим с Азией купцам-экспортерам.

Для предпринимателей, лично сопровождавших свои караваны, был необходим навык владения огнестрельным оружием. Выдвигавшиеся в степные пределы торговые миссии обладали, как правило, солидным арсеналом. В караване купцов А. Кайдалова и С. Бабанова, сформированном в 1805 г., было пять ружей и четыре пистолета [ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 242А. Л. 1]. При применении стрелкового оружия купцы и их приказчики должны были рассчитывать прежде всего на собственный опыт, так как сопровождавшие караван возчики-казахи привыкли использовать архаичные пики, сабли и лук

со стрелами. Даже виртуозное владение примитивным оружием было бесполезным при отражении атаки превосходящих сил противника, а «переквалификация» на месте из лучника в стрелка была затруднительной в силу отсутствия азав огневой подготовки у представителей кочевого народа.

В июне 1851 г. оренбургский купец второй гильдии Михаил Мякинчиков находился в степи между Оренбургом и Уральским укреплением. Сопровождали предпринимателя трое наемных работников из казахов, и, по словам самого коммерсанта, «все мы четверо были в оружии» [ГАОО. Ф. 6. Оп. 10 д. 6520. Л. 2]. На небольшой отряд напали «хищные киргизы в числе 8-ми человек, имея при себе вооружения пики и сабли, которые по нравственности своей бросились к отражению моего имущества» [Там же]. Дать отпор нападавшим, применив современное оружие, сумел только сам Мякинчиков, который, «защищая себя огнестрельным оружием», смог ранить двоих разбойников. Однако предотвратить похищение товаров купцу не удалось, так как «работники мои по неопытности своей пришли в совершенную робость» [Там же. Л. 2 об.].

Конечно, наличие ружей не гарантировало успеха в отражении грабительского налета, но в большинстве случаев позволяло защитить себя от хищных животных. В конце XIX в. Российская империя начала активно осваивать земли Средней Азии, осуществляла прокладку железных дорог, строила мосты, ирригационные системы, разрабатывала залежи полезных ископаемых. Это привело к сокращению местной фауны, а использование железнодорожного транспорта избавило предпринимателей от необходимости перевозить товары на волах, лошадях и верблюдах. Но до конца 80-х гг. XIX в. альтернативы вьючным животным не существовало, и отправившиеся в путь караванчики постоянно рисковали наткнуться на крупных хищников. Например, приказчик Н. Уралов писал о высокой вероятности встречи с «клыкастыми кабанями-секачами (*Susscrofa*) и хитрыми барсами (*Felisirbis*)» [Уралов, с. 4].

Владение огнестрельным оружием могло спасти людям жизнь в условиях истощения съестных припасов. Охота на дичь и других представителей местной фауны могла обеспечить путников достаточным количеством мяса. Чтобы есть в пути мясо диких животных, человек должен был быть опытным охотником и бережно расходовать драгоценный запас ружейных зарядов. Зоолог А. М. Никольский, прибывший в Среднюю Азию в 1886 г., устав питаться сухарями, решил сменить их на свежее мясо. Сцены охоты нашли отражение в заметках самого ученого: «В течение трех дней я побеспокоил только одного зайца, да и в того промахнулся» [Никольский, с. 149]. Географ шведского происхождения Свен Гедин, путешествовавший по Азии в середине 90-х гг. XIX в., сознался: «я вовсе не охотник... близорук, что представляет большое неудобство: дичь успевает скрыться прежде, чем я успею ловить тень ея» [Гедин, с. 117-118]. Ученый и путеше-

ственник Н. А. Северцов, наоборот, был хорошим охотником и даже пытался отбиться от разбойников, используя огнестрельное оружие. Схватка русского исследователя с бандой из представителей Кокандского ханства выглядела следующим образом: «Решившись дорого продать свою жизнь, Северцов выстрелил, и коканец упал с простреленной головой поперек дороги, а лошадь его ускакала (сохранена орфография оригинала. – К. А.)» [Лялина, с. 38].

Для конструктивного взаимодействия с наемным персоналом – приказчиками, вожатыми караванов, возчиками и охранниками – предприниматели должны были обладать хорошими коммуникативными навыками. Отношение нанимателя к своим работникам напрямую влияло на качество их работы, стимулировало их к добросовестному выполнению обязанностей или, наоборот, толкало на обман хозяина дела. Если сотрудничество купца и приказчика выстраивалось на паритетной основе, то наниматель всегда мог рассчитывать на честность работника и его заинтересованность в успехе деловых акций.

Бывает, что ростовский крестьянин не один раз в год напишет своему хозяину письмо из Бухары в Шую о ценности разных товаров на таких-то и таких-то рынках и о политических происшествиях, о которых ему случится разузнать от своих благоприятелей, а московский или оренбургский купец не оставит с нижегородской ярмарки отписать в Кокан своему приказчику о разных новостях...

– рисовал картину эффективной работы звена «купец – приказчик» П. И. Небольсин [Небольсин, с. 20-21]. Материальное поощрение со стороны купца могло убедить приказчика рисковать жизнью ради товаров хозяина, что неоднократно доказывал оренбургский мещанин Н. Н. Шмелев [Рожкова, с. 217].

Кроме своих ключевых управленцев, купцы контактировали с службой каравана, набираемой из представителей казахских родов. Соблюдая условия оплаты труда возчиков, купец получал гарантии верности кочевников взятых на себя обязательствам по транспортировке и охране доверенного имущества. Некоторые относившиеся с особым пиететом к условиям договора казахи прикладывали массу усилий для спасения купеческого имущества из рук грабителей. Наемный работник из казахов Акташ Биктенов получил от старшины своего рода «13 тысяч червонцев для доставления в Бухарию к разным купцам» [ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1552. Л. 35]. Во время налета на караван в 1816 г. преданный работник не стал первым делом спасать свою жизнь, а позаботился о сохранности доверенных средств. А. Биктенов успел зарыть все деньги в землю и пометить данное место. Когда же опасность миновала, червонцы были «отысканы и хозяевам их дано известие, что они от грабежа спасены» [Там же]. В 1817 г. возчик Айкоз Кулмакозин сообщил директору троицкой таможни

М. С. Чекалову, что «родственники его пробирались к аулам тайным образом, спасая оный (товар. – К. А.) от хищности злонамеренных киргизцов, и с великой трудностью могли добраться к меновому двору» [ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1598. Л. 62–62 об.].

Для продуктивного сотрудничества с представителями тюркского народа было желательно знать язык кочевников, пусть даже на начальном уровне. Знание чужой речи помогало избежать «подводных камней» при заключении договора с казахами, обеспечивало возможность лично донести до сведения возчиков условия и размер оплаты услуг, согласовать маршрут следования каравана и сроки доставки товара. Знание традиций и языка кочевников обеспечивало торговцам уважительное отношение со стороны казахов и, как следствие, защищало купцов от обмана во время сделок. Залогом успеха деловых операций в казахской степи и городах Средней Азии купец второй гильдии из города Красный Яр Астраханской губернии П. Савельев считал «самое близкое знакомство с этим краем и прочные отношения с туземцами» [Там же. Оп. 6. Д. 14045/13. Л. 15]. Про оренбургского купца М. Деева, активно торговавшего в казахской степи и Средней Азии в 40–50-е гг. XIX столетия, было известно, что он, «коротко ознакомясь со всеми киргизами и приобретя их полную доверенность, разъезжает беспечно с деньгами и товарами из аула в аул, в самой глуши малой и средней Орды без всякой дороги по указанию лишь одного вожака – киргиза» [Черемшанский, с. 385].

При нападении на караван разбирающийся в тюркских языках купец мог понять намерения кочевников и спрогнозировать их дальнейшие действия, что, в свою очередь, позволило бы ему сохранить свою жизнь и сберечь имущество. Нередко складывалась ситуация, когда желающие спасти свою жизнь или присвоить товары хозяев караванные возчики оказывали поддержку разбойникам. В исследовании М. К. Рожковой, основанном на архивных свидетельствах, упоминается о ненадежности казахов в экстремальных ситуациях: «Бывали случаи, что возчики бросали по пути караван или при нападении на караваны переходили на сторону нападавших» [Рожкова, с. 77].

Если предприниматели не могли выстроить хорошие отношения с наемными возчиками и следопытами, то во время следования каравана по степям и пустыням им приходилось решать вопросы с поиском воды и пищи самостоятельно и вообще пребывать в обстановке взаимного непонимания и недоверия. Современник исследуемой эпохи А. И. Левшин писал о том, что некоторые караванные начальники и возчики отказывали купцам в праве распоряжаться движением каравана, рассчитывая скорость движения, длительность дневного перехода и выбирая места остановок самостоятельно [Левшин, с. 398].

Для успеха внешнеторговых операций на азиатском направлении от предпринимателей требовалось умение работать с информацией. Сведения об обстановке в Средней Азии коммерсантам поставляли приказчики, которые гораздо чаще своих нанимателей

посещали города ханств, возчики из казахов, российские и азиатские коллеги, а также лояльные чиновники, служившие в приграничных городах империи. От агентурной сети купцы-экспортеры черпали сведения о политической и экономической обстановке в местах делового интереса, а аналитический склад ума позволял коммерсантам определять актуальность и достоверность полученных данных и использовать их с максимальной пользой для предприятия. М. В. Мальцева пришла к выводу, что труд аналитика требовал от коммерсантов максимального напряжения интеллектуальных способностей: «самым сложным было правильно проанализировать полученную информацию и сделать на этой основе верные выводы, что требовало от купца аналитического склада ума, широты кругозора и значительного опыта в этой сфере» [Мальцева, с. 76]. Например, арский купец третьей гильдии А. Галиев располагал информацией о перекочевках казахов и понимал, чем их передислокация угрожала его мероприятиям по поиску ограбивших его караван преступников. Обратившись в 1811 г. к военному губернатору Оренбурга Г. С. Волконскому с ходатайством о поимке налетчиков, предприниматель Галиев просил «для взыскания означенной суммы с виновных киргизцев» действовать очень быстро, «пока они не откочевали вдаль» [ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 824. Л. 1].

Постоянная практика общения с партнерами и конкурентами из среднеазиатских ханств, представителями кочевой знати и рядовыми возчиками-казахами требовала от российских купцов умения улаживать конфликты. Один из купеческих приказчиков рассказывал о благополучном решении спора с одним из казахских правителей:

[Дорога] завела нас в аул Чиклинского рода к султану Бурухану, где хоть мы и были также в опасности по виду Бурухана к насыщению себя грабежом, но от того мы его устранили упорством своим, в чем самом едва не дошло и до драки, но наконец, по счастью, удалились благополучно [Там же. Д. 1598. Л. 91].

Нестабильная и довольно опасная сфера внешней торговли выработывала у купцов способность мгновенно оценивать обстановку, наделяла их задатками тактиков, формировала навык к импровизации. «Так, например, случалось, что самоварная труба русского купца наводила страх и трепет на хищников и они бросались в бегство от ужаса, принимая ее за страшную пушку», – сказано о примере изворотливости купечества в критических ситуациях [Очерки Зауральской степи, с. 21–22]. Спасая имущество и жизнь во время нападений на караваны, российские купцы прибегали к маскировке под своих работников-казахов, чтобы беспрепятственно пробраться через ряды атакующих [Водопьянов, с. 70].

Можно с уверенностью сказать, что «агрессивная среда» российско-азиатской торговли определяла общие для предприни-

мателей из разных конфессий, этносов и государств черты характера. Среднеазиатские коммерсанты также умели оперативно реагировать на ситуацию и выработать соответствующую обстановке тактику. Анализируя взаимосвязь условий российско-азиатской торговли XIX в. и механизмов адаптации субъектов коммерческой деятельности, можно заключить, что в данном случае место «делало» человека, определяя его склад ума, набор умений и навыков.

Здоровье и физические возможности

Сфера торговли со Средней Азией требовала от предпринимателей не только серьезных финансовых вложений, но и существенного запаса физического и психического здоровья. Неблагоприятные условия организации коммерческой деятельности значительно подрывали здоровье купцов, поэтому люди, рисковавшие своими жизнями и капиталами, как правило, обладали изрядной физической силой и выносливостью, были морально устойчивыми.

Пример, демонстрирующий неординарные физические возможности организма человека, представлен в материале о злоключении брата арского купца Абзалила Галиева (к сожалению, в источнике не указано его имя). Согласно донесению султана Меньшей орды Т. Иралина оренбургскому военному губернатору Г. С. Волконскому, в октябре 1814 г. отряд кочевников напал на караван, в котором находился брат Галиева. Из послания султана Иралина стало известно, что «воры киргизцы в числе 50-ти человек означенного купца Галиева имение ограбили, а брата его увезли с собой в плен» [ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 824. Л. 58-58 об.]. Насильственное лишение свободы не сломило предпринимателя, и, пробыв в плену около двух месяцев, он сумел совершить побег. «Брат же, увезенный теми грабителями, через два месяца от них бежав, приехал в наш улус, коего я отправил было восвояси», - рассказывал о дальнейшей судьбе этого человека казахский султан [Там же. Л. 58 об.]. Лояльные к России кочевники помогли беглецу подготовиться к возвращению домой и выделили ему лошадь и верблюда. Но несчастья продолжали преследовать купца. Направляясь в сторону российской границы, предприниматель попал в засаду казахов из Дюрткаринского рода, которые «его ограбили, отняв у него верблюда, лошадь, и, сняв с него одежду, самого бросили нагова» [Там же]. Однако брошенный на верную смерть человек не погиб. Он нашел в себе силы добраться пешком и без одежды до аулов дружелюбно настроенных казахов, где вторично получил помощь в отправке домой.

Для того, чтобы более четко представить степень страданий человека, оказавшегося в такой ситуации, обратимся к произведению В. И. Даля, описавшего отчаянное положение брошенного в пустыне человека:

Зной неимоверный печет голое тело его, палит обнаженное темя; голод и жажда истомляют силы - он шатается, утратив всякое соображение и познание местности, - и достается почти заживо на снедь плотоядному беркуту и стае хищных коршунов, которые творят по нем тризну его же плотью, между тем как трусливые степные волки и шакалы отпевают покойника по ночам дружными заунывными голосами [Даль, с. 242].

То, что ограбленному купцу удалось избежать подобной участи, демонстрирует его незаурядные физические возможности и волевой характер, помогавший ему бороться за жизнь до последних сил.

Купцам, проводившим много времени в переходах по степным и пустынным пространствам, желательно было иметь здоровый желудок, который бы позволял пить невкусную или грязную воду в случае исчерпания хорошей и отсутствия чистых колодцев на пути следования каравана, а также использовать в пищу малосъедобные продукты. Профессор А. М. Никольский жаловался на качество воды в пустынных источниках: «В кызылкумских колодцах вода настолько дурна, что если бы она была хоть чуточку похуже, ея не стал бы пить ни один киргиз» [Никольский, с. 159]. Этот же автор оставил нелестное воспоминание о блюде длительного хранения, специально предназначенном для длительных путешествий:

Представьте себе половину бараньей туши, круто просоленную и провяленную на солнце целиком вместе с жиром, и вы получите понятие об этом киргизском «пеммякане» [Там же, с. 148].

Если объем продовольствия был неверно рассчитан или в пути происходили внеплановые задержки, неизменно уменьшавшие запасы провизии, то не умереть от голода помогала охота на степную живность. Порой караваны заходили в места, где практически не было ничего живого, а встречающиеся представители фауны считались несъедобными. В таких ситуациях купцам было необходимо подавлять чувство брезгливости и настраивать организм на употребление незнакомого или невкусного мяса. Так, Е. Л. Марков, посетивший Среднюю Азию в середине 90-х гг. XIX в., размышлял об употреблении в пищу местных черепах. Путешественник задался вопросом, «как это до сих пор человек не ухитрился обратить себе на пользу, да еще в “Толодной степи”, столько сытой и, в сущности, вполне чистой твари...» [Марков, с. 435]. А. М. Никольский рассчитывал, что «в случае недостатка настоящей дичи можно было приняться за жаворонков, сорокопутов и других мелких птиц: все-таки пища» [Никольский, с. 149]. Активность внешнеторговой деятельности российских купцов позволяет предположить, что они неоднократно оказывались в положении, когда приходилось питаться тем, что в обыденной жизни никогда бы не попало на стол в купеческом доме. Значит, в критических ситуаци-

ях, нередко сопровождавших рабочий процесс, коммерсанты успешно отказывались от привычных продуктов и «заставляли» организм насыщаться доступной едой, невзирая на ее качество и происхождение.

Продолжительность жизни отдельных купцов, занятых во внешней торговле, может свидетельствовать о выдающихся физических способностях этих людей. Неблагоприятные природно-климатические условия казахской степи и Среднеазиатского региона, постоянные столкновения с кочевниками, регулярные длительные караванные переходы существенно подрывали здоровье купцов. Несмотря на это, некоторые предприниматели доживали до глубокой старости. Уже упоминавшийся выше купец второй гильдии М. Е. Мякинков прожил 78 лет (1820–1898), что считается очень хорошим показателем для XIX в. [Бурлуцкая, Шлеюк, с. 48]. Фома Капитонович Кукушкин проживал в Усть-Каменогорске и работал приказчиком у купца, торговавшего в Монголии тканями и другими мануфактурными изделиями [Обручев, с. 10]. Выполняя поручения своего нанимателя, Ф. К. Кукушкин множество раз совершал продолжительные поездки за пределы своего места жительства. Хорошее здоровье позволило ему заниматься тяжелой работой и впоследствии прожить долгую жизнь. На момент смерти ему было «далеко за семьдесят» [Там же, с. 6].

Купцы, избравшие торговлю со Средней Азией основным направлением коммерческой деятельности, обладали особым набором психических и физических свойств, позволявших им максимально эффективно вести дела за границей. Негативные черты характера этих людей, такие как эгоизм, жажда наживы, склонность к обману, соседствовали с остротой ума, храбростью и упорством. Владение огнестрельным оружием, опыт охотников, отличные коммуникативные навыки, аналитические способности и нерядовая смекалка если и не служили гарантией абсолютного успеха в делах, то существенно помогали купцам в экстренных случаях. Занимавшиеся внешней торговлей предприниматели обладали задатками тактиков, что позволяло им мгновенно ориентироваться в ситуациях и принимать решения, способные изменить положение вещей в свою пользу. Длительные поездки в составе торговых караванов приучали купцов стойко терпеть все трудности дальней дороги и тренировали выносливость. Для выживания в безводных пустынных пространствах они не брезговали употреблять в пищу малосъедобные или испорченные продукты и утоляли жажду соленой или горькой водой из немногочисленных колодцев, встречавшихся на караванных маршрутах. Несмотря на то, что профессиональная деятельность коммерсантов осуществлялась в экстремальных условиях, устойчивая к потрясениям психика и солидный запас здоровья позволяли этим людям доживать

до преклонного возраста. Сформированная «по рабочей необходимости» совокупность всех этих качеств выделяла купцов-экспортёров из остальной массы представителей делового мира России XIX в.

Список литературы

Абдрахманов К. А. Караванная торговля среднеазиатских купцов с Россией в первой четверти XIX в. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2021. Т. 20, № 3. С. 399–410. DOI 10.22363/2312-8674-2021-20-3-399-410.

Бурлуцкая Е. В. «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих»: участие оренбургских купцов в торговле со странами Азии в первой половине XIX века // Антро. 2014. № 1 (14). С. 51–62.

Бурлуцкая Е. В., Абдрахманов К. А. Специфика трудовой повседневности купцов, ведущих торговлю с Азией в XIX в. // Вестн. РУДН. Сер.: История России. 2020. Т. 19, № 3. С. 544–562. DOI 10.22363/2312-8674-2020-19-3-544-562.

Бурлуцкая Е. В., Шлеюк С. Г. Мякиньюковы. Владельцы настоящего дворца // Купечество оренбургское : сб. ст. / под ред. Е. В. Бурлуцкой. Вып. 2. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2017. С. 46–55.

Васильев Д. В., Любичанковский С. В. Административная аккультурация коренного населения Туркестанской области в российском законодательстве 1865–1866 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018а. Т. 23, № 6. С. 61–75. DOI 10.15688/jvolsu4.2018.6.4.

Васильев Д. В., Любичанковский С. В. Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // Вопросы истории. 2018б. № 3. С. 151–165.

Васильев Д. В., Любичанковский С. В. Русская власть в Туркестанском крае: визуализация имперского пространства как фактор аккультурации // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2018с. № 54. С. 17–26. DOI 10.17223/19988613/54/3.

Водопьянов В. Неудавшееся посольство в Бухару поручика Гавердовского в 1803 году // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Оренбург : Типолит. Губерн. правления, 1897. С. 57–79.

Гедин С. В сердце Азии. Памир. Тибет. Восточный Туркестан. Путешествие Свена Гедина в 1893–1897 гг. : в 2 т. / пер. со швед. А. и П. Ганзен. СПб. : Изд. А. Ф. Девриена, 1899. Т. 2. 457 с.

ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14045/13; Оп. 10. Д. 24А, 242А, 824, 910, 1552, 1598, 2067, 6520.

Даль В. И. Бикей и Мауляна // Оренбургский край в художественных произведениях писателя. Оренбург : Оренбург. книж. изд-во, 2001. 414 с.

Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи) / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2019. 480 с.

Левшин А. И. Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей / под общ. ред. М. К. Козыбаева. Алматы : Санат, 1996. 656 с.

Лялина М. А. Путешествия по Туркестану Н. А. Северцова и А. П. Федченки : изложено по подлинным сочинениям путешественников М. А. Лялиной. СПб. : Изд. А. Ф. Девриена, 1894. 267 с.

Мальцева М. В. Профессиональные знания и умения «совершенного купца» и их реализация в деловой активности великоустюгской купеческой семьи Булдаковых в конце XVIII – начале XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2019. № 3. С. 69–81.

Марков Е. Л. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге : в 2 т. и 6 ч. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. Т. 1. 541 с.

Маслова И. В. Конфликт как способ самоидентификации провинциального купечества Российской империи второй половины XIX – начала XX в. // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, № 3. С. 27–35.

Небольсин П. И. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии). СПб. : [Б. и.], 1856. 375 с.

Никольский А. М. В стране глины и песку : (Путевые очерки) // Мир Божий. 1894. № 9. С. 145–163.

Обручев В. А. В дебрях Центральной Азии : Записки кладоискателя. М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1955. 320 с.

Очерки Зауральской степи и Внутренней или Букеевской орды. М. : Тип. В. Грачева и компании, 1859. 91 с.

Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией. М. : Акад. наук СССР, 1963. 238 с.

Руссов С. В. Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина, в 1753 году, с приобщением разных известий о Хиве с отдаленных времен доныне. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1840. 56 с.

Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии : в 3 т. СПб. : Типолит. В. В. Комарова, 1906. Т. 1. 510 с. Т. 2. 547 с.

Уралов Н. На верблюдах : Воспоминания из жизни в Средней Азии. СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1897. 188 с.

Устюгова О. А. Менталитет дальневосточного купечества во второй половине XIX века // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2007. № 3 (4). С. 56–63.

Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа : Тип. Оренбург. губ. правления, 1859. 472 с.

References

Abdrakhmanov, K. A. (2021). Karavannaya trgovlya sredneaziatskikh kuptsov s Rossiei v pervoi chetverti XIX v. [Caravan Trade of Central Asian Merchants with Russia in the First Quarter of the 19th Century]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*. Vol. 20. No. 3, pp. 399–410. DOI 10.22363/2312-8674-2021-20-3-399-410.

Burlutskaya, E. V. (2014). “Spasenie utopayushchikh – delo ruk samikh utopayushchikh”: uchastie orenburgskikh kuptsov v trgovle so stranami Azii v pervoi polovine XIX veka [“Sink or Swim”: The Participation of Orenburg Merchants in Trade with Asian Countries in the First Half of the 19th Century]. In *Antro*. No. 1 (14), pp. 51–62.

Burlutskaya, E. V., Abdrakhmanov, K. A. (2020). Spetsifika trudovoi povsednevnosti kuptsov, vedushchikh trgovlyu s Aziei v XIX v. [The Daily Business Activities of Orenburg Merchants Trading with Asia in the 19th Century]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*. Vol. 19. No. 3, pp. 544–562. DOI 10.22363/2312-8674-2020-19-3-544-562.

Burlutskaya, E. V., Shleyuk, S. G. (2017). Myakin’kovy. Vldel’tsy nastoyashchego dvortsa [The Myakinkovs. The Owners of a Real Palace]. In Burlutskaya, E. V. (Ed.). *Kupechestvo orenburgskoe. Sbornik statei*. Iss. 2. Orenburg, Izdatel’stvo Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, pp. 46–55.

Cheremshanskii, V. M. (1859). *Opisanie Orenburgskoi gubernii v khozyaistvenno-statisticheskoi, etnograficheskoi i promyshlennoi otnosheniakh* [Description of Orenburg Province from the Economic-Statistical, Ethnographic, and Industrial Points of View]. Ufa, Tipografiya Orenburgskogo gubernskogo pravleniya. 472 p.

Dal’, V. I. (2001). Bikei i Maulyana [Bikei and Maulyana]. In *Orenburgskii krai v khudozhestvennykh proizvedeniakh pisatelya*. Orenburg, Orenburgskoe knizhnoe izdatel’stvo. 414 p.

GAOO [State Archive of Orenburg Region]. Stock 6. List 6. Dos. 14045/13; List 10. Dos. 24A, 242A, 824, 910, 1552, 1598, 2067, 6520.

Hedin, S. (1899). *V serdtse Azii. Pamir. Tibet. Vostochnyi Turkestan. Puteshestvie Svena Gedina v 1893–1897 gg. v 2 t.* [In the Heart of Asia. Pamir. Tibet. East Turkestan. Travel of Sven Hedin in 1893–1897. 2 Vols.] / transl. by A. and P. Ganzen. St Petersburg, Izdanie A. F. Devriena. Vol. 2. 457 p.

Levshin, A. I. (1996). *Opisanie kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei* [Description of the Hordes and Steppes of the Kirghiz Kazaks, or Kirghiz Kaisaks] / ed. by M. K. Kozybaev. Almaty, Sanat. 656 p.

Lyalina, M. A. (1894). *Puteshestviya po Turkestanu N. A. Severtsova i A. P. Fedchenki. Izlozhenno po podllynym sochineniyam puteshestvennikov M. A. Lyalinoi* [Travels in Turkestan by N. A. Severtsov and A. P. Fedchenko. Written According to the Original Writings of Travellers by M. A. Lyalina]. St Petersburg, Izdanie A. F. Devriena. 267 p.

Lyubichankovskii, S. V. (Ed.). (2019). *Imperskaya politika akkul'turatsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiiskoi imperii)* [Imperial Policy of Acculturation and the Problem of Colonialism (with Reference to Nomadic and Semi-Nomadic Peoples of the Russian Empire)]. Orenburg, Izdatel'skii tsentr Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 480 p.

Mal'tseva, M. V. (2019). Professional'nye znaniya i umeniya "sovershennogo kuptsa" i ikh realizatsiya v delovoi aktivnosti velikoustyugskoi kupecheskoi sem'i Buldakovykh v kontse XVIII – nachale XIX v. [The "Perfect Merchant's" Professional Knowledge and Skills and Their Implementation in the Business of the Veliky Ustyug Merchant Family of the Buldakovs in the Late 18th – Early 19th Centuries]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*. No. 3, pp. 69–81.

Markov, E. L. (1901). *Rossiya v Srednei Azii. Ocherki puteshestviya po Zakavkaz'yu, Turkmenii, Bukhare, Samarkandskoi, Tashkentskoi i Ferganskoi oblastyam, Kaspiiskomu moryu i Volge v 2 t. i 6 ch.* [Russia in Central Asia. Essays on a Journey through Transcaucasia, Turkmenistan, Bukhara, Samarkand, Tashkent and Ferghana Regions, the Caspian Sea and the Volga. 2 Vols. and 6 Parts]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. Vol. 1. 541 p.

Maslova, I. V. (2012). Konflikt kak sposob samoidentifikatsii provintsial'nogo kupechestva Rossiiskoi imperii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [Conflict as a Way of Self-Identification of the Provincial Merchants of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 154. No. 3, pp. 27–35.

Nebol'sin, P. I. (1856). *Ocherki torgovli Rossii so stranami Srednei Azii, Khivoi, Bukharoi i Kokandom (so storony Orenburgskoi linii)* [Essays on Russia's Trade with the Countries of Central Asia, Khiva, Bukhara and Kokand (from the Orenburg Line)]. St Petersburg, S. n. 375 p.

Nikol'skii, A. M. (1894). V strane gliny i pesku. (Putevye ocherki) [In the Land of Clay and Sand. (Travel Essays)]. In *Mir Bozhii*. No. 9, pp. 145–163.

Obruchev, V. A. (1955). *V debryakh Tsentral'noi Azii. Zapiski kladoiskatelya* [In the Wilderness of Central Asia. Treasure Hunter's Notes]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury. 320 p.

Ocherki Zaural'skoi stepi i Vnutrennei ili Bukeevskoi ordy [Essays on the Trans-Ural Steppe and the Internal or Bukey Horde]. (1859). Moscow, Tipografiya V. Gracheva i kompanii. 91 p.

Rozhkova, M. K. (1963). *Ekonomicheskie svyazi Rossii so Srednei Aziei* [Economic Ties between Russia and Central Asia]. Moscow, Akademiya nauk SSSR. 238 p.

Russov, S. V. (1840). *Puteshestvie iz Orenburga v Khivu samarskogo kuptsa Rukavkina, v 1753 godu, s priobshcheniem raznykh izvestii o Khive s otdalennykh vremen donye* [The Journey of the Samara Merchant Rukavkin from Orenburg to Khiva in 1753, with the Addition of Diverse Information about Khiva from the Distant Times to the Present]. St Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. 56 p.

Terent'ev, M. A. (1906). *Istoriya zavoevaniya Srednei Azii v 3 t.* [The History of the Conquest of Central Asia. 3 Vols.]. St Petersburg, Tipolitografiya V. V. Komarova. Vol. 1. 510 p. Vol. 2. 547 p.

Uralov, N. (1897). *Na verbyudakh. Vospominaniya iz zhizni v Srednei Azii* [On Camels: Memories of Life in Central Asia]. St Petersburg, Tipografiya P. P. Soikina. 188 p.

Ustyugova, O. A. (2007). Mentalitet dal'nevostochnogo kupechestva vo vtoroj polovine XIX veka [The Mentality of the Far Eastern Merchants in the Second Half of the 19th Century]. In *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. No. 3 (4), pp. 56–63.

Vasil'ev, D. V., Lyubichankovskii, S. V. (2018a). Administrativnaya akkul'turatsiya korennoho naseleniya Turkestanskoi oblasti v rossiiskom zakonodatel'stve 1865–1866 godov [Administrative Acculturation of Indigenous Population of Turkestan Province in the Russian Legislation of 1865–1866]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 23. No. 6, pp. 61–75. DOI 10.15688/jvolsu4.2018.6.4.

Vasil'ev, D. V., Lyubichankovskii, S. V. (2018c). Russkaya vlast' v Turkestanskom krae: vizualizatsiya imperskogo prostranstva kak faktor akkul'turatsii [The Russian Power in Turkestan Region: Visualisation of Imperial Space as an Acculturation Factor]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 54, pp. 17–26. DOI 10.17223/19988613/54/3.

Vasil'ev, D. V., Lyubichankovskii, S.V. (2018b). Kazakhi i russkie: bytovaya akkul'turatsiya v XIX v. [Kazakhs and Russians: Everyday Acculturation in the 19th Century.]. In *Voprosy istorii*. No. 3, pp. 151–165.

Vodop'yanov, V. (1897). Neudavsheesya posol'stvo v Bukharu poruchika Gaverdovskogo v 1803 godu [The Failed Embassy of Lieutenant Gaverdovsky to Bukhara in 1803]. In *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Iss. 3. Orenburg, Tipolitografiya Gubernskogo pravleniya, pp. 57–79.

The article was submitted on 22.10.2021

**«Борьба за русское дело»:
имперская колонизация Туркестана***

Юлия Цыряпкина

Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия

**“Fighting for the Russian Cause”:
The Imperial Colonisation of Turkestan**

Yulia Tsyryapkina

Altai State Pedagogical University,
Barnaul, Russia

This article considers the political vision and imperial administration projects related to tasks and objectives of the Russian colonisation of Turkestan in the second half of the nineteenth – early twentieth centuries. The author singles out categories of colonists and their objectives and discusses the difficulties behind the realisation of the imperial settlement project. Special attention is paid to the methods used to realise the development of conquered Turkestan, which combined the use of religious differences in population administration (the concept of “confessional state” by P. Werth) and emerging and expanding national discourse. Earlier studies closely examined the stages and numbers of the resettlement movement to Turkestan but did not consider how the imperial and Turkestan administration perceived the realisation of the region’s development. The research describes the points of view of imperial officials, supervisors, and inspectors of the resettlement processes to Turkestan and the adaptation of the imperial agents. The author refers to unpublished materials (recordkeeping, narrative, etc.) from the funds of the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan, introduced into scholarly circulation for the first time. They make it possible to show the difficulties faced by Russia in realising its colonisation strategies in Turkestan, different assessments of colonists’ potential, and problems which were the subject of departmental

* *Citation:* Tsyryapkina, Yu. (2022). “Fighting for the Russian Cause”: The Imperial Colonisation of Turkestan. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1625–1641. DOI 10.15826/qr.2022.5.751.

Цитирование: Тсыряпкина Ю. “Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1625–1641. DOI 10.15826/qr.2022.5.751 / Цыряпкина Ю. «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1625–1641. DOI 10.15826/qr.2022.5.751.

correspondence of the Turkestan civil authorities. The author concludes that there was a considerable discrepancy between the political objectives and tasks of the Russian settler movement in Turkestan defined by imperial administration and the implementation of the project connected with the social-economic and cultural adaptation of Orthodox settlers in the region. The analysis of documents makes it possible to reconstruct the complex problems of the imperial project of the use of religious and national identity as a cultural basis of the civilizing mission in Turkestan.

Keywords: Russian history of the turn of the 20th century, Russian Empire, Turkestan, resettlement, Orthodoxy, Kulturträger tasks

Исследуются политическое видение и проекты имперской администрации в отношении целей и задач русской колонизации Туркестана во второй половине XIX – начале XX в. Выделены категории колонистов и их задачи, обсуждены сложности в реализации имперского проекта по переселению. Подробно рассматриваются подходы к реализации программы по освоению завоеванного Туркестана, которые сочетали в себе использование религиозных отличий в управлении населением (концепция «конфессионального государства» П. Верта), а также зарождавшийся и расширявшийся национальный дискурс. В более ранних исследованиях подробно раскрывались этапы и объемы переселенческого движения в Туркестан, но не затрагивался вопрос о видении имперской и туркестанской администрацией сложностей реализации проекта по освоению региона. В исследовании описываются взгляды и позиции имперских чиновников, наблюдателей и ревизоров на процессы переселения в Туркестан и адаптация агентов империи. Основными источниками являются неопубликованные материалы (делопроизводственные, нарративные и др.) из фондов Национального архива Республики Узбекистан, которые вводятся в научный оборот впервые и позволяют показать сложности в реализации стратегии колонизации, разные оценки потенциала колонистов, проблемы и трудности, с которыми сталкивалась туркестанская администрация, обсуждавшиеся в ведомственной переписке. Делается вывод о существовании значительных расхождений между целями и задачами русского переселения в Туркестан, очерченными имперской администрацией, и воплощением этого проекта, связанного с социально-экономической и культурной адаптацией православных переселенцев в регионе. Анализ документов дает возможность воссоздать комплекс проблем по использованию религиозной и национальной идентификации в качестве основы цивилизационной миссии в Туркестане.

Ключевые слова: история России рубежа XIX–XX вв., Российская империя, Туркестан, переселение, православие, культуртрегерские задачи

Общие теоретико-методологические работы, осмысляющие имперский опыт Российской империи и становление национализма, были раскрыты в публикации А. И. Миллера [Миллер]. В последние три десятилетия происходит новое осмысление истории Российской империи: намечается отход от моноцентричной парадигмы, и империя изучается через призму многообразия населения, сложного многовариантного диалога между центром и окраинами, между имперской властью, локальной администрацией и населением [Герасимов, Глебов и др.]. Региональное измерение имперской политики раскрывается в работах омского исследователя А. Ремнева и его учеников, в них обобщаются вопросы идеологии «внутреннего империализма» при расширении империи, которая сопровождала колониационные процессы в Азиатской России в позднеимперский период [Ремнев, Суворова, 2008; Ремнев, Суворова, 2013]. Применительно к Центральной Азии региональное измерение имперской политики показано в коллективной монографии российских исследователей [Центральная Азия]. Вопросы, связанные с конфессиональной идентичностью переселенцев, рассматриваются фрагментарно и в основном в контексте государственно-церковных отношений [Литвинов]. Перспективным направлением в российской науке в последние годы является научная школа по изучению имперской политики аккультурации, достижения которой обобщены в монографии 2019 г. [Имперская политика]; в рамках данного направления анализируются вопросы культурной интеграции обретенных территорий в имперское пространство [Васильев, Любичанковский].

Большая часть работ российских публикаций о Туркестане в постсоветский период была подготовлена в традиционной фактографической форме написания истории региона, востребованными оказались сюжеты, связанные с изучением различных аспектов развития русского переселенческого сообщества [Цыряпкина, 2016; Брежнева], политики туркестанской администрации в отношении мусульманского и православного населения [Котюкова] и др.

В англоязычной историографии Туркестана опубликованы работы, нацеленные на сравнительные имперские исследования. В монографии А. Моррисона, посвященной формированию системы русского управления в Самарканде во второй половине XIX – начале XX в., затрагиваются конфессиональные вопросы в связи с анализом судебной системы [Morrison, 2008]. Отдельные аспекты конфессиональной политики в регионе освещает японский исследователь Т. Уяма, в статье которого представлены ее различные проекции и дебаты о «христианизации» коренного населения региона [Uyama].

Материалом для анализа в данной статье послужили отчеты военных губернаторов областей Туркестана, делопроизводственная и ведомственная переписка чиновников туркестанской администрации, нарративные источники. Большая часть источников из фондов Национального архива Республики Узбекистан (бывшего Центрального

государственного архива Республики Узбекистан, далее – НАРУз. – Ю. Ц.) вводится в научный оборот впервые.

Государственная стратегия русской колонизации Туркестана

По мнению американского исследователя П. Верта, конфессиональный статус и религия в XIX в. оставались в Российской империи ключевой основой идентификации, наиболее приемлемой как для администрирования, так и для разделения «разнообразного населения империи», хотя во второй половине XIX в. все чаще стала использоваться классификация, основанная на языке, а в дальнейшем – на этническом происхождении. П. Верт признает, что в этот период в Российской империи зарождалось национальное государство, хоть и несовершенное [Werth, p. 125; см. также: Герасимов, Глебов и др., с. 34], однако православие по-прежнему являлось удобным инструментом разделения населения на православных и на остальных подданных.

Русский национализм оформляется в концепции А. И. Миллера в 40-е гг. XIX в., в этот период появляется ясное представление о том, какие территории империи входят в русское «национальное» ядро [Miller, p. 65]. Это положение подтверждается британским историком А. Моррисоном, который доказывает, что у России не было географического разделения между метрополией и колонией, как у классических морских империй, но была идея того, что именно составляет «центр», или «Европейскую» часть империи [Morrison, 2015, p. 119]. Включение огромных территорий в состав Российской империи привело к необходимости выработать стратегию закрепления этих территорий в составе государства. К моменту завоевания среднеазиатских ханств правительство опиралось на опыт включения в состав Российской империи сибирских территорий и Дальнего Востока. Ключевыми аспектами при этом являлись создание административного и военного аппарата и формирование русских переселенческих поселков [Ремнев, Суворова, 2013, с. 16].

Документы имперского периода несут многочисленные упоминания о «русской колонизации», «русских поселках», «русских переселенцах». Однако отсылка к «русскости» в определении «русский» подразумевала в большей степени принадлежность к государству (империи). По мнению А. В. Ремнева, определение «русский» на азиатских окраинах (преимущественно в Сибири) могло включать великороссов, малороссов и белорусов и чаще всего служило для выражения отличия от коренного населения региона [Ремнев, Суворова, 2008, с. 158]. Применительно к Туркестану стоит заметить, что в колонизации этого региона участвовали, кроме русских, немцы и другие подданные Российской империи.

Имперская администрация делала ставку на переселенцев-колонистов, на них возлагались важные национальные задачи по «окультуриванию» коренного населения региона. Создание эко-

номически устойчивых хозяйств русских переселенцев в Туркестане должно было продемонстрировать превосходство российских традиций земледелия и оседлого земледельческого образа жизни, подтолкнуть коренное население к сплочению вокруг «русской гражданственности» [НАРУз. Ф. Р-2412. Оп. 1. Д. 343. Л. 1], в дальнейшем это воплотилось в политике «обрусения».

Общий план освоения Туркестана сводился к формированию в уже имевшихся там городах «русских крепостей», в дальнейшем именовавшихся «русской частью», в которых размещались военный гарнизон, туркестанская администрация, врачи, купцы и другие категории колонистов; учет населения в «русской части» происходил отдельно [Там же. Ф. И-269. Оп. 1. Д. 125. Л. 10]. В «русской части» городов строились вокзалы, торговые помещения, общественно-административные здания, церкви, аптеки, жилые дома европейского типа, промышленные предприятия и др., посредством чего закреплялось российское завоевание. Эти районы туркестанских городов предназначались для проживания населения, пришедшего в Туркестан с территории «национального ядра» – Европейской части России, другими словами, для проживания агентов империи без учета их национальной принадлежности. Кроме русских, украинцев, белорусов, там селились поляки, немцы и др.

«Старые города» Туркестана (так называемая «туземная часть») отличались хаотичной застройкой и узкими извилистыми улицами, соответственно, размещение в них военных гарнизонов оказалось затруднительным [Там же. Ф. Р-2681. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–2]. «Русская часть» была достроена в таких «старых» городах, как Ташкент, Самарканд, Наманган, Андижан, Коканд [Там же. Л. 3–7]. В Маргилане не удалось выбрать площадку для нового города, поэтому Новый Маргилан (в дальнейшем Скобелев, а затем Фергана) был построен в 8 км от старого города.

Крестьяне-колонисты, преимущественно из европейских губерний России, расселялись по отдельным переселенческим поселкам, которые первоначально рассматривались русской администрацией в качестве военных гарнизонов, максимально огражденных от коренных жителей [Брежнева, с. 618]. Утверждение туркестанского генерал-губернатора Н. И. Гродекова о том, что «русский поселок значит столько же, сколько батальон солдат» [НАРУз. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5020. Л. 41 об.] приобрело хрестоматийное значение для иллюстрации важности хозяйственно-экономических успехов переселенческих поселков в деле «завоевания» края, которые ценились не меньше, чем военные достижения. Коренное население региона рассматривалось как чуждое и агрессивное, поэтому после присоединения туркестанская администрация точно вооружала переселенцев для самообороны [Там же. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1249. Л. 4, 23].

Имперская администрация полагала, что между переселенцами и коренным населением должна сохраняться дистанция, а переселен-

ческие хозяйства должны оставаться самостоятельными «не только в административном, но и в хозяйственном отношении» [НАРУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 63. Л. 2 об.]. Однако О. И. Брусина очевидно продемонстрировала, что в переселенческих селах правило «закрытости» для коренного населения не соблюдалось строго, вместе с переселенцами там проживали сезонные работники, семьи бедняков, работавших у русских переселенцев, и др. [Брусина, с. 36]. По многим хозяйственным вопросам переселенцы контактировали с «киргизами», с оседло-земледельческим населением региона. Политика обособленности, которую выстраивала туркестанская администрация, не была реализована в полной мере.

Туркестанские управленцы рассматривали переселенцев как один из инструментов «цивилизаторской миссии» на Востоке. Государство посредством колонистов стремилось не только решить социально-экономические цели, но и осуществить культуртрегерские задачи [Rieber, p. 272]. В донесении ходжентского уездного начальника Самаркандской области 1910 г. в Канцелярию Туркестанского генерал-губернаторства перечисляются качества переселенцев, необходимые для выполнения государственной «миссии» в Туркестане:

... [допускать] в край только лиц, которые... могли бы сослужить Государству Российскому ту службу, какая лежит здесь на окраине на каждом русском человеке. Служба эта... заключается еще в работе по сближению с русской народностью местных аборигенов-туземцев, по распространению среди местных инородцев правильных взглядов на преимущества русской гражданственности и культуры. Русским людям, живущим среди туземцев, приходится, кроме своей личной работы, выполнять также и высокую колонизаторскую миссию европейского народа среди совершенно не знакомых с европейской жизнью туземцев [НАРУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 858. Л. 17 об.].

В этой довольно пафосной цитате имперского нарратива иллюстрируется общая цель переселенческой политики – стремление «водворить» в регион русскую культуру, экономические практики, опыт гражданственности. При этом подразумевалась односторонняя передача культурных норм. Осознавали ли переселенцы «высокую миссию», которую возлагала на них туркестанская администрация, вопрос отдельного рассмотрения.

Переселенцы в трактовке государства

Демографические и социально-экономические аспекты русского переселения в Туркестан в исследовательской литературе рассмотрены достаточно основательно [Гинзбург; Фомченко; Брусина]. Сюжет о государственно-церковных отношениях и о сложном взаимодействии первого туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана с церковью в Туркестане затрагивается в монографии

П. П. Литвинова [Литвинов], однако в исследовательской литературе недостаточно раскрывается вопрос о том, как русские переселенцы справлялись с возложенными на них государственными задачами.

Определяя общую логику переселения в регион, имперское руководство среди всех водворявшихся туда переселенцев выделяло две инструментальные категории – сословные и конфессиональные группы. В первом случае имелись в виду крестьяне, на земледельческий потенциал которых делалась ставка в формировании успешных переселенческих анклавов, выращивании хлопка, в котором остро нуждалась российская экономика, и других культур. С другой стороны, имперское руководство активно задействовало религиозную идентичность переселенцев.

Учитывая факт проживания в Туркестане коренного мусульманского населения, представители которого считались инородцами, империя усиливала обособленность переселенцев, привлекая в процесс колонизации региона преимущественно христианское население, большинство которого составляли православные. Четкая регламентация отбора переселенцев в Туркестан была сформулирована в Положении об управлении Туркестанским краем 1886 г., в котором утверждались правила переселения. Согласно этому положению, к водворению в Туркестан допускались «исключительно русские подданные христианских вероисповеданий, принадлежащие к состоянию сельских обывателей» [Переселенческое дело в Туркестане, с. 175]. Переселенцам отводились участки на свободных государственных землях (не более 10 десятин на каждого работника [Там же, с. 181]).

Переселенцы из Европейской части России различались по этнической принадлежности (великороссы, малороссы, белорусы и др.), по диалектам и говору, по особенностям ведения хозяйства и быта, традициям и менталитету. Поскольку русские переселенцы вселялись в регион, населенный мусульманами, в видении имперских властей наиболее прочной основой солидарности для них должна была стать принадлежность к православной общине. Православие, роль которого усилилась во время правления императора Александра I, обеспечивало связь переселенцев с государством [Цыряпкина, 2015, с. 288]. Опираясь на материалы по освоению русскими Сибири, А. В. Ремнев показывает, что религиозная принадлежность переселенцев тщательно отслеживалась и оценивалась властями, так как ассоциировалась с «коренной» Россией [Ремнев, Суворова, 2008, с. 185]. Наиболее важные компоненты «русского дела» на азиатских окраинах сводились к формуле: «русский земледелец, православный, верноподданный» [Там же, с. 198]. Это положение можно с уверенностью экстраполировать на процесс отбора и водворения переселенцев в Туркестан во второй половине XIX – начале XX в. Сохранение таких маркеров русской идентичности, как православие и язык, на вновь присоединенных территориях для государства приобретало особую значимость.

Документы ведомственной переписки, отчеты туркестанской администрации показывают опыт взаимодействия имперских властей с местными сообществами. Коренное население региона приравнялось к инородцам, в дальнейшем его статус регламентировался Положением об управлении Туркестанским краем 1886 г. Представители туркестанской администрации выделяли приверженность коренного населения исламу, причем акцент делался на мусульманском «фанатизме»:

Русские отовсюду окружены явными и тайными врагами... Эти отряды покуда признаны достаточными, чтобы сдержать в повиновении массу иноверного фанатического туземного населения, которое могло бы в полном смысле слова подавить своею многочисленностью русские отряды [НАРУз. Ф. И-1. Оп. 16. Д. 15. Л. 3–3 об.].

Исходя из этих соображений туркестанская администрация способствовала созданию отдельных переселенческих поселков, в которых переселенцы могли быть полностью автономны от коренных жителей региона.

Государство решало важные геополитические и национальные задачи с помощью крестьянской колонизации Туркестана, стремясь продемонстрировать успехи российской гражданственности и российского способа хозяйствования. Конфессиональный статус переселенцев оказывался решающим, что было закреплено законодательством.

Задачи империи и русские переселенческие поселки в Туркестане

В исследованиях мало освещен вопрос, насколько консолидированными были переселенцы, становились ли они участниками формирующегося национального проекта Российской империи даже в условиях проживания в непосредственной близости от мусульманского населения.

Статистика свидетельствует, что, согласно данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., в Сырдарьинской области, в состав которой входил Ташкентский уезд вместе с крупным административным центром – Ташкентом, проживало великороссов 31 900 чел., малороссов – 12 853 чел., белорусов – 81 чел. В разделе переписи, где фигурировали данные по языкам, все эти три группы маркировались как русские [Первая Всеобщая перепись, с. 56–57].

В отчетах туркестанских чиновников группы переселенцев часто характеризовались как этнотерриториальные союзы по месту выхода из территорий Европейской России («запорожцы», «закавказские молокане», «немцы из Самарской губернии» и др.) [НАРУз. Ф. Р-2412. Оп. 1. Д. 339. Л. 32], однако целью имперской политики являлось сплочение этих групп для выполнения государственных задач:

Только при такой постановке переселенческого дела на окраину попадут не случайно пришедшие сюда переселенцы, которых гонит с родины нужда, а хорошо подобранный контингент колонистов, вполне вооруженных для борьбы здесь за *русское дело* (здесь и далее курсив мой. – Ю. Ц.), способных убедить инородцев-аборигенов в преимуществах русской культуры перед мусульманским застоём [НАРУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 858. Л. 18–18 об.].

Множество примеров из имперского нарратива свидетельствует, что русские переселенцы не показывали необходимого уровня сплоченности, на который рассчитывала туркестанская администрация. В заметках этнографа Туркестана И. Гейера показаны примеры взаимопомощи между ташкентским немецким обществом и водворившимися немцами с. Константиновского Ташкентского уезда. Автор проводит параллели с русскими переселенцами, среди которых не находит подобной взаимовыручки:

Они (ташкентские немцы. – Ю. Ц.) прекрасно понимали, что от людей, явившихся из деревни, ничего подобного требовать нельзя, поэтому разумно протянутая рука помощи не оскудевает. <...> В этом осмысленном понимании общечеловеческих обязанностей... и заключается та сила, которую немцы приобретают на чужбине и от которой нашему брату *русскому* с плохо развитым чувством солидарности нередко приходится терпеть много горя [Там же. Ф. Р-2412. Оп. 1. Д. 339. Л. 32].

И. Гейер в оценочных суждениях о переселенцах напрямую указывает, что отсутствие солидарности и сплоченности среди русских переселенцев усложняло адаптацию каждого из них в Туркестане. Развивая мысли о разобщенности среди русских переселенцев, исследователь иллюстрировал их примерами из жизни с. Кауфманского:

Большинство новоселов Кауфманского – бедняки. <...> Это *чисто русское село* со всеми *русскими* характерными особенностями. Обыватели... при первом затруднении готовы звать на помощь варягов, которых видят в лице начальства. Их старшие братья, ташкентская интеллигенция, не похожа на немецкое общество, и не только относится с полным равнодушием к их судьбе, но и при всяком удобном случае отрешиваются от них как от чего-то вполне чуждого и ненавистного (сохранены стиливые особенности оригинала. – Ю. Ц.) [Там же. Л. 32 об.].

В наблюдениях Гейера подчеркиваются те черты русских переселенцев, которые крайне раздражали туркестанских чиновников, – неумение договариваться, стремление к решению любой проблемы подключать администрацию, равнодушие между членами одного переселенческого сообщества.

Солидарность между «великороссами» и «малороссами» была развита в еще меньшей степени:

В одном селении группируются люди не только из разных уездов, но и [из] разных губерний. Более скрытный по натуре хохол косится на великоросса, а последний с некоторого рода снисхождением посматривает на хохла. Они сейчас же разбиваются на отдельные партии (группы. – Ю. Ц.) и об общем деле хлопочут в разницу, а потом свои промахи начинают валить друг на друга [НАРУз. Ф. Р-2412. Оп. 1. Д. 339. Л. 32 об.].

Подобные примеры свидетельствуют о том, что крестьяне с трудом вовлекались в призванный объединить их имперский проект, зачастую игнорировали высокие культуртрегерские задачи, возложенные на них администрацией.

Хозяйственно-экономический потенциал переселенцев в отдельных случаях вызывал пессимизм и критику у имперских и туркестанских чиновников. Экономическая адаптация в Туркестане была более успешной у переселенцев, водворившихся в первые годы колонизации региона в 1870–1880-е гг., к началу XX в. они проживали в старожильческих поселках [Переселенческое дело в Туркестанском крае, с. 160]. Из-за закрытия Туркестана для переселения с 1897 г. самовольно водворившиеся в Туркестан крестьяне оказались на положении неофициально въехавших переселенцев и нередко арендовали землю у старожилов. Между русскими старожилами и самовольными переселенцами возникали острые конфликты из-за дележа водных и земельных ресурсов [НАРУз. Ф. Р-2412. Оп. 1. Д. 341. Л. 21].

В отчете имперского статиста А. А. Кауфмана критичнее, чем в других имперских ревизиях, показаны хозяйственные черты переселенцев в отдельных переселенческих хозяйствах: склонность к требованию от туркестанской администрации лучших условий водворения, привычка части из них скитаться по заработкам, пристрастие к пьянству, праздному образу жизни [К вопросу о русской колонизации, с. 5–7].

Можно провести аналогии с ситуацией в западных губерниях Российской империи, упоминаемой в работе А. И. Миллера, согласно которой в начале XX в. малорусские помещики не включались в национальную мобилизацию, так как были заинтересованы только в сохранении своих земельных наделов и экономических выгод [Miller, p. 70]. Примерно так же некоторые русские переселенцы в Туркестане демонстрировали пренебрежение теми высокими государственными задачами, которые были на них возложены, их основная заинтересованность сводилась к извлечению личной выгоды в земельно-водных вопросах:

Все местные деятели подтверждают, что в виде правила в столкновениях из-за воды нападающей стороной являются *русские*, вообще очень склонные игнорировать права и интересы своих соседей тузем-

цев. В частности, русские поселенцы весьма мало склонны к производству каких бы то ни было крупных ирригационных работ, даже когда они в них непосредственно заинтересованы, так как питают убеждение, что вода должна быть отведена им вместе с землей [К вопросу о русской колонизации, с. 27–28].

По материалам отчетов, публикациям в специальных переселенческих изданиях, по делопроизводственной документации можно проследить разочарование чиновников имперской и туркестанской администрации колонизационным потенциалом русских переселенцев, не оправдавших возложенной на них «цивилизаторской» миссии относительно «окультуривания» коренного населения и решения экономических задач. Имперские и туркестанские управленцы признавали, что переселенцы очень часто ущемляли права коренного населения. В отчете А. А. Кауфмана от 1903 г. указываются факты притеснения «киргизов» в земельных правах [Там же, с. 6].

В имперском нарративе приводятся примеры проблем, связанных с духовно-нравственным развитием переселенцев в Туркестане. Это было обусловлено, с одной стороны, затрудненным диалогом туркестанской администрации и Туркестанской православной епархии, которую по настоянию К. П. фон Кауфмана основали не в Ташкенте, а в г. Верном [Литвинов, с. 9], и, с другой стороны, нехваткой священников и средств для строительства церквей. В поселках самовольных переселенцев не было школ и церквей [НАРУз. Ф. Р-2412. Оп. 1. Д. 341. Л. 24], соответственно, поддерживать религиозные формы солидарности между переселенцами было крайне затруднительно.

Н. Коблов из Джизака, прослуживший около пяти лет священником в поселках Сыр-Дарьинской области, скептически оценивал свою работу с православными переселенцами:

...Много было положено трудов над духовной нивой – переселенцами. Их нравственное убожество, языческие суеверия, склонность к злоупотреблению спиртными напитками – все это давало обильный материал для пастырской деятельности священнику и немало доставляло трудов, душевной тревоги и огорчений [Там же. Д. 207. Л. 25].

Отчасти это свидетельствует о том, что стремление туркестанской администрации солидаризовать переселенцев вокруг православия также столкнулось со множеством проблем и трудностей.

В отчетах туркестанской администрации неоднократно упоминалось, что в переселенческих селах ощущались нехватка священников, недостаток церквей и школ, и, напротив, наблюдался избыток кабаков. Долгое время церковь отсутствовала в селении Спаское в Голодной степи, об этом в документе было написано так:

Неимение православной церкви и священника тяжело отзывалось на духовных нуждах новоселов. [Испытывая] отчужденность от родины, не видя церкви и священников, живя среди туземцев и частью штундистов и баптистов, крестьяне невольно забывали христианские обычаи и частично грубели [НАРУз. Ф. Р-2412. Оп. 1. Д. 342. Л. 14].

В специальных переселенческих изданиях, периодической печати, отчетах и записках чиновников довольно часто высказывались сомнения и пессимизм относительно культурного и хозяйственного потенциала русского крестьянина и его надежности в деле выполнения культуртрегерских задач.

Несмотря на поддержавшееся государством дистанцирование переселенцев и коренного населения, эти группы все же контактировали, особенно в хозяйственно-бытовой сфере. Крайнее неприятие у туркестанских управленцев вызывал такой «изъян» русского переселенческого общества, как пьянство, которое успешно заимствовалося отдельными представителями коренного населения:

В течение нескольких дней мусульманского праздника, совпавшего в этом году с нашей Масленицей, на улицах Ташкента можно было наблюдать факт некоторого освоения туземцев с нашей жизнью, проявлявшийся, однако, далеко не в положительной форме. С раннего утра по русскому городу (русской части Ташкента. – Ю. Ц.) сновали пешком и разъезжали на извозчиках не всегда в скромных позах компании сартов¹, нахлынувших в наш город с целью погулять и повеселиться в новой для них обстановке. <...> Немало замечалось среди них и пьяных, перенявших, по-видимому, легче всего эту печальную принадлежность нашего праздничного обихода [Там же. Д. 207. Л. 7].

Данные примеры свидетельствовали о сближении переселенцев и коренного населения в повседневных и праздничных проявлениях, несмотря на разницу языкового и религиозно-культурного компонентов.

Усиление контактов между колонистами и коренным населением в религиозной сфере приводило к ситуациям, когда мусульмане посещали православные храмы из любопытства, либо в порядке службы офицеры-мусульмане «обязались присутствовать на богослужениях». Туркестанским генерал-губернатором С. М. Духовским в конце 1899 г. был направлен официальный запрос туркестанскому епископу Аркадию с просьбой разъяснить, на каких условиях возможно посещение мусульманами православных храмов [НАРУз. Ф. И-1. Оп. 18. Д. 39. Л. 2–2 об.]. Епископ Аркадий согласовал этот запрос с Синодом, и было принято компромиссное решение, отраженное в ответе:

¹ Сарты – наименование части оседлого населения отдельных регионов Средней Азии в XV и XVIII – начале XX в. Сарт (букв.) – торговец, купец или зажиточный человек.

«туземцам края разрешалось посещать православные храмы в национальных костюмах... при соблюдении благопристойности» [НАРУз. Ф. И-1. Оп. 18. Д. 39. Л. 7].

В Ферганской области фиксировались случаи обращения русских переселенцев в ислам, что рассматривалось туркестанской администрацией фактически как провал колонизационной политики. В протоколе заседания комиссии по вопросу об определении в Ферганской области площадей земли читаем:

Следует, однако, указать на опасность (русских хуторов-поселений. – Ю. Ц.), какой со временем такие разбросанные хуторяне могут подвергнуться в смысле обратного влияния на них туземцев, не исключающего возможности даже перехода русских в мусульманство, каковые случаи на редких пока примерах наблюдались [Там же. Оп. 17. Д. 656. Л. 1 об.].

Несмотря на то, что православные переселенцы в первую очередь привлекались для водворения в Туркестан, представители туркестанской администрации неоднократно подчеркивали, что опыт адаптации православных колонистов резко контрастировал с опытом адаптации религиозных меньшинств (русских сектантов) и национальных меньшинств (немцев и др.), у которых сохранялось гораздо более сильное чувство своей религиозной и национальной солидарности [Цыряпкина, с. 185], что требует отдельного рассмотрения.

В имперском нарративе под метафорой «русское дело» подразумевалась стратегия закрепления Туркестана в составе Российской империи посредством формирования не только административного и военного аппарата, но и «русских частей» городов, а также переселенческих поселков. В представлениях имперских и туркестанских чиновников переселенцы в Туркестане рассматривались как инструмент «цивилизаторской миссии» на Востоке, на них возлагались важнейшие культуртрегерские задачи.

Российская империя в XIX – начале XX в. оставалась конфессиональным государством, в котором религия являлась ключевой основой для классификации общества. Имперские чиновники, проектируя процесс освоения Туркестана во второй половине XIX в., выделяли сословные и конфессиональные группы, призванные участвовать в нем: в первую очередь это были крестьяне-земледельцы, формировавшие успешные переселенческие хозяйства, во-вторых, переселенцы православного вероисповедания, которым были свойственны связь с государственной религией и обособленность от коренного населения региона. В видении имперских чиновников наиболее прочной основой солидарности являлась как раз принадлежность к православной общине. Поддерживая и регулируя процесс переселения, империя

привлекала для него православных переселенцев, в исключительных случаях – представителей других христианских течений и сектантов, которые были призваны продемонстрировать коренному населению превосходство российского земледельческого хозяйства и оседлого образа жизни и выступить в роли культуртрегеров.

Анализ материала показывает, что имперские и туркестанские чиновники фиксировали отсутствие групповой солидарности и сплоченности русских переселенцев как по линии национальной принадлежности (великороссы и малороссы), так и по социальным категориям (старожилы и самовольные переселенцы). Критику администрации вызывали хозяйственно-экономический потенциал части переселенцев, ограниченность их денежных ресурсов при водворении, излишняя требовательность к администрации, пьянство, стремление извлечь выгоды в земельно-водном вопросе. Попытка сплотить переселенцев вокруг православия и конфессиональной идентичности также наталкивалась на множество сложностей.

Список литературы

Брежнева С. Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XI–XX вв. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2018. Т. 17, № 3. С. 608–638. DOI 10.22363/2312-8674-2018-17-3-608-638.

Брусина О. И. Славяне в Средней Азии : этнические и социальные процессы. Конец XIX – конец XX века. М. : Вост. лит., 2001. 240 с.

Васильев Д. В., Любичанковский С. В. Казахи и русские : бытовая аккультурация в XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 151–165.

Герасимов И., Глебов С. и др. Новая имперская история и вызовы империи // Ab Imperio. 2010. № 1. С. 19–52.

Гинзбург А. И. Русское население в Туркестане (конец XIX – начало XX века). М. : УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1991. 144 с.

Имперская политика аккультурации и проблемы колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи) / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2019. 480 с.

К вопросу о русской колонизации Туркестанского края : Отчет члена Ученого Комитета М-ва З. и Г. И. А. А. Кауфмана по командировке летом 1903 года. СПб. : Тип. В. Ф. Киришбаума, 1903. 205 с.

Котюкова Т. В. Политика «двойного игнорирования» в имперском дискурсе России в отношении кочевого населения Туркестана в конце XIX в. (специфика «мусульманского вопроса» и «православного ответа») // Центральная Азия на перекрестке Европейских и Азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. : сб. науч. тр. междунар. семинара. Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г. М. : ОнтоПринт, 2019. С. 78–98.

Литвинов П. П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Елец : [Б. и.], 1996. 226 с.

Миллер А. И. История Романовых и национализм : эссе по методологии исторических исследований. М. : Новое лит. обозрение, 2008. 248 с.

НАРУз. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5020. Ф. И–1. Оп. 2. Д. 1249; Оп. 16. Д. 15; Оп. 17. Д. 63, 656, 858; Оп. 18. Д. 39. Ф. И–269. Оп. 1. Д. 125. Ф. Р–2681. Оп. 1. Д. 26. Ф. Р–2412. Оп. 1. Д. 207, 339, 341, 342, 343.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Сырдарьинская область. СПб. : Тип. т-ва «Народная польза», 1905. 232 с.

Переселенческое дело в Туркестане : отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К. К. Паленом. СПб. : Сенат. тип., 1910. 419 с.

Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская) : Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. чиновника особых поручений при Переселенческом Управлении Н. Гаврилова. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1911. 336 с.

Ремнев А., Суворова Н. «Русское дело» на азиатских окраинах : «русскость» под угрозой, или «сомнительные культуртрегеры» // *Ab Imperio*. 2008. № 2. С. 157–222.

Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск : Наука, 2013. 248 с.

Фомченко А. П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент : Изд-во «ФАН» Узб. ССР, 1983. 128 с.

Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М. : Новое лит. обозрение, 2008. 464 с.

Цыряпкина Ю. Н. Переселенческое сообщество в Сырдарьинской области Туркестана по донесениям царской администрации начала XX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2015. № 4/1 (88). С. 285–289. DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-46.

Цыряпкина Ю. Н. Русские переселенцы в Туркестане в конце XIX – начале XX в. : основные социокультурные характеристики // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 411. С. 183–187. DOI 10.17223/15617793/411/25.

Miller A. “National Indifference” as a Political Strategy? // *Kritika : Exploration in Russian and Eurasian History*. 2019. Vol. 20. № 1. P. 63–72. DOI 10.1353/kri.2019.0003.

Morrison A. Russian Rule in Samarkand 1868–1910. A Comparison with British India. Oxford : Oxford Univ. Press, 2008. 364 p.

Morrison A. The Russian Empire and the Soviet Union : Too Soon to Talk of Echoes? // *Echoes of Empire : Memory, Identity and the Legacy of Imperialism* / ed. by K. Nicolaidis, B. Sebe, G. Mass. L. : I. B. Tauris, 2015. P. 115–174.

Rieber A. J. Colonizing Eurasia // *Peopling the Russian Periphery : Borderland Colonization in Eurasian History* / ed. by N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. N. Y. : Routledge, 2007. P. 259–276.

Uyama T. Mutual Relations and Perceptions of Russians and Central Asians : Preliminary Notes for Comparative Imperial Studies // *Empire and After : Essays in Comparative Imperial and Decolonization Studies*. Sapporo : Slavic Research Center, Hokkaido Univ., 2012. P. 19–33.

Werth P. W. At the Margins of Orthodoxy : Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia’s Volga-Kama Region, 1827–1905. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2002. 275 p.

References

Abashin, S. N., Arapov, D. Yu., Bekmakhanova, N. E. (Eds.). (2008). *Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii* [Central Asia under the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 464 p.

Brezhneva, S. N. (2018). Otrazhenie idei akkul'turatsii v pereselencheskoi politike Rossiiskoi imperii v Turkestane na rubezhe XIX–XX vv. [The Reflection of the Acculturation Idea in the Resettlement Policy of the Russian Empire in Turkestan at the Turn of the 20th Century]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*. Vol. 17. No. 3, pp. 608–638. DOI 10.22363/2312-8674-2018-17-3-608-638.

Brusina, O. I. (2001). *Slavyane v Srednei Azii: etnicheskie i sotsial'nye protsessy. Konets XIX – konets XX veka* [Slavs in Central Asia: Ethnic and Social Processes in the Late 19th – Late 20th Centuries]. Moscow, Vostochnaya literatura. 240 p.

Fomchenko, A. P. (1983). *Russkie poseleniya v Turkestanskom krae v kontse XIX – nachale XX v. (sotsial'no-ekonomicheskii aspekt)* [Russian Settlements in the Turkestan Region in the Late 19th – Early 20th Centuries (Socio-Economic Aspect)]. Tashkent, Izdatel'stvo “FAN” Uzbekskoi SSR. 128 p.

Gerashimov, I., Glebov, S. et al. (2010). Novaya imperskaya istoriya i vyzovy imperii [New Imperial History and Challenges of the Empire]. In *Ab Imperio*. No. 1, pp. 19–52.

Ginzburg, A. I. (1991). *Russkoe naselenie v Turkestane (konets XIX – nachalo XX veka)* [Russian Population in Turkestan (Late 19th – Early 20th Centuries)]. Moscow, UOP Instituta etnologii i antropologii RAN. 144 p.

K voprosu o russkoi kolonizatsii Turkestanskogo kraja. Otchet chlena Uchenogo Komiteta M-va Z. i G. I. A. A. Kaufmana po komandirovke letom 1903 goda [On the Issue of Russian Colonization of Turkestan Region. Report of a Member of the Scientific Committee of the Ministry of Agriculture and State Property A. A. Kaufman on a Business Trip in the Summer of 1903]. (1903). St Petersburg, Tipografiya V. F. Kirshbauma. 205 p.

Kotyukova, T. V. (2019). Politika “dvoinogo ignorirovaniya” v imperskom diskurse Rossii v otnoshenii kochevogo naseleniya Turkestana v kontse XIX v. (spetsifika “musul'manskogo voprosa” i “pravoslavnogo otveta”) [The Policy of “Double Ignorance” in the Imperial Discourse of Russia in Relation to the Nomadic Population of Turkestan in the Late 19th Century (the Peculiarities of the “Muslim Question” and the “Orthodox Answer”)]. In *Tsentrāl'naya Aziya na perekrestke Evropeiskikh i Aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv. Sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnogo seminar. Alma-Ata, 19–23 avgusta 2019 g.* Moscow, OntoPrint, pp. 78–98.

Litvinov, P. P. (1996). *Neislamskie religii Srednei Azii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Non-Islamic Religions of Central Asia (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Elets, S. n. 226 p.

Lyubichankovskii, S. V. (Ed.). (2019). *Imperskaya politika akkul'tratsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiiskoi imperii)* [Imperial Policy of Acculturation and the Problem of Colonialism (with Reference to Nomadic and Semi-Nomadic Peoples of the Russian Empire)]. Orenburg, Izdatel'skii tsentr Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 480 p.

Miller, A. (2019). “National Indifference” as a Political Strategy”? In *Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History*. Vol. 20. No. 1, pp. 63–72. DOI 10/1353/kri.2019.0003.

Miller, A. I. (2008). *Istoriya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskikh issledovaniy* [The History of the Romanovs and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 248 p.

Morrison, A. (2008). *Russian Rule in Samarkand 1868–1910. A Comparison with British India*. Oxford, Oxford Univ. Press. 364 p.

Morrison, A. (2015). The Russian Empire and the Soviet Union: Too Soon to Talk of Echoes? In Nicolaidis, K., Sebe, B., Mass, G. (Eds.). *Echoes of Empire: Memory, Identity and the Legacy of Imperialism*. L., I. B. Tauris, pp. 115–174.

NARUZ [National Archive of the Republic of Uzbekistan]. Stock 7. List 1. Dos. 5020. Stock I–1. List 2. Dos. 1249; List 16. Dos. 15; List 17. Dos. 63, 656, 858; List 18. Dos. 39. Stock I–269. List 1. Dos. 125. Stock R–2681. List 1. Dos. 26. Stock R–2412. List 1. Dos. 207, 339, 341, 342, 343.

Pereselencheskoe delo v Turkestane. Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoi po Vysochaischemu poveleniyu Senatorom Gofmeisterom Grafom K. K. Palenom [The Resettlement Case in Turkestan. A Report on the Revision of Turkestan Region, Carried out at the Highest Order by Senator Chamberlain Count K. K. Palen]. (1910). St Petersburg, Senatskaya tipografiya. 419 p.

Pereselencheskoe delo v Turkestanskom krae (oblasti Syr-Dar'inskaya, Samarkandskaya i Ferganskaya). Otchet po sluzhebnoi poezdke v Turkestan osen'yu 1910 g. chinovnika osobykh poruchenii pri Pereselencheskom Upravlenii N. Gavrilova [Resettlement in Turkestan Region (Syr-Darya, Samarkand, and Ferghana Regions). Report on a Business Trip to Turkestan in the Autumn of 1910 by N. Gavrilov, an Official for Special Assignments under the Migration Administration]. (1911). St Petersburg, Tipografiya F. Vaisberga i P. Gershunina. 336 p.

Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [First General Census of the Russian Empire, 1897]. (1905). St Petersburg, Tipografiya tovarishchestva “Narodnaya pol'za”. 232 p.

Remnev, A. V., Suvorova, N. G. (2013). *Kolonizatsiya Aziatskoi Rossii: imperskie i natsional'nye stsenarii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [Colonization of Asiatic Russia: Imperial and National Scenarios of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Omsk, Nauka. 248 p.

Remnev, A., Suvorova, N. (2008). “Russkoe delo” na aziatskikh okrainakh: “russkost” pod ugrozoi ili “somnitel’nye kul’turtregery” [The “Russian Act” on the Asian Outskirts: “Russianness” under Threat or “Doubtful Kulturträger”]. In *Ab Imperio*. No. 2, pp. 157–222.

Rieber, A. J. (2007). Colonizing Eurasia. In Breyfogle, N., Schrader, A., Sunderland, W. (Eds.). *Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History*. N. Y., Routledge, pp. 259–276.

Tsyrpapkina, Yu. N. (2015). Pereselencheskoe soobshchestvo v Syrdar’inskoi oblasti Turkestana po doneseniyam tsarskoi administratsii nachala XX v. [Resettled Community in the Syr Darya Region of Turkestan in the Reports of the Tsarist Administration in the Early 20th Century]. In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4/1 (88), pp. 285–289. DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-46.

Tsyrpapkina, Yu. N. (2016). Russkie pereselentsy v Turkestane v kontse XIX – nachale XX v.: osnovnye sotsiokul’turnye kharakteristiki [Russian Settlers in Turkestan in the Late 19th – Early 20th Centuries: The Main Sociocultural Characteristics]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 411, pp. 183–187. DOI 10.17223/15617793/411/25.

Uyama, T. (2012). Mutual Relations and Perceptions of Russians and Central Asians: Preliminary Notes for Comparative Imperial Studies. In *Empire and After: Essays in Comparative Imperial and Decolonization Studies*. Sapporo, Slavic Research Center, Hokkaido Univ., pp. 19–33.

Vasil’ev, D. V., Lyubichankovskii, S. V. (2018). Kazakhi i russkie: bytovaya akkul’turatsiya v XIX v. [Kazakhs and Russians: Household Acculturation in the 19th Century]. In *Voprosy istorii*. No. 3, pp. 151–165.

Werth, P. W. (2002). *At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia’s Volga-Kama Region, 1827–1905*. Ithaca, Cornell Univ. Press. 275 p.

The article was submitted on 06.03.2022

Professional Communication in the Republic of Kazakhstan in Conditions of Diglossia and Bilingualism*

Elena Shelestyuk

Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia

Altyngul Suyunbayeva

Military Institute of Air Defense Forces,
Aktobe, Kazakhstan

Marat Bukharbaev

Kazakh-Russian International University,
Aktobe, Kazakhstan

This article analyses the sociocultural aspects of bilingualism and presents a specific case study of educational professional bilingualism in the Republic of Kazakhstan. In post-Soviet space, bilingualism/diglossia is functional rather than social, it is professionally conditioned and aimed at the conceptual-terminological and discourse-patterns mediation between the macro-mediator language and the national state language. Bilingualism is inevitable in multiethnic societies. Despite the complexity and additional stress associated with the need to learn 2–3 languages in a multiethnic society, bilingualism needs to be tolerated as a natural necessity. But in countries where the languages and cultures of ethnic minorities are not given due attention, bilingualism often spells semilingualism: L1 is hardly formally taught, and L2 is not fully acquired because of insufficient training. The alternative, common in the post-Soviet space, is the finely orchestrated linguistic education in both languages – a two-stage process, when macro-mediator L2 is taught as a subject in junior grades, and later instruction is conducted in it along with titular regional languages, as well as the inclusion of all languages in high domains of communication. It is also vital that such bilingualism be endoglossic, so that the original languages of those territories in which they existed for hundreds of years are studied, including

* *Citation:* Shelestyuk, E., Suyunbayeva, A., Bukharbaev, M. (2022). Professional Communication in the Republic of Kazakhstan in Conditions of Diglossia and Bilingualism. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1642–1656. DOI 10.15826/qr.2022.5.752.

Цитирование: Shelestyuk E., Suyunbayeva A., Bukharbaev M. Professional Communication in the Republic of Kazakhstan in Conditions of Diglossia and Bilingualism // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1642–1656. DOI 10.15826/qr.2022.5.752.

the macro-mediator language. The objective laws of linguistic development in this process should be combined with guided targeted measures to ensure it. If a state language is not to date sophisticated enough to serve academic and official discourses, its quality, status, and weight should gradually change with the assistance of an endoglossic macro-mediator language.

Keywords: functional bilingualism, linguistic situation, sociolinguistics, diglossia, macro-mediator language, professional communication

В статье представлены краткий анализ социокультурных аспектов двуязычия и социологическое исследование профессионального двуязычия в вузе Республики Казахстан. На постсоветском пространстве билингвизм (диглоссия) носит скорее функциональный, чем социальный характер: он профессионально обусловлен и направлен на опосредование концептуально-терминологических и дискурсивных паттернов между языком-макропосредником (русским, L2) и национальным государственным языком (L1). В многонациональных обществах (коих в числе стран мира подавляющее большинство) двуязычие неизбежно. Несмотря на сложность и дополнительный стресс, связанный с необходимостью изучения двух-трех языков, двуязычие нужно терпеть как естественную необходимость. Но в странах, где языкам и культурам этнических меньшинств не уделяется должного внимания, двуязычие часто означает семилнгвизм: формального обучения L1 практически нет, а L2 осваивается не в полной мере из-за недостаточной языковой подготовки. Альтернативой, распространенной на постсоветском пространстве, является тонко срежиссированное лингвистическое образование на двух языках – двухэтапный процесс, когда язык-макропосредник L2 преподается как предмет в младших классах, а в дальнейшем на нем ведется обучение (наряду с государственным языком), а также происходит включение региональных, коренных языков и языков меньшинств в «высокие» области функциональной коммуникации в качестве официальных языков. Также жизненно важно, чтобы такое двуязычие было эндогlossным, чтобы изучались оригинальные языки тех территорий, на которых они существовали в течение сотен лет. Объективные закономерности языкового развития в этом процессе должны сочетаться с целенаправленными мерами по его обеспечению. Если государственный язык на сегодняшний день недостаточен для обслуживания научных и официальных дискурсов, его качество, статус и вес должны постепенно меняться с помощью эндогlossного языка-макропосредника.

Ключевые слова: функциональный билингвизм, диглоссия, языковая ситуация, социолнгвистика, язык-макропосредник, профессиональная коммуникация

Bilingualism, concomitant notions, and sociocultural problematics

The functioning of languages in any country depends on the linguistic situation – the co-existence of languages within regional, administrative, and political entities, their territorial-social and functional parameters [Сююнбаева, с. 97]. Viewed as a conceptual field, the linguistic situation includes a) language contacts, statuses, policies, construction, competences, value orientations of ethnophores, b) communicative domains in which languages' social functions are manifested, c) the social situation providing the cultural, economic, and professional infrastructures for language functioning [Аюпова, с. 156].

In cognitive terms, bilingualism is an individual's knowledge of two languages with the same or different degrees of competence and social communication in them. J. D. Desheriev and I. F. Protchenko define bilingualism as “command of two languages to such an extent as to express thoughts comprehensibly and perceive other people's messages with understanding, regardless of inner speech processing (in L1 or L2) and linguistic interference” [Дешериев, Протченко].

A sociolinguistic definition emphasizes bilinguals' “functioning in the same territory, in the same national environment. Bilingualism is the use of two languages by the same population in the process of communication” [Головин]. A broad view uses cultural-civilizational dimensions: “bilingualism is the result of civilizational interaction of cultures, a form of adaptation to a different or related linguistic culture” [Багирокков, с. 33–34].

Diglossia is functionally and socially differentiated bilingualism where languages may differ in statuses and serve for different domains of social, official, and professional interaction. Diglossia is a norm in any modern multiethnic society and state, it may evolve naturally in the joint evolution of territorially related languages or be legitimated by fiat. In ideal models, diglossia implies equal statuses of languages, their different functions and mutual enrichment. Oftentimes, however, one language serves as a macro-mediator transmitting modern conceptual and terminological package, and the other as a traditional cultural “data storage medium” and recipient of modern information. For recipient languages, diglossia may be transitional, as they transit to a higher science and technology status through borrowing terms and concepts from the macro-mediator language.

An important notion concomitant with bilingualism and studied both by cognitive linguistics and functional sociolinguistics is code-switching – mental-linguistic operations bilinguals perform using their abilities and competencies in transition from one language (dialect, style) to another depending on conditions of communication [Боева-Омелечко, с. 26]. Code-switching embraces not only cognitive-linguistic operations, but also changes of functional and cultural codes based on the differentiation of languages and cultures (causing symbolic changes of bilinguals' social and cultural identity).

Functional code-switching is manifest in multiethnic communities with bilingualism in official, social, and professional domains. There is also spontaneous, automatic, often emotional code-switching in communication, formal or informal. Both functional and spontaneous code-switching should be carefully studied.

For an individual, bilingualism is associated with a number of difficulties: the need for and cognitive stress of mastering two languages, competent communication in them, coping with interlingual interference, adequate, appropriate code-switching from one language to another.

There are many taxonomical oppositions of bilingualism; three classifications essential for us are subordinative/coordi-native/mixed, balanced/unbalanced, subtractive/additive.

Subordinative bilingualism is individual bilingualism in which the speaker perceives one language (more often L2, but sometimes recessive L1) through the nominal-conceptual system of the other (more often L1, but sometimes dominant L2). As a result, there may be interferences (phonetic, lexico-semantic, grammatical, syntactic) in the speech of such bilinguals. Coordinative bilingualism is individual bilingualism in which L1 and L2 are autonomous in the bilingual's mind and hardly mix in speech. Conceptual systems corresponding to language systems are also quite autonomous. The functional domains of communication of these languages are different, so language interferences are minimal. Mixed (correlative) bilingualism implies an ideal case of L1 and L2 acquisition, where both languages exist in the mind of the speaker as equal communicative systems [Словарь социолингвистических терминов] but correlate in terms of content (the bilingual's conceptual frames and scripts) and expression. Mixed bilingualism minimizes interferences due to high proficiency in two languages.

Balanced bilingualism means equally adequate and competent social functioning of an individual in two languages. Unbalanced bilingualism is characterized by different degrees of bilingual linguistic use and competence, when L1 (or widespread and official L2) dominates over the other language [Peal, Lambert]. In practice, bilingual and multilingual situations are rarely balanced. Balanced bilingualism is rare, as there is no complete symmetry in the socio-ethnic conditions of the coexistence of two languages in society [Мечковская]. The language that a person speaks better is dominant, and the one they speak worse is recessive. This opposition emphasizes the speaker's competencies and the frequency of language use.

Additive bilingualism refers to a situation in which the study of L2 has a developmental effect on the recipient, while not harming his competence in L1; languages and related cultures "cooperate", introduce positive elements into the overall development of a person. Subtractive bilingualism is characterized by the loss or erosion of L1, two languages compete rather than complement each other [Lambert; Baker; Liddicoat].

Bilingualism (multilingualism) and diglossia are inevitable in multiethnic societies, that is, in most of the countries of the world. However, in lots of countries the languages and cultures of minor ethnic groups are not given

due attention, there is no formal education in L1 and insufficient training in L2. Bilingualism in this case turns into semilingualism, i. e. the lack of education causing semiliteracy in L1 and incomplete, defective acquisition of L2 [Skutnabb-Kangas]. As a result, people speak two languages at a low level, with evident deficiencies in both languages, they frequently do not receive a complete secondary education (not to mention higher education) and have low-paying jobs.

The alternative is seen 1) in the finely orchestrated parallel linguistic education in both languages, a two-stage process, when macro-mediator L2 is taught as a subject in junior grades, and later instruction is conducted in it along with titular/regional languages; 2) the expansion of functioning of national, indigenous and minority languages, the inclusion of them in official, professional, scientific, and cultural communication along with the official language(-s). Both principles are generally implemented in the post-Soviet space.

While in multiethnic countries bilingualism (multilingualism) ought to be accepted as a natural necessity, despite the complexity and stressfulness of learning and using 2–3 languages, it is necessary that such bilingualism should be endoglossical, so that majoritarian, autochthonous, and old languages of countries be official and studied. It will help preserve state sovereignty and cultural identity. Exoglossical bilingualism (by which we imply Ch. A. Ferguson's meaning of an extraneous, foreign language which is not ethnically represented within a country), is a colonial vestige, it usually proves subtractive and is best avoided. An extraneous language should not claim an official language status, and taught as a foreign language of international communication, it should be culturally void, like an international auxiliary language.

Features of the linguistic situation in Kazakhstan

In the linguistic situation of the post-Soviet space, national-Russian bilingualism is common. Its distinctive feature is homogeneous (e. g. Belarusian – Russian, Kazakh – Uzbek) or heterogeneous, but territorially united languages (e. g. Kazakh – Russian, Kazakh – Ukrainian). In Kazakh sociolinguistics, many serious studies have been devoted to the problem of bilingualism, e. g. by E. D. Suleimenova, Zh. S. Smagulova, N. Zh. Shaimerdenova, M. B. Amalbekova, B. Kh. Khasanov, M. M. Kopylenko, M. R. Kondubaeva, O. B. Altynbekova, Z. K. Akhmetzhanova, etc. B. Kh. Khasanov regards bilingualism as “an integrating means of communication in the heterogeneous or mixed use of two languages” [Хасанов, с. 29]. An important inference from this is that bilingualism not only serves for the integration of a society in communication, but also ensures that the thesauruses and concepts of languages of a country's nationalities somehow converge. It is well known that languages in multiethnic countries exchange conceptual and nominal materials. Some languages provide ready-made models for written and institutional discourses. Such languages are termed macro-mediator

languages. They also function as translated educational and lexicographic sources for other languages/cultures. As a rule, they are languages of numerous ethnic groups, large nationalities of a country.

According to R. O. Jacobson, O. N. Trubachev, and other linguists and philologists, for the languages of the Eurasian language union, the macro-mediator language has been Russian, first in the Russian Empire, then in the Soviet Union. For its part, Russian imbibed the concepts and names of the nationalities' linguo-cultures [Шапошников]. The tradition of drawing on the Russian language for terms, formal discourses, and education texts has been preserved. National-Russian bilingualism obtains after the republics became independent states. Russian is normally used as the second official language, the language of a nationality second in number after the majoritarian nationality.

In fact, the functional and speech development of languages is a long and objective process. Transition of a national majority language to the leading status in all high functional domains may be gradual. In this respect Russian as a macro-mediator language has been important and is important still. Besides, in multiethnic countries teaching non-majority nationalities' languages as a subject and instruction in them is an objective necessity that must be taken for granted. Russians being a national minority in the newly formed post-Soviet countries, the Russian language is of right an official language there (and a language of international communication).

At the same time, Russian today is considered by many linguists pluricentric, i. e. the language that has brought forth its varieties due to long contacts with other dominant languages, with their own lexis, phraseology, pronunciation, spelling, and morphology. Russian in Kazakhstan has undergone diversification and Kazakhization through long-time functioning on the cultural borderland, it reflects the internalized conceptual and mental picture of the world inherent in all the Kazakhstani people. In the capacity of language variety, Kazakhstani Russian can claim the development of its own norms and standards. An important criterion for recognizing the existence of the Kazakhstani variety of Russian is the "hermeticity", "opacity", and incomprehensibility of Kazakhstani Russian for the speakers of Russian living outside of Kazakhstan [Suleimenova et al.].

The Republic of Kazakhstan is the crux of the Eurasian language union, the territory of the intensive interaction of the Turkic and the Slavic peoples. The autochthonous and majoritarian population of the Republic are Kazakhs – 13,497,891, the second largest nationality are Russians – 2,981,9461. Kazakhs have lived here and in the adjacent territories in enclaved or striped pattern since the fourth, Russians settled in the seventeenth century. The Kazakh-Russian bilingualism in Kazakhstan is the co-functioning in a single communicative space of two demographically and communicatively powerful partner-languages.

Other linguistic and extralinguistic factors of bilingualism in Kazakhstan include degrees of distribution, ethnic composition of speakers (Kazakhs,

Russians, Uzbeks, Ukrainians, Germans, Uyghurs, Tatars), their socio-psychological, ethnolinguistic, and cultural characteristics. Central and eastern Kazakhstan (the Middle Jüz) uses Kazakh and, less frequently, Russian as a lingua franca; northern and western Kazakhstan (the Junior Jüz) use mainly Russian in this capacity; the southern and south-eastern Kazakhstan parts (the Senior Jüz) use Kazakh, Russian, Uzbek, Kyrgyz, and Uyghur (rarely) in this capacity.

The official languages of Kazakhstan are Kazakh and Russian. Kazakh has the constitutionally fixed status of the state language, Russian – the status of an official language and a language of international communication. German, Tajik, Tatar, Turkish, Ukrainian, Uyghur, and Uzbek are also officially recognized (Constitution of the Republic of Kazakhstan, Article 7; 1997 Language Law; On the Languages of the Peoples in the Republic of Kazakhstan).

Language policy is the most important component of the national state policy of the Republic of Kazakhstan, largely determining the preservation of its statehood. “Modern Kazakh language policy is centralized, since it is carried out by the state and provides for a system of obligatory measures; it is aimed at changing the existing language situation. The language policy takes into account the interests of the broad masses and can be called democratic. It is necessary to emphasize the international nature of the language policy, since even though priority is given to the development of the Kazakh language, maximum attention is paid to the development of the Russian language and the languages of all the other ethnic groups of the country” [Ойон и др.].

Communication in professional domains is institutionally included in relevant activities, it is purposeful and occurs in socially conditioned and socially oriented communicative space [Голованова]. Professional communication is an effective way of achieving extralinguistic goals, including through the functional use of a language of international communication with a range of professional sublanguages. Russian is frequently used as language of science and technology in the Republic, including world communication systems (television, radio, Internet transmissions, air, and space communications, etc.).

Among the factors of the spread of languages of international communication, of particular importance is the ability to perform functions that are not peculiar to national (ethnic) languages: to have a long-standing and flexibly changing system of styles and genres, to have elaborate and ever developing systems of special/professional sublanguages (LSPs), to designate notions and concepts unambiguously and systemically (terminological systems), and to be capable to absorb and create philosophic/scientific concepts and descriptions. In this regard, the functioning of a language of international communication outside its ancestral territory is limited to certain communicative situations and domains: economy, trade, education, science, etc. Social groups of the non-Russian Kazakhstanis, whose professional activities are related to these

domains, have specific communicative needs that are successfully met by Russian linguistic mediation.

Practice shows that Russian has successfully acted as a macro-mediator language and connected individuals' thinking with the objective meanings of complex sciences and the laws of logical reasoning. It has long been the language of professional training, a medium of science, knowledge, assimilating technical and information achievements, as well as expanding horizons. The Kazakh language, having the status of the state language, so far has had a narrower range of applications within scientific and technical domains and has been enriched through Russian. From the above positions, we assess the bilingualism in the Republic of Kazakhstan as functional and transitional, with the Kazakh language functioning as the main state and official language and Russian functioning as the macro-mediator and source language of professional terminology and discourse in scientific and professional domains.

Professional use of Russian is an important tool for achieving success in a specialty. However, there are many obstacles on the way to acquiring the professional brand of language: professional discourses are distinguished for complex terminological systems (basic terms, general scientific words, specialized terms, nomina, pre-terms: professionalisms, jargon [Дробышева]); official-business and scientific styles necessitate accuracy, logic, normalcy, awareness of specificity of various genres; professional communication involves literacy and compliance with the norms of speech culture and etiquette. Hence the necessity for the extensive study of literary and popular science substyles of language.

Professional communication carried out in the fields of increased responsibility, like aviation, entails that its participants speak a common language that is understood by all parties unambiguously. Therefore, the linguistic training of future airmen and related professions is intense, particularly in languages of international communication (esp. ICAO languages) and sublanguages (LSPs) of aviation.

Let us consider the specific linguistic and language-related situation among of the cadets of the Military Institute of the Air Defense Forces of the Republic of Kazakhstan (Aktobe). About 73.2 % of the trainees are graduates of Kazakh national schools, but the Kazakh language is so far not in demand in professional communication, due to the above-mentioned reasons, primarily, insufficient vocabulary/terminological bases. Among cadets, the use of Kazakh is mainly limited to informal types of discourse. At the same time, they must be proficient in Russian as the language of professional communication, fluent in it in social life, clear and accurate in professional usage. To form the speech competence of future airmen and related specialties, a course of Russian was introduced in the Institute's curriculum. This course aims at cadets gaining linguistic and communicative knowledge, skills, and abilities as professional competences.

To identify the functioning of bilingualism in cadet groups of the Military Institute of the Air Defense Forces of the Republic of Kazakhstan,

we conducted a series of surveys in 2015–2021, and the results of the latest one are listed in this paper. The survey was conducted on December 2, 2021. The initial number of respondents was 387, then it was reduced to 156. We chose those who answered the question “Do you speak two languages?” positively and indicated Kazakh and Russian in reply to “What languages do you speak?”. So only natural bilinguals were selected for further research in our sociolinguistic study.

The respondents’ nationalities split as: Kazakhs – 91 %, Russians – 5 %, other – 4 %. Of them, 87 % reported fluency in Kazakh and 88 % – in Russian. 1 % Kazakh and 2 % Russian respondents admitted to understanding speech in the other language but inability to paraphrase messages in the mother tongue.

Since Kazakhs constituted more than 90 % respondents in the 2021 survey, it can be considered as mostly based on the linguistic condition of young Kazakhs.

Our respondents were aged 17–22.

The survey involved a sociological analysis based on questionnaires. Its purpose was to identify the linguistic condition of the respondents, the types of their bilingualism, and the distribution of roles of Kazakh and Russian in everyday and professional communication, at leisure. The questionnaire included a few special questions: inquiry about their age, what languages they spoke, why it was necessary to learn Kazakh/Russian (providing several reasons). We also inquired which language cadets considered their native (mother tongue), that is, according to V. G. Kostomarov, the language that a person learns and comprehends simultaneously with the development of the ability to think, one of the main signs of ethnic self-consciousness and identity [Костомаров]. The main bulk of the questionnaire comprised yes/no questions about the use of Russian and Kazakh in different communicative spaces of public life, leisure activities, and vocational training.

We compared the percentage of use of Kazakh and Russian (see the table below) suggestive of the linguistic situation in the educational institution and the level of its students’ language competencies.

Use of Kazakh and Russian by bilingual cadets in Kazakh and Russian

What language do you use?	Kazakh			Russian		
	some-times	often	always	some-times	often	always
At college (at work)	32 %	26 %	42 %	19 %	45 %	42 %
On the street (on public transport)	26 %	49 %	30 %	32 %	54 %	39 %
In the store and catering establishment	26 %	44 %	25 %	23 %	53 %	24 %
When watching TV/listening to the radio	49 %	30 %	21 %	13 %	46 %	41 %

What language do you use?	Kazakh			Russian		
	some-times	often	always	some-times	often	always
When you read books/newspapers	42 %	36 %	22 %	24 %	42 %	34 %
When you read non-fiction	25 %	29 %	20 %	49 %	51 %	59 %
When you read fiction	23 %	25 %	23 %	41 %	52 %	56 %
To work on a computer	18 %	20 %	10 %	70 %	36 %	56 %
On websites (on the Internet)	67 %	21 %	12 %	70 %	65 %	58 %
At home	17 %	30 %	53 %	45 %	31 %	46 %
With friends	25 %	29 %	46 %	38 %	46 %	52 %

According to the results obtained, 42 % Kazakh and 45 % Russian speakers use both the Russian and the Kazakh languages. The respondents speak 49 % Kazakh and 54 % Russian on the street (on public transport), similar are the numbers for stores and catering establishments – 44 % Kazakh and 53 % Russian. While in the above communicative spaces there are no big differences in the use of the languages, in more formal and technologically mediated environments we see a different picture. When watching TV/listening to the radio, reading non-fiction (scientific, technical) and imaginative literature, working on a computer and on the Internet, most respondents prefer Russian and use Kazakh but rarely. The problem is that many changes and processes in the field of technology and information and, accordingly, in the development of languages occur spontaneously. Russian seems more fit to adapt to these changes as they reflect on it immediately. As for Kazakh, neither state regulation nor education measures or normalization can help it to keep pace with modern parlances and new meanings.

The key factors determining the linguistic condition of the respondents appear to be practicability/viability, informational satisfaction, and language environment (language users constituting the average person's milieu [Жикеева, с. 52]). These factors influence both the functioning of bilingualism and the formation of language competences. Thus, in the family Kazakhs communicate mainly in their native language. In the circle of friends and acquaintances the use of Russian grows, partly because this circle includes people who do not speak Kazakh, partly due to the larger range of topics for communication. At work the use of Russian grows significantly – apparently because this communicative space is more professionally oriented. When special information is circulated – professional, political, economic, cultural etc., i. e. anything that goes beyond the regional, family, and household framework – the Russian language dominates.

Imitative activity when asserting one's national and social identity is yet another important factor of the linguistic situation. I. Gonzalez notes that when a bilingual person is "tuned" to the perception/production of Spanish, they act and think like native speakers of Spanish, and vice versa, even phonemes are categorized in different ways due to the "tuning" to a particular language [González, Pujolar]. Possibly, the cognitive systems of early coordinative bilinguals have two separate processing modes, and when there is a need for code-switching, they "tune" themselves and start thinking in the language they speak.

In general, in most cases bilingualism in Kazakhstan is coordinative or mixed. It is generally balanced, but the balance is apt to tip in monolingual environment. It is additive for most professionals.

The results of our survey also revealed the opinions on the need to study Russian and Kazakh: 96 % of the Kazakh and 98 % of the Russian speakers stated that both languages needed to be studied.

The chief reason for learning Kazakh is that it is the state language. The mentioned reasons for learning Russian are as follows:

1. Knowledge of a second language makes it possible to use various sources of information in Russian.
2. The prestige of Russian in Kazakhstan is quite high.
3. The status of Russian is stipulated by law.
4. Russian is "linguistic capital" in modern Kazakhstan.
5. Russian is the language of international communication.
6. Russian effectively serves the purpose of professional communication.

Language education at the Institute reflects the current linguistic situation. In the first year, cadets are divided into two language subgroups: graduates of national Kazakh schools and other nationalities learn Russian, and graduates of Russian schools with perfect proficiency of Russian learn Kazakh; there is also an opportunity to study either language upon request. The number of students who graduated from national schools is increasing in Kazakhstan by the year, therefore it is Russian that is predominantly taught in the 1st–2nd years of study. In the 3rd–4th years of study, languages are not taught as subjects, cadets are trained in specialized subjects, with Russian as the language of instruction. Since aviation graduates work as airmen, technicians, engineers, where the Russian language prevails, proficiency in Russian is validated through certification testing, carried out in the 4th year, along with specialized subjects and the history of Kazakhstan. The certification is preceded by half-year weekly preparatory consultations for the cadets aimed at refreshing their competencies which may be rusty after their acquisition in the 1st–2nd years.

Essentially, the International Civil Aviation Organization (ICAO) determines the languages that are recommended for use for flight safety purposes. Safety being the prerequisite for the air transport system functioning, it is advisable to use the working languages of the ICAO, Russian being one of them. English is used on international airlines for radio communications. And within the Republic of Kazakhstan, English is also

used as a third language, as this country strives to become a trilingual state. In the case of radio communications, aviation engineering and technology, English proves a useful language for professional communication, which is its appropriate function in the globalized world.

As a complex phenomenon, bilingualism is associated with certain problems. For the individual, bilingualism imposes additional duties and burdens on the speakers associated with learning 2–3 languages, overcoming interferences, regulating code-switching. The use of a non-native language in the learning process, including professional communication, is also a disputable idea. At the same time, endoglossic bilingualism in a multiethnic society is an objective necessity. This particularly concerns professional communication, which can and should be carried out in official languages. Therefore, people studying to become professionals in a particular field should be competent in these languages.

The viable rules of modern language policy are:

1) The use of endoglossical bilingualism for interethnic communication within the state. Endoglossia should have top priority in national states, as well as internationally, the teaching and learning of native languages should be given ample attention and finance, the didactic materials and texts used for it should be culturally rich so as to ensure deep-rooted enculturation. Endoglossical languages should serve both the “high” and everyday communication.

2) Exoglossical national-global bilingualism is justified in the field of international and interstate communication, when, according to a general agreement, a certain language appears in the form of a lingua franca or an international auxiliary language, a code for transmitting individual and national meanings, as well as specialized information. Its teaching and learning should be based on texts, whenever possible cleared of the specific realia of the corresponding linguistic culture. A foreign language (as an artificial IAL) should serve well-defined purposes in international communication.

Kazakhstan, as the other countries of the post-Soviet space, is characterized by a linguistic situation of functional transitional bilingualism (diglossia), where national scientific-professional communication is mediated by and replenished through Russian as a macro-mediator language. Codification of scientific and technical terms, descriptions of inventions of engineering thought have been successfully fulfilled by Russian with its developed functional style of science with a range of scientific sublanguages (LSPs). Professional communication in aviation is highly specialized and best accomplished with the help of the Russian conceptual-terminological apparatus, due to both the tradition and the fact that science and technology are complex and multifactorial processes, involving the accurate use of terms and exact knowledge of the concepts

behind them. The Kazakh language can so far play a subsidiary role, but the situation with Russian and Kazakh as languages of science is evening out.

Our survey data basically indicate coordinative/mixed, balanced, and additive bilingualism among the cadets of the Military Institute of Air Defense Forces. Most often, the Russian language is used as the language of formal communication, studies, and vocational training.

Our study makes it possible to identify the degree of the formation of communicative competences in natural bilinguals in the specific Kazakhstan professional environment. The level of Russian and Kazakh language proficiency among cadets can be assessed as above average. The data obtained in the study also indirectly indicate that while maintaining the formation of a bilingual personality, functional transitional bilingualism will serve as a factor of mutual intercultural respect and strengthening stability in the country.

Список литературы

Аюпова Л. Л. Языковая ситуация: социолингвистический аспект. Уфа : Изд-во ВЭГУ, 2000. 156 с.

Базироков Х. З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков). Майкоп : Изд-во АГУ, 2004. 316 с.

Боева-Омелечко Н. Б. Краткий толковый словарь социолингвистических терминов. М. : Готика, 2004. 60 с.

Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля : Формирование. Развитие. Статус в языке. М. : Элпис, 2008. 304 с.

Головин Б. Н. Введение в языковедение. М. : Высш. шк., 1983. 324 с.

Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и иноязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М. : Наука, 1972. С. 26–42.

Дробышева Н. Л. Состав и стратификация авиационной лексики // Стратификация национального языка в современном российском обществе : сб. ст. пятой всерос. конф. (г. Санкт-Петербург, 28–31 ноября 2015 г.). СПб. : Златоуст, 2015. С. 76–79.

Жикеева А. Р. Специфика двуязычия Костанайской области // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (188). Филология. Искусствоведение. Вып. 41. С. 52–55.

Костомаров В. Г. Мой гений, мой язык: размышления языковеда в связи с общественными дискуссиями о языке. М. : Знание, 1991. 64 с.

Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика : пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. М. : Аспект-Пресс, 2000. 206 с.

Ойон И., Жумашиев Р. М., Досова Б. А. и др. Языковая ситуация в Казахстане на современном этапе // Вестник Карагандинского ун-та. Серия: История. Философия. 2017. № 1. С. 29–32.

Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М. : [Б. и.], 2006. 312 с.

Суюнбаева А. Ж. Языковая ситуация как фактор функционирования языка для специальных целей // Научный диалог. 2016. № 5 (53). С. 97–109.

Хасанов Б. Х. Языки народов Казахстана и их взаимодействие. Алма-Ата : Наука, 1976. 215 с.

Шапошников А. К. Академик О. Н. Трубочев о роли русского языка в СССР и СНГ // Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии : материалы 2-го междунар. конгр., 1–3 октября 2009 г. / отв. ред. Н. Ж. Шаймерденова. Астана : Сарыарка, 2009. С. 71.

Baker C. Foundations of Bilingual Education and Bilingualism. Clevedon ; Avon : Multilingual Matters, 1993. 319 p.

González I., Pujolar J. Linguistic “mudes” and the De-Ethnicization of Language Choice in Catalonia // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2013. Vol. 16. P. 138–152.

Lambert W. E. Deciding on Languages of Instruction: Psychological and Social Considerations // *Multicultural and Multilingual Education in Immigrant Countries* / eds. T. Husen, P. Opper. Oxford : Pergamon Press, 1983. P. 111–143.

Liddicoat A. Bilingualism: An Introduction // *Bilingualism and Bilingual Education*. Melbourne : National Languages Inst. of Australia, 1991. P. 2–20.

Peal E., Lambert W. E. The Relation of Bilingualism to Intelligence // *Psychological Monographs*. 1962. Vol. 76 (27), № 546. P. 1–23.

Skutnabb-Kangas T. Linguistic Genocide in Education – or Worldwide Diversity and Human Rights // *Journal of Linguistic Society of America*. 2001. № 5. P. 421–422.

Suleimenova E. D., Akanova D. Kh., Aimagambetova M. M. Biz birgemiz, or Revisiting the Diversification of Russian Language in Kazakhstan // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2021. Vol. 12, № 1. P. 7–22. DOI 10.22363/2313-2299-2021-12-1-7-22.

References

Ayupova, L. L. (2000). *Yazykovaya situatsiya: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Linguistic Situation: Sociolinguistic Aspect]. Ufa, Izdatel'stvo Vostochnoi ekonomiko-yuridicheskoi gumanitarnoi akademii. 156 p.

Bagirov, Kh. Z. (2004). *Bilingvizm: teoreticheskie i prikladnye aspekty (na materiale adygeiskogo i russkogo yazykov)* [Bilingualism: Theoretical and Applied Aspects (Based on the Adyge and Russian Languages)]. Maykop, Izdatel'stvo Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. 316 p.

Baker, C. (1993). *Foundations of Bilingual Education and Bilingualism*. Clevedon, Avon, Multilingual Matters. 319 p.

Boeva-Omelechko, N. B. (2004). *Kratkii tolkovyi slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [A Brief Explanatory Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Moscow, Gotika. 60 p.

Desheriev, Yu. D., Protchenko, I. F. (1972). Osnovnye aspekty issledovaniya dvuyazychiya i inoyazychiya [The Main Aspects of the Study of Bilingualism and Foreign Languages]. In *Problemy dvuyazychiya i mnogoyazychiya*. Moscow, Nauka, pp. 26–42.

Drobysheva, N. L. (2015). Sostav i stratifikatsiya aviatsionnoi leksiki [Composition and Stratification of Aviation Vocabulary]. In *Sbornik statei pyatoi vserossiiskoi konferentsii (g. Sankt-Peterburg, 28–31 noyabrya 2015 g.)*. St Petersburg, Zlatoust, pp. 76–79.

Golovanova, E. I. (2008). *Kategoriya professional'nogo deyatelya. Formirovanie. Razvitie. Status v yazyke* [The Category of a Professional. Formation. Development. Status in the Language]. Moscow, Elpis. 304 p.

Golovin, B. N. (1983). *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to Linguistics]. Moscow, Vysshaya shkola. 324 p.

González, I., Pujolar, J. (2013). Linguistic “mudes” and the De-Ethnicization of Language Choice in Catalonia. In *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. Vol. 16, pp. 138–152.

Khasanov, B. Kh. (1976). *Yazyki narodov Kazakhstana i ikh vzaimodeistvie* [Languages of the Peoples of Kazakhstan and Their Interaction]. Almaty, Nauka. 215 p.

Kostomarov, V. G. (1991). *Moi genii, moi yazyk: razmyshleniya yazykoveda v svyazi s obshchestvennymi diskussiyami o yazyke* [My Genius, My Language: Reflections of a Linguist in Connection with Public Discussions about Language]. Moscow, Znanie. 64 p.

Lambert, W. E. (1983). Deciding on Languages of Instruction: Psychological and Social Considerations. In Husen, T., Opper, P. (Eds.). *Multicultural and Multilingual Education in Immigrant Countries*. Oxford, Pergamon Press, pp. 111–143.

Liddicoat, A. (1991). Bilingualism: An Introduction. In *Bilingualism and Bilingual Education*. Melbourne, National Languages Inst. of Australia, pp. 2–20.

Mechkovskaya, N. B. (2000). *Sotsial'naya lingvistika. Posobiye dlya studentov gumanitarnykh vuzov i uchashchikhsya litseev* [Social Linguistics. For Students of Universities for the Humanities and Lyceums]. 2nd Ed., rev. Moscow, Aspekt-Press. 206 p.

Mikhail'chenko, V. Yu. (Ed.). (2006). *Slovar' sotsiolingvistikikh terminov* [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Moscow, S. n. 312 p.

Oyon, I., Zhumashev, R. M., Dosova, B. A. et al. (2017). Yazykovaya situatsiya v Kazakhstane na sovremennom etape [The Language Situation in Kazakhstan at the Present Stage]. In *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filosofiya*. No. 1, pp. 29–32.

Peal, E., Lambert, W. E. (1962). The Relation of Bilingualism to Intelligence. In *Psychological Monographs*. Vol. 76 (27). No. 546, pp. 1–23.

Shaposhnikov, A. K. (2009). Akademik O. N. Trubachev o roli russkogo yazyka v SSSR i SNG [Academician O. N. Trubachev on the Role of the Russian Language in the USSR and the CIS]. In Shaimerdenova, N. Zh. (Ed.). *Russkii yazyk kak yazyk mezhkul'turnogo i delovogo sotrudnichestva v polilingval'nom kontekste Evrazii. Materialy 2-go mezhdunarodnogo kongressa, 1–3 oktyabrya 2009 g.* Astana, Saryarka, p. 71.

Skutnabb-Kangas, T. (2001). Linguistic Genocide in Education – or Worldwide Diversity and Human Rights. In *Journal of Linguistic Society of America*. No. 5, pp. 421–422.

Suleimenova, E. D., Akanova, D. Kh., Aimagambetova, M. M. (2021). Biz birgemiz, or Revisiting the Diversification of Russian Language in Kazakhstan. In *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. Vol. 12. No. 1, pp. 7–22. DOI 10.22363/2313-2299-2021-12-1-7-22.

Suyunbaeva, A. Zh. (2016). Yazykovaya situatsiya kak faktor funktsionirovaniya yazyka dlya spetsial'nykh tselei [The Linguistic Situation as a Factor in the Functioning of the Language for Special Purposes]. In *Nauchnyi dialog*. No. 5 (53), pp. 97–109.

Zhikeeva, A. R. (2009). Spetsifika dvuyazychiya Kostanaiskoi oblasti [Specificity of Bilingualism of Kostanay Region]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 7 (188). Filologiya. Iskusstvovedenie. Iss. 41, pp. 52–55.

The article was submitted on 02.06.2022

**Экономические отношения Советского Союза
с Австрией и ФРГ: политические факторы
и искусство дипломатии (1955–1964)***

Алексей Сорокин

Омский государственный университет,
Омск, Россия

**The Soviet Union's Economic Relations with Austria
and the Federal Republic of Germany: Political Factors
and the Art of Diplomacy (1955–1964)****

Aleksey Sorokin

Omsk State University,
Omsk, Russia

The author of this article carries out a comparative analysis of the trade and economic relations of the Soviet Union with Austria and the FRG from 1955 to 1964 (focusing on features of formation and development, contractual foundations, driving forces, and problems). At the same time, the emphasis of the research is on identifying the influence of the political factor of interstate relations on the development of economic cooperation. A comparative analysis of the history of the USSR's trade and economic relations with Austria and Germany has not been carried out before. The history of the economic interaction of the Soviet Union with these contractors separately has not been sufficiently studied by historical science either. Regarding Austria, Russian and foreign historiography has traditionally focused on the State Treaty of 1955 and its economic component in the form of compensatory supplies. As for the FRG, this initial period has not been studied

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Австрийского научного фонда в рамках научного проекта № 21–59–14006 «Торгово-экономические отношения СССР с Австрией, 1955–1964».

Citation: Sorokin, A. (2022). The Soviet Union's Economic Relations with Austria and the Federal Republic of Germany: Political Factors and the Art of Diplomacy (1955–1964). In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1657–1673. DOI 10.15826/qr.2022.5.753.

Цитирование: Sorokin A. The Soviet Union's Economic Relations with Austria and the Federal Republic of Germany: Political Factors and the Art of Diplomacy (1955–1964) // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1657–1673. DOI 10.15826/qr.2022.5.753 / Сорокин А. Экономические отношения Советского Союза с Австрией и ФРГ: политические факторы и искусство дипломатии (1955–1964) // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1657–1673. DOI 10.15826/qr.2022.5.753.

at all in national historical science, except for several essays. German historians have studied not so much the government's economic course as the initiatives and activities of industry representatives united in the eastern committee of the German economy. The author employs the comparative-historical method of research and methods of economic science (to a limited extent) and statistical analysis (indicators of foreign trade, bilateral trade). The article aims to contribute to a more complete reconstruction of the wide range of East-West interactions during the Cold War by exploring such a convergent component for both systems as bilateral trade. The Austrian phenomenon of the successful development of trade relations with the USSR is viewed through the prism of a compromise solution to the Austrian question and its economic consequences in the form of fulfilment and reduction of compensatory deliveries. The author highlights the role of the political factor in foreign economic planning and its implementation by both the Soviet Union and its Western capitalist counterparts, neutral Austria, and Germany, which is part of NATO, determining the differences between the latter. If for the trade and economic relations between the USSR and Austria the political factor played a constructive role which brought the two countries closer, for relations with the FRG it was quite destructive, mostly because of the fault of the West German leadership. The article refers to documents of the Russian State Archive of Contemporary History and the Russian State Archive of Economics introduced into scholarly circulation for the first time and eodocuments.

Keywords: USSR, Austria, Germany, N. S. Khrushchev, J. Raab, K. Adenauer, compensation supplies, bilateral trade

Представлен компаративный анализ торгово-экономических отношений Советского Союза с Австрией и ФРГ с 1955 по 1964 г. (особенности становления и развития, договорные основы, движущие силы и проблемы). Акцент сделан на выявлении влияния политических факторов на экономическое сотрудничество. Сравнительный анализ истории торгово-экономических отношений нашей страны с Австрией и ФРГ ранее не проводился. Касательно Австрии российская и зарубежная историография традиционно концентрировала изучение вокруг тематики Государственного договора 1955 г. и его экономического компонента в виде компенсационных поставок, а в отношении ФРГ в отечественной исторической науке этот начальной период фактически не изучен, за исключением нескольких очерковых работ, немецкими же историками исследовался не столько правительственный экономический курс, сколько инициативы и деятельность представителей промышленности, объединенных в Восточный комитет немецкой экономики. Основным методом исследования является сравнительно-исторический, также применялись методы статистического анализа (рассматривались показатели внешней торговли, взаимного товарооборота). Целью статьи является более полная реконструкция спектра взаимодействий Восток – Запад в период холодной войны путем исследования конвергентного для обеих систем компонента взаимной торговли. Австрийский феномен успешно развития торговых отношений с СССР рассматривается через призму

компромиссного решения австрийского вопроса и его экономических последствий в виде выполнения и редуцирования компенсационных поставок. Выделяется роль политического фактора при внешнеэкономическом планировании и его воплощении в жизнь как Советским Союзом, так и его западными капиталистическими контрагентами, нейтральной Австрией и входившей в НАТО ФРГ, определяются различия между ними. Если для торгово-экономических связей СССР – Австрия политический фактор играл конструктивную и сближающую роль, то для отношений с ФРГ – скорее деструктивную, по большей части из-за политики западногерманского руководства. Изучается роль персональной дипломатии, влияние характера взаимоотношений лидеров стран на развитие экономических связей. Основными источниками послужили впервые вводимые в научный оборот документы РГАНИ, РГАЭ, а также эго-источники.

Ключевые слова: СССР, Австрия, ФРГ, Н. С. Хрущев, Ю. Рааб, К. Аденауэр, компенсационные поставки, билатеральная торговля

1955 г. ознаменовался важнейшими событиями в истории взаимоотношений Советского Союза с Австрией и ФРГ как в политическом, так и в экономическом плане. Отсюда начинается отчет послевоенных экономических отношений нашей страны с Австрией и ФРГ как независимыми государствами. Именно на 1955 г. приходится восстановление суверенитета двух европейских стран в результате заключения Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии и вступления в силу положений Парижских соглашений об отмене оккупационного режима в ФРГ. Это был год решения австрийского вопроса и установления дипломатических отношений СССР с западногерманским государством, что стало закономерным итогом как развития двусторонних отношений, так и общемировых тенденций периода разрядки напряженности холодной войны 1954–1955 гг. В контексте этих важнейших событий развитие торгово-экономических связей нашей страны с этими двумя индустриально развитыми капиталистическими государствами, традиционными торговыми партнерами, получило значительный импульс, который, однако, был реализован первоначально по-разному, прежде всего ввиду различного состояния политических отношений Советского Союза с Австрией и ФРГ.

В мае 1955 г. министры иностранных дел Франции, Великобритании, США, Советского Союза и Австрии подписали Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии. Незадолго до этого, 13–15 апреля 1955 г., австрийская делегация во главе с канцлером прибыла в Москву для обсуждения ключевых аспектов вывода войск и восстановления суверенитета [Павленко, с. 292–293]. Основные дебаты развернулись относительно размера и формы компенсационных поставок Австрии взамен на передачу ей так называемой бывшей германской собственности, то есть австрий-

ских предприятий и активов Третьего рейха, перешедших в собственность СССР. В ходе переговоров было решено, что СССР получит компенсации от Австрии за нефтяные промыслы и нефтеперегонные заводы в размере 1 млн т сырой нефти ежегодно в течение десяти лет. Выплата 150 млн долл. за бывшие немецкие предприятия была заменена на поставку товаров на аналогичную сумму, за активы Дунайского пароходства предполагалась выплата 2 млн долл. Договоренности, достигнутые в результате переговоров, были зафиксированы в меморандуме [Österreich und die Grossmächte].

Договоренность заключить торговое соглашение была достигнута Советским Союзом и Австрией в ходе тех же московских переговоров апреля 1955 г. Причем, согласно протоколу консультаций, в повестку переговоров вопрос был включен по инициативе австрийского канцлера Юлиуса Рааба (Julius Raab). В первый день переговоров он первым обозначил, что наряду с основными вопросами хотел бы обсудить заключение торгового соглашения. Австрийский канцлер заявил: «Я надеюсь, мы сможем поставить вам много товаров»¹ [Josef Schöners Niederschrift über die Verhandlungen in Moskau vom 12. –14. Apr. 1955, S. 629]. В. М. Молотов высказал согласие включить в повестку переговоров и этот вопрос, если он интересовал австрийское правительство. Таким образом, одними из первых соглашений только что восстановившего независимость Австрийского государства с Советским Союзом стали как раз торговые.

17 октября 1955 г. были заключены два соглашения: Договор о торговле и судоходстве и Соглашение о товарообороте между Союзом Советских Социалистических Республик и Австрийской Республикой. Прошедшие накануне переговоры австрийской и советской торговых делегаций можно назвать достаточно спокойными, деловыми и конструктивными [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 7583. Л. 45–59]. Первое соглашение заложило общие основы взаимных торговли и судоходства, прежде всего режим наибольшего благоприятствования [Там же. Д. 7559. Л. 81–85]. Второе соглашение более детально регулировало непосредственно сферу взаимной торговли. Взаимный экспорт и импорт осуществлялись в соответствии с прилагаемыми к договору товарными списками взаимного экспорта и импорта (списки А и В). Советский экспорт состоял в основном из сельскохозяйственной продукции, сырья и полуфабрикатов. Австрийский экспорт характеризовался преобладанием машин и оборудования, а также продукции металлообработки [Там же. Л. 90–93].

19 сентября 1955 г., еще во время переговоров по торговому соглашению, в австрийской газете *Neuer Kurier* вышла статья «Как Советы представляют себе торговлю с Австрией» с подзаголовком «Мы должны отдать машины за икру». В статье подчеркивался тот факт, что обмен на не важные для собственной экономики товары из Советского

¹ Здесь и далее перевод с немецкого автора статьи.

Союза Австрия будет поставлять ценные машины и изделия. Согласно сведениям советского торгового представителя в Вене В. Ключека, после резкого разговора начальника политико-экономического отдела МИД Австрии Вильфрида Платцера (Wilfried Platzer) с экономическим редактором газеты в ней же вышла статья совсем другой тональности под заголовком «Неплохой договор» [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 7584. Л. 12–17]. Австрийские власти уделяли большое внимание налаживанию торгово-экономических связей с СССР, способствовали формированию позитивного общественного мнения внутри страны, работая с прессой, в которой были достаточно широко распространены антисоветские позиции.

Согласно «Справке о состоянии советско-австрийской торговли и выполнении Австрией Соглашения от 12 июля о компенсационных поставках нефти и других товаров за переданное Советским Союзом имущество», подготовленной Министерством внешней торговли СССР (МВТ СССР) для МИД СССР в июне 1958 г., общая динамика развития экономических отношений оценивалась положительно [Там же. Ф. 413. Оп. 13. Д. 8258. Л. 6–8]. Отмечался общий рост товарооборота – как экспорта, так и импорта – за период с 1955 по 1957 г. В части компенсационных поставок Австрией нефти и товаров в счет переданного СССР имущества и активов констатировалось, что данные обязательства были выполнены даже с некоторым превышением [Там же. Л. 7–8; подробнее см.: Келлер]. Положительная динамика товарооборота после заключения торгового соглашения 1955 г. представлена ниже (табл. 1).

Таблица 1

**Объемы товарооборота между СССР и Австрией в 1955–1957 гг.
(в млн руб.)**

Показатели	1955	1956	1957
Товарооборот	38,3	103	181,7
Импорт СССР из Австрии	28,6	59,5	106,8
Экспорт СССР в Австрию	9,7	43,5	74,9

Основано на: [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 578. Л. 52].

На момент зарождения западногерманского государства в 1949 г. торговли между ним и с Советским Союзом не существовало вовсе. Отсутствие экономических отношений с СССР не устраивало западногерманских промышленников, потерявших огромные восточные рынки. Германия, как и другие индустриальные страны Запада, до 1941 г. экспортировала в Советский Союз машины и оборудование, готовые изделия, а закупала в основном сырье и полуфабрикаты, сельскохозяйственную продукцию и продовольственные товары.

Первоначально инициатива восстановить восточную торговлю исходила от западногерманских промышленников: в 1950 г. Федеральный союз германской промышленности (BDI) обратился с подобной просьбой к министру экономики Людвигу Эрхарду (Ludwig Erhard) [Rudolph, S. 46–49]. Тогда же начались первые зондирующие консультации западногерманских промышленников, стремящихся вернуться на потерянные восточные рынки, с представителями СССР на нейтральной территории. В 1952 г. был создан Восточный комитет немецкой экономики, который на многие годы стал проводником интересов западногерманского бизнеса в Восточной Европе и Азии [Ibid., S. 28–49].

7 июня 1955 г. в посольство ФРГ в Париже поступила советская нота с предложением канцлеру Конраду Аденауэру (Konrad Adenauer) посетить Москву для проведения переговоров об установлении дипломатических, торговых и культурных отношений [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 247. Л. 43–44]. Надеждам представителей западногерманского бизнеса быть включенными в официальную делегацию не суждено было сбыться: 31 августа МИД ФРГ сообщил, что федеральный канцлер после консультаций с министром экономики Эрхардом решил не заключать экономических договоренностей в Москве [Rudolph, S. 100–103].

Царившие в министерстве экономики, да и в целом в правительстве ФРГ настроения раскрывает так называемый меморандум Эрхарда от 25 августа 1955 г. по поводу экономического аспекта предстоящих переговоров в Москве [Müller-Armack, S. 81–89]. Меморандум гласил, что приоритетные цели ФРГ лежат в области политики, и экономика подчинена этим целям [Ibid., S. 81–82]. Поскольку экономика ФРГ находилась в хорошем состоянии, сугубо экономические соображения по развитию отношений с Востоком считались неочевидными. Экономическое сближение виделось возможным в ответ на политические уступки со стороны Советского Союза. Экономические контакты, согласно меморандуму, могли быть интересны немецкой стороне, только если влекли за собой позитивные для ФРГ изменения в германском вопросе [Ibid., S. 86–87].

Лишь в 1958 г. было заключено «Соглашение по общим вопросам торговли и мореплавания». Распространение договора на Западный Берлин, на чем настаивала западногерманская сторона, Советский Союз в категоричной форме отверг [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 8734. Л. 17]. Общий договор дополняло соглашение о товарообмене и платежах (торговое соглашение), в котором определялись объемы и виды товаров во взаимном товарообороте на ближайшие годы. Как и в случае с Австрией, основными товарами советского экспорта стали сырье, полуфабрикаты и сельскохозяйственная продукция, советского импорта – машины, оборудование, готовая продукция [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 358. Л. 128–134].

Товарооборот в торговле между ФРГ и СССР во время канцлерства Аденауэра рос, но не такими большими темпами, как хотелось бы западногерманским деловым кругам и советской стороне (табл. 2).

Таблица 2

Объемы товарооборота между СССР и ФРГ в 1957–1962 гг. (в млн руб.)

Показатели	1957	1958	1959	1960	1961	1962
Товарооборот	120	124	188	286	268	305
Экспорт из СССР в ФРГ	64	59	80	107	107	121
Импорт СССР из ФРГ	56	65	108	179	161	184
Сальдо	+8	-6	-28	-72	-54	-63

Основано на: [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 578. Л. 52].

На встрече с Н. С. Хрущевым в феврале 1959 г. посол ФРГ в СССР Ганс Кроль (Hans Kroll) позитивно оценивал развитие экономического сотрудничества после заключения торговых соглашений 1958 г. На тот момент ФРГ уже находилась на пороге статуса партнера № 1 для СССР среди капиталистических стран. Оценка Кроля явно диссонировала с состоянием дел на других участках взаимоотношений между двумя странами, поэтому, выслушав его, Хрущев заметил: «Ваши фабриканты, видимо, лучше разбираются в политике, чем некоторые ваши политики» [РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 586. Л. 31].

В конце 1960 г. прошли переговоры по заключению нового торгового соглашения между ФРГ и СССР. И снова вмешалась политика. Церемония подписания была едва не сорвана западногерманской стороной, которая предприняла попытку навязать советской стороне решение распространить действие соглашения на Западный Берлин, на что получила отказ [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 8737. Л. 403]. Негативно на взаимной торговле сказался Берлинский кризис. Переговоры об организации западногерманской промышленной выставки в Москве в 1962 г. были прерваны по инициативе МИД ФРГ после начала строительства Берлинской стены, несмотря на высокий интерес западногерманских фирм [Rudolph, S. 212].

Значительным ударом, нанесшим колоссальный вред экономическим отношениям, стала поддержка ФРГ эмбарго НАТО на поставку в СССР труб большого диаметра. Решение было принято Советом НАТО в конце 1962 г. под нажимом США, стремившихся предотвратить строительство советских трубопроводов и поставки советской нефти в Европу. Правительство ФРГ поддержало эмбарго, в результате были сорваны уже заключенные многомиллионные сделки трех западногерманских концернов на поставку около 200 тыс. т. труб,

что вызвало глубочайшее возмущение самих концернов и советской стороны [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 9749. Л. 49–50].

Эмбарго оказало очень глубокое негативное влияние на советскую сторону, породило на долгие годы недоверие к партнеру. Министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев в беседе с послом ФРГ в Москве Хорстом Греппером (Horst Groepper) говорил об отсутствии уверенности в выполнении западногерманскими фирмами советских заказов [Там же. Л. 15–16]. Хрущев на встрече с тем же послом Греппером в марте 1963 г. был эмоционален:

Мы закупали у вас трубы в течение многих лет, а сейчас фирмы заставили отказаться от поставки таких труб. Кто наказан в результате этого? Мы? Нет. Наказаны фирмы, которые не могут поставлять нам трубы [РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 586. Л. 189].

В итоге Советский Союз к середине 1960-х гг. стал заказывать меньше машин и оборудования и впервые имел позитивное сальдо во внешней торговле с ФРГ. Пострадали западногерманские производители труб и других высокотехнологичных изделий (табл. 3).

Таблица 3

Объемы товарооборота между СССР и ФРГ в 1963–1966 гг. (в млн руб.)

Показатели	1963	1964	1965	1966
Товарооборот	252	290	250	292
Экспорт из СССР в ФРГ	118	112	129	167
Импорт СССР из ФРГ	134	178	121	125
Сальдо	–16	–66	+8	+42

Основано на: [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 578. Л. 52, 72].

Значительный фактор напряжения создавало внешнеторговое законодательство ФРГ. И вновь по политическим причинам. Страны-экспортеры делились в нем на три группы, и в отношении социалистических стран действовало больше всего ограничительных мер: ввоз некоторых видов товаров был запрещен, а большинства – строго лимитирован количественно (контенгирован). Чтобы закупить в СССР продукцию, немецкий контрагент должен был подать заявку и получить лицензию от правительства [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 31. Д. 3931. Л. 45–48]. Начиная с первых официальных торговых переговоров СССР выступал за снятие этих ограничений, за либерализацию торговли. Этот вопрос на долгие годы становится, пожалуй, одной из главных проблем советско-западногерманских торговых отношений.

Весь период канцлерства Аденауэра официальная позиция правительства ФРГ относительно восточной торговли была сдержанной. Абсолютно запретить взаимную торговлю было нельзя, а вот не дать полностью реализоваться ее значительному потенциалу – вполне. Для Аденауэра экономика выступала не обособленной областью возможного взаимовыгодного сотрудничества, а дополнительным инструментом в борьбе с коммунизмом. Первый федеральный канцлер до последнего ждал ухудшения экономического положения в СССР и последующего советского отступления из Восточной Европы [Adenauer, 1994, S. 553].

В декабре 1963 г. истек срок соглашения о товарообороте и платежах (торгового соглашения) между ФРГ и СССР, во взаимной торговле стороны руководствовались отныне лишь соглашением по общим вопросам торговли и мореплавания от 25 апреля 1958 г. С заключением нового соглашения возникли проблемы, переговоры долгое время начиная с 1964 г. были безуспешными. ФРГ отказывалась распространить на советский экспорт принципы либерализации, то есть снятие торговых ограничений, с чем была категорически не согласна советская сторона. Для ФРГ же было принципиальным распространить действие нового соглашения на Западный Берлин, на что уже не мог пойти Советский Союз [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 31. Д. 3235. Л. 18]. Новое торговое соглашение стороны смогли заключить лишь в 1972 г., уладив основные политические противоречия (признание послевоенных границ и ГДР, определение статуса Западного Берлина).

Политический фактор, безусловно, играл роль и для советского руководства при развитии торгово-экономических отношений с западными капиталистическими странами. В отчете «О торгово-политических отношениях СССР с западными капиталистическими государствами» за 1965 г., направленном от имени начальника управления торговли с западными странами министерства внешней торговли СССР А. Н. Манжуло [РГАНИ. Ф. 5 (Межд. отдел КПСС). Оп. 50. Д. 788. Л. 154], не только присутствует информация о текущем на тот момент положении дел, но и анализируются динамика, тренды и тем самым подводятся итоги развитию советской торговли с западными странами к середине 1960-х гг.

В отчете констатировалось, что с Западной Германией обстановка для торговли «оставалась сложной, поскольку продолжали действовать ранее принятые властями ФРГ ограничительные меры в отношении торговли с СССР» [Там же. Л. 164]. Таким образом, советское руководство оценивало ограничения на советский экспорт и недавнее эмбарго. Поэтому в ответ на замечания посетившего химическую выставку в Москве руководителя отдела восточной торговли МИДа ФРГ Карла Карстенса (Karl Carstens) о желании развивать торговлю и заключить новое торговое соглашение советской стороной было отмечено:

...в прошлом наличие торгового соглашения не мешало западно-германской стороне создавать искусственные препятствия торговле с СССР... <...> Дискриминационные по отношению к СССР мероприятия властей ФРГ продолжают действовать и оказывать отрицательное влияние на взаимную торговлю и в настоящее время [РГАНИ. Ф. 5 (Межд. отдел КПСС). Оп. 50. Д. 788. Л. 165].

В отчете делалось аргументированное предположение, что определенные усилия правительства ФРГ по развитию торговли, в частности в вопросе по заключению нового торгового соглашения, были связаны с необходимостью считаться с мнением западногерманских деловых кругов. В качестве свидетельства последнего приводился факт участия в московской международной химической выставке более 150 фирм, включая *Siemens, Bayer, BASF, Krupp* и др.

Всесоюзным объединениям в торговле с ФРГ следовало руководствоваться приказом по МВТ № 291/155с от 30 июля 1965 г., то есть «производить закупки товаров в ФРГ только с разрешения руководства министерства». Также всесоюзным объединениям и Торгпредству СССР в Кельне надлежало информировать руководство министерства торговли о всех случаях дискриминации, как то об отказе в выдаче разрешений на ввоз советских товаров, их задержках. Можно предположить, что таким образом МВТ СССР оставляло за собой возможность для адекватного ответа в виде создания искусственных затруднений западногерманскому экспорту со своей стороны [Там же. Л. 166].

По-другому складывалась ситуация в торговле СССР с Австрией. Тот же советский отчет фиксирует совсем иную картину. В противоположность ФРГ, пятилетние торговые соглашения без проблем и задержек заключались начиная с 1955 г. Очередное соглашение 1965 г. предусматривало «сохранение стабильности или увеличение контингентов на традиционные товары, а также расширение номенклатуры взаимопоставляемых товаров» [Там же. Л. 168]. С удовлетворением констатировалось увеличение поставок советских машин и оборудования, в частности установление контингентов на часы и фотоаппараты [Там же. Л. 169]. Товарооборот в торговле СССР с Австрией в 1965 г. по сравнению с 1964 г. вырос с 98 до 102 млн руб. Причем экспорт советских машин и оборудования вырос на 83 %, хотя в денежном эквиваленте его сумма в 1,1 млн руб. на 1965 г. не особо впечатляет. Советский товарооборот с ФРГ в аналогичный период, наоборот, упал с 290 до 250 млн руб. И, наконец, раздел отчета по Австрии завершился следующим важным для понимания роли политики для развития экономических связей в тот период выводом:

Учитывая важное политическое значение торговли с Австрией, всесоюзным объединениям необходимо приложить максимум усилий для того, чтобы выполнить, а по возможности и перевыполнить (за счет плана по свободной валюте) контингенты на 1966 год, установленные долгосрочным соглашением [Там же. Л. 170].

В отличие от торговли с ФРГ, всесоюзным объединениям не нужно было согласовывать каждую закупку в особом порядке, а, наоборот, следовало свободно выполнять и даже перевыполнять запланированные объемы контингентов товаров.

Торговым представительством СССР в Австрии в 1966 г. была подготовлена справка о торговле СССР с Австрией за 1961–1965 гг. [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 31. Д. 781. Л. 1–9]. Благоприятным условием для развития внешнеторговых связей между странами в ней называлось подписание Государственного договора 1955 г. Согласно оценке торговлепредства,

Расширению внешней торговли способствовала также установившаяся практика заключать долгосрочные торговые соглашения, а также проведение других мероприятий, направленных на облегчение сбыта и транспортировки товаров [Там же. Л. 1].

Таким образом, абсолютно справедливо подчеркивалась роль своевременных заключений торговых соглашений. Это было как раз то, чего не хватало советской торговле с ФРГ. В справке отмечалось, что рост советских закупок австрийских товаров был связан и с тем, что значительная часть компенсационных поставок была переведена в 1962 г. на коммерческую основу [Там же. Л. 1–2]. Реализация торгового соглашения о взаимных поставках на 1961–1965 г. оценивалась как успешная. Особо выделялось, что вне рамок соглашения в 1962 г. был подписан крупный контракт с фирмой *VÖEST* на поставку оборудования по выплавке стали [Там же. Л. 2]. Можно добавить, что этот крупный контракт был исполнен, как и другие австрийские, в отличие от контракта на поставку труб большого диаметра с западногерманскими фирмами.

Согласно информации из справки, некоторые советские сырьевые товары имели важное значение для австрийской экономики (38 % импорта железной руды, около 48 % чугуна, 14 % хлопка, около 48 % подсолнечного масла, 69 % нефти и др. [Там же. Л. 4]). Для австрийского экспорта рынок СССР и других социалистических стран также представлялся достаточно важным, поскольку Австрия поставляла туда преимущественно продукцию обрабатывающей промышленности, которая в ЕЭС облагалась наиболее высокой пошлиной, поскольку СССР являлся одним из основных покупателей по некоторым промышленным товарам, как то по промышленной арматуре, прокату черных металлов, кабелю и кабельным изделиям, химическим товарам [Там же. Л. 6]. Удельный вес промышленного оборудования в австрийском экспорте в СССР в 1964 г. составлял 49,2 %, то есть почти половину объема всех поставок [Там же. Л. 7]. Отдельно отмечался рост с 1961 г. экспорта в Австрию советского промышленного оборудования, при этом он признавался незначительным в соотношении с общей цифрой австрийского экспорта по этой позиции в сравнении

даже с показателями Чехословакии: в 1965 г. Чехословакия поставила в Австрию автомобилей «Шкода» на 108,5 млн австрийских шиллингов, а СССР автомобилями «Москвич» – на 6,2 млн шиллингов, или 295 шт. [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 31. Д. 781. Л. 4–5].

Заканчивалась справка важным для понимания роли политического фактора для развития торговли тезисом, что Австрия относилась всего лишь к «сравнительно важным торговым партнерам Советского Союза». Действительно, при всей поступательной динамике и взаимной важности поставок отдельных товаров цифры товарооборота не поражали воображение, торговое сотрудничество стран сложно было назвать стратегическим партнерством, жизненно важным для обеих экономик (7-е место по уровню товарооборота для СССР). Но здесь, помимо экономического, включался еще и политический фактор, согласно которому «значение торговли с Австрией для Советского Союза определяется не только размером взаимных поставок товаров» [Там же. Л. 8]. Важным представлялось также следующее:

...Экономические связи Советского Союза и других социалистических стран с Австрией противодействуют попыткам империалистических стран Запада вовлечь эту страну, граничащую с социалистическим лагерем, в их агрессивные группировки. Торговля Австрии с социалистическими странами является также существенным фактором развития ее государственного сектора экономики, являющегося значительной помехой для проникновения иностранного капитала в ключевые отрасли экономики Австрии [Там же. Л. 8–9].

То есть для советского руководства развитие торговли с нейтральной капиталистической Австрийской Республикой являлось еще и инструментом сдерживания ее от вступления в недружественные политические и экономические союзы и коллаборации в рамках общей политики взаимодействия с Западом в условиях холодной войны. Развитие взаимовыгодной торговли представлялось СССР элементом продолжения линии поддержки австрийского нейтралитета, заложенной государственным договором 1955 г.

В истории международных отношений можно констатировать высокую роль персональной дипломатии. Использование обычных дипломатических каналов лимитировано. Персональная дипломатия предполагает обсуждение главами государств лично либо через своих агентов важнейших проблем международных отношений. На примере развития экономических отношений с Австрией и ФРГ можно проследить, как работал этот фактор в первом случае и не работал – во втором.

Во-первых, в отличие от Аденауэра, австрийский канцлер Юлиус Рааб поднял вопрос о заключении торгового соглашения на переговорах 1955 г., хотя изначально такой договоренности с советской стороной не было. Аденауэр, напротив, отклонил советское предло-

жение включить торговое соглашение в повестку дня переговоров 1955 г. в Москве. В итоге торговое соглашение СССР – ФРГ было заключено лишь в 1958 г., что, безусловно, негативно сказалось на цифрах товарооборота.

Интереснейшие воспоминания оставил Герберт Грубмайер (Herbert Grubmayr), который в качестве переводчика сопровождал канцлера Рааба на трех встречах с Хрущевым: во время апрельских переговоров 1955 г. относительно государственного договора с Австрией, во время визита Рааба в Москву в 1958 г. и во время визита Хрущева в Австрию в 1961 г. Еще в прологе повествования Грубмайер подчеркивает:

Уже в апреле 1955 г. в Москве сложились в определенном смысле доверительные отношения между канцлером Раабом и впоследствии советским премьер-министром Хрущевым, что, несмотря на идеологические разногласия, имело положительные последствия и для будущих встреч [Grubmayr, S. 833].

После того как австрийский вопрос был решен, важным для Рааба было снизить материальные убытки по итогам государственного договора, и здесь важнейшую роль играл вопрос компенсаций за нефтяные активы [Ibid.]. По свидетельству Грубмайера, линия Рааба заключалась в следующем:

Если я поддерживаю корректные отношения с деловым партнером и отношусь к нему с уважением, я могу ожидать от него, соответственно, шагов навстречу на двустороннем уровне, когда придет время [Ibid.].

И эта позиция принесла плоды: со временем советская сторона пошла на ряд значимых уступок в части выполнения компенсационных поставок.

Летом 1958 г. Рааб отправился с официальным визитом в Москву на целую неделю во главе большой австрийской делегации. В ответственных речах стороны обменивались комплиментами, Хрущев отмечал «государственную мудрость Рааба» [Ibid., S. 837]. Главным позитивным для австрийцев и несколько неожиданным, по воспоминаниям Грубмайера, итогом визита стало предложение советской стороны осуществить встречные поставки 3,5 млн т нефти в Австрию, тем самым значительно снизив компенсационные поставки австрийской нефти, которые на тот момент исчислялись в 7 млн т. Рааб позже отметил в частной переписке: «Я признаю, поездка в Москву была успехом, все-таки уступка в 60 миллионов долларов не мелочь» [Ibid.]. Компромиссный подход, готовность к диалогу с СССР во время визита вызвали недовольство американцев, о чем, в частности, сигнализировал посол США в Москве Льюэллин Томпсон (Llewellyn Thompson), но Рааб, по свидетельству Грубмайера, особо не реагировал, поскольку «его мысли крутились больше вокруг нефти» [Ibid., S. 838].

Продолжением линии на снижение материальных издержек Государственного договора и апофеозом персональной дипломатии Рааба в этом вопросе стали итоги визита Хрущева в Австрию в 1960 г. После официальных переговоров в Вене, которые с советской стороны возглавлял А. Н. Косыгин и которые не увенчались результатом в вопросе снижения компенсационных поставок, советская делегация в сопровождении австрийских коллег отправилась в автобусный тур по Австрии. Грубмайер назвал это «австрийским ралли» Хрущева.

Ключевой для нефтяного вопроса стала беседа Хрущева и Рааба, которая состоялась в ночь с 5 на 6 июля 1960 г. после продолжительного переезда по Альпам в австрийском городке Филлах (Villach), в спальне австрийского канцлера. Грубмайер, который вел протокол с австрийской стороны, назвал эти полтора часа одним из самых ярких моментов своей дипломатической службы [Ibid., S. 843]. Рааб просил новых уступок, переходя от усталости на нижеавстрийский диалект и ставя в тупик переводчика, его стиль ведения переговоров в этот момент Грубмайер назвал «базарной торговлей классического качества» [Ibid.]. Австрийский канцлер упирал на то, что его позиции в партии пошатнутся, если он вернется в Вену с пустыми руками, без уступок в нефтяном вопросе. Хрущев долго возражал, указывая, что партия сместит его, если он пойдет на уступки, называя Рааба «невозможным человеком», который обманывает. В итоге австрийский канцлер добился своей цели: была достигнута договоренность о снижении поставок австрийской нефти, так что итоговая сумма компенсаций снизилась с 10 до 6 млн т. По возвращении в СССР Хрущев в речи на конференции учителей подчеркнул хорошее отношение к Раабу, который, однако, при обсуждении некоторых экономических вопросов проявил большую настойчивость, или даже «скаредность» [Ibid., S. 848]. Австрийский канцлер выжимал из сложившихся хороших отношений максимум для австрийской экономики.

Резко контрастировали с достаточно доверительными рабочими отношениями с Раабом отношения советского лидера с Аденауэром. Они были очень натянутыми, временами враждебными. В их основе, в противоположность с Австрией, лежали нерешенные политические противоречия, прежде всего германский вопрос, а также ремилитаризация и вступление в НАТО Западной Германии. Личностный фактор лишь усугублял напряжение. Федеральный канцлер не отказывал Хрущеву в признании интеллекта, но считал его грубым, беспринципным. Личный секретарь Аденауэра зафиксировала в своих воспоминаниях следующую оценку Хрущева своим шефом:

Ловкий человек, без сомнения. Умный, хитрый и очень искусный. При этом грубый, без комплексов, должен сказать. У человека были грубые манеры, поэтому нельзя было трусливо жаться, поэтому нужно было платить той же монетой [Poppinga, S. 166].

В собственных воспоминаниях Аденауэр писал о том, что диктаторски управляемый Советский Союз во главе с таким неуравновешенным человеком, как Хрущев, еще более опасен [Adenauer, 1989, S. 113]. Советский лидер публично называл Аденауэра реваншистом и милитаристом. Иногда Хрущев заходил очень далеко. Во время встречи 16 января 1960 г. посол Ганс Кролль передал Хрущеву содержание своей личной беседы с канцлером, в которой последний высказывал огромное недовольство сравнением себя с Гитлером, прозвучавшим из уст советского лидера: «Канцлер Аденауэр чувствует себя оскорбленным, если его сравнивают с Гитлером» [РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 586. Л. 71]. Посол ФРГ просил Хрущева больше не делать таких сравнений.

Г. Кролль не раз выходил на Конрада Аденауэра и свое министерство иностранных дел, передавая желание Н. С. Хрущева прибыть в ФРГ с визитом и провести переговоры с канцлером [Kroll]. Канцлер отказывался. По мнению Кролля, которое разделяет и советский дипломат, сотрудник посольства в Бонне В. Ежов, важная причина заключалась в том, что Хрущев был несимпатичен Аденауэру со времен московских переговоров:

Холодный и выдержанный канцлер не терпел невыдержанности, бестактности и дикого темперамента Хрущева, который в публичных выступлениях часто оскорблял Аденауэра [Ежов, с. 211].

За излишнюю активность Ганс Кролль в итоге был заменен в Москве другим послом.

Таким образом, политические факторы накладывали большой отпечаток на развитие торгово-экономических отношений Советского Союза как с Австрией, так и с ФРГ после 1955 г. Компромиссное решение австрийского вопроса уже задавало положительный тренд развитию экономических связей СССР с Австрией, чему не препятствовали даже компенсационные поставки по условиям Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии 1955 г. Позитивную роль сыграла также персональная дипломатия в виде сложившихся хороших деловых контактов между лидерами стран. В случае с ФРГ стремление западногерманского бизнеса развивать торговлю с СССР, находившее в целом позитивный отклик советской стороны, не находило значимой поддержки собственного правительства, которое временами чинило этому откровенные препятствия из-за наличествующих политических проблем. Поэтому высочайший потенциал экономического сотрудничества между ФРГ и СССР в рассматриваемый период значимо реализован не был.

Список литературы

- Ежов В. Д. Из жизни молодого дипломата. М. : Вече, 2011. 320 с.
Келлер А. В. «Действуйте быстро, корректно, по-австрийски»: компенсационные поставки Австрии в СССР 1955–1963 гг. // История : электрон. науч.-образоват. журн. :

[сайт]. 2022. Т. 13, № 2 (112). DOI 10.18254/S207987840020439-1. URL: <https://history.jes.su/s207987840020439-1-1/> (дата обращения: 12.10.2022).

Павленко О. В. Австрийский вопрос в Холодной войне (1945–1955 гг.) // Новый исторический вестник. 2004. № 1 (10). С. 247–295.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 247; Оп. 12. Д. 358. Ф. 5. Оп. 50. Д. 788; Оп. 64. Д. 578. Ф. 52. Оп. 1. Д. 586.

РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 781, 3235, 3931, 7559, 7583, 7584, 8258, 8734, 8737, 9749.

Adenauer K. *Erinnerungen 1955–1959*. 4. Auflage. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1989. 551 S.

Adenauer K. *Erinnerungen 1953–1955*. 5. Auflage. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1994. 556 S.

Grubmayr H. Julius Raab und Nikita Chruščev. Zwischen Öl, Kaltem Krieg und Supermachtpolitik // Der Wiener Gipfel 1961. Kennedy – Chruschtschow / S. Karner, B. Stelzl-Marx, N. Tomilina, A. Tschubarjan (Hrsg.). Wien : Studien Verlag, 2011. S. 833–851.

Josef Schöners Niederschrift über die Verhandlungen in Moskau vom 12.–14. Apr. 1955 // Stourzh G. *Um Einheit und Freiheit: Staatsvertrag, Neutralität und das Ende der Ost-West-Besetzung Österreichs 1945–1955*. Wien ; Köln ; Graz : Böhlau, 1998. S. 615–666.

Kroll H. *Lebenserinnerungen eines Botschafters*. Köln : Kiepenheuer, 1967. 611 S.

Müller-Armack A. *Auf dem Weg nach Europa. Erinnerungen und Ausblicke*. Tübingen ; Stuttgart : Rainer Wunderlich : C. E. Poeschel, 1971. 267 S.

Österreich und die Grossmächte. Dokumente zur österreichischen Außenpolitik 1945–1955 / Hrsg. von A. Schilcher. Wien ; Salzburg : Gezer, 1980. 359 S.

Poppinga A. *Meine Erinnerungen an Konrad Adenauer*. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1970. 353 S.

Rudolph K. *Wirtschaftsdiplomatie im Kalten Krieg. Die Ostpolitik der westdeutschen Großindustrie 1945–1991*. Frankfurt a/M : Campus Verlag, 2004. 455 S.

References

Adenauer, K. (1994). *Erinnerungen 1953–1955*. 5. Auflage. Stuttgart, Deutsche Verlags-Anstalt. 556 S.

Adenauer, K. (1989). *Erinnerungen 1955–1959*. 4. Auflage. Stuttgart, Deutsche Verlags-Anstalt. 551 S.

Ezhov, V. D. (2011). *Iz zhizni molodogo diplomata* [From the Life of a Young Diplomat]. Moscow, Veche. 320 p.

Grubmayr, H. (2011). Julius Raab und Nikita Chruščev. Zwischen Öl, Kaltem Krieg und Supermachtpolitik. In Karner, S., Stelzl-Marx, B., Tomilina, N., Tschubarjan, A. (Hrsg.). *Der Wiener Gipfel 1961. Kennedy – Chruschtschow*. Wien, Studien Verlag, S. 833–851.

Josef Schöners Niederschrift über die Verhandlungen in Moskau vom 12.–14. April 1955. (1998). In Stourzh, G. *Um Einheit und Freiheit: Staatsvertrag, Neutralität und das Ende der Ost-West-Besetzung Österreichs 1945–1955*. Wien, Köln, Graz, Böhlau, S. 615–666.

Keller, A. V. (2022). “Deistvuite bystro, korrektно, po-avstriiski”: kompensatsionnye postavki Avstrii v SSSR 1955–1963 gg. [“Act Quickly, Correctly, in the Austrian Way”: Compensation Deliveries from Austria to the USSR, 1955–1963]. In *Elektronnyi nauchno-obrazovatel’nyi zhurnal “Istoriya”*. Vol. 13. No. 2 (112). DOI 10.18254/S207987840020439-1. URL: <https://history.jes.su/s207987840020439-1-1/> (accessed: 12.10.2022).

Kroll, H. (1967). *Lebenserinnerungen eines Botschafters*. Köln, Kiepenheuer. 611 S.

Müller-Armack, A. (1971). *Auf dem Weg nach Europa. Erinnerungen und Ausblicke*. Tübingen, Stuttgart, Rainer Wunderlich, C. E. Poeschel. 267 S.

Pavlenko, O. V. (2004). Avstriiskii vopros v Kholodnoi voine (1945–1955 gg.) [The Austrian Question in the Cold War (1945–1955)]. In *Novyi istoricheskii vestnik*. No. 1 (10), pp. 247–295.

Poppinga, A. (1970). *Meine Erinnerungen an Konrad Adenauer*. Stuttgart, Deutsche Verlags-Anstalt. 353 S.

RGAE [Russian State Archive of Economics]. Stock 413. List 13. Dos. 781, 3235, 3931, 7559, 7583, 7584, 8258, 8734, 8737, 9749.

RGANI [Russian State Archive of Contemporary History]. Stock 3. List 8. Dos. 247; List 12. Dos. 358. Stock 5. List 50. Dos. 788; List 64. Dos. 578. Stock 52. List 1. Dos. 586.

Rudolph, K. (2004). *Wirtschaftsdiplomatie im Kalten Krieg. Die Ostpolitik der westdeutschen Großindustrie 1945–1991*. Frankfurt a/M, Campus Verlag. 455 S.

Schilcher, A. (Hrsg.). (1980). *Österreich und die Grossmächte. Dokumente zur österreichischen Außenpolitik 1945–1955*. Wien, Salzburg, Gezer. 359 S.

The article was submitted on 25.07.2022

DOI 10.15826/qr.2022.5.754

УДК 94(470)"17/19" + 338.22(470.2) + 332.22(470.3) + 338.22: 622(470.5) +
+ 316.422.4 + 331.1

Поиск путей экономического сотрудничества Австрии и Советского Союза во время хрущевской оттепели*

Андрей Келлер

¹Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия;

²Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Looking for Economic Cooperation between Austria and the Soviet Union during Khrushchev's Thaw**

Andrei Keller

¹Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia;

²Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article aims to contribute to the development of a more correct model of the relationship between East and West. The traditional view of Europe after 1945 with its opposite and mutually exclusive military and economic organizations is characterized in traditional historiography by the existence of a symmetrical and parallel development of two ideological blocs during the bipolar confrontation of the systems. In the context of modifying this model, the article proposes to consider the continent as a complex space where parallelism, asymmetry, and convergence coexist, and which has seen multi-level cooperation between a wide range of subjects in various

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Австрийского научного фонда в рамках научного проекта № 21–59–14006. Условия для реализации совместного проекта РФФИ и АНФ «Торгово-экономические отношения СССР с Австрией, 1955–1964» предоставлены Российским государственным гуманитарным университетом.

** Citation: Keller, A. V. (2022). Looking for Economic Cooperation between Austria and the Soviet Union during Khrushchev's Thaw. In *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, no. 5. P. 1674–1690. DOI 10.15826/qr.2022.5.754.

Цитирование: Keller A. V. Looking for Economic Cooperation between Austria and the Soviet Union during Khrushchev's Thaw // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. P. 1674–1690. DOI 10.15826/qr.2022.5.754 / Келлер А. В. Поиск путей экономического сотрудничества Австрии и Советского Союза во время хрущевской оттепели // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1674–1690. DOI 10.15826/qr.2022.5.754.

fields. All this will allow a new assessment of the degree of involvement of the USSR in global economic relations. Particular attention is paid to the compensatory supply of goods in accordance with the State Treaty after 1955, as well as the attempts of the Soviet leadership to establish bilateral trade. A comparative analysis of the mechanisms for the implementation of Soviet-Austrian economic cooperation makes it possible to show more clearly how fundamentally different socio-economic systems could interact and how they adapted to the new economic reality. The author mostly refers to documents from the Russian State Archive of Economics and the Bruno Kreisky Archive Foundation, which have not been used previously, and are first introduced into scholarly circulation.

Keywords: Austria, USSR, N. S. Khrushchev, J. Raab, B. Kreisky, A. Schärf, compensation deliveries, bilateral trade, oil and gas industry, economy of the Soviet Union, foreign trade relations

Цель исследования заключается в анализе форм и способов выстраивания билатеральных экономических связей между Советским Союзом и Австрийской Республикой. Традиционный взгляд на Европу после 1945 г. с ее противоположными и взаимоисключающими военными и экономическими организациями характеризуется в историографии существованием симметричного параллельного развития двух идеологических блоков во время биполярного противостояния систем. Для модификации данной модели предлагается рассматривать Европейский континент как сложное пространство, где сосуществуют параллелизм, асимметрия и конвергенция, где происходило многоуровневое сотрудничество между широким кругом субъектов в различных областях. Это позволит по-новому оценить степень вовлеченности СССР в глобальные экономические связи. Особое внимание уделяется компенсационным поставкам товаров в указанный период, а также попыткам советского руководства увеличить объемы двусторонней торговли. Компаративный анализ механизмов реализации экономического сотрудничества двух стран дает возможность более выпукло показать, как могли взаимодействовать принципиально различные социально-экономические системы, как происходила их адаптация к новой экономической реальности. Актуальность данного исторического опыта активной политики нейтралитета и добрососедства Австрийской Республики как первопроходца в восточной политике Запада и посредника между блоками позволяет по-новому оценить фактическую ценность нейтралитета сегодняшнего государства – члена ЕС – Австрии. Основными источниками послужили впервые вводимые в научный оборот документы РГАЭ и Фонда Архива Бруно Крайского.

Ключевые слова: экономика, внешнеторговые связи, билатеральная торговля, нефтегазовая отрасль, Австрия, СССР, Н. С. Хрущев, Ю. Рааб, компенсационные поставки

В российской историографии тема торгово-экономических отношений СССР с Австрией 1955–1964 гг. исследована недостаточно подробно, а вопрос компенсационных поставок (КП) исследовался лишь в ходе переговорного процесса по принятию решения в соответствии с Государственным договором о восстановлении независимой и демократической Австрии, заключенным в 1955 г., но их выполнение не рассматривалось. В австрийской историографии вопросу реализации КП также уделялось мало внимания с незначительным привлечением российских архивов. В основу исследования для рассмотрения проблемы экономического сотрудничества положен «методологический микс», включающий компаративный, макро- и микроисторический подходы, предполагающие анализ внешних и внутренних факторов, необходимый для понимания процессов взаимодействия и адаптации или отторжения новых форм коммуникации, торговли и технологий. Также конструктивным представляется сравнение системных различий в условиях «блокового мышления» холодной войны и жесткой конфронтации между западным и восточным военно-политическими (ОВД – НАТО) и экономическими (СЭВ – ЕС) блоками, преодолевавшихся в советско-австрийских экономических отношениях благодаря личным стратегиям агентов социального действия [Азаренко, Келлер].

Понимая, что заявление любого методологического подхода изначально накладывает когнитивные ограничения, в случае с Австрией и СССР автор статьи выбрал модус «прагматичного взаимодействия», являющийся в данном нарративе более продуктивным в генерировании новых смыслов, чем перспектива «враждебного противостояния» и конфликта, имеющая долгую традицию холодной войны. Иначе как объяснить, что в условиях непрозрачности советских бюрократических структур и размытых зон компетенций и ответственности отдельных ее представителей австрийским контрагентам из общества, бизнеса и государства удавалось найти ходы и выходы в лабиринте советских инстанций? Сравнение советских и австрийских управленческих, хозяйственных и социальных практик с учетом личностных характеристик социальных агентов может помочь разобраться в этом вопросе.

Двусторонние экономические отношения как ключ к развитию

Зависимость экономических отношений от генерального политического курса особенно выпукло проявлялась в советских практиках. По мнению В. Мюллера, «мало кто на Западе сомневался после ноября 1956 г. в том, что мирное сосуществование было стратегией, а не целью; что для Хрущева и других нейтралитет был просто средством для подрыва единства свободного мира» [Müller, p. 127]. Иными словами, инструментализация торговли как средства мирного сосуществования периода «хрущевской оттепели» служила, с одной стороны, раз-

витию экономического сотрудничества с Западом, с другой – прежде всего предотвращению «военно-политической интеграции стран Западной Европы» [Липкин, 2009, с. 48–52]. В немалой степени данному повороту способствовали запрос советского общества на положительные изменения в жизни и отказ от жесткой политики изоляционизма и агрессивного противостояния с 1945 по 1950 г. с короткой интермедией 1951–1952 гг., где за влияние боролись группировки «голлубей» и «ястребов», что негативно сказалось на результатах работы Московского экономического совещания (МЭС) [Липкин, 2016].

Данный тренд отвечал потребностям повышения конкурентоспособности советской экономики и уровня жизни населения за счет расширения международного сотрудничества в трех направлениях: в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), с развивающимися и развитыми капиталистическими странами, причем последние были особенно интересны в плане предоставления кредитов и новых технологий, так не хватавших странам Восточного блока. К концу времени правления Н. С. Хрущева после берлинского и кубинского кризисов при наметившемся курсе на разрядку вновь наблюдались постепенный уход от агрессивной риторики «об империалистической „интеграции“» и переход к практике мирного сосуществования, способствовавший отказу от методов открытого шантажа и запугиваний и более гибкой дипломатии Л. И. Брежнева.

Ключевым моментом, определившим советско-австрийские экономические отношения на десятилетие вперед, явилось возмещение «германских активов в Австрии» в соответствии с протоколом Берлинской конференции от 2 августа 1945 г., специфика которых, наряду с западной и австрийской собственностью, заключалась в том, что не существовало их точной дефиниции, а значит, это понятие могло интерпретироваться крайне широко, что и произошло после завершения Потсдамской конференции [Iber, 2009, S. 581]. В 1946 г. на Советскую часть Союзнической комиссии (СЧСК) было возложено создание экстерриториальной экономической корпорации, должной стать, по первоначальному замыслу, интегрированной частью советской промышленности в Австрии, из которой в советской зоне оккупации (СЗО) был образован и просуществовал до 1955 г. экономический анклав, состоявший из 454 предприятий. Различие социально-политических предпосылок накладывало свой отпечаток на способы хозяйствования и социальной коммуникации в СЗО. Анклав образовали Управление советским имуществом в Австрии (УСИА, примерно 40 тыс. сотрудников), включавшее Дунайскую судостроительную компанию (ДДСГ) в Восточной Австрии, СНУ (примерно 8 тыс. сотрудников), Австрийско-российское нефтяное производство (ОРОП), состоявшее из нефтедобывающих, нефтеперерабатывающих и нефтесбытовых предприятий (300 АЗС). Экономические договоренности, закрепленные советско-австрийским меморандумом 15 апреля 1955 г., легли в основу ст. 22 Государственного договора

«Германские активы в Австрии», которые были переданы республике 13 августа 1955 г. [Белецкий, с. 257; Iber, 2009, S. 572].

Государственный договор от 15 мая 1955 г. о восстановлении независимой и демократической Австрии означал освобождение страны от оккупационного режима союзников бывшей антигитлеровской коалиции, наложив на нее в связи с ее нейтральным статусом и КП определенные внешнеполитические и экономические ограничения и обязанности и сообщив в то же время новые возможности и инструменты развития. Условия КП были зафиксированы двумя соглашениями о поставках товаров в оплату имущества и нефтяных предприятий, подписанными 12 июля 1955 г. в Москве [Сорокин, 2022, с. 56-57; SBKA, Bericht, p. 18].

В рамках КП Австрия обязывалась поставить в СССР товаров на сумму в 150 млн долл. США и 1,2 млн т нефти в течение шести лет в возмещение имущества, а также 10 млн т нефти в течение десяти лет за активы СНУ [State Treaty, p. 38-52]. Эти цифры показывают, какие дополнительные нагрузки приходилось испытывать австрийской экономике в результате компенсаций, невзирая на то, что по факту вместо десяти было поставлено 6 млн т нефти. Снижение объемов поставок было связано с тем, что в 1958 г. СССР пошел навстречу просьбам австрийской стороны по их снижению до 500 тыс. т в год. Несмотря на это, сделка была выгодной для советской стороны, так как, по ее подсчетам, в случае сохранения активов СНУ ежегодно можно было рассчитывать лишь на 170 тыс. т нефти. Если учесть, что до 1955 г. в СЗО было добыто всего более 17,7 млн т нефти, а СНУ с 1946 по 1954 г. получил чистой прибыли 556,9 млн руб., то потери австрийской экономики окажутся еще более высокими [Iber, 2009, S. 592; Iber, 2011, S. 274-276]. Ввиду низкой рентабельности и необходимости высоких инвестиционных затрат от предприятий СНУ было решено отказаться в пользу Австрии, что было большим успехом для последней, так как СССР отказывался также от концессий на 30 лет на нефтепромысловые поля и «на 60 % всех расположенных в Восточной Австрии разведочных площадей», где Советский Союз имел право «на ведение разведки в течение восьми лет и на последующую добычу нефти в течение 25 лет» [State Treaty, p. 38; SBKA, Bericht, p. 19; Iber, 2009, p. 572].

После 1955 г. австрийское правительство дифференцированно подошло к вопросам правопреемственности в отношении промышленных активов, передав в руки бывших собственников малые и средние предприятия, национализировав большинство крупных – СНУ, частично – банковский сектор, предприятия химической промышленности, энергетику и др., чего особенно настоятельно требовали левое политическое крыло и профсоюзы, выступавшие «за расширение государственного сектора в экономике» [Ватлин, с. 149, 154]. Одним из самых крупных приобретений для Альпийской республики, наряду с металлургическим комбинатом *Фест*, машиностроительным

заводом *Фойт*, управлявшимся до 1955 г. УСИА, и ДДСГ, являлась передача государству активов СНУ, из которых была образована крупнейшая национализированная нефтяная компания в Центральной Европе – Австрийское нефтяное управление (АНУ).

В целях координации КП Совет министров Австрии 26 июля 1955 г. вынес постановление об образовании Австрийской комиссии по компенсационным поставкам (АККП), председателем которой стал федеральный канцлер Юлиус Рааб, а его заместителем – руководитель отдела иностранных дел при федеральном канцлере Бруно Крайский. Выполнение поставок (уточнение количества и цен, согласование технических условий поставки товаров и их спецификации) АККП поручило Обществу компенсационных поставок во главе с управляющим Гвидо Преглау, находившимся в постоянном контакте с советским торгпредством в Вене [Harrod]. Помимо КП, Договор о торговле и судоходстве и пятилетнее Соглашение о товарообороте и платежах от 17 октября 1955 г. способствовали расширению двусторонней торговли на коммерческой основе. На основании этих документов между Министерством внешней торговли СССР и представителями австрийской стороны составлялись ежегодные протоколы о поставках со списками товаров [Сорокин, 2022, с. 57–59].

Обзорная статистика по внешнеторговому обороту между Австрией и СССР 1950–1970 гг., а также по компенсационным поставкам (1955–1961/1963) и двусторонней торговле в 1955–1965 гг. позволяет составить представление о динамике их развития (табл. 1, 2).

Таблица 1

Объем внешней торговли СССР с промышленно развитыми капиталистическими странами и доля Австрии (в млн руб.)

Год	1950	1960	1970
Экспорт, всего	235,9	913,3	2154,3
В том числе Австрия	2,6 / 1,1 %	43,5 / 4,7 %	66,7 / 3,1 %
Импорт, всего	204,3	1004,0	1540,1
В том числе Австрия	20,8 / 10,1 %	72,3 / 7,2 %	88,2 / 5,7 %
Итого	440,2	1917,3	4694,2
Австрия, экспорт и импорт, всего	23,4 / 5,3 %	115,8 / 6 %	154,9 / 3,3 %

Сост. по: [Внешняя торговля СССР 1922–1981, с. 8, 26].

Стагнация в сфере торговли в первой половине 1960-х гг., нивелированная ростом ее объемов во второй половине 1960-х гг., привела к уменьшению удельного веса Австрии в торговле СССР с капитали-

стическими странами с 6 % в 1960 г. до 3,3 % в 1970 г. Удельный вес Австрии во всей внешней торговле СССР составил в эти годы, соответственно, 0,8, 1,1 и 0,7 % [Внешняя торговля СССР 1922–1981, с. 14–15].

Таблица 2

**Объем экспорта и импорта СССР с Австрией
(стоимость в млн руб., с КП и без них)**

Год	1950	1955	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Экспорт	2,6	55,0/ 12,4	109,4 / 35,8	43,5	40,7	40,5	41,1	38,0	42,5
Импорт	20,8	142,2/ 30,2	326,9 / 73,6	72,3	69,0	60,3	65,2	60,1	59,8
<i>Всего</i>	23,4	197,2/ 44,4	486,2 / 109,4	115,8	109,7	100,8	106,3	98,1	102,3

Сост. по: [Внешняя торговля СССР за 1956 год, с. 5–7, 35–37]. См. также аналогичные обзоры за 1958, 1959, 1960, 1961, 1962, 1963, 1965 гг.

Официальный курс рубля до денежной реформы 1961 г. (1 : 10): 1 рубль = 1,11 доллара США.

Расчет оборотов в рублях затруднен из-за нерыночного регулирования советской валюты и двух деноминаций 1947 и 1961 гг. Падение оборотов в 1960 г., выраженное в денежном эквиваленте, вызвано именно этим. Наряду со значительным ростом внешнеторгового оборота в 1950-е гг. на всем протяжении временного отрезка наблюдается характерная несбалансированность экспорта СССР в пользу Австрии, не в последнюю очередь за счет компенсационных поставок [Мореева] (табл. 2). С 1955 по 1959 г. объем торговли между двумя странами вырос с 197,2 до 486,2 млн руб. по старому курсу с учетом КП. С 1960 по 1964 г. происходит уменьшение объемов торговли в абсолютных цифрах в связи с денежной реформой 1 января 1961 г. с 115,8 до 98,1 млн руб. Это можно отчасти объяснить окончанием КП по товарам и прекращением поставок нефти в 1963 г. Рост внешнеторговых объемов наблюдается во второй половине 1960-х гг., в том числе после начала поставок газа в Австрию в 1968 г. по трубопроводу «Братство», которые к 1970 г. были произведены на сумму 154,9 млн руб. [Келлер] (см. табл. 1). Для такой промышленно развитой страны, как Австрия, это было немного, если сравнивать с другим нейтральным государством – Финляндией, внешнеторговый оборот которой составлял в 1950, 1960 и 1970 гг. соответственно 54,9, 264,1 и 530,7 млн руб., что обеспечивало ей почетные первые и вторые места во внешней торговле советского партнера. Вероятной причиной очевидного ослабления динамики роста внешнеторговых объемов между СССР и Австрией могли стать изменения в политическом руководстве последней в начале 1960-х гг. 11 апреля 1961 г. закончились полномочия федерального канцлера Ю. Рааба, в лице

которого Н. С. Хрущев в апреле 1955 г. впервые встретил западного лидера, с которым удалось провести успешные переговоры на высоком уровне. Авторитарные нотки в стиле правления Рааба и способность к общению помимо протокола, когда это было необходимо, явно импонировали Хрущеву [Ватлин, с. 148].

Существовавший в австрийской политике с 1955 г. консенсус в вопросе сотрудничества с Советским Союзом не смог пошатнуть кризис в «большой коалиции», переросший в открытый конфликт в 1960-е гг. [Ватлин, с. 149]. Ключевую положительную роль в этом играли федеральный президент А. Шерф, министр иностранных дел Б. Крайский, вице-канцлер Б. Питтерман (1957–1966, СДПА). Временные эффекты после существенных кадровых перестановок и смены поколений в аппарате федерального Министерства торговли и восстановления Австрии (МТВ) после смещения Н. С. Хрущева могли быть компенсированы прагматизмом правящей коалиции и сотрудников внешнеполитического ведомства. К примеру, референт по торговле с восточными странами Федеральной торгово-промышленной палаты Австрии (ФТПП) Г. Хайнрих в разговоре с заместителем советского торгпреда в Вене Ю. Н. Грачевым, состоявшемся в помещении палаты 1 июня 1964 г., высказал «личные сомнения, что новые министры от народной партии в кабинете Клауса смогут сделать что-либо существенное и долго будут на своих местах. Это все новые молодые люди, не имеющие достаточного жизненного и политического опыта. Они не сидели в концентрационных лагерях, они не участвовали активно при решении торгово-экономических проблем первых послевоенных лет» [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 31. Д. 271. Л. 63]. Судя по продолжавшейся работе комиссий и ведомств, такой пессимистичный прогноз смог реализоваться лишь отчасти.

Как бы ни складывалась внутривнутриполитическая ситуация, принципиальные вопросы экономического сотрудничества, среди которых тема энергетической безопасности занимала центральное место, оставались нерешенными. По мнению Рудольфа Б. Айха, в целях обеспечения последней Западной Европе следовало придерживаться оптимального количества советской нефти в общеевропейском энергетическом балансе на уровне 8–9 %. Но порог «опасной», как он считал, зависимости от поставок энергоносителей из СССР был превышен уже к 1962 г. такими странами как Исландия (100 %), Финляндия (78 %), Греция (22 %), Италия (19 %), Швеция и Австрия по 14 % [Eich, p. 237, 241]. К 1990-м гг. эта доля увеличилась в среднем до 30–40 %. При этом наблюдалась неравномерная ценовая политика Советского Союза, где средние цены на нефть 1958 г. для стран Запада в 90 руб. за тонну и для Северной Европы в 113 руб. за тонну сочетались с сильно завышенными ценами для «братских» стран Восточного блока по 138 руб. за тонну. Для примера: в 1959 г. нефть по демпинговым ценам в 44, 69 и 75 руб. за тонну поставлялась, соответственно, в Аргентину, Югославию и Австрию [Ibid., p. 239–240].

Н. С. Хрущеву было хорошо известно, что почти все страны Восточного блока получали в рамках двусторонней торговли значительные поставки энергоресурсов из СССР, не имея больших возможностей покупать нефть на мировом рынке. К примеру, в 1957 г. весь объем в размере 1 млн т нефти в рамках КП пошел в страны СЭВ (1949). Данная практика реэкспорта распространялась и на Венгрию с Румынией, осуществлявшие КП наряду с Австрией. В том же 1957 г. Советский Союз получил от Румынии более 2,5 млн т продуктов нефтепереработки, из них 1,84 млн т бензина, которые тот реэкспортировал вместе с нефтяными поставками из Австрии, а также с закупленными 207,3 тыс. т нефти из Албании [Wessely, p. 694, 699].

Внешние и внутренние факторы

Описав механизмы, на которых основывались экономические отношения стран с разным экономическим строем, попытаемся выяснить, «каким именно образом плановая экономика СССР смогла вписаться в рыночную экономику Австрии» [Мартинец, с. 28], какую роль в этом сыграл личностный фактор советских и австрийских лидеров. Сравнивая системные предпосылки экономического сотрудничества стран двух блоков (капиталистического и социалистического), можно получить упрек в некорректном сравнении «яблок и груш». Задача облегчается тем, что автор данного текста не является апологетом социализма или капитализма, тем более что сегодня эти понятия потеряли свою былую (кажущуюся) ясность. В противном случае легко было бы доказать неинновативность социалистической системы, в отличие от капиталистической, с помощью 14 факторов инновативной экономики Дж. Даймонда [Даймонд, с. 315–316], так как, по существу, это признаки капиталистической системы, не дающие ответа на вопрос, почему в системе социализма были возможны технологические и научные прорывы, определяющие современные тренды в отдельных областях знания. Применяемые сегодня во всем мире передовые технологии в нефтедобыче (законтурное заводнение и наклонно-направленное бурение, использование турбобура), позволившие значительно увеличить показатели добычи СНУ с 1947 (390 тыс. т) по 1952 г. (906 тыс. т), были впервые разработаны и применены в Советском Союзе [Iber, 2009, S. 593; Moser, p. 80].

С советской стороны поворот во внешней политике в сторону поиска новых решений маркировал июльский пленум ЦК КПСС 1955 г., где линия Молотова подверглась жесткой критике, за которой последовало его освобождение от занимаемой должности по решению Президиума ЦК 26 мая 1956 г. Не последнюю роль в принятии этого решения сыграла позиция Молотова по отношению к Австрии, которую он видел заложницей Советского Союза в геополитической игре, «большим козырем», за который можно получить выгодные политические и экономические преференции на переговорах с Западом [Никита Сергеевич Хрущев, с. 551; Сорокин, 2019, с. 230]. Торговля,

объявленная советским руководством средством мирного сосуществования, стала основой внешнеэкономической политики Советского Союза во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. [Липкин, 2009, с. 52], способствуя интенсификации экономических отношений с альпийской республикой, являвшейся важным поставщиком современных технологий и промышленного оборудования. Здесь советские позиции 1960–1961 г. совпадали с позициями руководителя внешнеполитического ведомства Австрии Б. Крайского, развивавшего идею общеевропейского экономического пространства, в которое могли быть включены и СЭВ, и ЕЭС, и Европейская ассоциация свободной торговли (1960) [Швейцер, с. 128].

В этих условиях двусторонние долгосрочные договоры по внешне-торговым отношениям стали инструментом, позволявшим Советскому Союзу компенсировать крупный дефицит в сфере потребительских товаров из-за несбалансированной инвестиционной политики в группу промышленности А и ВПК. Как правило, долгосрочные соглашения о взаимных поставках товаров заключались сроком от трех до шести лет: «Первое долгосрочное соглашение было подписано с Финляндией в 1951 г. сроком на пять лет. В 1956–1958 гг. долгосрочные торговые соглашения были подписаны с Италией, Францией, ФРГ, Австрией, Швецией, Данией, Норвегией, Грецией, Канадой, в 1959 г. – пятилетнее соглашение с Англией» [Капелинский, с. 112].

В сохранении стабильных торгово-экономических отношений Австрии и Советского Союза ключевую роль играла большая коалиция, образованная Австрийской народной партией (АНП) и Социал-демократической партией Австрии (СДПА). Она основывалась на достигнутом в 1955 г. консенсусе в вопросе государственной независимости Австрии при ее нейтральном статусе. Тон в советско-австрийских экономических отношениях второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. задавали политики «первого часа», присутствовавшие на проведении советско-австрийских переговоров 11–15 апреля 1955 г. в Москве, – Юлиус Рааб (1953–1961, АНП), вице-канцлер и будущий федеральный президент Адольф Шерф (1957–1965, СДПА), министр иностранных дел Леопольд Фигль (1953–1959, АНП), статс-секретарь, в будущем министр иностранных дел Бруно Крайский (СДПА, 1953–1959, 1959–1966).

Некоторые левые политики, коммунисты, прагматики, «реалисты» и симпатизанты СССР оказывали воздействие сближению и сотрудничеству с Советским Союзом. Важную техническую роль в осуществлении подписанных на высоком политическом уровне соглашений играло среднее управленческое звено внутри- и внешнеполитических министерств и ведомств. Для политического представителя (1947–1953), затем чрезвычайного и полномочного посла Австрии (1953–1960) дворянского происхождения Норберта Бишоффа фон Кламшттайна в Москве, левобуржуазного энтузиаста всего русского и советского, установление дружеских отношений с СССР казалось

материализацией его мечты. Современники и австрийские коллеги-дипломаты видели его антизападный уклон и тенденцию некритично принимать тезисы советской пропаганды. К примеру, Бишофф описывал СССР и его сферу влияния как «единую зону мира», утверждал, что семилетний план помог добиться «ликвидации бедности». Его австрийские коллеги с иронией ожидали, что и его «вычистят» при Хрущеве, исключившем открытых сталинистов из советского руководства в 1957 г. [Müller, p. 84–85].

Результатом этих соглашений был компромисс. С одной стороны, Советский Союз выступал выгодоприобретателем, воспользовавшимся трудностями европейских государств послевоенного периода при восстановлении их экономики, чтобы компенсировать свои дефициты в твердой валюте и увеличить внешнеторговый баланс, состоящий в основном из сырья и полуфабрикатов. С другой – австрийские промышленники имели возможность поставлять высокотехнологичную продукцию машиностроения, металлообработки, химической и текстильной промышленности с высокой добавленной стоимостью.

Богатый материал о социальных сетях, каналах и практиках дают документы Управления торговли с западными странами (УТЗС) МИД СССР и Министерства внешней торговли СССР (МВТ СССР): это записи бесед, справки, письма за январь–декабрь 1964 г. сотрудников советских посольства и торгпредства в Вене, австрийского посольства в Москве, представителей ФТПП в Вене, предпринимателей и людей с левыми или коммунистическими убеждениями. Это торговый атташе посольства Австрии в Москве Вальтер Вольфсбергер (1962–1966), статс-секретарь министерства торговли Австрии Винценц Котцина, начальник управления национализированной промышленности Австрии Отто Гача, референт по торговле с восточными странами ТПП Австрии Г. Хайнрих, начальник Управления МТВ Людвиг Грегор.

Немаловажную роль в координации экономического сотрудничества играли представители общественных организаций и профессиональных союзов, среди них австрийская коммунистка и председатель «Австрийского бюро торговли Восток – Запад» Елена Легради и основатель-председатель этого бюро с 1952 по 1970 г., активный сторонник советско-австрийской торговли Йозеф Добретсбергер, получивший от своих политических оппонентов прозвище «Sowjetsberger». Добретсбергер, наряду с ФТПП и Союзом промышленников Австрии, конкурировавшими между собой, основал бюро после того, как МТВ отказалось участвовать в МЭС, проходившем в апреле 1952 г. в Москве. Менее выгодна для СССР была изначальная позиция «канцлера Государственного договора» Ю. Рааба, претерпевшего метаморфозу от «фашистского хаймверфюрера» до «государственного деятеля большой мудрости», которого Н. С. Хрущев публично охарактеризовал «крайне симпатичным человеком», называя его при личных встречах в шутку «маленьким капиталистом» [Ibid., p. 80–82].

Говоря об особенностях советских управленческих практик, приведем характерный пример взаимодействия двух сторон в рамках австрийской промышленной выставки, прошедшей в октябре 1963 г. в Москве. Живой интерес у советских специалистов вызвала презентация вездехода фирмы «Даймлер – Штайер – Пух». На встрече с начальником отдела Центральной Европы УТЗС МВТ СССР Ю. В. Балодом 14 февраля 1964 г. заместитель торгового атташе посольства Австрии Г. Стипкович просил оказать содействие в проведении на Ленинских Горах демонстрации вездехода: «Присутствовавшие при показе советские специалисты-автомобилисты высказали пожелание ознакомиться с работой вездехода в зимних условиях. Вездеход был оставлен на зиму в посольстве Австрии в Москве. Сейчас, дождавшись обильного снега, посольство наметило демонстрацию вездехода на 25 февраля в 11 часов на Ленинских Горах и оповестило об этом фирму и советские организации», всего 12 – НИИ автомобильного транспорта, НИИ механики и энергетики, Московский автомобильно-дорожный институт, Министерство обороны СССР и др. [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 31. Д. 271. Л. 48].

По-видимому, приглашение не вызвало ожидаемого отклика, так как австрийское посольство обратилось за помощью в организации показа во В/О «Автоэкспорт», Всесоюзную торговую палату (ВТП) при МВТ СССР и Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ (ГК КНИР), но не получило ответа, оставшись в неведении в вопросе согласования присутствия представителей от советских организаций. Стипкович просил Балода посоветовать, в каком направлении ему действовать, чтобы провести демонстрацию вездехода в намеченный срок, на что «Балод посоветовал поддерживать по этому вопросу контакт непосредственно с ГК КНИР, поскольку Госкомитет обычно связывается с соответствующими организациями для выяснения их отношения к целесообразности демонстрации машин и оборудования», обещая со своей стороны довести просьбу Стипковича до сведения ГК КНИР. Этот случай показывает, какие усилия прилагала австрийская сторона, какую настойчивость она проявляла и на какие неординарные шаги она готова была пойти (парковка вездехода на продолжительный срок на территории посольства в целях расширения торговых отношений с СССР) [Там же. Л. 48–49].

В общей сложности, согласно соглашению о КП, Австрия поставила в СССР с середины 1955 г. до июля 1961 г. товаров на сумму в 150 млн долл. США, что в рублевом эквиваленте составило 135 млн руб.: «В СССР были поставлены: машины и оборудование (в т. ч. прокатное, бумагоделательное, химическое, специализированные автомобили, передвижные компрессоры) на 62,4 млн руб., стальной лист – 31,9 тыс. тонн, оцинкованный лист – 17 тыс. тонн, медный прокат – 6 тыс. тонн, кабель силовой бронированный – 6 тыс. тонн, нитролаки – 12 тыс. тонн, ткани искусственного шелка – на 2,2 млн руб.,

пряжа искусственного шелка – на 9,9 млн руб., обувь кожаная – на 2,7 млн руб.» [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 9738. Л. 37].

Общественно-политическая прозападная ориентация Австрии не мешала ей проводить политику активной торговли со странами СЭВ. Основой тому служили давние исторические связи со странами Восточной и Юго-Восточной Европы и Дунай – единственный дешевый водный путь, проходящий через эти страны. Давать однозначную оценку советско-австрийским торговым отношениям, как и всему времени рассматриваемого периода, было бы затруднительным и нецелесообразным. Результат этих отношений включает приобретения и потери, удачные и безрезультатные переговоры.

Австрия во внешнеполитическом восточном направлении как незаменимый коммуникатор между Востоком и Западом была важна для прорыва экономической блокады стран Запада, быстро шедших по пути общеевропейской экономико-политической интеграции, выходявшей далеко за рамки закрытых военно-политических блоков как раз для предотвращения военного противостояния европейских стран в будущем. В конечном итоге Советский Союз в лице Альпийской республики получил надежного торгового партнера, качественную современную технику и оборудование для модернизации советской промышленности, продукты массового потребления, хотя и для ограниченного слоя населения. Благодаря этому Австрия смогла диверсифицировать свою экономику и внешнюю торговлю, что позволило ей сохранить экономическую независимость и баланс политико-экономических интересов между Востоком и Западом.

Многовекторность советской политики позволяла принимать на первый взгляд противоречивые решения. К примеру, советская сторона не поддержала октябрьские уличные забастовки в Вене 1950 г., похожие на попытку коммунистического путча, спровоцированного АКП. Советскому руководству не нужна была «красная Австрия», как это было в случае с советизированной Восточной Германией или странами Восточного блока. «Особый случай» Австрии должен был служить парадным примером положительного сотрудничества советской социально-политической и экономической системы с капиталистической в лице «маленькой» капстраны, которой Москва, впрочем, могла бы легко управлять и использовать в своих целях [Iber, 2011, S. 28]. Австрия была единственной страной в послевоенной Европе, территорию которой Советский Союз добровольно возвратил в 1955 г.

Бессилие пропагандистских речей, например, выступление Н. С. Хрущева 7 июля 1960 г. с балкона венского отеля «Империал», показал автор статьи в «Рабочей газете», охарактеризовавший речь советского лидера как «пространное и крайне сухое пропагандист-

ское выступление о Советском Союзе, о его успехах и миролюбии», о том, как сделать «жизнь людей... прекрасной, приятной и т. п.». К концу пребывания Хрущева в Австрии стал явственным разрыв между пропагандистскими клише и реальностью, где главные выгодоприобретатели – государство и управленческий аппарат – осуществляли на протяжении десятилетий извлечение максимальной ренты для инвестиций в политически показательные проекты и ВПК. В глобальном масштабе «советская модель с точки зрения эффективности оказалась неконкурентоспособной» [Артемов, с. 27–28], что, в конечном итоге, определило исторический выбор населения Австрии, для которого советская социально-экономическая модель, существовавшая в СЗО с 1945 по 1955 г., оказалась малопривлекательной, тем более что Альпийская республика в рассматриваемый период переживала время «экономического чуда» 1950-х гг. и «золотых шестидесятых» [Ватлин, с. 153–156].

Австрийцы знали по своему личному опыту, что советская экономическая модель управления на практике означала низкий уровень жизни и социальные стандарты, высокий уровень несчастных случаев на производстве, раздувание репрессивного и бюрократического аппарата, неэффективную систему управления, высокие издержки бартерной торговли. Политические и социокультурные традиции подавляющего большинства австрийцев оказались сильнее попыток навязать им советский образ жизни и советскую систему ценностей. Из положительного можно отметить, что многолетний повседневный опыт общения австрийцев с представителями различных социальных слоев советской диаспоры как основа социальных, когнитивных и коммуникативных компетенций стал залогом успеха советско-австрийских экономических отношений.

Список литературы

Азаренко С. А., Келлер А. В. Теоретико-методологические аспекты социальной топологии ремесла // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 5. С. 81–90. DOI 10.25198/2077- 7175-2021-5-81.

Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М. : РОССПЭН, 2006. 254 с.

Белецкий В. Советский Союз и Австрия. Борьба Советского Союза за возрождение независимой демократической Австрии и установление с ней дружественных отношений (1938–1960). М. : Изд. Ин-та междунар. отношений, 1962. 341 с.

Ватлин А. Ю. Австрия в XX веке : учеб. пособие. М. : Дрофа, 2006. 222 с.

Внешняя торговля СССР за 1956 год. Статистический обзор. М. : Внешторгиздат, 1957. 200 с.

Внешняя торговля СССР 1922–1981. М. : Финансы и статистика, 1982. 194 с.

Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь : История человеческих сообществ. М. : АСТ, 2010. 604 с.

Капелинский Ю. Н. Развитие торговых отношений СССР с промышленно развитыми странами капитализма // Внешнеэкономические связи СССР за 50 лет. М. : Науч.-исслед. конъюнктур. институт МВТ, 1967. С. 110–117.

Келлер А. В. «Действуйте быстро, корректно, по-австрийски»: компенсационные поставки Австрии в СССР 1955–1963 гг. // История : электрон. науч.-образоват. журн. :

[сайт]. 2022. Т. 13. DOI 10.18254/S207987840020439-1. URL: <https://history.jes.su/s207987840020439-1-1/> (дата обращения: 03.09.2022).

Липкин М. А. Европейская интеграция и советские экономические инициативы (1950-е – первая половина 1970-х годов) : По новым материалам российских и зарубежных архивов // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 47–64.

Липкин М. А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2016. 560 с.

Мартинец Ю. А. Советско-австрийские экономические отношения как проблема отечественной историографии // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2021. № 4. С. 19–31. DOI 10.28995/2073-6339-2021-4-19-31.

Мореева С. Н. Несбалансированность структуры российского экспорта (с начала XX в.): история и намеченные пути преодоления // Теоретическая и прикладная экономика. 2019. № 1. С. 20–40. DOI 10.25136/2409-8647.2019.1.20811.

Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени : документы из личного фонда Н. С. Хрущева : в 2 т. / сост. М. Ю. Прозументчиков [и др.] ; гл. ред. Н. Г. Томилина. М. : Международный фонд «Демократия», 2009. Т. 2. 876 с.

РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 9738; Оп. 31. Д. 271.

Сорокин А. Н. Австрийский нейтралитет 1955 г.: модель для Германии или феномен холодной войны? // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 5. С. 222–235. DOI 10.15688/jvolsu4.2019.5.16.

Сорокин А. Н. Государственный договор 1955 года и становление экономических взаимоотношений СССР и Австрии // Новый исторический вестник. 2022. № 2 (72). С. 46–71.

Швейцар В. Я. СССР – Австрия : На виражах мировой политики // Современная Европа. 2014. № 2. С. 121–130.

Eich R. B. Das sowjetische Öl auf dem Weltmarkt // Ost-Probleme. 1962. Vol. 14, № 8 (1 Apr.). S. 234–241.

Harrod A. E. Austrian Neutrality: The Early Years, 1955–1958 // Austrian History Yearbook. 2010. Vol. 41. P. 216–246. DOI 10.1017/S0067237809990154.

Iber W. M. Erdöl statt Reparationen. Die Sowjetische Mineralölverwaltung (SMV) in Österreich 1945–1955 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2009. Vol. 57. S. 571–605.

Iber W. M. Die Sowjetische Mineralölverwaltung in Österreich: Zur Vorgeschichte der OMV 1945–1955. Innsbruck : Studienverlag, 2011. 312 S.

Moser N. Oil and the Economy of Russia. From the Late-Tsarist to the Post-Soviet Period. L. ; N. Y. : Routledge, 2018. 190 p.

Müller W. A Good Example of Peaceful Coexistence? The Soviet Union, Austria, and Neutrality, 1955–1991. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2011. 381 S.

SBKA. BKAА/BMAА. VII.1 Länderbox UdSSR; Box 2; VII. 2. Box 13, 14.

State Treaty for the Re-Establishment of an Independent and Democratic Austria. Vienna, May 15, 1955 // UK Treaties Online (UKTO) : [website]. URL: <https://web.archive.org/web/20170709133128/http://treaties.fco.gov.uk/docs/pdf/1957/TS0058.pdf> (accessed: 09.11.2021).

Wessely K. Österreich und die Erdölwirtschaft der Ostblockländer // Osteuropa. 1958. Vol. 8, № 10/11. S. 694–699.

References

Artemov, E. T. (2006). *Nauchno-tehnicheskaya politika v sovetskoj modeli pozdneindustrial'noi modernizatsii* [Science and Technology Policy in the Soviet Model of Late Industrial Modernization]. Moscow, ROSSPEN. 254 p.

Azarenko, S. A., Keller, A. V. (2021). Teoretiko-metodologicheskie aspekty sotsial'noi topologii remesla [Theoretical and Methodological Aspects of the Social Topology of

Craft]. In *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*. No. 5, pp. 81–90. DOI 10.25198/2077- 7175-2021-5-81.

Beletskii, V. M. (1962). *Sovetskii Soyuz i Avstriya. Bor'ba Sovetskogo Soyuza za vozrozhdenie nezavisimoi demokraticheskoi Avstrii i ustanovlenie s nei druzhestvennykh otnoshenii (1938–1960)* [The Soviet Union and Austria. The Struggle of the Soviet Union for the Revival of an Independent Democratic Austria and the Establishment of Friendly Relations with It (1938–1960)]. Moscow, Izdanie Instituta mezhdunarodnykh otnoshenii. 341 p.

Diamond, J. (2010). *Ruzh'ya, mikroby i stal'. Istoriya chelovecheskikh soobshchestv* [Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies]. Moscow, AST. 604 p.

Eich, R. B. (1962). Das sowjetische Öl auf dem Weltmarkt. In *Ost-Probleme*, Vol. 14, No. 8 (1 April), S. 234–241.

Harrod, E. H. (2010). Austrian Neutrality: The Early Years, 1955–1958. In *Austrian History Yearbook*. Vol. 41, pp. 216–246. DOI 10.1017/S0067237809990154.

Iber, W. M. (2009). Erdöl statt Reparationen. Die Sowjetische Mineralölverwaltung (SMV) in Österreich 1945–1955. In *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. Vol. 57, S. 571–605.

Iber, W. M. (2011). *Die Sowjetische Mineralölverwaltung in Österreich: Zur Vorgeschichte der OMV 1945–1955*. Innsbruck, Studienverlag. 312 S.

Kapelinskii, Yu. N. (1967). Razvitie torgovykh otnoshenii SSSR s promyshlenno razvitymi stranami kapitalizma [Development of Trade Relations between the USSR and the Industrially Developed Countries of Capitalism]. In *Vneshneekonomicheskie svyazi SSSR za 50 let*. Moscow, Nauchno-issledovatel'skii kon'yunkturnyi institut Ministerstva vneshnei trgovli, pp. 110–117.

Keller, A. V. (2022). “Deistvuie bystro, korrektno, po-avstriiski”: kompensatsionnye postavki Avstrii v SSSR 1955–1963 gg. [“Act Quickly, Correctly, in an Austrian Way”: Compensatory Deliveries of Austria to the USSR in 1955–1963]. In *Istoriya. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal* [website]. Vol. 13. DOI 10.18254/S207987840020439-1. URL: <https://history.jes.su/s207987840020439-1-1/> (accessed: 03.09.2022).

Lipkin, M. A. (2009). Evropeiskaya integratsiya i sovetkie ekonomicheskie initsiativy (1950-e – pervaya polovina 1970-kh godov). Po novym materialam rossiiskikh i zarubezhnykh arkhivov [European Integration and Soviet Economic Initiatives (1950s – First Half of the 1970s). Based on New Materials from Russian and Foreign Archives]. In *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 3, pp. 47–64.

Lipkin, M. A. (2016). *Sovetskii Soyuz i integratsionnye protsessy v Evrope: seredina 1940-kh – konets 1960-kh godov* [The Soviet Union and Integration Processes in Europe: Mid-1940s – Late 1960s]. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. 560 p.

Martinets, Yu. A. (2021). Sovetsko-avstriiskie ekonomicheskie otnosheniya kak problema otechestvennoi istoriografii [Soviet-Austrian Economic Relations as a Problem of National Historiography]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 4, pp. 19–31. DOI 10.28995/2073-6339-2021-4-19-31.

Moreeva, S. N. (2019). Nesbalansirovannost' struktury rossiiskogo eksporta (s nachala XX v.): istoriya i namechennyye puti preodoleniya [Imbalance in the Structure of Russian Exports (since the Beginning of the 20th Century): History and Planned Ways of Overcoming the Imbalance]. In *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika*. No. 1, pp. 20–40. DOI 10.25136/2409-8647.2019.1.20811.

Moser, N. (2018). *Oil and the Economy of Russia. From the Late-Tsarist to the Post-Soviet Period*. L., N. Y., Routledge. 190 p.

Müller, W. (2011). *A Good Example of Peaceful Coexistence? The Soviet Union, Austria, and Neutrality, 1955–1991*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 381 S.

Prozumenshchikov, M. Yu., Tomilina, N. G. et al. (Eds.). (2009). *Nikita Sergeevich Khrushchev. Dva tsveta vremeni: dokumenty iz lichnogo fonda N. S. Khrushcheva v 2 t.* [Nikita Sergeevich Khrushchev. Two Colors of Time: Documents from the Personal Fund of N. S. Khrushchev. 2 Vols.]. Moscow, Mezhdunarodnyi fond “Demokratiya”. Vol. 2. 876 p.

RGAE [Russian State Archive of Economics]. Stock 413. List 13. Dos. 9738; List 31. Dos. 271.

SBKA. BKAA/BMAA. VII.1 Länderbox UdSSR; Box 2; VII. 2. Box 13, 14.

Shveitser, V. Ya. (2014). SSSR – Avstriya. Na virzhakh mirovoi politiki [USSR – Austria. On the Turns of World Politics]. In *Sovremennaya Evropa*. No. 2, pp. 121–130.

Sorokin A. N. (2022). Gosudarstvennyi dogovor 1955 goda i stanovlenie ekonomicheskikh vzaimootnoshenii SSSR i Avstrii [The State Treaty of 1955 and the Formation of Economic Relations between the USSR and Austria]. In *Novyi istoricheskii vestnik*. No. 2 (72), pp. 46–71.

Sorokin, A. N. (2019). Avstriiskii neutralitet 1955 g.: model' dlya Germanii ili fenomen kholodnoi voiny? [Austrian Neutrality in 1955: A Model for Germany or a Cold War Phenomenon?]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhduнародnye otnosheniya*. Vol. 24. No. 5, pp. 222–235. DOI 10.15688/jvolsu4.2019.5.16.

State Treaty for the Re-Establishment of an Independent and Democratic Austria. Vienna, May 15, 1955. In *UK Treaties Online (UKTO)* [website]. URL: <https://web.archive.org/web/20170709133128/http://treaties.fco.gov.uk/docs/pdf/1957/TS0058.pdf> (accessed: 09.11.2021).

Vatlin, A. Yu. (2006). *Avstriya v XX veke. Uchebnoe posobie* [Austria in the 20th Century. Study Guide]. Moscow, Drofa. 222 p.

Vneshnyaya trgovlya SSSR 1922–1981 [Foreign Trade of the USSR. 1922–1981]. (1982). Moscow, Finansy i statistika. 194 p.

Vneshnyaya trgovlya SSSR za 1956 god. Statisticheskii obzor [Foreign Trade of the USSR in 1956. Statistical Review]. (1957). Moscow, Vneshtorgizdat, 200 p.

Wessely, K. (1958). Österreich und die Erdölwirtschaft der Ostblockländer. In *Osteuropa*. Vol. 8. No. 10/11, S. 694–699.

The article was submitted on 23.07.2022

**«Путь к Рубикону»:
американо-советские контакты
в области науки и технологий***

Валерий Юнгблюд

Вятский государственный университет,
Киров, Россия

**“The Way to the Rubicon”:
American-Soviet Contacts in Science and Technology****

Valery Yungblud

Vyatka State University,
Kirov, Russia

The interaction between the USSR and the US during the Cold War was not always of a pronounced confrontational nature. In the early 1970s, the turn from confrontation to detente seemed sensational, but its very possibility was the result of a long evolution of bilateral US-Soviet relations and the system of international relations as such. This article discusses the reasons that prompted the US leadership to expand scientific and research and technology contacts with the Soviet Union in the late 1960s – early 1970s, clarifies the place of scientific and research and technology issues in constructing the US strategy towards the USSR at the beginning of the detente. Although these issues are outlined in the works of some Russian and international authors on Cold War history, no special studies on this problem have appeared so far. The conclusion argues that detente did not mean the US leadership's rejection of the Cold War, it only temporarily shifted its focus from the arms race and nuclear potentials to the areas where the advantages of the US were more pronounced at the time – to compare living standards, the degree of openness of societies and the quality of the consumer market. The complex of bilateral treaties of 1972–1974 determined the direction and parameters of competitive interaction of the powers in these areas but did not guarantee the convergence and interpenetration of socio-political systems.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–01876 «Взаимодействие сверхдержав в сфере науки, техники и технологий в “глобальные семидесятые”».

** *Citation:* Yungblud, V. (2022). “The Way to the Rubicon”: American-Soviet Contacts in Science and Technology. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1691–1707. DOI 10.15826/qr.2022.5.755.

Цитирование: Yungblud V. “The Way to the Rubicon”: American-Soviet Contacts in Science and Technology // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1691–1707. DOI 10.15826/qr.2022.5.755 / Юнгблюд В. «Путь к Рубикону»: американо-советские контакты в области науки и технологий // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1691–1707. DOI 10.15826/qr.2022.5.755.

Keywords: Cold War, detente, US-Soviet relations, scientific and technical cooperation, R. Nixon, H. Kissinger, sanctions

Взаимодействие СССР и США в годы холодной войны не всегда носило выраженный конфронтационный характер. В начале 1970-х гг. поворот от конфронтации к разрядке казался сенсационным, однако сама его возможность была результатом длительной эволюции двусторонних американо-советских отношений и системы международных отношений в целом. В статье рассмотрены причины, побудившие руководство США в конце 1960-х – начале 1970-х гг. пойти на расширение научных и научно-технических контактов с Советским Союзом, уточняется место научной и научно-технической проблематики в конструировании стратегии США в отношении СССР в начале периода разрядки напряженности. Отмечается, что успехи советской науки в 1960-е гг. имели серьезный международный резонанс и побуждали руководство США к развитию взаимовыгодных американо-советских исследовательских и обменных программ. Обосновывается вывод о том, что разрядка не означала отказа руководства США от холодной войны, она лишь на время переместила ее фокус с гонки вооружений и соотношения ядерных потенциалов на те сферы, где преимущества США в тот момент были более выраженными, – на сопоставление уровней жизни, степени открытости обществ и качества наполнения потребительского рынка. Комплекс двусторонних договоров 1972–1974 гг. определял направленность и параметры конкурентного взаимодействия держав в указанных сферах, но не гарантировал сближения и взаимопроникновения общественно-политических систем.

Ключевые слова: холодная война, разрядка, американо-советские отношения, научно-техническое сотрудничество, Р. Никсон, Г. Киссинджер, санкции

Советско-американские переговоры на высшем уровне в Москве завершились 30 мая 1972 г. Итогом стало подписание пакета документов. Важнейшими из них были Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1), Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и декларация «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки». 3 июля 1972 г. А. С. Черняев (заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС Б. Н. Пономарева) сделал в своем личном дневнике запись:

Как бы там ни было, а Рубикон перейден. Великий Рубикон всемирной истории. С этих майских недель 1972 г. будут датировать эпоху конвергенции: не в том пошлом значении этого слова, каким его представляют наши идеологи типа Федосеева, а в его объективно-революционном и спасительном для человечества смысле [Черняев, с. 36].

А. С. Черняев не просто фиксировал факт подписания нескольких международных документов, но говорил о событиях, воспринимавшихся как революционный поворот, прорыв, начало «эры сотрудничества», и в этом он был не одинок [Александров-Агентов, с. 213, 227; Добрынин, с. 240]. Интонации этой записи передавали состояние эйфории, непривычное для автора дневников, более склонного к иронии и сарказму. Пафосный стиль текста подчеркивал торжественность момента: как-никак речь шла об изменении хода истории.

Другой свидетель и непосредственный участник тех событий, Г. Киссинджер (Henry Kissinger), в воспоминаниях, опубликованных десять лет спустя, был гораздо менее оптимистичен. Рассуждая об историческом смысле разрядки, он писал:

Была ли она уловкой, которая должна была убаюкать нас в то время, как Кремль готовил геополитическое наступление? Или же Советы были отрезвлены твердой позицией Никсона в процессе урегулирования, которую тот проявлял в течение длительного времени вкупе с желанием получить ощутимые выгоды в сфере экономических отношений? Рассматривали ли они разрядку всего лишь как тактический маневр? Или же была реальная возможность установить длительные стабильные американо-советские отношения? Был ли Московский саммит 1972 года поворотной точкой, или же ему суждено стать моментом эфемерной эйфории? Мы никогда этого не узнаем, возможно, этого никогда не узнают и советские лидеры [Kissinger, p. 229]¹.

В повестке советско-американского саммита преобладала оборонная тематика, обсуждались проблемы международной политики (в частности, ситуация на Ближнем Востоке и европейская безопасность), торгового и финансово-экономического взаимодействия. Был подписан ряд важных соглашений о сотрудничестве в научно-технической сфере, в освоении космоса, в области науки, образования и культуры. Комплекс решений и договоренностей, определявших новые параметры научного взаимодействия, и степень открытости в отношении новейших технологий придавали дополнительное исключительно важное измерение процессу разрядки международной напряженности.

СССР и США подошли к этому рубежу, преодолев значительные преграды. Формируя перечень будущих программ и проектов, они руководствовались собственными представлениями о том, что такое разрядка, каковы ее перспективы и какое место должно занять научно-техническое сотрудничество в повестке двусторонних отношений и в многосторонних форматах взаимодействия Востока и Запада.

В статье предпринята попытка определить причины, побудившие руководство США в конце 1960-х – начале 1970-х гг. пойти на расши-

¹ Здесь и далее перевод цитат автора статьи.

рение научных и научно-технических контактов с Советским Союзом, установить мотивы и уровень заинтересованности администрации Р. Никсона в развитии кооперации и определить место научной и научно-технической проблематики в конструировании стратегии США в отношении СССР в начале периода разрядки напряженности в двусторонних отношениях. Перечень указанных вопросов намечен в трудах ряда российских и зарубежных авторов по истории холодной войны [Кременюк; Липкин; Печатнов, Манькин; Улунян; Cain; Van Oudenaren; Mastanduno; Stevenson], однако специальных исследований этой проблематики до настоящего времени не появилось.

Научно-технологическое измерение холодной войны

Во второй половине 1940-х гг. развитие науки и наукоемких технологий рассматривалось руководством ведущих держав мира как одно из средств достижения преимуществ в начавшейся холодной войне. Хотя еще в 1920–1930-е гг. в торгово-экономических отношениях СССР и Запада установились важные прецеденты, легализовавшие взаимоотношения свободной рыночной и плановой советской экономических систем, лишь немногие из соглашений тех лет сохранили свое действие [Van Oudenaren, p. 255–256]. На торговлю и научно-технические обмены между СССР и странами Запада были наложены ограничения. Инициатором и наиболее последовательным проводником этого курса выступили США. Важной вехой на этом пути стал план Маршалла, изначально задуманный как средство, «с помощью которого Советский Союз должен был быть окончательно выключен из международного сотрудничества в области торговли» [Минкова, с. 369].

Во второй половине 1947 г. более 200 конгрессменов и сенаторов США посетили Европу для того, чтобы убедиться в целесообразности восстановления разрушенного войной континента. Итогом этой кампании по сбору фактов стал представленный Конгрессу 883-страничный доклад, пронизанный мыслью о том, что «маршаллизировать» следует только Западную Европу, а сам план предназначен для того, чтобы остановить «красный прилив» [Steil, p. 193–194]. В принятый 3 апреля 1948 г. закон «Об оказании помощи иностранным государствам» был включен пункт, запрещающий реципиентам американской помощи поставлять в СССР или подконтрольные ему страны товары или продукты, «если Соединенные Штаты не выдают экспортных лицензий на вывоз в эти страны этих товаров или продуктов в интересах своей национальной безопасности» («поправка К. Мундта»). Вслед за этим «Акт о контроле над оказанием помощи в целях взаимной обороны» («Закон Л. Бэттла»), подписанный президентом Г. Трумэном 26 октября 1951 г., усилил ограничительные и репрессивные нормы в отношении СССР и других социалистических стран вплоть до введения эмбарго на наукоемкие товары и установления экономической блокады. Чтобы не допустить усиления военного потенциала СССР и его союзников, Государственный департамент, ЦРУ, военные

и торговые ведомства США разработали перечень предметов и оборудования, экспорт которых в эти страны запрещался или ограничивался [Cain, p. 132–133].

В 1949 г. Вашингтон закрепил торговые ограничения «Законом об экспортном контроле». Для его реализации был учрежден Координационный комитет по экспортному контролю (КОКОМ) со штабом в Париже как своего рода «экономическая рука» созданного в том же году НАТО [Cupitt, Grillot, p. 361]. КОКОМ вел контрольные списки ключевых товаров и технологий особого значения, экспорт которых в соцстраны запрещался полностью, частично либо оговаривался особыми условиями. Контрольные списки пересматривались примерно каждые три-четыре года, и количество запрещенных товаров в них варьировалось [CoCom Lists; Technology and East-West Trade, p. 156]. Помимо этого, на деятельность филиалов американских предприятий в Европе распространялось внешнеторговое законодательство США, которое ограничивало экспорт еще нескольких десятков видов продукции. Иногда действия США приобретали характер прямого политического давления на правительства союзных государств с целью предотвратить или ограничить их связи с Москвой в области научного сотрудничества, технологического обмена и торговли [Van Oudenaren, p. 257]. Используя так называемый «дифференцированный подход», правительство США придерживалось более либеральной политики в отношении стран Варшавского договора, демонстрировавших меньшую лояльность Москве [Brada, Wipf, p. 53; Mally, p. 34–35]².

Временный спад конфронтации в советско-американских отношениях, связанный со смертью Сталина и «духом Женевы», давал основания для пересмотра санкционных списков и порождал надежды на снятие некоторых ограничений. Массовые, но непродолжительные ожидания того времени выразил премьер-министр Великобритании У. Черчилль, в выступлении перед палатой общин 25 февраля 1954 г. заявивший, что расширение торговли с Советской Россией повысит шансы на улучшение уровня жизни во всех странах и приведет к тому, что мир будет «перемешиваться» в здоровой и плодотворной торговле в противовес расчетам военных [Winston S. Churchill, vol. 8, p. 8532–8533]. Однако международные кризисы 1950–1960-х гг. перечеркнули эти надежды.

Официальному Вашингтону ограничения в торговле и научно-технологическом обмене с социалистическими странами казались естественными и закономерными исходя из той логики, что США являлись самой развитой державой мира, и развитие сотрудничества в сфере науки и наукоемких технологий сулило непропорционально большие

² Страны, куда направлялся экспорт из западных стран, делились на несколько групп. Румыния (из группы Q), Польша и Венгрия (из группы W) пользовались большими преференциями, чем прочие социалистические страны (входившие в группу Y). На страны группы Z (Кубу, Кампучию, Северную Корею, Вьетнам) накладывалось практически полное эмбарго. Китайская Народная Республика в годы разрядки перешла из группы Z в группу P и стала пользоваться привилегированным положением.

выгоды СССР и его союзникам. Советская сторона в области развития международных научных связей также строила свою политику по правилам холодной войны. Дин Риск (Dean Rusk), с 1954 по 1960 г. возглавлявший Фонд Рокфеллера – в то время один из крупнейших американских центров организации прорывных научных исследований, в том числе и на условиях научной кооперации и обмена, вспоминал:

К сожалению, нам так и не удалось наладить работу с СССР, хотя мы очень этого хотели. Мы были бы счастливы выделить средства на культурные и академические обмены и разнообразные научные проекты, но по факту мы с Советами находились не на одной волне в вопросах свободы передвижения, целей научных исследований, а также в понимании такой проблемы, как академическая свобода.

Приведенные им в качестве доказательства примеры (о попытках наладить научное сотрудничество в области исследований генетики пшеницы и мутации вредоносных пшеничных грибков, а также условий хранения плазмы крови), иллюстрируют атмосферу недоверия, характерного для отношений между двумя странами в это время [Rusk, p. 163–164]. К середине 1960-х гг. обе стороны имели внушительный список взаимных претензий.

Уолт Ростоу (Walt Rostow), совмещавший в 1963 г. должности начальника управления планирования Госдепартамента и помощника советника президента по национальной безопасности, считал торговые ограничения «эффективным оружием в холодной войне» и заявлял от лица администрации, что они «служат символом решимости и морального осуждения СССР» [Frost, Stent, p. 191]. Но для частного американского капитала санкционная политика часто оборачивалась закрытием доступа к восточноевропейскому и китайскому рынкам, существенными упущенными выгодами. В США ревниво наблюдали за тем, как вслед за Финляндией, заключившей в 1955 г. соглашение с СССР о сотрудничестве в области науки и техники, развивать научные связи с СССР стали другие государства Западной Европы, включая членов НАТО – Норвегию (1955), страны Бенилюкса (1964), Италию (1966), Францию (1966), Великобританию (1967) [Липкин, с. 442–455]. Такое развитие событий осложняло отношения США с их союзниками и нейтралами. Неоднократно при прямом вмешательстве США срывались готовившиеся сделки между западными фирмами и заказчиками из Восточной Европы [Brada, Wipf, p. 48].

Помимо упущенных выгод, для США расширение контактов СССР с государствами, входившими в состав НАТО, было чревато еще и серьезными политическими последствиями, поскольку очевидные советские успехи в этом направлении конвертировались в создание двусторонних и многосторонних механизмов кооперации, укреплявших позиции СССР в Европе, а в перспективе способных привести к противопоставлению общеевропейских интересов севе-

роатлантическим. Руководство СССР последовательно продвигало эту стратегию. В 1966 г. в связи с визитом в СССР президента Франции Ш. де Голля советским послам в ряде зарубежных государств было разослано инструктивное письмо с установкой решать европейские проблемы «прежде всего в рамках Европы, то есть практически без американского вмешательства» [Липкин, с. 444]. К 1968 г. эта тенденция оформилась в Декларацию о принципах общеевропейского научно-технического сотрудничества, альтернативную западным планам интеграции. В этом документе предлагалось создавать общеевропейские исследовательские, консультативные и координационные центры, научно-технические советы, обмениваться делегациями, а также патентами и лицензиями, проводить симпозиумы, заниматься совместной разработкой стандартов, а также создавать смешанные комиссии [Там же, с. 441–442]. В Вашингтоне фиксировали эти процессы и прекрасно осознавали их смысл [Улунян, с. 260–261].

Администрация Линдона Джонсона: курс на «наведение мостов»

В середине 1960-х гг. стал существенно меняться баланс количественных и качественных показателей военно-стратегических и научно-технологических потенциалов США и СССР. Это отразилось на эмоциональном фоне конкурентного взаимодействия сверхдержав. Начало этому было положено 4 октября 1957 г. запуском первого советского искусственного спутника земли. Будущий президент (в тот момент сенатор от штата Техас) Линдон Джонсон вспоминал, что в тот день он испытал «глубочайший шок от осознания того, что другая нация способна превзойти [нас] в технологическом отношении» Соединенные Штаты [Johnson, 1971, p. 272]. Многих американцев советский спутник «погрузил в состояние депрессии», которое в последующие годы не ослабевало по мере очевидных советских успехов в космосе, а также в связи с испытанием в СССР межконтинентальной баллистической ракеты.

Хотя американские достижения также становились все более заметными, особенно после вывода на орбиту спутников связи и метеоспутников, отставание от СССР в космосе в течение нескольких лет сохранялось. В начале 1958 г. в Конгрессе состоялись трехмесячные слушания, посвященные обсуждению перспектив космических и оборонных программ и связанных с ними научных исследований и технологических решений. Джонсон писал:

За эти месяцы мы открыли для себя тревожные истины. И среди них был тот факт, что Советский Союз идет впереди Соединенных Штатов в создании баллистических ракет, что его research-&-development система позволяет производить новые виды вооружения за более короткое время, чем в США, и что он готовит ученых и технических специалистов намного быстрее, чем мы [Ibid., p. 272–273, 275].

По итогам слушаний сенаторы подготовили доклад, одобренный как демократами, так и республиканцами. Его рекомендации способствовали увеличению инвестиций в научные исследования, космические программы и военные разработки.

В первой половине 1960-х гг. в сфере наукоемких технологий и в непосредственно связанных с ними сегментах военно-промышленного комплекса СССР продолжал демонстрировать успехи, дававшие ему, помимо прямых экономических и оборонных выгод, политические преимущества. Всеобщий интерес к советским достижениям способствовал широкому внедрению космической тематики в «общую потребительскую культуру» и предоставил Москве беспрецедентную возможность использовать научные открытия своих ученых «как доказательства идеологического превосходства» СССР и стран социализма [Советская культурная дипломатия, с. 91, 96].

Хотя, по данным ЦРУ, в 1964 г. СССР по большинству показателей заметно отставал от США в экономической гонке, в глазах экспертов и избирателей этот аргумент выглядел неубедительно – наметившаяся тенденция бросала тень на ореол США как лидера западного мира и могла увенчаться закреплением первенства социалистических государств в инновационных отраслях научно-технологического комплекса. Согласно оценкам разведывательных аналитических центров, СССР располагал достаточными ресурсами для того, чтобы в обозримом будущем демонстрировать устойчивый рост экономических показателей, научно-технологический прогресс и улучшение качества жизни граждан [Intentions and Capabilities, p. 142, 144].

Кроме того, в октябре 1964 г. в СССР произошла смена руководства. Пришедшая к власти команда Л. И. Брежнева – А. Н. Косыгина провозгласила курс на экономические реформы, технические инновации и повышение жизненного уровня советских людей. В течение первых восьми лет выдерживались высокие темпы экономического роста, расширения потребительской корзины и создания наукоемких отраслей производства. Для СССР это было время надежд, связанных в том числе и с укреплением его позиций на международной арене [Hanson, p. 98–99].

Выравнивание потенциалов сверхдержав в наиболее чувствительных для массового сознания областях поколебало убежденность американцев в незыблемости собственного превосходства [Stevenson, p. 70]. На фоне растущих внутренних и международных протестов по поводу войны во Вьетнаме данное обстоятельство создавало для администрации Л. Джонсона большую проблему. Согласно оценкам аналитиков разведки, СССР имел шансы, используя технологические инновации, добиться паритета или даже превосходства над США, и «почти наверняка» для достижения этих целей в Москве изучались возможности «использования космических систем при создании оборонительных, так и наступательных вооружений» [Intentions and Capabilities, p. 154].

В частных разговорах президент не скрывал своей обеспокоенности. В марте 1965 г. он, обсуждая с сенатором Д. Маклелланом (John McClellan, демократ, Арканзас) советские космические достижения, признался, что «эти (то есть советские. – В. Ю.) парни обходят нас по всем статьям, а мы делаем вид, будто ничего не происходит, и только напрямую столкнувшись с неприятной реальностью, начинаем искать, кого бы сделать козлом отпущения» [Reaching for Glory, p. 237]. Почти через три месяца после этого разговора – 17 июня, сразу после успешного завершения полета «Джемини-4», Джонсон в полемике с администратором НАСА Дж. Уэббом (James Webb) настоял, чтобы члены экипажа Дж. Макдивит (James McDivitt) и Э. Уайт (Edward White) отправились вместе с вице-президентом Х. Хэмфри (Hubert Humphrey) во Францию для участия в международном авиасалоне в Ле-Бурже. Незадолго до этого произошла резонансная катастрофа американского сверхзвукового бомбардировщика Б-58, унесшая жизнь пилота. Уэбб усомнился в целесообразности участия американских астронавтов в «шоу де Голля» в тот момент, «когда русские превосходили» США почти во всем, а участникам выставки было известно о трагедии с бомбардировщиком. На это президент возразил:

Сейчас мы очень плохо выглядим в глазах всего мира, и нам надо использовать любой шанс, чтобы изменить сложившуюся ситуацию. <...> Все, что у меня есть на этом шоу, это три-четыре жирных конгрессмена и разбившийся Б-58. Я хочу, чтобы они увидели, что на самом деле Америка... значит для всего мира [Reaching for Glory, p. 363].

С конца 1964 г. публичная дипломатия использовалась администрацией Джонсона в рамках «дифференцированного подхода» к СССР и странам социализма и только что провозглашенной политики «наведения мостов» [CIA]. Периодически звучавшие декларации о пользе кооперации в сфере науки, технологий и торговли в плоскость практического взаимодействия, тем не менее, не переводились. Подписанное еще в 1959 г. соглашение о сотрудничестве Академий наук СССР и США сдерживалось политическими факторами, ограничением свободы контактов между западными учеными и их коллегами из социалистических стран, политикой нераспространения высоких технологий. Но редкие исключения все же случались.

В середине декабря 1964 г. президент принял в Белом доме директора Управления науки и технологий Дональда Хорнига (Donald Hornig), возглавлявшего группу бизнесменов и ученых, недавно посетивших СССР с двухнедельным ознакомительным визитом, во время которого они встречались с советскими руководителями. Гости были приняты президентом АН СССР М. В. Келдышем, смогли посетить ряд предприятий, конструкторских бюро и научных лабораторий. В отчете об этом турне говорилось о двусторонней заинтересованности в развитии научной кооперации и торговых отношений между

США и СССР. Джонсон позитивно оценил итоги этого визита, «выразил надежду» на развитие сотрудничества «в ряде специфических областей» технологий и сообщил о готовности побудить другие правительственные ведомства «максимально поддержать развитие мирных контактов» [Johnson, 1964].

С этого времени установка на расширение американо-советских связей и кооперацию несколько раз транслировалась президентом и членами администрации в разных аудиториях и форматах. Хотя эти призывы в целом находили в Москве позитивные отклики, дело, как правило, ограничивалось декларациями. Даже «историческая» (хотя и неофициальная) встреча президента Джонсона с председателем Совета министров СССР А. Н. Косыгиным в Гласборо 23–25 июня 1967 г., освещенная идеями «защиты и обещания прогресса» [Кременюк, с. 173], прорывом не стала.

Поворот к разрядке: администрация Р. Никсона

В конце 1960-х гг. в американском истеблишменте развернулись дискуссии по проблеме ослабления ограничений в торговле. Консерваторы предостерегали: кредиты, а также продажа товаров и технологий социалистическим странам будут способствовать укреплению их военного потенциала, и, соответственно, усилению угрозы странам НАТО [Wade, 1974, p. 499]. Их оппоненты указывали на упущенные возможности для американского бизнеса, преподносили расширение торгового обмена как средство «смягчения советских нравов», «разрыхления советского блока». Акцентировалось, что невозможно надежно гарантировать нераспространение высоких технологий в социалистические страны, поскольку СССР прилагает огромные усилия к их приобретению как законными, так и незаконными средствами, широко использует промышленный шпионаж [Mally, p. 38]. Отмечалось также, что запрет на продажу СССР определенных товаров побуждает советских производителей разрабатывать собственные аналоги, и в этих условиях Западу выгодно продавать СССР высокотехнологичные товары, чтобы поддерживать отсталость и зависимость советской экономики [Wade, 1978, p. 426].

В предвыборной кампании 1968 г. о научно-техническом прогрессе в контексте взаимоотношений США с СССР и странами социализма речи почти не шло. В риторике кандидатов доминировала тема войны во Вьетнаме. Победивший в предвыборной гонке Р. Никсон, не скупясь в выражениях, обвинял предыдущую администрацию в мягкотелости, имевшей следствием появление «смертельно опасной брешы» в системе безопасности страны, и обещал восстановить безусловное превосходство США в области вооружений [History of American Presidential Elections, p. 1354]. Ключевую роль в разработке внешней политики администрации с первого же дня играл помощник президента по национальной безопасности Генри Киссинджер.

1969–1970 гг. были отмечены «повышенной турбулентностью» в двусторонних отношениях, в том числе и из-за того, что к и без того небесконфликтной повестке этих отношений добавилось охлаждение в связи с «Пражской весной». Тем не менее, склонность пришедшей в Белый дом республиканской администрации во главу угла ставить прагматичный подход и ее заинтересованность в достижении быстрых и ориентированных на перспективу результатов создавали неплохую основу для достижения прогресса в вопросах сотрудничества в области торговли, технологий и науки. «Мы действительно верили, что тщательно контролируемая торговля будет укреплять сосуществование, основанное на балансе сил», – позднее отмечал Киссинджер. В острой полемике с критиками политики разрядки он доказывал, что улучшение отношений с Москвой «пойдет на пользу плюрализму демократической системы, ее экономической жизнеспособности, технологическим инновациям и креативности свободных людей» [Kissinger, p. 245, 247].

Никсон, хотя и не без оговорок, принимал такой подход. Свое кредо в отношении роли государства в развитии научных изысканий он сформулировал еще в конце 1950-х гг., будучи вице-президентом в администрации Д. Эйзенхауэра: «Если великая нация отказывается от соревнования в области исследования неизвестного, то она перестает быть великой» [Nixon, vol. 1, p. 530; vol. 2, p. 61, 63].

Соревнование с СССР не исключало возможности взаимовыгодного сотрудничества и обмена, тем более что к концу 1960-х гг. в этой сфере накопился внушительный список нерешенных вопросов. Их систематизацией и поиском способов расширения кооперации с СССР администрация занялась сразу после прихода в Белый дом. Повод для этого возник уже 17 февраля 1969 г., когда после встречи с Р. Никсоном А. Добрынин передал Киссинджеру документ, в котором системно излагались ключевые проблемы текущей повестки советско-американских отношений. В шестом пункте этого документа предлагалось придать «масштабность» двустороннему диалогу путем развития связей и сотрудничества «в самых различных областях: научно-технической, экономической, культурной» [FRUS, 2006, p. 46–47].

Запись беседы президента с послом не содержит упоминаний об этом предложении, однако меморандум Добрынина сохранился в бумагах Никсона, и дальнейшие события свидетельствуют о том, что он подвергся тщательному изучению. Через несколько недель в недрах СНБ был подготовлен меморандум «Торговая политика США с коммунистическими государствами (за исключением Китая, Кубы и Югославии)», в котором подробно, с проработкой возможных альтернатив рассматривались ключевые для нормализации двусторонних отношений вопросы: о целесообразности либерализации торговых отношений с СССР; об оправданности использования дифференцированного подхода к взаимоотношениям с разными социалистическими странами; о рисках, связан-

ных с ослаблением контроля над экспортом в СССР высоких технологий и наукоемкой продукции. Отдельное внимание было уделено возможным последствиям расширения сотрудничества с СССР и странами Восточного блока для отношений США с союзниками [FRUS, 2001, p. 756–763].

Хотя соотношение возможных выгод и потенциальных угроз было примерно равным, администрация в конечном итоге склонилась в пользу сотрудничества. В значительной мере такой выбор определялся установкой Никсона на создание максимально благоприятных условий для решения главных на тот момент для США политических проблем (выход из войны во Вьетнаме и стабилизация гонки ядерных вооружений, в которой СССР к тому времени уверенно приближался к паритету). Для гарантированного достижения прогресса на этих направлениях от американской стороны, по мнению президента, требовалась демонстрация доброй воли в деле либерализации правил торговли и научно-технологического контроля [Nixon, vol. 2, p. 60–64]. В то же время поворот не был уступкой, сделанной под давлением политических обстоятельств. Речь в данном случае шла о новой стратегии, имевшей все шансы перерасти в долговременный тренд.

Киссинджер неоднократно пояснял, что суть политики администрации состоит в том, чтобы побудить Москву к повороту ее внешнеполитического курса в нужное Западу русло. Он отмечал в мемуарах:

Когда речь идет о нашей национальной безопасности, мы всегда должны быть прагматиками. В погоне за прибылями мы не можем пренебрегать национальной безопасностью. Но по ту сторону этого фундаментального основания любой политики возникает главный вызов: как претворять в жизнь наши принципы и не оказаться при этом в изоляции.

Каждое поколение, по его мнению, данную дилемму должно было решать для себя заново с учетом современного состояния науки, технологий и характера имеющихся на данный момент угроз [Kissinger, p. 1077].

Решения, принятые политическим тандемом Никсона – Киссинджера в течение первого срока пребывания в Белом доме, в целом были выдержаны в логике углубления разрядки, распространения ее на сферы науки, технологий, образования, культуры и торговли. Прогресс в этих направлениях, как правило, увязывался с попытками добиться от СССР встречных шагов. В то же время в Законе о регулировании экспорта (1969) отмечалось, что необоснованные ограничения отрицательно сказываются на платежном балансе страны, и указывалось на необходимость пересмотра и сокращения санкционных списков [Mastanduno, p. 96]. Хотя этот закон полностью так и не был

реализован, в США он создавал правовые основания для американо-советского сотрудничества, которое достигло своего пика в серии двусторонних соглашений 1972–1974 гг.³

К тому моменту, когда руководство США сделало выбор в пользу разрядки, она уже в течение нескольких лет успешно апробировалась ведущими государствами Западной Европы, искавшими и находившими способы сближения Востока и Запада. Франция и Германия дальше других продвинулись в этом направлении, но разнообразные формы кооперации с СССР и другими странами СЭВ изучались также в Лондоне, Риме, Брюсселе и столицах других государств – союзников США. Дилемма американской политики («как претворять в жизнь наши принципы и не оказаться при этом в изоляции»), на которую указывал Киссинджер, на рубеже 1960–1970-х гг. для администрации Никсона оформилась в проблему выбора: либо продолжать курс холодной войны, рискуя ослабить свои связи с союзниками и позволяя Советскому Союзу окончательно освоиться в «общеевропейском доме», либо укрепить свое лидерство в западном мире и настоять на приоритете «атлантических ценностей» над «общеевропейскими».

Выбор был сделан в пользу «атлантизма», и он требовал немедленного подключения к разрядке. Вступая в примирительный диалог с Москвой, Вашингтон временно понижал градус конфликтности в противостоянии сверхдержав, одновременно укрепляя свой статус лидера «свободного мира», открытостью и готовностью к сотрудничеству демонстрирующего жизнеспособность демократии.

Свершая небывалый внешнеполитический вираж, республиканская администрация, по сути дела, ничем не рисковала. Своим политическим оппонентам она охотно напоминала, что СССР, несмотря на всевозможные ограничения, запреты и санкции, установленные по линии КОКОМ и внутренним законодательством США, добился впечатляющих достижений в науке и паритета в сфере ядерных вооружений. Коль скоро ограничения продемонстрировали свою неэффективность, отказ от сотрудничества и сохранение санкций утрачивали смысл.

К моменту «смены караула» в Белом доме среди представителей бизнеса и интеллектуальной элиты США ожидание прорыва в отношениях между двумя ядерными, космическими, научными и экономическими гигантами уже сформировалось. Для осуществления надежд,

³ Наиболее важные соглашения: О сотрудничестве в области медицинской науки и здравоохранения (23 мая 1972 г.); О научно-техническом сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии (21 июня 1973 г.); О торговле и установлении режима наибольшего благоприятствования (18 октября 1972 г.); О сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях (24 мая 1974 г.); О сотрудничестве в области исследования Мирового океана (19 июня 1973 г.); О контактах, обменах и сотрудничестве на период до 31 декабря 1979 г. (19 июня 1973 г.); О сотрудничестве в области охраны окружающей среды (23 мая 1972 г.), Конвенция по вопросам налогообложения (20 июня 1973 г.).

связанных с этим ожиданием, требовалась политическая воля. И советские, и американские руководители этим качеством обладали. При этом они демонстрировали расчетливость и желание извлечь ощутимые выгоды из наметившейся кооперации. В США были осведомлены о значительных успехах советской фундаментальной науки, а также о прикладных исследованиях и перспективных разработках в металлургии, в технологиях автоматической и полуавтоматической сварки, в термоядерном синтезе, в производстве оружия и военной техники, в судо- и авиастроении, в космической отрасли [Wilczynski, p. 297]. Способность советской стороны в рамках двустороннего сотрудничества выступать не только потребителем американских достижений, но и донором в глазах американского истеблишмента придавала договорам о сотрудничестве существенную привлекательность.

Рассуждая о достижениях и неудачах первой администрации Никсона, Киссинджер сделал характерное признание: «Разрядка задумывалась как способ взаимоотношений между соперниками, она не предполагала дружбы» [Kissinger, p. 469]. Разрядка не означала отказа от холодной войны, но она на время переместила ее фокус с гонки вооружений и соотношения ядерных потенциалов на соревнование в тех сферах, где преимущества США в тот момент были более выраженными, – на сопоставление уровней жизни, степени открытости обществ и качества наполнения потребительского рынка. Комплекс двусторонних договоров 1972–1974 гг. определял направленность и параметры конкурентного взаимодействия держав в указанных сферах, но не гарантировал сближения и взаимопроникновения общественно-политических систем.

Список литературы

Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева. Воспоминания дипломата, советника А. А. Громыко, помощника Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко и М. С. Горбачева. М. : Междунар. отношения, 1994. 299 с.

Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.) М. : Автор, 1997. 688 с.

Кременюк В. А. Уроки холодной войны. М. : Аспект Пресс, 2015. 319 с.

Липкин М. А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2016. 560 с.

Минкова К. В. Экономические истоки холодной войны: советско-американские отношения в 1943–1947 гг. СПб. : Скифия-принт, 2021. 503 с.

Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М. : Междунар. отношения, 2012. 672 с.

Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны. 1945–1989 / под ред. О. С. Нагорной. М. : Полит. энцикл., 2018. 446 с.

Улунян Ар. А. Восточноевропейская часть СЭВ глазами «главного противника»: оценки и прогнозы ЦРУ США в 1964–1978 гг. // Мировая система социализма и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х годов / отв. ред. М. А. Липкин. М. : Весь мир, 2019. С. 241–332.

Черняев А. С. Дневники советского политика 1972–1991 гг. – взгляд изнутри. 1972 год : [электронный ресурс]. URL: https://nsarchive2.gwu.edu//rus/text_files/Chernyaev/1972.pdf (дата обращения: 22.05.2022).

Brada J. C., Wipfl J. The Impact of U. S. Trade Controls on Exports to the Soviet Bloc // Southern Economic Journal. 1974. Vol. 41, № 1. P. 47–56.

Cain F. Computers and the Cold War: United States Restrictions on the Export of Computers to the Soviet Union and Communist China // Journal of Contemporary History. 2005. Vol. 40, № 1. P. 131–147. DOI 10.1177/0022009405049270.

CIA. The President's Daily Brief, 29 January, 1965 // Central Intelligence Agency (CIA) : [website]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005967491.pdf (accessed: 26.05.2022).

CoCom Lists // Sam Weis Evan's Research : [website]. URL: <https://evansresearch.org/cocom-lists/> (accessed: 22.05.2022).

Cupitt R. T., Grillot S. R. COCOM is Dead, Long Live COCOM: Persistence and Change in Multilateral Security Institutions // British Journal of Political Science. 1997. Vol. 27, № 3. P. 361–389. DOI 10.1017/S0007123497000185.

Frost E. L., Stent A. E. NATO's Troubles with East-West Trade // International Security. 1983. Vol. 8, № 1. P. 179–200.

FRUS. 1969–1976. Vol. 4. Foreign Assistance, International Development, Trade Policies, 1969–1972. Washington, GPO, 2001. 1154 p.

FRUS. 1969–1976. Vol. 12. Soviet Union, January 1969 – October 1970. Washington, GPO. 2006. 701 p.

Hanson Ph. The Rise and Fall of the Soviet Economy: An Economic History of the USSR from 1945. L. : Longman, 2003. 279 p.

History of American Presidential Elections : 3 vols. / ed. by G. Troy, A. M.-jr. Schlesinger, F. L. Israel. N. Y. : Infobase Learning, 2012. Vol. 3. 1944–2008. 1706 p.

Intentions and Capabilities: Estimates on Soviet Strategic Forces, 1950–1983 / ed. by D. P. Steury. Washington, DC : History Staff, Center for the Study Intelligence, CIA, 1996. 504 p.

Johnson L. B. Remarks to the Members of a Delegation of Industrial Research Leaders upon Their Return from the Soviet Union, December 15, 1964 // The Am. Presidency Project : [website]. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-members-delegation-industrial-research-leaders-upon-their-return-from-the> (accessed: 29.05.2022).

Johnson L. B. The Vantage Point: Perspectives of the Presidency 1963–1969. N. Y. : Holt : Rinehart and Winston, 1971. 636 p.

Kissinger H. Years of Renewal. N. Y. : Simon & Schuster, 1999. 1151 p.

Mally G. Technology Transfer Controls // Jurimetrics. 1982. Vol. 23, № 1. P. 33–39.

Mastanduno M. The United States Defiant: Export Controls in the Postwar Era // Daedalus. 1991. Vol. 120, № 4. P. 91–112.

Nixon R. The Memoirs of Richard Nixon : 2 vols. N. Y. : Warner Books, 1978. Vol. 1. 688 p. Vol. 2. 704 p.

Reaching for Glory: Lyndon Johnson's Secret White House Tapes, 1964–1965 / ed. by M. Beschloss. N. Y. : Simon & Schuster, 2001. 474 p.

Rusk D. As I Saw It. A Secretary of State's Memoirs. N. Y. : I. B. Tauris & Co, 1990. 589 p.

Steil B. The Marshall Plan: Down of the Cold War. N. Y. : Simon & Schuster Paperbacks, 2018. 608 p.

Stevenson R. W. The Rise and Fall of De'tente: Relaxing of Tension in US-Soviet Relations, 1953–84. L. : Macmillan, 1985. 238 p.

Technology and East-West Trade. November, 1979. US GPO. 301 p. // Office of Technology Assessment Archive : [website]. URL: <https://ota.fas.org/reports/7918.pdf> (accessed: 21.05.2022).

Van Oudenaren J. De'tente in Europe: The Soviet Union and the West since 1953. Durham : Duke Univ. Press, 1991. 490 p.

Wade N. Computer Sales to U. S. S. R.: Critics Look for Quid Pro Quos // Science, New Series. 1974. Vol. 183, № 4124. P. 499–501.

Wade N. American-Soviet Relations: The Canceled Computer // Science, New Series. 1978. Vol. 201, № 4354. P. 422–426.

Wilczynski J. The East-West Technological Gap and the “Reverse” Flow of Technology // *Acta Oeconomica*. 1975. Vol. 15, № 3/4. P. 293–307.

Winston S. Churchill: His Complete Speeches 1897–1963 / ed. by R. James : 8 vols. N. Y. : Chelsea House Publ., 1974.

References

Aleksandrov-Agentov, A. M. (1994). *Ot Kollontai do Gorbacheva. Vospominaniya diplomata, sovetnika A. A. Gromyko, pomoshchnika L. I. Brezhneva, Yu. V. Andropova, K. U. Chernenko i M. S. Gorbacheva* [From Kollontai to Gorbachev. The Memoirs of Diplomat, Assistant of A. A. Gromyko, Adviser of L. I. Brezhnev, Yu. V. Andropov, K. U. Chernenko and M. S. Gorbachev]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 299 p.

Beschloss, M. (Ed.). (2001). *Reaching for Glory: Lndon Johnson's Secret White House Tapes, 1964–1965*. N. Y., Simon & Schuster. 474 p.

Brada, J. C., Wipf, L. J. (1974). The Impact of U. S. Trade Controls on Exports to the Soviet Bloc. In *Southern Economic Journal*. Vol. 41. No. 1. pp. 47–56.

Cain, F. (2005). Computers and the Cold War: United States Restrictions on the Export of Computers to the Soviet Union and Communist China. In *Journal of Contemporary History*. Vol. 40. No. 1. pp. 131–147. DOI 10.1177/0022009405049270.

Chernyaev, A. S. (1972). *Dnevnik sovetskogo politika 1972–1991 gg. – vzglyad iznutri. 1972 god* [Diaries of a Soviet Politician 1972–1991 – View from inside. Year 1972] : [website]. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Chernyaev/1972.pdf (accessed: 22.05.2022).

Churchill, W. S. (1974). *Winston S. Churchill: His Complete Speeches 1897–1963* / ed. by R. James. 8 vols. N. Y., Chelsea House Publishers.

CIA. The President's Daily Brief, 29 January. (1965). In *Central Intelligence Agency (CIA)* [website]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005967491.pdf (accessed: 26.05.2022).

CoCom Lists. (N. d.). In *Sam Weis Evan's Research* [website]. URL: <https://evansresearch.org/cocom-lists/> (accessed: 22.05.2022).

Cupitt, R. T., Grillot, S. R. (1997). COCOM is Dead, Long Live COCOM: Persistence and Change in Multilateral Security Institutions. In *British Journal of Political Science*. Vol. 27. No. 3. pp. 361–389. DOI 10.1017/S0007123497000185.

Dobrynin, A. F. (1997). *Sugubo doveritel'no. Posol v Washingtone pri schesti prezidentakh SShA (1962–1986 gg.)* [Strictly Confidential: An Ambassador to Washington under Six US Presidents (1962–1986)]. Moscow, Avtor. 688 p.

Frost, E. L., Stent, A. E. (1983). NATO's Troubles with East-West Trade. In *International Security*. Vol. 8. No. 1, pp. 179–200.

FRUS. 1969–1976. Vol. 12. *Soviet Union, January 1969 – October 1970*. (2006). Washington, GPO. 701 p.

FRUS. 1969–1976. Vol. 4. *Foreign Assistance, International Development, Trade Policies, 1969–1972*. (2001). Washington, GPO. 1154 p.

Hanson, Ph. (2003) *The Rise and Fall of the Soviet Economy: An Economic History of the USSR from 1945*. L., Longman. 279 p.

Johnson, L. B. (1964). Remarks to the Members of a Delegation of Industrial Research Leaders upon Their Return from the Soviet Union, December 15, 1964. In *The Am. Presidency Project* : [website]. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-members-delegation-industrial-research-leaders-upon-their-return-from-the> (accessed: 29.05.2022).

Johnson, L. B. (1971). *The Vantage Point: Perspectives of the Presidency 1963–1969*. N. Y., Holt, Rinehart and Winston. 636 p.

Kissinger, H. (1999). *Years of Renewal*. N. Y., Simon & Schuster. 1151 p.

Kremenyuk, V. A. (2015). *Uroki kholodnoi voiny* [The Lessons of a Cold War]. Moscow, Aspekt Press. 319 p.

- Lipkin, M. A. (2016). *Sovetskii Soyuz i integratsionnye protsessy v Evrope: seredina 1940-kh – konets 1960-kh godov* [The Soviet Union and Integration Processes in Europe: Mid-1940s – Late 1960s]. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. 560 p.
- Mally, G. (1982). Technology Transfer Controls. In *Jurimetrics*. Vol. 23. No. 1, pp. 33–39.
- Mastanduno, M. (1991). The United States Defiant: Export Controls in the Postwar Era. In *Daedalus*. Vol. 120. No. 4, pp. 91–112.
- Minkova, K. V. (2021). *Ekonomicheskie istoki kholodnoi voiny: sovetsko-amerikanskije otnosheniya v 1943–1947 gg.* [The Economical Origins of the Cold War: The Soviet-American Relations, 1943–1947]. St Petersburg, Skifiya-print. 503 p.
- Nagornaya, O. S. (Ed.). (2018). *Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v usloviyakh kholodnoi voiny. 1945–1989* [The Cultural Diplomacy of the USSR in the Cold War. 1945–1989]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 446 p.
- Nixon, R. (1978). *The Memoirs of Richard Nixon*. 2 vols. N. Y., Warner Books. Vol. 1. 688 p. Vol. 2. 704 p.
- Pechatnov, V. O., Manykin, A. S. (2012). *Istoriya vneshnei politiki SShA* [The History of US Foreign Policy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 672 p.
- Rusk, D. (1990). *As I Saw It. A Secretary of State's Memoirs*. N. Y., I. B. Tauris & Co. 589 p.
- Steil, B. (2018). *The Marshall Plan: Down of the Cold War*. N. Y., Simon & Schuster Paperbacks. 608 p.
- Steur, D. P. (Ed.). (1996). *Intentions and Capabilities: Estimates on Soviet Strategic Forces, 1950–1983*. Washington, DC, History Staff, Center for the Study Intelligence, CIA. 504 p.
- Stevenson, R. W. (1985). *The Rise and Fall of De'tente: Relaxing of Tension in US-Soviet Relations, 1953–84*. L., Macmillan. 238 p.
- Technology and East-West Trade. November. US GPO. 301 p. (1979). In *Office of Technology Assessment Archive* : [website]. URL: <https://ota.fas.org/reports/7918.pdf> (accessed: 21.05.2022).
- Troy, G., Schlesinger, A. M. -jr, Israel, F. L. (Eds.). (2012). *History of American Presidential Elections*. 3 vols. N. Y., Infobase Learning. Vol. 3. 1944–2008. 1706 p.
- Ulunyan, Ar. A. (2019). Vostochnoevropeskaya chast' SEV glazami "glavnogo protivnika": otsenki i prognozy TsRU SShA v 1964–1978 gg. [The East-European Part of CMEA through the Eyes of "the main adversary": The CIA's Estimates and Forecasts in 1964–1978]. In Lipkin, M. A. (Ed.). *Mirovaya sistema sotsializma i global'naya ekonomika v seredine 1950-kh – seredine 1970-kh godov*. Moscow, Ves' mir, pp. 241–332.
- Van Oudenaren, J. (1991). *De'tente in Europe: The Soviet Union and the West since 1953*. Durham, Duke Univ. Press. 490 p.
- Wade, N. (1974). Computer Sales to U. S. S. R.: Critics Look for Quid Pro Quos. In *Science, New Series*. Vol. 183. No. 4124, pp. 499–501.
- Wade, N. (1978). American-Soviet Relations: The Canceled Computer. In *Science, New Series*. Vol. 201. No. 4354, pp. 422–426.
- Wilczynski, J. (1975). The East-West Technological Gap and the "Reverse" Flow of Technology. In *Acta Oeconomica*. Vol. 15. No. 3/4, pp. 293–307.

The article was submitted on 14.06.2022

COMPARATIVE STUDIES: WORLDVIEW AND RESEARCH

DOI 10.15826/qr.2022.5.756

УДК 94(410)"16/17" + 94(470)"16/17" + 316.7 + 316.344.32 + 316.347 + 140.8

Идеи и ценности: Британия и Россия в эпоху перемен*

Лорина Репина

¹Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия;

²Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Вероника Высокова

Лариса Соболева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Ideas and Values: Britain and Russia in an Era of Transition**

Lorina Repina

¹Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;

²Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Veronika Vysokova

Larisa Soboleva

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article is devoted to a comparative analysis of the cognitive-rhetorical strategies of prominent British and Russian intellectuals in the context of the systemic crisis of the “era of transition” and in the process of the formation of

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22–18–00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

** *Citation*: Repina, L., Vysokova, V., Soboleva, L. (2022). Ideas and Values: Britain and Russia in an Era of Transition. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1708–1723. DOI 10.15826/qr.2022.5.756

Цитирование: Репина Л., Высокова В., Соболева Л. Ideas and Values: Britain and Russia in an Era of Transition // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1708–1723. DOI 10.15826/qr.2022.5.756 / Репина Л., Высокова В., Соболева Л. Идеи и ценности: Британия и Россия в эпоху перемен // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1708–1723. DOI 10.15826/qr.2022.5.756.

cultural/imperial/national identities in Britain and Russia in the seventeenth and eighteenth centuries. The authors focus on identifying a semantic shift in the cultural code of the emerging British and Russian identities based on the material of polemical works, sermons, and travelogues of the seventeenth and eighteenth centuries. The authors employ the historical-comparative approach. It helps reveal the “golden ratio” of the cultural code, i. e. a value scale that undergoes cardinal changes in a tense intellectual discourse in a situation of the collapse of the universal picture of the world and the formation of new ideas about man, society, and the state. The study demonstrates an affinity between the logic of change and the dramatic collisions that accompanied the thinkers in the transition. Nor do the authors seek to smooth over the contradictions in contemporary historiography by offering their vision of the era.

Keywords: Britain, Russia, cultural code, identity, intellectuals, secular culture, semantic shift, comparative approach

Статья посвящена сопоставительному анализу когнитивно-риторических стратегий выдающихся британских и русских интеллектуалов в условиях системного кризиса «переходной эпохи» в процессе формирования культурной/имперской/национальной идентичности в Британии и России XVII–XVIII вв. Авторы сосредоточены на выявлении семантического сдвига в культурном коде формировавшихся британской и русской идентичностей на материале полемических трудов, проповедей и травелогов XVII–XVIII вв. Историко-компаративный подход, предлагаемый авторами, выявляет в качестве «золотого сечения» культурного кода ценностную шкалу, которая претерпевает в напряженном интеллектуальном дискурсе кардинальные изменения в ситуации распада универсальной картины мира и формирования новых представлений о человеке, обществе и государстве. Исследование демонстрирует известную близость логики изменений и драматические коллизии, сопровождающие мыслителей в переходное время. Авторы не стремятся сгладить противоречия в современной историографии темы, предлагая собственное видение эпохи.

Ключевые слова: Британия, Россия, культурный код, идентичность, интеллектуалы, светская культура, семантический сдвиг, компаративный анализ

В ситуации модификации и переосмысления западных либеральных ценностей в фокусе внимания современных исследователей вновь оказывается интеллектуальная культура переходной эпохи от Средневековья к Современности. Свообразие процесса перехода определялось территориально-государственными и цивилизационными особенностями, но общими для него были обмирщение культуры и формирование рационализма как системообразующего фактора западной цивилизации. Современная историография этих когнитивных процессов определяется как трансдисциплинарным подходом, так и «смещением исследовательского фокуса не просто

от “общего” к “частному” – к национальным и региональным особенностям, а стремлением зафиксировать специфическое проявление человеческих универсалий в различных культурах на основе историко-компаративного подхода» [«Культура духа», с. 5; Гуревич; Гринфельд; *The Enlightenment*]. Кроме того, в результате «культурного поворота» в социально-гуманитарных науках, когда практически любое актуальное историческое исследование становится исследованием о культуре [Barker; Bennett; Marchart], в фокусе оказываются социальные, политические и другие идентичности, (ре)продуцирующиеся в сфере культуры посредством власти [Куренной, с. 19]. Приметой времени стала коллаборация представителей самых разных областей гуманитарного знания в процессе формирования трансдисциплинарного [Репина, с. 25–60], или «постдисциплинарного» поля исследований [Дастон]. Эти тенденции проявились и в недавно вышедшей коллективной монографии «Культура духа vs “культура разума”: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках» [«Культура духа»], в которой представлены результаты работы по одноименному исследовательскому проекту, поддержанному Российским научным фондом. Его логическим продолжением стал новый проект – «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)».

Предметное поле данного исследовательского проекта определяется «эпохой перемен» – XVII–XVIII вв. В этот период в событийной истории Британии и России усматривается немало сходного: Смута, принятие Соборного уложения 1649 г., курс на вестернизацию – в России; Великая смута, казнь короля Карла I Стюарта, курс на модернизацию – в Британии. Общеизвестно, что и Британия, и Россия в результате серии победоносных войн первой четверти XVIII в. достигли ранга «великих» держав. Интересны в этом ключе голландские корни модернизационной программы обоих государств. Однако не подлежит никакому сомнению – перед нами две разные культуры. Эпоха перемен для них задавалась «кризисом XVII века», дискуссия о котором в середине XX в. вовлекла в свою орбиту крупнейших исследователей западной историографии – Б. Ф. Поршнева, Р. Мунье, Х. Тревор-Ропера, А. Д. Люблинскую и др. Эта забытая на несколько десятилетий тема сегодня вернулась в отечественную историографию с неожиданной стороны – через осмысление российской истории, преимущественно предшествующей правлению Петра Великого [Кошелева].

Противоречивость современного историографического дискурса стимулировала последовательное выявление общего и особенно в практиках и инструментах влияния интеллектуалов на власть и общество в Британии и России в ситуации нараставшего распада универсальной картины мира и формирования новых представлений о человеке, обществе и государстве в XVII–XVIII вв. Совокупность текстов интеллектуалов, выступавших в качестве мыслителей-

проводников новых мировоззренческих установок и поведенческих моделей, была положена в основу исследовательской стратегии трансформационных процессов этого периода в Британии и России. Объектом исследовательского внимания стали дискурсивные практики переходной эпохи, работа мысли и артикулирование смыслов. В этой связи особое внимание было уделено стратегиям и тактикам интеллектуалов разного социального и образовательного статуса – от самоучек до монархов – в борьбе за утверждение авторитета их идей в обществе и за влияние на принятие властных решений. Важным направлением стало выявление и введение в научный оборот новых исторических источников различного генезиса и жанра.

Исследование парадигмального сдвига от средневекового «человека Бога» к «человеку Мира», с одной стороны, задавалось темпоральным историко-когнитивным сравнением развития Британии и России XVII–XVIII вв., с другой – в поле зрения оказывались специфические особенности интеллектуальных проектов перехода от «культуры духа» к «культуре разума». В эвристическом плане показательным примером служит также своеобразный «перевод» (неизбежно сопровождаемый смысловыми сдвигами) ключевых понятий и идейных новаций европейского (западного) общественно-политического дискурса на русский политический язык в разножанровых текстах – в нормативных документах, философских трактатах, политических памфлетах и экономических проектах, исторических нарративах, научных отчетах и учебных книгах, в официальной и частной переписке, в художественной и нравоучительной литературе (прежде всего это проповеди, а также «советы», «руководства» и т. д.). Богатый материал обнаруживается в предметном поле общественного дискурса: это общественно-политические дискуссии XVII–XVIII вв., инструментарий обсуждения острых социальных проблем и формирования политического сознания, церковно-государственные отношения, ставшие важным пунктом общественной повестки дня во второй половине XVII – начале XVIII столетия, идеологические установки и интерпретации национального прошлого, представления о гражданственности и патриотизме, критика коммерциализации общества, обличение упадка морали и прогрессирующего роста преступности.

Было выявлено, что в менявшемся когнитивном поле «эпохи перемен» в Британии и России доминировали три магистральные темы дискурсивных практик – дискурс «нового политического порядка», развивавшийся на основе «имперского проекта» и «национальной идеи»; имперский дискурс и тесно связанное с ним развитие научной систематики; дискурс формирования новых морально-этических ценностей. В основу сопоставления в качестве исследовательского инструмента была положена идея поиска семантических пар терминов/понятий, которые циркулировали и обсуждались в английском

и русском обществе XVII–XVIII вв.¹ Выявляемая семантическая корреляция позволяет ставить вопрос о проявлении общего/универсального в интеллектуальном дискурсе двух культур.

Формирование «полицейского государства», или Левиафана, происходит в интеллектуальном поле Британии XVII в. В контексте длительной богословской и интеллектуальной полемики о сущности королевской власти рождается идея светского государства. Контекстуальный анализ этой эпохи показывает, что уже тогда такие современники Гоббса, как лорд Кларендон, Роберт Филмер, ясно осознали опасность сочинения «Левиафан» (1651). Однако исследование политических дискуссий конца XVII – начала XVIII в. показывает, что не Гоббс, Локк или Сидни, а Филмер был самым влиятельным политическим мыслителем того времени [Кенуон, р. 63]. Это наводит на мысль, что последующая вигская историография сформировала собственную «иконографию» либеральной идеологии, дав задним числом обоснование сложившемуся уже в конце XVIII – первой половине XIX в. порядку вещей. Важным историографическим выводом является то, что из этой интеллектуальной полемики выпадает англиканское священничество – интеллектуальная элита английского общества XVII в. [Young; Taylor] и, в частности, «неприсягнувшие» Вильгельму Оранскому священники. Следующий же XVIII в. войдет в историю Британии как эпоха «кровавых кодексов», или господства системы общего права, ставшего основой английского Левиафана.

Рождение «фискально-милитаризованного государства» в России оказалось тесным образом связано с завершением Тридцатилетней войны в Европе и противостоянием России и Польши, как хорошо известно, завершившимся вхождением Украины в состав Российского государства. «Именно с 1630-х годов российский административный аппарат претерпел существенные изменения в способах фискального принуждения и помог стать России, в отличие от Речи Посполитой, значимой силой в Восточной Европе» [Аракчеев, с. 204]. Эта тенденция определила перетекание южнорусской интеллектуальной элиты, прежде всего проповедников Киево-Могилянской школы, в Россию, распространение ее представлений о развитии научного знания, о церковном красноречии, разработанных в католической и протестантской конфессиях. Драматический кризис симфонии священства и царства второй половины XVII в. нашел свое разрешение в постепенной, но полной замене епископата русской церкви выходцами из Юго-Западной Руси на протяжении 1699–1718 гг. [«Культура духа», с. 403]. В сочинениях Симеона Полоцкого, Дмитрия Ростовского, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича и других авторов со всей очевидностью прорабатывается концепция глорификации царской власти и де-

¹ Например, русское «любовь к отечеству» соответствует английскому понятию *patriotism*, русское «общее благо» соотносится с нагруженным семантическим «дрейфом» английским концептом *commonwealth*, или идеей «общего благосостояния/ процветания», и т. д.

ларируется признание за государем статуса «епископа епископов» [Киселева; Корзо; Соболева, 2012, с. 158–172], что нашло свое логическое завершение в ликвидации патриаршества в 1721 г. В России это сопровождалось обострением конфликтов разного уровня, репрезентацию которых находим в риторических сочинениях противостоящих интеллектуальных сообществ. В последние годы правления Петра I в цикле именных указов, уставов и регламентов 1718–1724 гг. окончательно оформится идея регулярного государства [Редин].

Победа светского государства на рубеже XVII–XVIII в. и в британском, и российском вариантах отвечала формирующейся повестке модернизации как внутреннего развития страны и поддержания в ней порядка, так и укрепления внешнеполитических позиций и расширения подвластных территорий. И в том, и в другом случае политика меркантилизма, направленная на аккумуляцию денежных ресурсов, стала основой модернизационной стратегии широкомасштабной программы преобразований посредством субсидий, контроля и протекционистских мер [Heckscher; Revisions in Mercantilism]. Принципиальное отличие здесь состоит в том, что в Британии «новый политический порядок» изыскивал средства через дельцов Лондонского Сити и торговые компании. Государственный долг, обслуживаемый частным банком – Банком Англии, стал характерной чертой экономики Британии XVIII в. В России же аккумуляция средств шла за счет внеэкономических форм принуждения и ужесточения фискального гнета.

Имперская идея в интеллектуальном дискурсе эпохи перемен становится ключевой как в Британии, так и в России. Сопоставительный анализ здесь был выстроен на таких продуктах интеллектуальной деятельности, как «карта» и «ботаническая иллюстрация», воплощающих новые представления о мире и властную стратегию *divisio et denominatio*. Географическая карта стала властным инструментом освоения/присвоения пространства. Речь идет о самой настоящей «картографической революции» [Karrow]. В сочинении «Общие и частные записки, касающиеся совершенного искусства навигации» (1577) Джона Ди, проводника идей Меркатора в Англии, математика и картографа, уже четко сформулирована идея колониальной экспансии Британии на морях [Шпак, с. 60–61; Sherman, p. 182–192]. Показательно, что Джон Ди стал одним из наставников и вдохновителей Московской компании, в результате деятельности которой была создана знаменитая карта Московии (оригинал опубликован в Лондоне около 1562 г.). Один из ее предполагаемых авторов К. Адамс [см. о нем: Mayers, p. 254] был известен как автор первых записок о Московии, выполненных со слов Р. Ченслера в 1554 г. [Mund, p. 355].

Несмотря на то, что формирование Российской империи чаще всего связывают с именем Петра I, активное расширение территорий Московского государства приходится все же на вторую половину

XVI – XVII в. – взятие Казанского и Астраханского ханств, присоединение Сибири (от Ермака Тимофеевича до Семена Дежнева). К концу XVII в. создаются реальные предпосылки для развития карт как точных графических моделей местности.

Ботаническая иллюстрация, ее эвристический потенциал находят свое раскрытие в ряде идей современного французского социолога и историка науки Бруно Латура. Его концепты «мыслительного центра» (*англ.* center of calculation) и «действия на расстоянии» (*англ.* acting at a distance) помогают понять развертывание имперского дискурса в XVII–XVIII вв., поскольку «действие на расстоянии» становится возможным на практике благодаря формированию структур, которые отвечают за сбор и транспортировку значимых данных от периферии к центру в процессе все возрастающего «цикла накопления» знаний. В сфере ботаники «цикл накопления» хорошо прослеживается на примере ботанического сада [Шипицына, с. 224]. Чем обширнее становится цикл накопления, тем крупнее масштаб структур, которые могут быть мобилизованы и использованы для будущих имперских амбиций центра, и тем сильнее властный дисбаланс между центром и периферией [Latour, p. 215–257]. Хотя Лондонское королевское общество (год основания 1662) и Императорская академия наук в Санкт-Петербурге (1724) были созданы по разным принципам (первое – наподобие частного клуба джентльменов по интересам, но получившее королевскую хартию, а значит, и покровительство короны; вторая была создана прямо под патронажем государства), они со сходной неизбежностью оказались встроены в структуры формировавшихся империй. Входящие в их состав ученые представляли собой наднациональную «республику ученых», тесно сплоченную культурой письма XVIII в. Картографирование и описание местности были главными целями больших академических экспедиций в России и трех кругосветных экспедиций Джеймса Кука в 1760–1770-х гг. Их участники собирали сведения о полезных ископаемых, флоре и фауне, о народах, населяющих открываемые территории. Таким образом, экспедиционная деятельность, коллекционирование и научные исследования стали ведущими стратегиями, позволявшими центру успешно действовать на расстоянии.

«Новый политический порядок» и формирование новой картины мира привели к пересмотру канона христианской морали. В напряженном интеллектуальном поиске как в Англии, так и в России формировалась система новых ценностей и представлений. Светский правитель постепенно превращался в единственный источник всей регулирующей власти и по умолчанию должен был обеспечивать религиозное руководство паствой и моральный контроль над ней. Одними из ключевых идей светского дискурса морально-этических ценностей стали идеи «общего блага», «служения отечеству», «жертвенности» ради него [Попович], а также

отхода от аскетического идеала созерцательной жизни². «Патриот» и, соответственно, «гражданин Отечества» станет идеалом эпохи Просвещения.

Обращение к истории понятий «патриот» и «патриотизм» в Британии XVIII в. позволяет говорить об их многозначности. Большинство интеллектуалов сходились в мнении о том, что патриота отличает такое качество, как любовь к своей стране. Пик дискуссии о ложном и истинном патриотизме в Британии пришелся на рубеж 60–70-х гг. XVIII в. Знаменитая фраза, приписываемая доктору Джонсону («патриотизм – последнее прибежище негодяя»), поднимала одну из ключевых проблем новой светской культуры – проблему лицемерия в новом коммерциализированном обществе. В семантическом пространстве русского языка и русской культуры XVIII в. понятие «патриотизм» начинает коррелироваться со словосочетанием «служение Отечеству» и персонифицироваться в образе монарха как «отца Отечества»³. Слово «патриот» становится адекватным словосочетанию «сын Отечества». В гражданском дискурсе идея всеобщего счастья и благоденствия как нового ценностного ориентира эпохи Просвещения и в Британии, и в России в значительной степени потеснила христианскую идею спасения души. Обретение спасенным человеком Царства Небесного, ключевое положение христианской сотериологии, окажется в сознании эпохи замененным «Царством Земным».

Редукция авторитета Библии в вопросах этики и формирование нового гражданского идеала сосредоточились в дискуссии о человеческих добродетелях. В Англии ответом на устанавливавшуюся религиозную веротерпимость стало возникновение на рубеже XVII–XVIII вв. моральной философии [Caldwell; Darwall; Stuart-Buttle]. Такие моралисты, как Фрэнсис Хатчисон, Энтони Эшли Купер, граф Шефтсбери и др., противостояли концепции «эгоистического человека» (например, в интерпретации Т. Гоббса) и формировали образ «добродетельного человека», стремясь дать новое объяснение феномена морали на светских основаниях [Стогова, с. 67–68]. Их представления о добре и зле, о правильном и неправильном, о хорошем и плохом выстраивались на основании рациональных умозаключений. Кроме того, это было также реакцией на резкое падение нравов в Англии на рубеже XVII–XVIII вв. [Высокова, Дергачева, с. 275–279]. В лице моралистов мы имеем дело с так называемой естественной теологией, где разум понимался как инструмент «открытия» божественной природы человека и окружающего его мира. Однако к середине XVIII в. в силу малой эффективности этих идей на практике в философии

² Марк Раев замечает, что «*vita activa* полностью заменила пассивный аскетический идеал, связанный с *vita contemplativa* в качестве наиболее совершенной, приносящей наилучшие результаты формы христианского образа жизни» [Раев, с. 53].

³ Петр Алексеевич принял 22 октября (2 ноября) 1721 г. титул «Великого отца Отечества, императора Всероссийского».

Дэвида Юма («Исследование о принципах морали», 1751) уже отчетливо оформляется идея «морального долга», где «божественное» оказывается вне контекста.

В русском проповедническом искусстве «переходного» XVII в. переживает свой расцвет жанр проповеди, объединяющий профанный и сакральный миры [Еремин]. Это свидетельствовало о новом представлении деятельного участия человека в формировании социальной жизни. Фиксируется процесс «оцерковления» человека, что отражало, с одной стороны, нарастание кризисных явлений, а, с другой, напряженных интеллектуальных поисков духовенства в меняющемся мире [Панченко, с. 104–112]. Человек этого времени, по характеристике М. Плюхановой, «являлся неоднозначным, не равным самому себе, выявляя в себе сакральную ипостась... Еще погруженный в старые представления, но уже лишенный стабилизирующих основ древнерусской жизни, десоциализированный, смятенный человек мог понять себя лишь как величину сакральную и, чтобы обрести равновесие, перемещал себя из обыденной жизни в сакральный мир» [Плюханова, с. 184].

Публикация поучений в книге «Евангелие учительное» с одобрения патриарха в 1629 г. была непосредственно связана с рефлексией русской общественности «Евангелия учительного» Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого [Якшин, с. 11–12]. Сочинение ректора Киево-Могилянской академии Гизеля «Мир с Богом человеку» (1669) было нацелено на примирение «веры православной со “здравым разумом”». В центре внимания сочинения Гизеля – понятие закона (закона Божьего, закона церковного и гражданского, закона естественного) и их соотношение [Лаппо-Данилевский, с. 81–85]. Пафос поучения с национальной спецификой разрабатывается в сочинениях Симеона Полоцкого «Обед душевный», «Вечеря душевная» (1681, 1683). В этом ряду стоят такие выдающиеся проповедники рубежа XVII–XVIII вв., как Димитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович и др.

В свете распространения книгопечатания письменное/печатное слово начинает конкурировать с устным словом. В этой новой культуре письма информация передается иначе: не от человека к человеку, а через «посредников» – напечатанный текст. Встает вопрос о том, какой была референтная среда идей, продуцировавшихся интеллектуалами в текстах. Осознавая всю дискуссионность и релевантность имеющихся в исторической литературе данных, определимся с общим порядком грамотности населения России и Англии на рубеже XVII–XVIII вв. В России этот процент окажется ничтожно малым, Б. Н. Миронов указывает цифру не более 3 % [Миронов, с. 363], что свидетельствует о преобладании в «бунташном» русском веке устной традиции слова. Дворянское сословие составляло около 1 % грамотного населения России [Миронов, с. 89; Идеал воспитания, с. 9–19]. Остальные 2 % грамотного населения практически всецело соотно-

сятся со священнической средой. Налицо сосуществование культуры слова (прежде всего проповеднического искусства) и нарождающейся культуры письма и печатного слова.

В отношении грамотного населения Англии на рубеже XVII–XVIII в. фигурирует цифра примерно 30 % населения королевства, и такая пропорция будет сохраняться на протяжении всего XVIII в. [Cressy; Graff]. Более 2/3 от общей численности населения королевства оставались неграмотными и соотносились с традицией устного слова. В книге «Мир, который мы потеряли» П. Ласлетт пишет: «мы должны призвать, реконструировать, сделать нашей реальностью время, когда большинство мужчин и еще больше женщин могли только думать, говорить, петь, играть, возделывать землю, пасти животных, растить детей, вести дом, прясть шерсть и изготавливать такие вещи как бочки, плуги или ветряные мельницы, в то время как только некоторые из них могли читать и писать... критиковать и рассказывать другим, что есть суть вопроса и что с этим делать. До недавнего времени история действительно была буквально историей... людей, которые смогли оставить после себя письменные источники. Что теперь нужно сделать, так это понять, о чем может говорить наблюдение за этой зафиксированной письменно деятельностью общества, большая часть жизни которого была устной, и прежде всего попытаться понять, каким образом эта неграмотная масса... затрагивала немногих грамотных и, таким образом, участвовала, учитывалась в общественном развитии, и особенно в политическом процессе» [Laslett, p. 233]⁴.

Таким образом, тезис о «двух культурах» – культуре слова и культуре письма – вполне применим и к Британии рубежа XVII–XVIII вв., где подавляющее большинство населения были привержены культуре устной традиции. Известный английский историк Э. П. Томпсон, занимавшийся вопросами происхождения рабочего класса в Англии на рубеже XVIII–XIX вв., тесно связывал историю этой социальной страты с умонастроениями крестьянства. Он описывает «жизненный мир» английских рабочих (совсем недавно проживавших в сельской местности) в «холистских метафорах» взаимопомощи, соседства, солидарности и т. д. и дает безжалостную оценку английской действительности эпохи «промышленной революции» как «патрицианскому обществу и плебейской культуре» [Томпсон].

Таким образом, сравнительно небольшая группа населения, обращаясь к идеям интеллектуалов, сумела использовать их в модернизационных процессах и реализовать человеческий и экономический потенциал страны и расширившихся подвластных имперских территорий. Новое рационалистическое сознание утверждало дух индивидуализма. Как отметил Макс Вебер: «возрастающая интеллектуализация и рационализация не означают роста знаний о жизнен-

⁴ Здесь и далее перевод цитат В. Высоковой.

ных условиях, в каких приходится существовать. Она означает нечто иное: люди знают или верят в то, что стоит только захотеть, и в любое время все это можно узнать... всеми вещами в принципе можно овладеть путем расчета» [Вебер].

В этот «расколдованный мир», как заметил М. Вебер, плохо помещалась человеческая душа. Значимыми в рассматриваемом контексте остаются слова П. Ласлетта, сказанные еще в 1965 г.: «различие в социальном устройстве приводит к очевидной неизбежности рассматривать английское общество не только само по себе, но и вместе с французским, немецким, испанским, голландским, итальянским, скандинавским обществами в качестве одного из вариантов западноевропейской модели. Но даже это не может быть достаточным по широте охвата. Русское и восточноевропейское общества, а также азиатское, африканское и латиноамериканское общества также имеют отношение к пониманию нас самих, если контраст – это то, в чем мы для этого нуждаемся» [Laslett, p. 277].

В конце жизни в 2000 г. в предисловии к четвертому переизданию этой книги, размышляя о ситуации в современной Англии, Ласлетт напишет: «то, что мы потеряли, это больше, чем просто сущность социального порядка; мы также потеряли его структурный характер – его целостность (*англ.* holistic attribute). Это то, что исчезло в начале восемнадцатого века» [Ibid., p. IX, XII].

Проведенный нами сопоставительный анализ показал, что при всей специфике национально-государственного развития наблюдается сходство двух культур в процессах формирования «нового политического порядка», а также в тенденциях имперского развития и в его тесной связи с накоплением естественнонаучного знания. При этом и в Британии, и в России подавляющая часть населения в XVII–XVIII вв. пребывала в рамках традиции устного слова и христианского канона. Церковная гомилетика и риторика как основные инструменты воздействия интеллектуалов на власть и общество в России на рубеже XVII–XVIII вв. были вытеснены модернизационной программой преобразований Петра Великого на периферию интеллектуального дискурса, а канон индивидуалистической морали в Британии привел к победе либерализма как идейно-политической доктрины и позволил стране достичь выдающихся экономических успехов в XIX столетии. Сохранявшаяся духовность русской культуры и преобладание коллективистских форм «социального действия» в ее истории выступают ключевыми паттернами цивилизационного развития России в сравнении с ценностями «либеральной демократии» и «издержками» сциентистской «культуры разума». Это проявилось в своеобразии духовного наследия русской культуры, высоко оценивавшейся в последующие времена.

Список литературы

Аракчеев В. А. Проблемы исследования фискально-милитаризованного государства в современной историографии (З. В. Дмитриева, С. А. Козлов. Налоги и войны в России XVI–XVIII вв. СПб., 2020) // Новая и новейшая история. 2022. № 2. С. 200–205. DOI 10.31857/S013038640015059-2.

Вебер М. Наука как призвание и профессия // Гуманитарный портал : [сайт]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5372> (дата обращения: 20.11.2022).

Высокова В. В., Дергачева А. А. Даниэль Дефо о безнравственном разговоре и неподобающем поведении // *Imagines mundi* : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 11. Сер.: Интеллектуальная история. Вып. 5. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2021. С. 275–312.

Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М. : ПЕР СЭ, 2008. 528 с.

Гуревич А. Я. Феодализм перед судом историков, или О средневековой крестьянской цивилизации // *Одиссей. Человек в истории*. М. : Наука, 2006. С. 11–49.

Дастон Л. О ценности коллективной работы и исследования практик : интервью // *Логос*. 2020. № 2. С. 1–12. DOI 10.22394/0869-5377-2020-2-1-12.

Еремин И. П. Ораторская проза второй половины XVII века // *История русской литературы* : в 10 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. Т. 2. С. 363–367.

Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 496 с.

Киселева М. С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М. : Прогресс-Традиция, 2011. 472 с.

Корзо М. А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века. М. : Ин-т философии РАН, 2011. 155 с.

Кошелева О. Современная отечественная историография России предпетровского времени: новые аспекты // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6, № 1. С. 269–289. DOI 10.15826/qr.2018.1.295.

«Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках / под общ. ред. Л. П. Репиной. М. : Аквилон, 2022. 1080 с.

Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // *Логос*. 2012. № 1 (85). С. 14–79.

Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М. : Наука, 1990. 293 с.

Миронов Б. Н. Социальная история России : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 583 с.

Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л. : Наука, 1984. 202 с.

Плюханова М. Б. О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. // *Художественный язык Средневековья*. М. : Наука, 1982. С. 184–200.

Попович А. И. Диктат власти и путь к личному выбору: идея жертвы за веру в России раннего Нового времени // *Диалог со временем*. 2020. Вып. 73. С. 168–181. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.007.

Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // *Американская русистика : Вехи историографии последних лет. Императорский период : антология* / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара : Самар. ун-т, 2000. С. 48–79.

Редин Д. А. Очарование «регулярства»: еще раз о «ментальном государстве» Петра Великого // *Диалог со временем*. 2020. Вып. 73. С. 49–60. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.037.

Ремезов С. У. Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Тобольск : Фонд «Возрождение Тобольска», 2011. 690 с.

Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М. : Кругъ, 2011. 560 с.

Соболева Л. С. Литературные памятники Строгановского региона (XVII–XVIII вв.). «Статир» // История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. М. : Языки славян. культуры, 2012. 608 с.

Стогова А. В. Фигура моралиста в английской культуре XVII в. // *Imagines mundi* : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 10. Сер.: Альбионика. Вып. 5. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2019. С. 67–75.

Томпсон Э. П. Плебейская культура и моральная экономика : Статьи из английской социальной истории XVII–XIX вв. // История ментальностей. Историческая антропология : Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М. : РГГУ, 1996. С. 180–197.

Шутицына Ю. С. Имперская ботаника: современные подходы к изучению науки и власти в XVIII в. // *Imagines mundi* : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 11. Сер.: Интеллектуальная история. Вып. 5. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2021. С. 218–228.

Шнак Г. В. Картографирование пространства как форма конструирования государственной идентичности (на примере Англии второй половины XVI в.) // *Imagines mundi* : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 11. Сер.: Интеллектуальная история. Вып. 5. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2021. С. 56–75.

Якиши И. В. Литературная история «Евангелия Учительного» : (рукописная традиция конца XIV – XVII в.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 2012. 32 с.

Barker C. Cultural Studies: Theory and Practice. 3rd Ed. L. : Sage, 2008. 525 p.

Bennett T. Culture: A Reformer's Science. L. ; Thousand Oaks, Calif. : Sage, 1998. 262 p.

Caldwell M. Skepticism and Belief in Early Modern England: The Reformation of Moral Value. L. : Routledge, 2016. 262 p.

Cressy D. Literacy and the Social Order: Reading and Writing in Tudor and Stuart England. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1980. 260 p.

Darwall S. The British Moralists and the Internal "Ought", 1640–1740. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. 352 p.

The Enlightenment in National Context / ed. by R. S. Porter, M. Teich. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1981. 278 p.

Graff H. Literacy in History: An Interdisciplinary Research Bibliography. N. Y. : Garland Publ., 1981. 422 p.

Heckscher E. Mercantilism. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1991. 222 p.

Karrow R. W., Jr. Intellectual Foundations of the Cartographic Revolution : Diss. Chicago, Illinois : [S. n.], 1999. 240 p.

Kenyon J. Revolution Principles. The Politics of Party. 1689–1720. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1977. 248 p.

Laslett P. The World We Have Lost: England Before the Industrial Age. L. : Taylor & Francis e-Library, 2001. 349 p.

Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society. Harvard : Harvard Univ. Press, 1987. 288 p.

Marchart O. Cultural Studies. Konstanz : UVK Verlagsgesellschaft, 2008. 277 p.

Mayers K. The First English Explorer: The Life of Anthony Jenkinson (1529–1611) and His Adventures on the Route to the Orient. Leicester : Troubador Publ., 2016. 366 p.

Mund S. The Discovery of Muscovite Russia in Tudor England // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 2008. T. 86, f. 2. P. 351–373.

Revisions in Mercantilism / ed. by D. C. Coleman. L. : Methuen and Co, 1969. 213 p.

Sherman W. H. John Dee: The Politics of Reading and Writing in the English Renaissance. Amherst : Univ. of Massachusetts Press, 1995. 280 p.

Stuart-Buttle T. From Moral Theology to Moral Philosophy: Cicero and Visions of Humanity from Locke to Hume. Oxford : Oxford Univ. Press, 2019. 288 p.

Taylor S. State Formation, Political Stability and the Revolution of 1688 // The Final Crisis of the Stuart Monarchy. The Revolutions of 1688–1691 in Their British, Atlantic and European Contexts / ed. by T. Harris, S. Taylor. [S. l.] : Boydell Press, 2013. 336 p.

Young B. W. Religion and Enlightenment in Eighteenth-Century England – Theological Debate from Locke to Burke. Oxford : Clarendon Press, 1998. 259 p.

References

- Arakcheev, V. A. (2022). Problemy issledovaniya fiskal'no-militarizovannogo gosudarstva v sovremennoi istoriografii (Z. V. Dmitrieva, S. A. Kozlov. Nalogi i voiny v Rossii XVI–XVIII vv. SPb., 2020) [Problems of the Study of the Fiscal-Militarized State in Modern Historiography (Z. V. Dmitrieva, S. A. Kozlov. Taxes and Wars in Russia in the 16th–18th Centuries. St Petersburg, 2020)]. In *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 2, pp. 200–205. DOI 10.31857/S013038640015059-2.
- Barker, C. (2008). *Cultural Studies: Theory and Practice*. 3rd Ed. L., Sage. 525 p.
- Bennett, T. (1998). *Culture: A Reformer's Science*. L., Thousand Oaks, Calif., Sage. 262 p.
- Caldwell, M. (2016). *Skepticism and Belief in Early Modern England: The Reformation of Moral Value*. L., Routledge. 262 p.
- Coleman, D. C. (Ed.). (1969). *Revisions in Mercantilism*. L., Methuen and Co. 213 p.
- Cressy, D. (1980). *Literacy and the Social Order: Reading and Writing in Tudor and Stuart England*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 260 p.
- Darwall, S. (1995). *The British Moralists and the Internal "Ought", 1640–1740*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 352 p.
- Daston, L. (2020). O tsnosti kollektivnoi raboty i issledovaniya praktik. Interv'yu [On the Value of Teamwork and Researching Practices. Interview]. In *Logos*. No. 2, pp. 1–12. DOI 10.22394/0869-5377-2020-2-1-12.
- Eremin, I. P. (1941). Oratorskaya proza vtoroi poloviny XVII veka [Oratorical Prose of the Second Half of the 17th Century]. In *Istoriya russkoi literatury v 10 t*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 2, pp. 363–367.
- Graff, H. (1981). *Literacy in History: An Interdisciplinary Research Bibliography*. N. Y., Garland Publ. 422 p.
- Grinfel'd, L. (2008). *Natsionalizm. Pyat' putei k sovremennosti* [Nationalism. Five Paths to Modernity] Moscow, PER SE. 528 p.
- Gurevich, A. Ya. (2006). Feodalizm pered sudom istorikov, ili o srednevekovoi krest'yanskoi tsivilizatsii [Feudalism before the Court of Historians, or On Medieval Peasant Civilization]. In *Odissei. Chelovek v istorii*. Moscow, Nauka, pp. 11–49.
- Heckscher, E. (1991). *Mercantilism*. Cambridge, Mass, MIT Press. 222 p.
- Ideal vospitaniya dvoryanstva v Evrope: XVII–XIX veka* [The Ideal of Educating the Nobility in Europe: 17th–19th Centuries]. (2018). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 496 p.
- Karrow, R. W., Jr. (1999). *Intellectual Foundations of the Cartographic Revolution*. Diss. Chicago, Illinois, S. n. 240 p.
- Kenyon, J. (1977). *Revolution Principles. The Politics of Party. 1689–1720*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 248 p.
- Kiseleva, M. S. (2011). *Intellektual'nyi vybor Rossii vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII veka: ot drevnerusskoi knizhnosti k evropeiskoi uchenosti* [Intellectual Choice of Russia in the Second Half of the 17th – Early 18th Centuries: From Old Russian Booklore to European Scholarship]. Moscow, Progress-Traditsiya. 472 p.
- Korzo, M. A. (2011). *Navstvvennoe bogoslovie Simeona Polotskogo: osvoenie katolicheskoi traditsii moskovskimi knizhnikami vtoroi poloviny XVII veka* [The Moral Theology of Simeon of Polotsk: The Assimilation of the Catholic Tradition by Moscow Scribes of the Second Half of the 17th Century]. Moscow, Institut filosofii RAN. 155 p.
- Kosheleva, O. (2018). Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya Rossii predpetrovskogo vremeni: novye aspekty [Contemporary Russian Historiography on the Pre-Petrine Era: New Aspects]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 1, pp. 269–289. DOI 10.15826/qr.2018.1.295.
- Kurennoi, V. (2012). Issledovatel'skaya i politicheskaya programma kul'turnykh issledovaniy [Research and Political Programme of Cultural Studies]. In *Logos*. No. 1 (85), pp. 14–79.

Lappo-Danilevskii, A. S. (1990). *Istoriya russkoi obshchestvennoi mysli i kul'tury XVII–XVIII vv.* [History of Russian Social Thought and Culture of the 17th–18th Centuries]. Moscow, Nauka. 293 p.

Laslett, R. (2001). *The World We Have Lost: England Before the Industrial Age*. L., Taylor & Francis e-Library. 349 p.

Latour, B. (1987). *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society*. Harvard, Harvard Univ. Press. 288 p.

Marchart, O. (2008). *Cultural Studies*. Konstanz, UVK Verlagsgesellschaft. 277 p.

Mayers, K. (2016). *The First English Explorer: The Life of Anthony Jenkinson (1529–1611) and His Adventures on the Route to the Orient*. Leicester, Troubador Publ. 366 p.

Mironov, B. N. (2003). *Sotsial'naya istoriya Rossii v 2 t.* [Social History of Russia. 2 Vols.]. St Petersburg, Dmitri Bulanin. Vol. 1. 583 p.

Mund, S. (2008). The Discovery of Muscovite Russia in Tudor England. In *Revue belge de philologie et d'histoire*. T. 86. F. 2, pp. 351–373.

Panchenko, A. M. (1984). *Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform* [Russian Culture on the Eve of Petrine Reforms]. Leningrad, Nauka. 202 p.

Plyukhanova, M. B. (1982). O nekotorykh chertakh lichnostnogo soznaniya v Rossii XVII v. [On Some Features of Personal Consciousness in 17th-Century Russia]. In *Khudozhestvennyi yazyk Srednevekov'ya*. Moscow, Nauka, pp. 184–200.

Popovich, A. I. (2020). Diktat vlasti i put' k lichnomu vyboru: ideya zhertvy za veru v Rossii rannego novogo vremeni [The Dictate of Power and the Path to Individual Choice: The Idea of Sacrifice for Faith in Early Modern Russia]. In *Dialog so vremenem*. Iss. 73, pp. 168–181. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.007.

Porter, R. S., Teich, M. (Eds.). (1981). *The Enlightenment in National Context*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 278 p.

Raev, M. (2000). Regul'yarnoe politseiskoe gosudarstvo i ponyatie modernizma v Evrope XVII–XVIII vekov: popytka sravnitel'nogo podkhoda k probleme [The Regular Police State and the Concept of Modernism in 17th–18th Centuries Europe: An Attempt at the Comparative Approach to the Problem]. In David-Fox, M. (Ed.). *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskii period. Antologiya*. Samara, Samarskii universitet, pp. 48–79.

Redin, D. A. (2020). Ocharovanie “regulyarstva” eshche raz o “mental'nom gosudarstve” Petra Velikogo [The Charm of “Regularity”: Once again about the “Mental State” of Peter the Great. Part 1. Peter I: Intelligence and the Psychology of Thinking]. In *Dialog so vremenem*. Iss. 73, pp. 49–60. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.037.

Remezov, S. U. (2011). *Khorograficheskaya chertezhnaya kniga Sibiri Semena Ul'yanovicha Remezova* [Chorographic Drawing Book of Siberia by Semyon Ulyanovich Remezov]. Tobolsk, Fond “Vozrozhdenie Tobol'ska”. 690 p.

Repina, L. P. (2011). *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical Science at the Turn of the 21st Century: Social Theories and Historiographical Practices]. Moscow, Krug”. 560 p.

Repina, L. P. (Ed.). (2022). “Kul'tura dukha” vs “Kul'tura razuma”: intellektualy i vlast' v Britanii i Rossii v XVII–XVIII vekakh [“Culture of the Spirit” vs “Culture of the Reason”: Intellectuals and Power in Britain and Russia in the 17th–18th Centuries]. Moscow, Akvilon. 1080 p.

Sherman, W. H. (1995). *John Dee: The Politics of Reading and Writing in the English Renaissance*. Amherst, Univ. of Massachusetts Press. 280 p.

Shipitsyna, Yu. S. (2021). Imperskaya botanika: sovremennyye podkhody k izucheniyu nauki i vlasti v XVIII v. [Imperial Botany: Modern Approaches to the Study of Science and Power in the 18th Century]. In *Imagines mundi. Al'manakh issledovaniy vseobshchei istorii XVI–XX vv.* No. 11. Seriya: Intellektual'naya istoriya. Iss. 5. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 218–228.

Shpak, G. V. (2021). Kartografirovaniye prostranstva kak forma konstruirovaniya gosudarstvennoi identichnosti (na primere Anglii vtoroi poloviny XVI v.) [Mapping of Space as a Form of Constructing a State Identity (with Reference to England in the

Second Half of the 16th Century)]. In *Imagines mundi. Al'manakh issledovaniy vseobshchei istorii XVI–XX vv.* No. 11. Seriya: Intellektual'naya istoriya. Iss. 5. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 56–75.

Soboleva, L. S. (2012). Literaturnye pamyatniki Stroganovskogo regiona (XVII–XVIII vv.). “Statir” [Literary Monuments of Stroganov Region (17th–18th Centuries). *Statyr*]. In *Istoriya literatury Urala. Konets XIV – XVIII v.* Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 608 p.

Stogova, A. V. (2019). Figura moralista v angliiskoi kul'ture XVII v. [The Figure of a Moralism in 17th-Century English Culture]. In *Imagines mundi. Al'manakh issledovaniy vseobshchei istorii XVI–XX vv.* No. 10. Seriya: Al'bionika. Iss. 5. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 67–75.

Stuart-Buttle, T. (2019). *From Moral Theology to Moral Philosophy: Cicero and Visions of Humanity from Locke to Hume.* Oxford, Oxford Univ. Press. 288 p.

Taylor, S. (2013). State Formation, Political Stability, and the Revolution of 1688. In Harris, T., Taylor, S. (Eds.). *The Final Crisis of the Stuart Monarchy. The Revolutions of 1688–1691 in Their British, Atlantic and European Contexts.* S. l., Boydell Press. 336 p.

Thompson, E. P. (1996). Plebeiskaya kul'tura i moral'naya ekonomika. Stat'i iz angliiskoi sotsial'noi istorii XVII–XIX vv. [Plebeian Culture and Moral Economics. Articles from English Social History of the 17th–19th Centuries]. In *Istoriya mental'noy. Istoricheskaya antropologiya. Zarubezhnye issledovaniya v obzorakh i referatakh.* Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 180–197.

Vysokova, V. V., Dergacheva, A. A. (2021). Daniel' Defo o beznravstvennom razgovore i nepodobayushchem povedenii [Daniel Defoe on the Immorality of Conversation and Vulgar Errors of Behaviour]. In *Imagines mundi. Al'manakh issledovaniy vseobshchei istorii XVI–XX vv.* No. 11. Seriya: Intellektual'naya istoriya. Iss. 5. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 275–312.

Weber, M. (N. d.). Nauka kak prizvanie i professiya [Science as a Vocation and Profession]. In *Gumanitarnyi portal* [website]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5372> (accessed: 20.11.2022).

Yakshin, I. V. (2012). *Literaturnaya istoriya “Evangeliya Uchitel'nogo”.* (Rukopisnaya traditsiya kontsa XIV – XVII v.) [Literary History of the Didactic Gospel. (The Handwritten Tradition of the Late 14th – 17th Centuries)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Yekaterinburg, S. n. 32 p.

Young, B. W. (1998). *Religion and Enlightenment in Eighteenth-Century England – Theological Debate from Locke to Burke.* Oxford, Clarendon Press. 259 p.

The article was submitted on 02.08.2022

**«Письма леди Рондо»:
восприятие России англичанкой в эпоху Просвещения***

Ксения Созинова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

***Letters of Lady Rondeau:*
Russia as Seen by an Englishwoman in the Age
of Enlightenment****

Kseniya Sozinova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This paper explores the problems of perception of Russia and the Russian court in the English female travelogue. The author analyses *Letters from a Lady, who Resided Some Years in Russia, to her Friend in England* and *Eleven Additional Letters from Russia, under the Reign of Peter II* by Jane Vigor (Lady Rondeau), covering the period from 1728 to 1739. The *Letters* are informal and contain various episodes related to the court of Peter II and Anna Ioannovna, whose social life Mrs. Vigor participated in over the years. The *Letters* reflect the facets of the “common” and “special” in the cultural code of the British and Russians as a complex of stereotypes of public consciousness in Britain and Russia, and a view of gender roles in the British and Russian societies of the eighteenth century. In her writings, Jane Vigor acts as a guide for a new culture of politeness, serving as a basis for the articulation of social relations between the various cultural groups at court united in post-Petrine Russia. Vigor fixes the space of change in the Russian court when a new

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

** Citation: Sozinova, K. (2022). *Letters of Lady Rondeau: Russia as Seen by an Englishwoman in the Age of Enlightenment*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1724–1740. DOI 10.15826/qr.2022.5.757.

Цитирование: Sozinova K. *Letters of Lady Rondeau: Russia as Seen by an Englishwoman in the Age of Enlightenment* // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1724–1740. DOI 10.15826/qr.2022.5.757 / Созинова К. «Письма леди Рондо»: восприятие России англичанкой в эпоху Просвещения // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1724–1740. DOI 10.15826/qr.2022.5.757.

culture of politeness replaces the old forms of ceremonial communication. The development in *Letters* of the social paradigm of the feeling of politeness testifies both to the universality of this cultural vocabulary for Vigor herself, and to its identification of Russia as a place where European values are shared at the elite level. Methodologically, this study relies on the gender approach. In the case of Jane Vigor, it was gender that represented a significant form of privilege. Referring to Jane Vigor, the author demonstrates that in a certain period, a woman had more opportunities to participate in the private and public life of the Russian court than a man.

Keywords: Jane Vigor, Lady Rondeau, Anna Ioannovna, travelogue, cosmopolitanism, culture of politeness, Russian court, court culture

Исследуются проблемы восприятия России и русского двора в английском женском травелоге. Автор статьи анализирует «Письма леди, которая прожила несколько лет в России, ее подруге в Англию» и «Одиннадцать дополнительных писем из России, при правлении Петра II» Джейн Вигор (леди Рондо), охватывающие период с 1728 по 1739 г. Автор «Писем» дважды была замужем за представителями британского правительства в России: первым ее мужем был генеральный консул Англии в России Т. Уорд (1728–1731), вторым – К. Рондо (1731–1739), миссией обоих были налаживание дипломатических связей и заключение англо-русского торгового договора. «Письма» написаны в неформальном стиле и содержат различные эпизоды, связанные со двором Петра II и Анны Иоанновны, в светскую жизнь которых миссис Вигор была погружена на протяжении многих лет. Их тексты отражают грани общего и особенного в культурном коде британцев и русских как комплексе стереотипов общественного сознания Британии и России, а также взгляд на гендерные роли в британском и русском обществах XVIII в. Сделан вывод о том, что философия космополитизма первой половины XVIII в. оказала решающее влияние на Дж. Вигор и на ее восприятие русского двора. В своих трудах она выступает проводником новой культуры вежливости, служащей основой артикуляции социальных отношений между различными культурными группами при дворе, объединившимися в послепетровской России. Развитие в «Письмах» социальной парадигмы вежливого чувства свидетельствует как об универсальности этой культурной лексики для самой Вигор, так и об идентификации ею России как места, где разделяют «общеевропейские» ценности на уровне элиты. Исследование опирается на гендерный подход, именно гендер в случае с Джейн Вигор представлял важную форму привилегии. Автор писем – яркий пример того, что женщина имела больше возможностей участия в частной и публичной жизни русского двора, чем мужчина.

Ключевые слова: Джейн Вигор, леди Рондо, Анна Иоанновна, травелог, космополитизм, культура вежливости, русский двор, придворная культура

«Письма леди, которая прожила несколько лет в России, ее подруге в Англию» (далее – «Письма») были опубликованы анонимно в 1775 г. в Лондоне [Vigor, 1775]. Для современников не было тайной, что авторство писем на самом деле принадлежало миссис Вигор (1699–1783), в девичестве Джейн Гудвин. Дважды она была замужем за видными представителями британского правительства в Санкт-Петербурге, куда она прибыла в 1728 г., будучи супругой Томаса Уорда – английского генерального консула в России. Данный труд был написан уже после заключения второго брака миссис Вигор с секретарем ее покойного мужа Клавдием Рондо в 1731 г., поэтому в отечественной историографии данный источник получил название «Письма леди Рондо» [Письма леди Рондо], тогда как в британской традиции за героиней закрепилась фамилия ее третьего и последнего супруга Уильяма Вигора (ил. 1 на цв. вклейке).

Джейн Вигор в течение своего десятилетнего проживания при русском дворе проявила себя проницательным и остроумным наблюдателем. Ее переписка с близкой подругой (возможно, сестрой ее первого мужа – это ясно из некоторых уточнений, появляющихся в «Одиннадцати дополнительных письмах», тогда как первая часть «Писем» подобных пояснений не содержит) описывает ее опыт жизни в дипломатических кругах русского двора во время правления Петра II и Анны Иоанновны между 1728 и 1739 гг. (всего 48 писем). Автор отмечает обычаи и практики, с которыми сталкивается в России, перемежая это с рассказами о чувствах, романтических историях, придворных анекдотах и описанием характеров крупных политических фигур при русском дворе.

Описание русского двора 1730-х гг. нашло отклик у английской читающей публики как раз в 1770-х гг. после восшествия на престол Екатерины Великой. «Письма» вызвали живой интерес не только в Великобритании, но и на континенте, на них часто ссылались, а описания крупных политических фигур и вовсе зачастую заимствовали напрямую. К концу 1776 г. «Письма» уже можно было прочесть в Германии, Франции и Голландии, тогда как в России переводы на русский язык появились значительно позднее [Loewenson, p. 400].

«Письма» были переведены в России несколько раз. Первое краткое знакомство русского читателя с ними состоялось в 1822 г. в журнале «Сын Отечества» – А. О. Корниловичем была подготовлена статья «Отрывок из Опыта путешествий по России» [Сын Отечества], содержащая лишь небольшие фрагменты писем. Также следует отметить переводы 1836 г. (М. К. Касторский) и 1874 г. (Е. П. Карнович, предисловие К. Н. Бестужева-Рюмина), в оба издания вошла только первая часть «Писем», изданная в 1775 г., тогда как вторая часть «Одиннадцать дополнительных писем из России, при правлении Петра II» [Vigor, 1784], опубликованная в 1784 г., осталась почему-то вне поля внимания отечественных издателей. Несмотря на то, что дополнение было опубликовано позднее, хронологически эта часть предваряет первое издание

и содержит письма за 1728–1729 гг., относящиеся к правлению Петра II, когда свежи еще были в памяти события, связанные с падением Меншикова. Новый русский перевод 1874 г. был инициирован в связи с тем, что перевод 1836 г. был небрежен и во многих местах искажил смысл подлинника [Письма леди Рондо, с. VII].

Данный труд проникнут философией космополитизма, ставшей «формой самоидентификации культурных элит» эпохи Просвещения [Фрейхов, с. 31]. Этот период связан с появлением первых фигур космополитов, обладавших талантом «поддерживать отношения и распространять идеи». Они стали центром притяжения интеллектуальной жизни, «оказавшись на перекрестке наций и культур, эти люди – дипломаты, военные, служители культа, коммерсанты – принялись плести сети своего интеллектуального влияния» [Там же, с. 34]. В данном исследовании мы обратимся к проблеме восприятия русского двора в «Письмах» Джейн Вигор сквозь призму космополитизма и рассмотрим, как ее труд способствовал нивелированию национальных предубеждений в умах английских читателей и продвижению новой культуры вежливости.

Одной из главных причин британского интереса к России в этот период была важность англо-русской торговли, которая была весьма чувствительна к политическим изменениям. В мае 1728 г. Томас Уорд был назначен генеральным консулом в России. Миссия Уорда и Рондо была предварительным шагом в восстановлении дипломатических связей между дворами Георга II и Петра II. Уорду также было поручено представлять интересы Русской компании в Санкт-Петербурге [Cross, p. 53]. Эти две его должности фактически совмещали коммерческую и придворную сферы британского присутствия в России, открыв его жене беспрецедентный доступ как к государственным, так и к торговым делам, а также возможность вращаться в придворных кругах, регулирующих англо-русские отношения в 1730-х гг. [O'Loughlin, p. 97].

Иностранцы при русском дворе, оставившие свои литературные свидетельства о России и русских, появляются еще при первых Романовых. Но первые опубликованные записки за женским авторством принадлежат Элизабет Джастис. Несмотря на то, что Джейн Вигор прибыла в Россию раньше и ее записки охватывают более ранний период 1728–1739 гг., они были опубликованы лишь спустя 35 лет, тогда как «Путешествие в Россию» Э. Джастис увидело свет уже в 1739 г., хотя она была в России с 1734 по 1737 г. Плеяду англичанок-путешественниц XVIII в., оставивших свои записки немногим позднее, дополняют труды Элизабет Димсдейл при дворе Екатерины II и Элизабет Крейвен.

По своему происхождению Джейн Вигор не относилась к аристократии, не являлась членом литературного кружка, для нее публикация писем не была средством заработка, как для ее современницы Элизабет Джастис. Она принадлежала к среднему джентри, будучи

дочерью Джорджа Гудвина, приходского священника из Йоркшира. Ее первый супруг Томас Уорд был эсквайром и тоже происходил из среды джентри. Во введении к «Дополнительным одиннадцати письмам» указано, что и Клавдий Рондо (второй супруг) также являлся эсквайром [Vigor, 1784, p. IV]. Расцвет и развитие дипломатической службы в Европе в этот период позволили выходцам из среды джентри сделать успешную карьеру на данном поприще [O'Loughlin, p. 95]. Назначение супруга Мэри Уортли Монтегю послом Британии в Османской империи в 1716 г. позволило ей открыть читателям мир Востока в своем знаменитом произведении «Турецкие письма», тогда как карьерные перипетии супруга Джейн Вигор дали ей возможность составить свое представление о русском дворе. Для Вигор, как и для Монтегю до нее и леди Элизабет Крейвен после, путешествия открыли доступ к новым пространствам для формирования новых социальных отношений, где гендер представлял важную форму привилегии.

**«Письма леди Рондо»:
культура вежливости и культура чувства**

На рубеже XVII–XVIII вв. в английском обществе начинает формироваться новая светская культура – культура вежливости, или *culture of politeness*, неременной характеристикой которой стал светский непринужденный разговор [Высокова, Дергачева, с. 275]. Как предполагает К. О'Локлин, возможно, идея опубликовать свои письма к Джейн Вигор пришла как реакция на успех публикации «Турецких писем» леди Мэри Уортли Монтегю в 1763 г. Ее успех позволил женщинам почувствовать себя более уверенно в новом жанре путевых заметок. Однако важно не то, что Монтегю открывает читателю «новый мир» экзотического Востока, ее «Письма» показывают смену тенденций в современной английской культуре – рост и развитие с конца XVII в. космополитической элиты, заинтересованной как в развитии культуры чтения и письма, так и культуры вежливости [O'Loughlin, p. 2]. К. О'Локлин полагает, что работа Монтегю была адресована элитарному кругу читателей, отмеченному статусом и особыми формами литературной общительности (*literary sociability*) [Ibid., p. 15].

Кроме того, исследователи склонны связывать «Письма» Джейн Вигор с расцветом «культуры чувств» (*culture of feeling*) в Западной Европе. Маркман Эллис утверждает, что сентиментальный стиль повествования, рассчитанный прежде всего на средний класс, привлек беспрецедентную читательскую аудиторию во второй половине XVIII в. [Ellis, p. 3]. «Культура чувств» нашла свое идеальное воплощение в фигуре Джейн Вигор – путешественницы и писательницы из высшего среднего класса, которая внезапно оказалась вхожа в высшие круги при русском дворе, а затем выступила искусным проводником в этом новом мире для любопытной британской публики.

Разного рода аспекты мужских путевых заметок XVIII в. достаточно хорошо известны, тогда как женщины XVIII в. остались в тени

мужского величия. Однако немалое количество женщин оставили записи о своих путешествиях за пределами Британии между 1680 и 1830 гг. Но в результате критического отношения к жанру путевых заметок и маргинализации женского письма в целом их творчество в значительной степени оставалось за рамками интересов как исследователей литературы XVIII в., так и культурной истории. Исследователи, как правило, отдавали предпочтение роману и лишь относительно недавно обратились к текстам, написанным женщинами (в любом жанре). Здесь можно отметить три ключевые работы: это «Женщины, письмо и путешествия» [O'Loughlin], «Кэмбриджская компания, посвященная травелогу» [The Cambridge Companion], а также знаковая работа Элизабет Бол «Женщины-писательницы-путешественницы и язык эстетики» [Bohls].

Как в зарубежной, так и в отечественной историографии присутствует достаточно ограниченное число работ, посвященных непосредственно Джейн Вигор и ее «Письмам». Наиболее полным исследованием является глава в монографии К. О'Локлин [O'Loughlin, p. 95–130], в которой рассматривается культура чувств при русском дворе, а «Письма» Джейн Вигор вписываются в широкий контекст английского женского травелога. Работа Л. Левенсона посвящена анализу переводов «Писем» в Европе и России [Loewenson]. Кроме того, среди отечественных исследователей, обращавшихся к британцам, оставившим свои записки о России в XVIII в., и к английским женским травелогам, в числе которых «Письма» Джейн Вигор, следует отметить Т. Л. Лабутину [Лабутина, 2013, с. 287–309; Лабутина, 2022] и небольшую статью А. В. Денисовой, посвященную краткой биографии леди Рондо и знакомству с ее «Письмами» [Денисова].

Отечественным исследователям импонируют симпатии Джейн Вигор к русскому двору. Ю. М. Лотман отмечал, что она была совсем не враждебна к русскому двору и описывала в своих посланиях доброту и чувствительность Анны Иоанновны и благородство Бирона [Лотман, с. 8]. Но здесь следует отметить, что она не знала страны и фактически не выезжала за пределы двора, не считая окрестностей Москвы и Петербурга, Новгорода и Твери. Она прямо пишет, подчеркивая свой гендерный статус и делая отсылки к «слабому полу»:

Вы требуете описания страны и характера народа, ее населяющего, между тем как эти предметы столько же понятны для меня, сколько для государственного министра – покрой вашего платья. Так как я передаю вам обо всем в том виде, в каком оно представляется слабому уму, то вы и не должны удивляться, если мои суждения покажутся вам ошибочными [Письма леди Рондо, с. 88].

О русском народе она упоминает лишь несколько раз, не утруждая себя подробными описаниями:

Я могу сказать о народе, что он крепко сложен, среднего роста и несколько красивее, чем в других странах; но я нахожу, что у русских вообще мало выражения в лице [Письма леди Рондо, с. 2].

О низших слоях русского общества Вигор отзывался следующим образом:

Здесьшний народ чрезвычайно вежлив, по своему понятию, но в нем человеческая природа слишком унижена, и эти несчастные создания так жалки, что, кажется, имеют только человеческое подобие [Там же, с. 6–7].

Космополитичность как русского двора, так и всей европейской элиты позволяла ей чувствовать себя вполне органично за пределами родины, что определялось также и засильем иностранцев при русском дворе, где знание русского языка вовсе не являлось обязательным требованием для сведения близких знакомств. Очевидно, что, в отличие от своего мужа [Vigor, 1784, p. 10], она не знала русский язык, когда прибыла в Петербург в 1728 г.: «...кратковременность моего здесь пребывания не допустила меня научиться настолько языку, чтобы вести хоть какой-нибудь разговор на нем» [Письма леди Рондо, с. 2]. В письме от 1734 г., когда Вигор уже вошла в ближайший круг графини Бирон и могла видаться в неформальной обстановке с Анной Иоанновной, она отмечает, что продвинулась в изучении русского языка:

По-видимому, она [Анна Иоанновна] довольна, когда я стараюсь говорить с ней по-русски, и так милостива, что учит меня, когда я выражаюсь худо или затрудняюсь в разговоре. Это случается очень часто, потому что я говорю по-русски плохо, хотя и понимаю, что говорят другие [Там же, с. 63].

Все же основным языком общения для нее являлся французский.

Рождение, свадьба и смерть в произведении леди Рондо

Следуя традициям путевых заметок, Вигор старалась ввести в повествование описание некоторых пейзажей и архитектурных особенностей, при этом постоянно делая оговорки, что весьма в этом несведуща. В нем встречаются как небольшие этнографические детали, так и описание полного цикла обрядов: крестин, свадьбы служанки и погребения младшей дочери князя Меншикова, выданной замуж за графа Густава Бирона [Письма леди Рондо, с. 13]. О православии она замечает: «Религия здесь, как кажется, состоит из внешних обрядов и множества суеверий» [Там же, с. 13]. При описании как свадьбы, так и погребения Вигор отмечает излишнюю эмоциональность, особенно представителей низших слоев общества. В случае погребения она была изумлена, что к прощанию были допущены слуги, которые

подняли такой крик, какой только можно было представить. Больше всего внимания она отводит описанию прощания мужа, который просил избавить его от участия в церемонии, однако «должен был подчиниться русскому обычаю из боязни, чтобы его отказ не приняли за презрение, так как он иностранец» [Письма леди Рондо, с. 82].

Вигор не обходит стороной опыт женской повседневности (беременность и роды). Как отмечает А. В. Белова, «леди Рондо еще в 1733 г. судила о русском обычае проведения после родов и денежного вознаграждения родильницы с позиции европейской рационалистки, ставшей невольной участницей этого обычая в его нетипичном проявлении. Она сообщала, что “один русский дворянин” зашел к ней, поздравил и “дал дукат”, объясняя это тем, что, по ее словам, “русские верят, что в противном случае либо женщина, либо ребенок умрет”» [Белова, с. 72]. Также А. В. Белова обращает внимание на то, что «восстановление после родов длилось обычно довольно продолжительное время, независимо от возраста дворянок и очередности репродуктивных опытов. Леди Рондо же в 1733 г. сообщала из Петербурга английской корреспондентке: “Ибо хотя миновало три месяца с тех пор, как я разрешилась от бремени, я еще не покидала моей комнаты; но так как настроение у меня доброе, надеюсь, что силы ко мне скоро вернуться”» [Там же, с. 74]. В своих письмах Вигор несколько раз упоминает о своих беременностях, но ни один из ее детей не вышел из младенческого возраста.

Философские рассуждения о любви также неоднократно фигурируют в «Письмах», любовь для Вигор является своеобразным мериллом искренности чувств в придворных кругах. Она неоднократно осуждает брак по расчету, придерживаясь относительно новой концепции, так мало свойственной аристократическим кругам, – браку по любви и взаимной симпатии. В одном из писем она делится подробностями развития своих отношений с Клавдием Рондо:

...Он взял на себя труд убедить меня в своей привязанности, чего я никогда не ожидала от его соотечественников¹, потому что они не привыкли к женщинам, которые ставят это одним из условий брака... если они встречают положение и титул, то очень равнодушно пренебрегают остальным. Они недоумевали бы, что вы хотите выразить, говоря, что не желаете выходить замуж за человека, не любя его [Письма леди Рондо, с. 42].

Своего мужа она именует наставником и господином, а отношения с ним характеризует как «доверчивую дружбу и нежную любовь» [Там же, с. 70]. Примечательно, что Вигор посвятила отдельное письмо описанию встречи с венецианкой при русском дворе, которая вышла замуж за старика. Несмотря на свое предубеждение против браков по расчету, Вигор отмечает, что благородное поведение венецианки и ее

¹ Клавдий Рондо был сыном французского протестанта, переехавшего в Англию.

сдержанность «не может согласовываться с низостью души женщины, продавшей себя за деньги дряхлому старику» [Письма леди Рондо, с. 134]. Вигор признается своей подруге, что хотя она и хотела бы завязать новое знакомство, но «сочла за лучшее не сходитьсь с этой дамой» [Там же, с. 135].

Джейн Вигор и женский круг при дворе Анны Иоанновны

Вигор была увлечена изучением роли отдельной личности и ее политическим влиянием, формировавшим русскую придворную культуру в 1730-е гг. В бытность ее женой британского резидента ее описания ключевых фигур влияли на восприятие русского двора британцами и европейцами вплоть до конца XVIII в.

Если обратиться к кругу общения Джейн Вигор в первые годы ее пребывания в России, когда она еще состояла в браке с Т. Уордом, станет очевидным, что это был практически мужской круг, сложившийся благодаря деловым связям ее супруга, редкое исключение в нем составляли жены иностранных представителей при русском дворе. Позднее, в годы правления Анны Иоанновны, ситуация изменится кардинальным образом, и уже сама Джейн Вигор начнет завязывать и поддерживать те знакомства при дворе, которые будут выгодны ее новому мужу. Каждому из своих знакомых она неизменно дает краткую характеристику, в основе которой лежит ее собственная шкала ценностных ориентиров. Для мужчины, по ее мнению, важными качествами являются приятность, живость, вежливость и добродушие. Наиболее употребляемые характеристики здесь – *agreeable, lively, polite, good-natured*. Тогда как едва ли не первой характеристикой женщины является ее красота или отсутствие оной, и лишь затем Вигор добавляет еще несколько штрихов к рисуемому портрету: это могут быть суждение об образовании, манерах, вежливости, иногда описание наряда, наличие детей (*handsome, lively, witty, domestick*). Эти характеристики варьируются от одного нового лица в письме, представляемого подруге, к другому, но в основе своей остаются неизменными.

Главными же необходимыми качествами для лиц обоего пола являются коммуникативные навыки и умение поддержать светскую беседу. Обратимся к описанию круга общения Джейн Вигор в 1728 г.:

Его светлость – посол Испании и сын герцога Бервика. Он весьма приятен, жив, вежлив и добродушен. Граф Враттеслав, посланник императора Германии, большой болтун и много пьет, потому не всегда является самой приятной компанией... Мадам Бонди красива, но... образование у нее весьма посредственное. <...> Мадам ла Форт красива, отличается живостью, остроумна и воспитывалась при дворе. <...> Мадам Хокхольст немолода и некрасива, но очень добродушна. Она ведет домашний образ жизни, у нее нет детей... Стоит упомянуть генерала Лефорта, племянника знаменитого фаворита великого Петра. Это любезный человек, и у него такие же любезные жена и дочь [Vigor, 1784, p. 65–68].

При Анне Иоанновне Джейн Вигор была допущена в самый узкий придворный женский круг. В своих письмах она неоднократно отмечала, что любит рукодельничать, и заказывала у своей подруги из Англии узоры для вышивки. На почве любви к рукоделию Джейн Вигор сошлась с графиней Бирон, для которой специально заказывала узоры для вышивки из Англии. В экспозиции Музея Виктории и Альберта в Лондоне представлена часть вышивок Джейн Вигор. Группа из двадцати двух изящных чехлов для сидений вышита на необычной камвольной основе, Вигор работала над ними еще в Санкт-Петербурге, адаптируя русские материалы к английскому рисунку и навыкам вышивания [Chair Seat Cover]. Джейн Вигор отмечает, что графиня Бирон —

...большая любительница вышивания, и, узнав, что у меня есть несколько вышивок моей собственной работы, [она] пожелала их видеть и пригласила меня к себе работать два или три раза в неделю. Я приняла это приглашение с удовольствием по двум причинам: во-первых, г. Рондо, занимая настоящий пост, может извлечь из этого выгоды, и, во-вторых, мне представляется случай видеть царицу в такой обстановке, в какой иначе ее никак нельзя было бы видеть, потому что она постоянно проходит через ту комнату, в которой мы занимаемся рукоделием [Письма леди Рондо, с. 62–63].

Обхождение в этом тесном кружке было весьма простым, Дж. Вигор замечает, что императрица, когда приходила к ним, даже не обращала внимания, встают ли они перед ней, как этого требовал придворный этикет. Кроме того, она сама иногда садилась за пьалы и живо интересовалась Англией, особенно всем, что касалось королевы: «По ее словам, она так желала видеть королеву, что охотно сделала бы полдороги навстречу ей» [Там же, с. 63].

В портрете Анны Иоанновны, который рисует Джейн Вигор, видна неприкрытая симпатия к императрице. Своим портретам власть имущих особ Вигор пытается придать некую исключительность и особый ореол власти, связанный с их высоким положением. Так, об Анне Иоанновне она пишет:

...сердце ее одарено такими хорошими качествами, каких мне никогда не удавалось видеть у кого бы то ни было, и это – принимая в соображение ту власть, которая ей принадлежит – кажется особенным знамением божественной благодати [Там же, с. 64].

Или: «во взгляде ее есть что-то царственное, поражающее с первого разу» [Там же, с. 50]. А вот о герцогине Бирон она отзывается достаточно прямолинейно, невзирая на то, что пользовалась ее расположением:

Герцогиня горда и резка; в ее взгляде и манерах есть что-то надменное, уничтожающее то уважение, какое она хотела бы приобрести подобным способом; ее уважают только на виду, а не на самом деле. Сознаюсь откровенно, что хотя я и называюсь одной из ее любимиц и, как думаю, пользуюсь ее благосклонностью более, чем кто-либо, тем не менее, я не чувствую к ней в своем сердце того, что называется уважением [Письма леди Рондо, с. 108–109].

Джейн Вигор близко сошлась и с принцессой Елизаветой:

Принцесса делает мне честь, принимая мои частые визиты, и иногда даже посылает за мной; говоря откровенно, я ее уважаю и сердце мое чувствует к ней привязанность; со своей же стороны она смотрит на мои посещения как на удовольствие, а не как на церемонию [Там же, с. 75–76].

Можно сделать вывод, что она практически поровну делит свои симпатии между Анной Иоанновной и Елизаветой: «Она – милое создание... и хотя я нахожу, что в настоящее время престол занят достойною особою, но нельзя не желать, чтобы впоследствии он перешел к ней» [Там же, с. 76]. Тогда как принцесса Анна едва ли удостаивается положительной характеристики: «в ней нет ни красоты, ни грации, и ум ее не выказал еще ни одного блестящего качества» [Там же].

«Письма» описывают зону межличностного общения в рамках русского двора, который исследователи вписывают в рамки европейского космополитизма первой половины XVIII в. Публичная и частная жизнь здесь постоянно накладывались друг на друга, сосуществуя вместе, как и в других придворных культурах Европы. Новый русский европеизированный двор отличался большей публичностью, личной свободой и мобильностью для женщин из среды придворной элиты [Alexander, p. 148]. Это пространство перемен при русском дворе имело женское происхождение отчасти из-за необычной концентрации женщин у власти в России в период между Анной и Екатериной II.

В «Письмах» Джейн Вигор защищает частную жизнь некоторых лиц за счет обычного использования инициалов и многоточий при их упоминании, особенно в первом издании. При этом она гораздо менее сдержанна в своих описаниях характеров важных фигур при русском дворе, включая императорскую семью и иностранных министров. Эти портреты настолько откровенны, что Вигор умоляет подругу никому не показывать ее письма. Это обычный риторический прием (Монтегю и Крэйвен делают аналогичные оговорки в своей переписке), но Вигор, похоже, искренне осознает, что ее письма соответствуют действительности и что она шла на некоторые социальные, если не политические риски в своих откровенных описаниях. Вигор обладала беспрецедентной возможностью наблюдать и записывать события при дворе, функционировавшем как государственный орган и как место для частной жизни правящей семьи, что напрямую было

связано с ее статусом англичанки и супруги представителя британского правительства. О конфиденциальности переписки свидетельствуют постоянные отсылки в письмах Вигор:

Все сказанное мною должно остаться между нами; вы, конечно, не знаете, что за готовность мою удовлетворить вашему любопытству (так в переводе. – К. С.) меня могут повесить; поэтому-то, не желая рисковать, я не отправляю настоящего письма с обыкновенным курьером [Письма леди Рондо, с. 77].

Джон Александер указывает, что по крайней мере с 1730 г., «если не раньше, все придворные должны были приносить клятву на Библии и расписываться в том, что они должны хранить в тайне все увиденное или услышанное при дворе» [Alexander, p. 144]. Хотя такие директивы не могли полностью подавлять сплетни и разного рода спекуляции, вытекающая из этого скудость инсайдерской информации является одной из причин, по которой переписка Вигор так ценна для отечественных исследователей.

Сопоставление России и Европы дополняется рассказом о восточных посольствах. Описание появления послов при дворе приносит в «Письма Вигор» щепотку экзотики: «Теперь я собираюсь рассказать вам странные истории о турках, татарах и китайцах, – дразнит она, – ибо здесь со всех тех мест прибыли послы» [Vigor, 1775, p. 81]. Однако именно китайская делегация позволяет Вигор провести водораздел «Свои» – «Чужие». Несмотря на относительный космополитизм китайских послов, их присутствие в конечном итоге служит тому, чтобы подчеркнуть большее сходство между англичанами и русскими, и эта идентификация развивается вокруг гендерных ролей. На вопрос императрицы китайскому послу, что он находит наиболее отличным от их собственных обычаев, «что представлялось им самым необыкновенным», тот отвечает: «Видеть на престоле женщину» [Письма леди Рондо, с. 60]. Замечание посла кажется особенно шокирующим в контексте подробного описания русского двора в «Письмах» и растущей близости читателя с Анной Иоанновной и Елизаветой Петровной. Ссылка на «женщину на престоле» также связывает этот феминизированный русский двор со двором британских монархов – Елизаветы I и королевы Анны, ассоциация, усиленная в глазах читателя сверхъестественным повторением имен. Отвержение китайским послом женщины на троне в конечном счете свидетельствует о его глубоком культурном отчуждении от среды, описанной в «Письмах», отчуждении, которое сближает английский и русский миры, населенные Вигор. Этот вопрос о женской автономии как моменте критического культурного различия подчеркивается рассказом Вигор о личной встрече с китайскими послами:

Подойдя к г. Рондо, они сказали, что знают англичан, потому что их много в Китае, и называли его братом... Они говорили, что англичане были бы благодарнее, если бы не позволяли женщинам выходить и пользоваться свободой [Письма леди Рондо, с. 60–61].

Китайские послы были приглашены и на придворный маскарад, когда же их спросили, не кажутся ли им странными увеселения такого рода, они ответили, что «для них здесь все маскарад» [Там же].

Грани личной свободы при русском дворе

Джейн Вигор не обходит стороной и то, что казалось ей совершенно неприемлемым при русском дворе в контексте общеевропейских культурных ценностей, – деспотизм его правителей. Здесь можно выделить несколько сюжетов, связанных с женитьбой Петра II на княжне Екатерине Алексеевне Долгоруковой и ссылкой ее семьи и с судьбой Евдокии Лопухиной. В апреле 1730 г. Джейн Вигор с видимой приязнью описывает искренность чувств Екатерины Долгоруковой:

Брат немецкого посланника, предмет ее любви. Все уже улажено, и они ожидают только исполнения некоторых формальностей, необходимых в здешней стране... Она, кажется, очень рада быть в замужестве вне своего отечества, оказывает иностранцам много любезности, сильно любит своего жениха и взаимно им любима [Письма леди Рондо, с. 12].

Но уже в следующем письме, когда стало известно, что Петр II намерен жениться на Долгоруковой, она с горечью замечает, что «в этой стране нельзя отказываться» [Там же, с. 15]. Рассказ из первых рук повествует о конфликте между любовью и политикой. Заключительные строки этого письма свидетельствуют о незавидной судьбе Екатерины Долгоруковой: «величие не может облегчить ее страданий от безнадежной любви; в самом деле, только крайнее малодушие в состоянии променять любовь или дружбу на владычество» [Там же, с. 18–19].

В 1732 г. Джейн Вигор, сообщая своей подруге о ссылке семьи Долгоруковых, писала: «Вас, может быть, удивит ссылка женщин и детей; но здесь, когда глава семейства впадает в немилость, то все семейство подвергается преследованию» [Там же, с. 46]. Ю. М. Лотман указывает на то, что «включение в число опальной единицы всех представителей рода» [Лотман, с. 8] было естественным для русских людей, а «то же понятие коллективной (в данном случае – родовой), а не индивидуальной личности лежит, например, в основе кровной мести, когда весь род убийцы воспринимается как юридически ответственное лицо» [Там же, с. 9]. К. О'Локлин представляет Екатерину Долгорукову как синекдоху русской культуры. Для английского наблюдателя ее фигура выражает стремление империи к европейской идентичности через возможность брака по любви, которое сталки-

вается с деспотизм русской придворной культуры, которая может навязать брак по расчету, а затем изгнать невесту после смерти Петра со двора [O'Loughlin, p. 109].

В письме от 1731 г. Вигор отмечает, что ей удалось свести знакомство и с Евдокией Лопухиной. В ее судьбе Вигор также усматривает проявления деспотизма Петра I:

Царь был очень молод, когда женился на ней; он имел от нее сына, который впоследствии был приговорен к смерти и оставил сына и дочь. После нескольких лет супружества император возненавидел ее, побуждаемый ревностью; на основании этих подозрений она, ее ближайшие родственники и многие из придворных были арестованы и, по обычаю страны, допрошены под пыткой; но ни один из них не обвинил ее [Письма леди Рондо, с. 29].

Джейн Вигор не случайно уделяет отдельное внимание деспотизму русских правителей. Джереми Блэк отмечает, что в британской прессе конца 1720-х – начала 1730-х гг. русская политика представлялась не как единое целое, а как результат сложных фракционных распрей: ролью князя Меншикова, интересами таких фамилий, как Долгоруковы и Голицыны, расколом между старой «русской» знатью и иностранными советниками. Воцарения Петра II в 1727 г. и Анны Иоанновны в 1730 г. ознаменовались появлением заметок с предположениями о грядущих изменениях в России и возможности англо-русского сближения. Много внимания также уделялось подписанию Анной Иоанновной кондиций, которые должны были ограничить ее власть. Однако форма правления в России все еще оценивалась в Британии как деспотическое самодержавие. Россия представлялась государством, имеющим больше общего с Османской и Персидской империями, нежели с европейскими государствами [Black, p. 88].

Судьба нашей героини – образчик широких возможностей, открывшихся для представителей джентри с возникновением постоянной дипломатической службы и развитием торгово-экономических отношений между Россией и Англией. Она смогла значительно продвинуться по социальной лестнице, унаследовать приличное состояние, пережить трех мужей и прославиться своими заметками о дворе русской императрицы Анны Иоанновны. Джейн Вигор удалось зафиксировать в «Письмах» критический период модернизации в России между царствованиями Петра I и Екатерины Великой, когда женщина имела гораздо больше преимуществ для вхождения в придворные круги, чем мужчина. Россию и Англию в этот период связывали не только формировавшиеся экономические связи (новый англо-русский торговый договор 1734 г., заключенный в том числе и при посредничестве

К. Рондо), знакомство с образчиками английской культуры происходило и через публикации русскими издателями переводов из английских журналов «Спектейтор», «Тэтлер», «Гардиан» и других – проводников нового культурного кода вежливости, которые были весьма популярны у русской читающей публики [Левин].

Популярность жанра путевых заметок позволила познакомить английского читателя с культурой русского двора, во многом разделявшего общеевропейские ценности, что повлияло на формирование образа России в Англии в последней четверти XVIII в. Философия космополитизма пронизывает «Письма» и задает тон всей жизни Джейн Вигор и ее окружения. Несмотря на то, что Мэри Монтегю стала своего рода первопроходцем, продвигавшим новую культуру вежливости, Джейн Вигор удалось не только подчеркнуть ее важность, но и вписать русский двор в этот контекст. Свои симпатии при этом Джейн Вигор неизменно отдает Анне Иоанновне, в чей ближний круг она была вхожа, тогда как сюжеты, связанные с падением Меншикова, опалой Евдокии Лопухиной и семьи Долгоруковых, демонстрировали суровость нравов русского двора, которая была характерна для Петра I и Петра II и не вполне коррелировалась с европейским понятиями о личной свободе.

Список литературы

Белова А. В. Послеродовой период как элемент родильного обряда в российской дворянской культуре XVIII – середины XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2014. № 3. С. 69–88.

Высокова В. В., Дергачева А. А. Даниэль Дефо о безнравственном разговоре и неподобающем поведении // *Imagines mundi* : альманах исследований всеобщей истории XVI—XX вв. № 11. Сер.: Интеллектуальная история. Вып. 5. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2021. С. 275–276.

Денисова А. В. Леди Рондо и ее «Письма» // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 161–164.

Лабутина Т. Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб. : Алетейя, 2013. 352 с.

Лабутина Т. Л. Дипломатическая и разведывательная деятельность британского посланника Клавдия Рондо в России в правление Анны Иоанновны // Дипломатия и дипломаты: из истории международных отношений стран Запада и России. СПб. : Алетейя, 2022. С. 254–284.

Левин Ю. Английская литература в России XVIII века // Вопросы литературы. 1996. № 1. С. 185–204.

Лотман Ю. М. О семиосфере // Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. Тарту : Тартус. гос. ун-т, 1984. С. 5–23.

Письма леди Рондо. Жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны. СПб. : Тип. Скарятина, 1874. XXX, 298 с.

Сын Отечества. 1822. Ч. 78. № 24. Разд. 2 (Российская история). С. 160–172.

Фрейхов В. Космополитизм // Мир просвещения : ист. словарь. М. : Памятники ист. мысли, 2003. 668 с.

Alexander J. T. The Courts of the Russian Empresses in the Eighteenth Century // *The Court Historian*. 1999. Vol. 4, № 2. P. 141–150. DOI 10.1179/cou.1999.4.2.005.

Black J. Russia and the British Press 1720–1740 // *Journal for Eighteenth-Century Studies*. 1982. Vol. 5, № 1. P. 85–92. DOI 10.1111/j.1754-0208.1982.tb00459.x.

Bohls E. A. Women Travel Writers and the Language of Aesthetics, 1716–1818. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. 310 p.

Chair Seat Cover by Jane Vigor // Victoria and Albert Museum : [website]. URL: <https://collections.vam.ac.uk/item/O1155756/chair-seat-cover-vigor-jane-mrs/> (accessed: 05.09.2022).

Cross A. *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1997. 474 p.

Ellis M. *The Politics of Sensibility. Race, Gender and Commerce in the Sentimental Novel, Politics of Sensibility*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. 280 p.

Loewenson L. Lady Rondeau's Letters from Russia (1728–1739) // *The Slavonic and East European Review*. 1957. Vol. 35, № 85. P. 399–408.

O'Loughlin K. *Women, Writing, and Travel in the Eighteenth Century*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2018. 280 p.

The Cambridge Companion to Travel Writing / ed. by P. Hulme, T. Youngs. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. 358 p.

[Vigor J.J. Letters from a Lady, Who Resided Some Years in Russia, to Her Friend in England, with Historical Notes. L. : J. Dodsley, 1775. VIII, 207 p.

Vigor J. *Eleven Additional Letters from Russia, in the Reign of Peter II. By the Late Mrs Vigor. Never before Published: With a Preface and Notes*. L. : J. Dodsley, 1784. VIII, 78 p.

References

Alexander, J. T. (1999). The Courts of the Russian Emperesses in the Eighteenth Century. In *The Court Historian*. Vol. 4. No. 2, pp. 141–150. DOI 10.1179/cou.1999.4.2.005.

Belova, A. V. (2014). Poslerodovoi period kak element rodit' nogo obyada v rossiiskoi dvoryanskoi kul'ture XVIII – serediny XIX veka [The Postnatal Period as an Element of the Maternity Rite in the Russian Nobility Culture of the 18th – Mid-19th Centuries]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 3, pp. 69–88.

Black, J. (1982). Russia and the British Press 1720–1740. In *Journal for Eighteenth-Century Studies*. Vol. 5. No. 1, pp. 85–92. DOI 10.1111/j.1754-0208.1982.tb00459.x.

Bohls, E. A. (1995). *Women Travel Writers and the Language of Aesthetics, 1716–1818*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 310 p.

Chair Seat Cover by Jane Vigor. (N. d.). In *Victoria and Albert Museum* [website]. URL: <https://collections.vam.ac.uk/item/O1155756/chair-seat-cover-vigor-jane-mrs/> (accessed: 05.09.2022).

Cross, A. (1997). *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 474 p.

Denisova, A. V. (2010). Ledi Rondo i ee “Pis'ma” [Lady Rondeau and Her “Letters”]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 161–164.

Ellis, M. (2004). *The Politics of Sensibility. Race, Gender and Commerce in the Sentimental Novel, Politics of Sensibility*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 280 p.

Freikhov, V. (2003). Kosmopolitizm [Cosmopolitanism]. In *Mir prosveshcheniya. Istoricheskii slovar'*. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. 668 p.

Hulme, P., Youngs, T. (Eds.). (2002). *The Cambridge Companion to Travel Writing*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 358 p.

Labutina, T. L. (2013). *Britantsy v Rossii v XVIII veke* [The British in 18th-Century Russia]. St Petersburg, Aleteiya. 352 p.

Labutina, T. L. (2022). Diplomatskaya i razvedyvatel'naya deyatelnost' britanskogo poslannika Klavdiya Rondo v Rossii v pravlenie Anny Ioannovny [Diplomatic and Intelligence Activities of the British Envoy Claudius Rondeau in Russia during the Reign of Anna Ioannovna]. In *Diplomatiya i diplomaty: iz istorii mezhdunarodnykh otnoshenii stran Zapada i Rossii*. St Petersburg, Aleteiya, pp. 254–284.

Levin, Yu. (1996). Angliiskaya literatura v Rossii XVIII veka [English Literature in Russia in the 18th Century]. In *Voprosy literatury*. No. 1, pp. 185–204.

Loewenson, L. (1957). Lady Rondeau's Letters from Russia (1728–1739). In *The Slavonic and East European Review*. Vol. 35. No. 85, pp. 399–408.

Lotman, Yu. M. (1984). O semiosfere [On the Semiosphere]. In *Struktura dialoga kak printsip raboty semioticheskogo mekhanizma*. Tartu, Tartuskii gosudarstvennyi universitet, pp. 5–23.

O'Loughlin, K. (2018). *Women, Writing, and Travel in the Eighteenth Century*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 280 p.

Pis'ma ledi Rondo. Zheny angliiskogo rezidenta pri russkom dvore v tsarstvovanie imperatritsy Anny Ivanovny [Letters from Lady Rondeau. The Wives of an English Resident at the Russian Court in the Reign of Empress Anna Ivanovna]. (1874). St Petersburg, Tipografiya Skaryatina. XXX, 298 p.

Syn Otechestva [Son of the Fatherland]. (1822). Part 78. No. 24. Department 2 (Rossiiskaya istoriya), pp. 160–172.

[Vigor, J.] (1775). *Letters from a Lady, Who Resided Some Years in Russia, to Her Friend in England, with Historical Notes*. L., J. Dodsley. VIII, 207 p.

Vigor, J. (1784). *Eleven Additional Letters from Russia, in the Reign of Peter II. By the Late Mrs Vigor. Never before Published. With a Preface and Notes*. L., J. Dodsley. VIII, 78 p.

Vysokova, V. V., Dergacheva, A. A. (2021). Daniel' Defo o beznravstvennom razgovore i nepodobayushchem povedenii [Daniel Defoe on the Immorality of Conversation, and Vulgar Errors of Behaviour]. In *Imagines mundi. Al'manakh issledovaniy vseobshchei istorii XVI–XX vv.* No. 11. Seriya: Intellektual'naya istoriya. Iss. 5. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 275–276.

The article was submitted on 19.08.2022

Древнерусские хождения и российские травелоги Нового времени: темпоральные коррективы репрезентативных практик*

Георгий Шпак

¹Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия;

²Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Medieval Russian Journeys and Modern Russian Travelogues: Temporal Corrections of Representative Practices**

Georgy Shpak

¹Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;

²Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

La Topographie légendaire des Évangiles en Terre Sainte by M. Halbwachs was one of the first studies which employed the strategy of comparing “travelographic” descriptions tracing the dependence of descriptions of the physical world on predetermined settings. The author concludes that the geographical space of the “Promised Land” is realised through “legendary” images. The localisation of specific events occurs following the collective ideas of communities that transform physical reality based on models accepted within the communities. Thus, when we identify descriptive models, it is necessary to consider the constructive nature of spatial representations and correlate various rhetorical strategies used by the authors of travelographic descriptions. The article considers the possibility of

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22–18–00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

** Citation: Shpak, G. (2022). Medieval Russian Journeys and Modern Russian Travelogues: Temporal Corrections of Representative Practices. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1741–1752. DOI 10.15826/qr.2022.5.758.

Цитирование: Shpak G. Medieval Russian Journeys and Modern Russian Travelogues: Temporal Corrections of Representative Practices // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1741–1752. DOI 10.15826/qr.2022.5.758 / Шпак Г. Древнерусские хождения и российские травелоги Нового времени: темпоральные коррективы репрезентативных практик // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1741–1752. DOI 10.15826/qr.2022.5.758.

using the comparative method when comparing the descriptive strategies of the authors of Russian Modern period travelogues. The author considers the role of images of the past in the descriptive strategies of eighteenth-century travellers. Referring to extensive material, the article traces the evolution of elements of space recorded by various authors, from *itineraria* (Ignatius Smolnyanin, Afanasy Nikitina, Trifon Korobeinikov, etc.) to fiction travelogues (A. F. Veltman, O. I. Senkovsky, V. A. Sologub, etc.). The author concludes that texts from the late eighteenth – first half of the nineteenth centuries reflect the loss of Christian values and the “crisis of objectivity”. One of the consequences was the crisis of travelographic descriptions and the fragmentation of images of reality, which is stated by members of the Baden school of Neo-Kantianism, who use the concept of “values” to create new research guidelines.

Keywords: travelogues, *itineraria*, description of space, “crisis of objectivity”, values

Одним из первых исследований, в которых была применена стратегия сопоставления трaвелографических описаний, является «Легендарная топография евангелий на Святой земле» М. Хальбвакса (1941), где прослежена зависимость описаний физического мира от предзаданных установок. Автор приходит к выводу, что географическое пространство земли обетованной реализуется за счет «легендарных» образов, а локализация конкретных событий происходит в соответствии с коллективными представлениями сообществ, преобразующих физическую реальность на основании принятых внутри сообществ моделей. Таким образом, при выявлении описательных моделей необходимо учитывать проектную природу пространственных репрезентаций и соотносить различные риторические стратегии, применяемые авторами трaвелографических описаний. В статье рассматривается возможность использования сравнительного метода при сопоставлении описательных стратегий авторов русских трaвелогов Нового времени. Анализируется роль образов прошлого в описательных стратегиях путешественников XVIII в. На основе обширного материала прослеживается эволюция элементов пространства, фиксируемых авторами, от хождений (Игнатий Смольнянин, Афанасий Никитин, Трифон Коробейников и пр.) до фикшн-трaвелогов (А. Ф. Вельтман, О. И. Сенковский, В. А. Сологуб и др.). Делается вывод об утрате христианских ценностных ориентиров и «кризисе объективности» в текстах путешественников конца XVIII – первой половины XIX в., следствиями чего становятся кризис трaвелографических описаний и фрагментация образов реальности, которую констатируют представители Баденской школы неокантианства, использующие понятие ценности для создания новых исследовательских ориентиров.

Ключевые слова: трaвелоги, хождения, описание пространства, «кризис объективности», ценностные установки

Реальность, фиксируемая путешественником в травелоге, не может не иметь в своей основе предзаданных моделей метафоризации. Первопроходец заранее знает, каким языком будет написан его текст. Пространство своим описанием обязано когнитивно-риторическим особенностям авторского письма. Невозможен язык, существующий вне системы правил, как не может быть описаний без мыслительных или риторических операций сравнения. Как отмечала Эва Доманска, «не бывает такой вещи, как неметафорический язык» [Доманска, с. 43]. Описание внешнего невозможно без апеллирования к уже известным образам, имеющим свое знаковое выражение, так как «человек воспринимает неизвестное по аналогии с известным, метафорически упорядочивая опыт» [Потапова, с. 105]. Фактически то, что не имеет аналога, не может быть осознано адекватно, то, что не имеет знака, не может быть начертано.

Одним из первых исследований, в которых в компаративном ключе сопоставляются описания пространства, является работа Мориса Хальбвакса *La Topographie légendaire des Évangiles en Terre Sainte; étude de mémoire collective* («Легендарная топография евангелий на Святой земле») (Paris, 1941). Сравнивая различные модели встраивания евангельских образов в топографию Палестины, автор приходит к выводу, что физическое пространство формируется за счет «предустановок» конкретных сообществ, или их «коллективной памяти». Паломники не открывали для себя непосредственную физическую реальность Святой земли, а переносили свои коллективные представления в реальное пространство. При этом М. Хальбвакс, отмечая равноценность различных описательных моделей, замечает: «Это не мешает каждой системе локализаций иметь полное доверие среди своих сторонников, сохраняясь во времени»¹ [Halbwachs, p. 188].

Реальная топография трансформировалась в зависимости от представлений различных групп, которые могли поклоняться одним и тем же святыням, но локализуя их в разных частях физического пространства. М. Хальбвакс декларирует, что «сообществу приходится мириться с противоречиями, вносимыми в него различными группами, до тех пор, пока одна из этих групп не обладает или само сообщество не найдет новый повод для снятия конфликтного вопроса. Это особенно важно, когда дело касается обрядов, к которым эти группы остаются привязанными» [Ibid., p. 191].

Физический мир и его воображаемый образ могли вступать в противоречие, взаимокорректируя и видоизменяя друг друга, церкви и часовни могли сооружаться сообразно представле-

¹ Здесь и далее перевод наш. – Г. Ш.

нию о святости конкретных мест и в дальнейшем воздействовать на описательные практики паломников².

Не менее характерны результаты сопоставления, предпринятые историком науки Амиром Александром в работе *Imperialist Rhetoric and Mathematical Practice in Early Modern England: A Literary Approach to Mathematics* («Имперская риторика и математическая практика в Англии раннего Нового времени. Литературный подход к математике») (Stanford, 1995). Автор сопоставляет стратегии описания первопроходцами Баффиновой земли, Вирджинии и Гвианы и приходит к выводу, что во всех текстах используется единый повествовательный прием – исследуемые земли рассекаются на острова и проливы, следует рассказ о сказочной стране, сокрытой в глубине континента. Объясняя причины этого, А. Александр вводит понятие «стандартного нарратива исследования» (*standard narrative of exploration*) [Alexander, p. 21], присущего текстам английских мореплавателей второй половины XVI в. Ключевые черты этого нарратива, а именно вера в существование сокровищ или сказочно богатых земель, скрытых непроходимыми горными грядками, бурными водами или льдами, но имеющих пока неизвестный и ждущий своего первооткрывателя проход, можно найти и в работах М. В. Ломоносова, выступавшего главным инициатором поиска Северного пути на Восток и представившего в сентябре 1763 г. в Морскую российских флотов комиссию проект экспедиции «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию»³.

Каждый путешественник, описывающий пространство, использует ту или иную кодировку, позволяющую зафиксировать или репрезентировать увиденное. Она должна быть универсальной и считываться

² «Как прибытие крестоносцев открывает новую эру в локализации? Для христианского мира Иерусалим был главным святым городом. Хотя большинство христиан и не видело его, они могли его воображать. Их представление о нем было, конечно, небезосновательным, так как основывалось не только на евангелиях, но и на свидетельствах и описаниях тех, кто его посещал. Но насколько он отличался от самого города, знали только оставшиеся там христиане! Они видели, как трудно идентифицировать оставшиеся здания, церкви, часовни после разорений, погубивших столько кварталов, столько домов, и что время делало здесь свое дело, как и везде, все сильнее и сильнее стирая следы прошлого. Но христиане, рассеянные по всей Европе, говоря об Иерусалиме, представляли себе нечто совсем иное: сверхъестественный город, от которого никогда не перестанет исходить свет величия Сына Божия; вечный город, в котором чудесным образом сохранилось то, что было фундаментом и основой событий, рассказанных в евангелиях. Они ни на минуту, кажется, не сомневались, что город откроется им таким, каким он был когда-то, стоит только избавиться от неверных и стереть их нечестивые следы. Это объясняет эмоции, которые они испытывают, когда приближаются к Иерусалиму, останавливаются и падают ниц. Осады, не оставившие камня на камне, перестройки, изменения направлений улиц, расположение и внешний вид домов и кварталов... что знали они об этом? Наверное, очень мало. Говорят, когда они вошли в мечеть Омара, они полагали, что входят в древний храм Соломона» [Halbwachs, p. 200].

³ Подробнее об этом: [Шпак].

современниками. Путешественник отбирает внешние образы, фиксируя их в соответствии с устойчивыми сопоставительными схемами, когнитивно-риторическими стратегиями и ценностными установками.

Распространено убеждение, что объекты компаративного анализа должны отбираться в первую очередь с учетом их географической дифференциации, о чем писал еще М. Блок, отмечая, что «название “сравнительная история” закрепилось почти исключительно за сличением явлений, существовавших по разные стороны государственной или национальной границы» [Блок, с. 66]. Но если мы сопоставляем трансформации внутри сообщества, проживающего на одной территории, перед нами встает задача рассмотрения их изменений в плоскости времени. Вполне естественным в данном контексте является сопоставление и выявление различных этапов становления определенной традиции внутри одной языковой культуры, хотя, конечно, границы любого сообщества вариативны, и скорее сопоставлению подлежат памятники и текстологические традиции, а также ценностные установки авторов.

В статье представлены стратегии описания пространства в русских травелогах Нового времени⁴. Невозможно учесть всю совокупность явлений, зафиксированных авторами, но можно выявить и сопоставить отдельные образы пространства и стратегии их описания. Не слишком корректным было бы разделять фиксируемые путешественниками характеристики реальности на отдельные образы, такие как «образы пространства» (спасительные) и «образы прошлого» (темпоральные)⁵. Прошлое является одним из атрибутов пространства, но как независимый конструкт появляется в текстах путешественников далеко не сразу.

Для вычленения современных практик описания пространства необходимо привлечь и сопоставить варианты описания, бытовавшие в предшествующий период, и выделить их характерные черты. Для древнерусских хождений XII–XV вв. характерно формирование физической земной топографии за счет христианских преданий. Локусы, лишённые сакрального значения, в них не описываются и фактически остаются неозначенными. Описанное же пространство осуществлено за счет метафор и символов, черпаемых из священных текстов. Символика его сакральна и наполнена религиозно-значимыми событиями и явлениями.

На протяжении XV в. травелографические описания претерпевают ряд изменений. В текстах священноинока Варсонофия, гостя Василия, Игнатия Смольнянина, Афанасия Никитина сакральная метафизическая реальность уходит на второй план, заменяясь описаниями собы-

⁴ Под травелогами понимаются тексты, содержащие описания передвижения авторов в пространстве с целью фиксации увиденного.

⁵ Под образом понимается совокупность представлений об отдельном элементе пространства, зафиксированная в травелогe в виде словесного описания, зависящего не столько от реально наблюдаемых физических характеристик реальности, сколько от репрезентативно-риторических стратегий автора и его ценностных установок.

тий и явлений, связанных с пространством, непосредственно наблюдаемых авторами. О хождениях Игнатия Смольнянина Е. И. Малето пишет: «Главное в них – не описание христианских святынь, а рассказ о событиях, происшедших во время путешествия (описание дворцового переворота в византийской столице, венчания на царство и т. д.). Это произведение стало первым светским хождением, освобожденным от библейско-апокрифических мотивов» [Малето, с. 23].

Священноиннок Варсонофий сообщает сведения о растительности и водных ресурсах Египта, гость Василий – о деревьях, произрастающих на территориях Малой Азии, Палестины и Египта, Афанасий Никитин – о климатических особенностях, местных обычаях и бытовом укладе, растениях, камнях и пр. Как отмечает Е. И. Малето, в стратегиях описания пространства происходит поворот «от восприятия природы как фона, на котором развиваются события библейской истории, к почти документально точным изображениям природы в хождении Игнатия Смольнянина и Афанасия Никитина» [Там же, с. 24].

Из травелогов XVI в. следует выделить наполненный многочисленными отсылками к писаниям, легендам и преданиям текст хождения Трифона Коробейникова, в котором образы прошлого вплетены в описание Царьграда:

А на площади стоит столп из червлена багров, велик и высок, а под ним много чудесных мощей, и вернии людие сказывают, что тот столп поставил царь Константинъ Флавиян и святых многие мощи под тот столп положил, да под ним же 12 укрук Христовых, да Ноева секира, чем делал ковчег, да на той же столпе стоял ангел божий и держал в руце своей скипетр, хранил им Царь град [Записки русских путешественников, с. 30].

Падение же византийской столицы объясняется как воздаяние за грехи:

И божиим повелением за грех рода человека приидоша турки под град, и по повелению божию тот образ архангелов мощию от столпа подняся на небо, видом бысть всему народу, турки же, видьвше отступление божие, взяша град, и ныне в нем царствуют [Там же, с. 31].

Фиксируемые паломником объекты выступают фоном для изложения минувших событий. Прошлое становится непременным атрибутом пространства. Описания животных также вплетаются в гладь травелографического повествования:

Туту ж, в Синайской горе, видели птицы, что наши куры, таковы велики. Те птицы послал бог с небеси израилтеским людем, егда они жили в Синайской горе 40 лет, о том бо пророк Давыд написа: «Птица пернаты нападоша посреди стана их и окрест жилищ их; ядоша и насытишася зело. Мясо тех птиц всех мяс сладчее» [Там же, с. 65].

Не менее характерны описания путешествий Василия Гагары и Арсения Суханова, упоминающего необычных животных (птицу струфокамила, крокодила и пр.) и описывающего уцелевшие памятники. При этом образ египетских пирамид сопрягается с библейским преданием о воскрешении мертвых:

Во Египте же за рекою Нилом, идеже столпы, древние фараоновы могилы учинены великаго дива, яко горы учинены; снизу широки, а сверху заострены. Тут же поле великое ровное. На том поле по вся годы выходят наверх земли мертвые люди; а восстанут в ночи под Пяток великой, всегда по вся годы неизменно в тот день, и лежат даже до Вознесениева дни на верху земли, а от Вознесениева дни тех телес не станет, даже паки до Пятка великаго. И Арсений о том у многих греков, и во Египте у синаяскаго архиепископа, и у старцев выспрашивал, и они все сказывают, не ложно так. Только де преж сего выходили люди целые, а ныне де кости, и люди разрушенные, руки, ноги, головы и прочие составы, а целой де на притчю где сыщется [Записки русских путешественников, с. 98].

В то же время первопроходцы XVII в., такие как Петр Бекетов, Ерофей Хабаров, Семен Дежнев, Андрей Булыгин, не включают в свои тексты ни исторических описаний, ни непосредственных зарисовок пространства. Первопроходцев интересуют племена, населяющие земли, их торговые и культурные связи, возможности сбыта товара, цены на промысловые породы и пр. Само пространство практически не фиксируется. Приводятся только краткие сведения о длине пройденного пути. Но уже у Владимира Атласова, совершившего в конце XVII в. поход по Камчатке, встречаются и описания природных объектов, и попытки создания собственных описательных сравнений:

А от устья итти вверх по Камчатке реке неделю, есть гора – подобна *хлебному скирду*, велика гораздо и высока, а другая близь ее ж подобна *сенному стогу* и высока гораздо: из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево (курсив мой. – Г. Ш.) [Там же, с. 425].

И хотя «картографическая революция», начавшаяся в России в последней трети XVII в., способствовала созданию новой символики пространства, многие предшествующие черты еще долго сохранялись как в картографии [Кивельсон], так и в травелогах. Так, жанр хождения оставался чрезвычайно популярным в XVIII в., о чем говорят сохранившиеся списки, а сами травелоги начала века сочетают в себе как черты хождений, так и черты светских путевых дневников [Прокофьев]. Среди текстов начала века, впитавших в себя традицию как статейных списков, так и хождений, Н. И. Прокофьев выделяет путешествия «неизвестной особы» (1697–1698), П. А. Толстого (1697–1699), Б. П. Шереметева (1697–1699), А. А. Матвеева (1705), Б. И. Куракина (1707–1711) и пр. Он отмечает, что основными образцами для

русских авторов служили не западные путевые очерки, а средневековые паломнические описания [Там же, с. 138].

Вплоть до последней трети XVIII в. мы не встречаем записок, которые бы походили на тексты европейских путешественников, хотя отдельные их черты и будут присутствовать в дневниках участников экспедиций Академии наук, пусть и составленных в соответствии с инструкциями. Не останавливаясь на них подробно, отметим, что первые записки, составленные по материалам путешествий, совершенных самостоятельно, а не по заданию государственных институций, появляются только в последней трети XVIII в., например, это записки о путешествии Г. Ф. Миллера по Москве и Московской провинции в 1778–1779 гг.

Описание пространства у Миллера реализовано за счет обращения к событиям прошлого. Например, описание села Дединова осуществлено за счет отсылки к строительству на этом месте ботика Петра Первого, при этом Г. Ф. Миллер отмечает: «Толь достопамятные обстоятельства несумненно могут прославить место, которое и кроме того по разным причинам внимание заслуживает» [Миллер, с. 61]. Если, по мнению автора, описываемое место лишено знаковых отсылок к историческим событиям, описания ограничиваются скухими замечаниями. Повествуя о селе Воздвиженском, где царевной Софьей были казнены «старый и, как кажется, невинный князь Хованский» и его сын, Г. Ф. Миллер пишет:

Сие привожу я затем, что места, в коих подобныя сей достопамятности случались, заслуживают, чтобы упоминаемы были в землеописании, когда ничего особливаго об них сказать не можно. Таковыми сказаниями землеописание может много способствовать истории и читателям быть приятным. По сей причине упоминаю я при всяком случае о таких происшествиях [Там же, с. 86].

Таким образом, происходит локализация событий прошлого в реальном физическом пространстве. Текст путешествия трансформирует видимое пространство, наполняя его дополнительными уровнями, в данном случае в него вплетаются события отечественной истории. Как заметил М. М. Бахтин: «Местность – это след события, ее оформившего. Такова логика всех местных мифов и легенд, осмысливающих пространство историей» [Бахтин, с. 223]. Одной из причин подобного «поворота к прошлому» М. М. Бахтин называет столкновение эсхатологизма и чувства движения времени: «Нужен был новый хронотоп, позволяющий связать реальную жизнь (историю) с реальной землей. Надо было противопоставить эсхатологизму продуктивное творческое время, время, измеряемое созиданием, ростом, а не разрушением» [Там же, с. 109]. Можно переиначить эту мысль и сказать, что не реальная земля была привязана к истории, а образы прошлого стали вплетаться в зафиксированные на картах земные локусы.

Пространство в русских травелогах XVIII в. могло описываться сообразно различным предзаданным моделям, формировавшимся за счет академических, торговых или дипломатических инструкций, или представлять собой своеобразные хорографические описания. Все это вело к тому, что описания теряли компонент объективности, присущий текстам паломников и пилигримов, подготавливая почву для кризиса травелогграфии XIX в. Субъективность авторского видения стала эксплицитным механизмом описания, породив большое количество сентиментальных, или чувственных путешествий. Если Г. Ф. Миллер стремится в своих описаниях сослаться на исторические источники, то Н. М. Карамзин кладет в основу описаний личный опыт, фантазии и воспоминания. К примеру, в травелоге «Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в самом монастыре» мы видим, как путешественник организует пространство на основе образов прошлого:

Я взъехал на гору Волкушу... Руские Патриоты! это место должно быть вам известно.. <...> Я стал на вершине горы – и воображение представило глазам моим ряды многочисленного войска под сению распущенных знамен [Карамзин, с. 214].

Описание пространства реализовано за счет обращения к историческому воображению: «Таким образом, два дни прошли для меня в исторических воспоминаниях, делающих места и предметы любопытными» [Там же, с. 226].

Воображение, опирающееся на индивидуальный опыт автора, становится в начале XIX в. главным инструментом составления травелографических описаний. Можно согласиться с утверждением Х. Уайта, что «XVIII в. не доставало адекватной психологической теории» [Уайт, с. 73], понимая под этим то, что рациональности эпохи Просвещения не хватало рефлексии, касающейся субъективного начала суждений. Только в конце XVIII в. начинает происходить примирение между «рациональным» и «воображаемым», открывая дорогу для описаний, в которых «фантазия либо воображение могли столь же служить открытию истины, сколь и сам разум» [Там же].

Большинство травелогов первой трети XIX в. будут составлены в сентиментальном ключе. И это не только «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, но и «Новый чувствительный путешественник, или Прогулка в А.» П. И. Шаликова (1802), «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду» П. И. Сумарокова (1803–1805), «Путешествие от Петербурга до Белоозерска» П. Ю. Львова (1804), «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова (1805) и пр. Согласно библиографическому словарю В. С. Сопикова, за первое десятилетие XIX в. будет издано свыше 50 переводных и отечественных путешествий [Сопиков].

Однако рост числа сентиментальных травелогов, основанных на индивидуальных переживаниях автора, знаменовал собой кризис объективности, или, иначе, ценностных ориентиров. Обретая начало в индивидуальном, пространство теряло аспект гомогенности, что подрывало авторитет травелогов как документальных произведений, фиксирующих физический мир. В начале XIX в. травелографический жанр подвергся многочисленным критическим нападкам, а также высмеиванию в ряде пародий. А. С. Пушкин настоятельно рекомендует своему товарищу Ф. Матюшкину, отправляющемуся в 1817 г. в кругосветное плавание, избегать излишних чувственных излияний, но фиксировать «все подробности жизни» [цит. по: Шенле, с. 10].

Среди пародий на травелог можно назвать «Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия» И. Дмитриева (1803), «Путешествие моего двоюродного братца в карманы. Вольный перевод неизвестного автора» (1803), «Чувствительное путешествие по Невскому проспекту» П. Яковлева (1828), «Странник» А. Ф. Вельтмана (1831–1832), «Фантастические путешествия барона Брамбеуса» О. И. Сенковского (1833), «Тарантас» В. А. Сологуба (1840) и пр. Лишившись объективного основания, пространство становится предметом литературных насмешек. И хотя авторы еще не создают вымышленные миры, они переписывают или переформируют доступную им физическую реальность. Путешествие для А. Ф. Вельтмана – это игра с пространством карты, буквализация метафоры, символизирующей мир: «Потрудитесь, встаньте, возьмите Европу за концы и разложите на стол... Садитесь!»; «Итак, вот Европа! Локтем закрыли вы Подолию... Сгоните муху!..» [Вельтман, с. 10]; «О, неосторожность... какое ужасное наводнение в Испании и Франции!.. Вот что значит ставить стакан с водою на карту!.. Но думал ли я когда-нибудь, что столкну его локтем с Пиренейских гор?» [Там же, с. 18].

Актуализация воображения в описании пространства вела к созданию художественных миров, соотнесение которых с реальностью было весьма условным, однако общество XIX в. в России еще не было готово к столь радикальному пересмотру реальности. Кризис травелографических описаний напрямую связан с кризисом объективности или же ценностных установок, который можно связать с утратой объективного начала в описаниях пространства, конфликтом между «документальным» и «воображаемым». На протяжении XVIII в. пространство в текстах русских травелогов теряло целостность, распадаясь на отдельные фрагменты и лоскуты. Личные переживания авторов могли какое-то время за счет апелляции к индивидуальному духовному познанию сдерживать его, предотвращая крушение единой реальности, но к середине XIX в. стало очевидным, что процесс фрагментации необратим. Научные открытия и попытки найти единство в естественных законах позволили прийти к некоему единству внутри замкнутых групп представителей отдельных научных дисциплин и субдисциплин, но гуманитарные науки не смогли

выработать единых описательных концепций, что привело к кризису гуманитарного знания и актуализации вопроса о природе ценностей, сформулированного представителями Баденской школы.

Компаративный анализ дискурсивных стратегий, применяемых авторами травелогов, показывает, что утрата «объективных», то есть общепринятых повествовательных моделей вела к кризису репрезентативных приемов и распаду единого описательного стандарта на множество отдельных стратегий. Сопоставление текстов, нацеленных на описание образов пространства, позволяет выявить жанровые трансформации и яснее очертить границы репрезентативных практик, что является одной из важных задач современных компаративных исследований.

Список литературы

- Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе : Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. С. 120–290.
- Блок М.* К сравнительной истории европейских обществ // Одиссей. Человек в истории. М. : Наука, 2001. С. 65–93.
- Вельтман А. Ф.* Странник. М. : Наука, 1978. 354 с.
- Доманска Э.* Философия истории после постмодернизма. М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2010. 400 с.
- Записки русских путешественников XVI–XVII вв. / сост., подг. текстов, коммент. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехиной. М. : Сов. Россия, 1988. 525 с.
- Карамзин Н. М.* Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в самом монастыре // Вестник Европы. 1802. № 15. С. 207–226.
- Кивельсон В.* Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 360 с.
- Малето Е. И.* Антология хождений русских путешественников XII–XV вв. : Исследование. Тексты. Комментарии. 2-е изд. М. : Директ-Медиа, 2014. 439 с.
- Миллер Г. Ф.* Путешествия по московской провинции // Академик Г. Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и московской провинции / отв ред. В. В. Зубарев ; подг. текста, вступ. ст. С. С. Илизарова. М. : Янус, 1996. 254 с.
- Потанова Н.* Лингвистический поворот в историографии. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2015. 380 с.
- Прокофьев Н. И.* Традиция и новаторство путевых записок петровского времени // XVIII век. Сб. 9. Л. : Наука, 1974. С. 129–138.
- Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на Славенском и Российском языках, от начала заведения типографий до 1813 г. : в 4 ч. Репринт. изд. М. : Нобель Пресс, 2011. Ч. 4. 532 с.
- Уайт Х.* Метаистория : Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
- Шенле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790–1840 / пер. с англ. Д. Соловьева. СПб. : Академ. проект, 2004. 272 с.
- Шпак Г. В.* Нарративные стратегии первопроходцев северных морей. От Р. Торна до М. В. Ломоносова // Полярные чтения – 2021. Художественное освоение Арктики: полярные регионы в культуре, искусстве и философии : материалы IX междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 18–21 мая 2021 г.). М. : Паулсен, 2022. С. 243–253.
- Alexander A.* Imperialist Rhetoric and Mathematical Practice in Early Modern England : A Literary Approach to Mathematics : Doct. Diss. Stanford Univ., 1995. 241 p.
- Halbwachs M.* La topographie légendaire des Évangiles en Terre Sainte: étude de mémoire collective. Paris : Presses Univ. de France, 1941. 206 p.

References

- Alexander, A. (1995). *Imperialist Rhetoric and Mathematical Practice in Early Modern England. A Literary Approach to Mathematics*. Doct. Diss. Stanford Univ. 241 p.
- Bakhtin, M. M. (1975). *Formy vremeni i khronotopa v romane*. Ocherki po istoricheskoi poetike [Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics]. In Bakhtin, M. M. *Voprosy literatury i estetiki*. Moscow, Khudozhestvennaya literature, pp. 120–290.
- Bloch, M. (2001). *K sravnitelnoi istorii evropeiskikh obshchestv* [Toward a Comparative History of European Communities]. In *Odissei. Chelovek v istorii*. Moscow, Nauka, pp. 65–93.
- Domanska, E. (2010). *Filosofiya istorii posle postmodernizma* [Philosophy of History after Postmodernism]. Moscow, Kanon+, ROOI “Reabilitatsiya”. 400 p.
- Halbwachs, M. (1941). *La topographie légendaire des Évangiles en Terre Sainte: étude de mémoire collective*. Paris, Presses Univ. de France. 206 p.
- Karamzin, N. M. (1802). *Istoricheskie vospominaniya, vmeste s drugimi zamechaniyami, na puti k Troitse i v samom monastyre* [Historical Memories, along with Other Remarks, on the Way to the Trinity and in the Monastery Itself]. In *Vestnik Evropy*, No. 15, pp. 207–226.
- Kivelson, V. (2012). *Kartografii tsarstva: Zemlya i ee znacheniya v Rossii XVII veka* [Cartography of the Kingdom: The Earth and Its Meanings in Russia in the 17th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 360 p.
- Maletov, E. I. (2014). *Antologiya khozhenii russkikh puteshestvennikov XII– XV vv. Issledovanie. Teksty. Kommentarii* [Anthology of the Wanderings of Russian Travelers of the 12th–15th Centuries. Research. Texts. Comments]. 2nd Ed. Moscow, Direct-Media. 439 p.
- Miller, G. F. (1996). *Puteshestviya po moskovskoi provintsii* [Traveling around Moscow Province]. In Zubarev, V. V. (Ed.). *Akademik G. F. Miller – pervyi issledovatel' Moskvy i moskovskoi provintsii*. Moscow, Yanus. 254 p.
- Potapova, N. (2015). *Lingvisticheskii povорот v istoriografii* [Linguistic Turn in Historiography]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 380 p.
- Prokof'ev, N. I. (1974). *Traditsiya i novatorstvo putevykh zapisok petrovskogo vremeni* [Tradition and Innovation of Travel Notes of Peter the Great's Time]. In *XVIII vek*. Coll. 9. Leningrad, Nauka, pp. 129–138.
- Prokof'ev, N. I., Alekhina, L. I. (Eds.). (1988). *Zapiski russkikh puteshestvennikov XVI–XVII vv.* [Notes of Russian Travelers of the 16th–17th Centuries]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 525 p.
- Schönle, A. (2004). *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoi literatury puteshestvii, 1790–1840* [Authenticity and Fiction in the Author's Self-Awareness of Russian Travel Literature, 1790–1840]. St Petersburg, Akademicheskii proekt. 272 p.
- Shpak, G. V. (2022). *Narrativnye strategii pervopokhodtsev severnykh morei. Ot R. Thorne do M. V. Lomonosova* [Narrative Strategies of the Pioneers of the Northern Seas. From R. Thorne to M. V. Lomonosov]. In *Polyarnye chteniya – 2021. Khudozhestvennoe osvoenie Arktiki: polyarnye regiony v kul'ture, iskusstve i filosofii. Materialy IX mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 18–21 maya 2021 g.)*. Moscow, Paulsen, pp. 243–253.
- Sopikov, V. S. (2011). *Opyt rossiiskoi bibliografii, ili Polnyi slovar' sochinenii i perevodov, napechatannykh na Slavenskom i Rossiiskom yazykakh, ot nachala zavedeniya tipografii do 1813 g. v 4 ch.* [The Experience of Russian Bibliography or a Complete Dictionary of Works and Translations Printed in the Slavonic and Russian Languages, from the Beginning of the Establishment of Printing Houses until 1813. 4 Parts]. Reprint Ed. Moscow, Nobel Press. Part. 4. 532 p.
- Veltman, A. F. (1978). *Strannik* [Wanderer]. Moscow, Nauka. 354 p.
- White, H. (2002). *Metaistoriya. Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: The Historical Imagination in 19th-Century Europe]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 528 p.

The article was submitted on 15.08.2022

REGIONALITY AND THE CULTURE OF MEMORY IN THE RESEARCH DISCOURSE OF HISTORY AND PHILOLOGY

DOI 10.15826/qr.2022.5.759

УДК 37.01:359 + 323.311 + 622.3(470.5) + 94(470.5)"17"

Выпускники Морской академии на горных заводах Урала: служба и судьба*

Светлана Цеменкова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Naval Academy Graduates at Ural Mining Plants: Service and Destiny**

Svetlana Tsemenkova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article analyses the prosopographic data concerning the fate of Navy Academy graduates. Based on information from archival documents found in the RGADA and GASO funds, the author examines the events of the life and career path of the academy graduates who served in the mining administration of the Urals in the 1720s-50s. Also, the article presents data on the number of graduates, their descent, material status, conditions of service, successes, failures, and achievements by the end of their careers. Methods of historical genetic analysis and approaches of new biographical history make it possible to trace the mechanisms of adaptation of recent graduates to the realities of mining service and study the history of their education in mining sciences and the specifics of administration of the industrial economy of the region. The article also focuses on the graduates' career strategies. Their success in moving up the career ladder was influenced not only by the knowledge and skills acquired at the academy but also by the personal talents and abilities of young specialists, as well as their social connections and material opportunities. An important topic is the history of the dismissal of mountain

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00233 «Екатеринбург в 1733 г.: историко-антропологическая и архитектурно-пространственная реконструкция»).

** Citation: Tsemenkova, S. (2022). Naval Academy Graduates at Ural Mining Plants: Service and Destiny. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1753–1769. DOI 10.15826/qr.2022.5.759.

Цитирование: Tsemenkova S. Naval Academy Graduates at Ural Mining Plants: Service and Destiny // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1753–1769. DOI 10.15826/qr.2022.5.759 / Цеменкова С. Выпускники Морской академии на горных заводах Урала: служба и судьба // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1753–1769. DOI 10.15826/qr.2022.5.759.

officers from service: the work presents a list of those who retired due to illness or injury and a list of those who died in the service. The author considers the hardships of mining service and mountain officers' behavioural disorders resulting from it. Referring to specific biographies, the author studies the directions of mining service and the practice of using graduates' talents and abilities in various areas. The author concludes that graduates of the Naval Academy, along with students of other military educational institutions in Russia, formed a stratum of competent mining managers in the Urals, who played a crucial role in the history of the modernisation of the mining industry in the region.

Keywords: Naval Academy, history of education in the 18th century, nobility, mining officers, mining industry, history of the 18th-century Urals

Представлен анализ просопографических данных, касающихся судеб воспитанников Морской академии. На основе сведений архивных документов, выявленных в фондах РГАДА и ГАСО, воссозданы события жизненного и карьерного пути выпускников академии, служивших в системе горнозаводской администрации Урала в 1720–1750-х гг. Представлены данные о численном составе выпускников, их происхождении, материальном статусе, условиях прохождения службы, успехах и неудачах, достижениях к концу карьеры. Использование методов историко-генетического анализа и подходов новой биографической истории позволило проследить механизмы адаптации вчерашних учеников к реалиям горнозаводской службы, исследовать историю их обучения горным наукам и специфике администрирования промышленного хозяйства региона. В центре внимания находятся также и карьерные стратегии выпускников. Показано, что успешность продвижения по карьерной лестнице зависела не только от полученных в академии знаний и навыков, но и от личных способностей молодых служащих, а также от их социальных связей и материальных возможностей. Особой темой стала история увольнения горных офицеров от службы: представлен список тех, кто вышел в отставку по причине заболеваний или увечий, а также перечень тех, кто умер на службе. Затрагивается тема тягот горнозаводской службы и проистекавшего из этого негативного поведения горных офицеров. Сделан вывод, что выпускники Морской академии наравне с воспитанниками других военно-учебных заведений России сформировали на Урале особую страту грамотных горнозаводских руководителей, сыгравших важнейшую роль в истории модернизации горнорудной промышленности региона.

Ключевые слова: Морская академия, история образования в XVIII в., дворянство, горные офицеры, горнозаводская промышленность, история Урала XVIII в.

Учреждение в 1715 г. Морской академии (Академии морской гвардии) можно считать одним из крупнейших образовательных «проектов» петровского времени. История создания этого учебного заведения неординарна и отражена в ряде специальных исследований.

Родоначальником истории военного образования в России можно считать П. Н. Глебова, который известен своей работой, посвященной истории возникновения военных школ в эпоху Петра I [Глебов]. Именно он впервые заострил внимание и на вопросах специальной подготовки офицерского корпуса, в том числе и для военно-морского флота.

Монография Ф. Ф. Веселаго, вышедшая в 1875 г., стала первым трудом, посвященным становлению в России военно-морского образования [Веселаго]. С опорой на солидный корпус архивных документов она детально освещает историю возникновения Навигацкой школы и Морской академии, специфику организации в них образовательного процесса, требования к обучающимся и их последующую судьбу. Весомый вклад в исследование военного образования внес М. С. Лалаев, который первым составил общий очерк истории военно-учебных заведений Российской империи [Лалаев].

В начале XX в. наблюдается рост интереса к истории подготовки кадров для русской армии. Череда изданий этого периода может быть охарактеризована в основном как справочная литература. Хорошим примером может послужить работа Ф. В. Грекова, в которой автор, систематизировав накопленные к этому времени сведения, сделал обобщающий обзор военно-учебных заведений России, созданных в 1700–1910 гг. [Греков].

В советской историографии тема истории деятельности Морской академии оказалась неостребованной. Едва ли не единственная глубокая работа принадлежит Л. Г. Бескровному, исследовавшему проблемы истории армии и флота, воспитания российских офицеров в XVIII в. [Бескровный]. Новый виток интереса к истории военно-морского образования наблюдается с 90-х гг. XX в. Существенно расширился круг изданий, посвященных вопросам военного образования и так или иначе затрагивающих историю Морской академии. Поэтому остановимся только на исследованиях новейшего времени, которые стали важными для данной статьи. Это труды В. Н. Бенды, А. М. Феофанова, И. И. Федюкина.

Работы В. Н. Бенды выполнены в духе классических трудов Ф. Ф. Веселаго: на первом месте – история самих образовательных институтов, их возникновения, развития, специфики образовательных процессов [Бенда, 2006; Бенда, 2019]. В центре внимания трудов А. М. Феофанова – судьбы офицеров, воспитанников военно-морских учебных заведений [Феофанов, 2016; Феофанов, 2019]. Автор анализирует их социальный состав, имущественный статус, сведения о порядке прохождения службы, особенности образовательных траекторий. И. И. Федюкин посвятил истории возникновения и становления Морской академии целый ряд работ. Среди них отметим две, наиболее для нас значимые [Федюкин, 2014; Федюкин, 2020]. Основанные на богатом архивном материале не только российских, но и зарубежных архивов, они позволяют иначе взглянуть на историю образова-

тельного учреждения, глубже понять бытовавшие в ту эпоху образовательные механизмы и практики.

В отдельную группу можно выделить уральскую историографию. Практически каждый автор, затрагивающий тему истории становления и развития уральской промышленности XVIII в., упоминал имена выпускников Морской академии. Среди них достойны внимания работы А. Г. Козлова [Козлов], Н. С. Корепанова [Корепанов, 2001; Корепанов, 2006], А. М. Сафроновой [Сафронова], в которых обнаруживается очень богатый фактографический материал относительно истории деятельности воспитанников академии на Урале.

Морская академия как источник формирования кадров администрации горного ведомства

Интенсивные процессы модернизации металлургической промышленности Урала в первой четверти XVIII в. неизбежно порождали высокий спрос на управленческие кадры. Эффективные руководители были нужны везде: горной администрации всех уровней, на существующих и вновь строящихся заводах, на пристанях, в экспедициях и поисковых партиях и т. д. Вся империя страдала от кадрового дефицита, Урал и Сибирь страдали особенно. Усугублялась ситуация тем обстоятельством, что служить на Урале представителям дворянства совершенно не хотелось. Тому было несколько причин: во-первых, по меткому замечанию Я. Брюса, служба на Урале воспринималась «якобы за ссылку» [цит. по: Павленко, с. 150]; во-вторых, принадлежность к горнозаводскому ведомству не давала таких карьерных возможностей, какие можно было обрести на службе военной.

Но как раз для горнозаводского ведомства одним из базовых источников пополнения управленческого состава стали военные учебные заведения. С 1720 по 1734 г. включительно на Урал были присланы не менее 70 учеников артиллерийских школ, Инженерной школы, Морской академии¹. Именно из их числа вырос основной костяк руководителей 1720–1750-х гг.

История Морской академии начинается с момента учреждения в 1701 г. Московской математико-навигационной школы. Основной ее целью являлась подготовка квалифицированных молодых специалистов для военно-морского флота. В числе преподававшихся там дисциплин были математические науки, теория навигации и мореплавание [Бенда, 2019].

В 1715 г. высшее навигацкое отделение было переведено в Санкт-Петербург, где на его базе организовали Морскую академию (Академию морской гвардии), ставшую, пожалуй, первым учебным заведением эпохи, куда дворянство вполне охотно отдавало своих детей [Веселаго, с. 609]. С этого времени Навигацкая школа начала выполнять роль первой ступени обучения: в Москве школьники получали

¹ Всего на Урал прибыло не менее 30 воспитанников Морской академии.

знания в области чтения и счета, доходили до классов арифметики и тригонометрии, а в Санкт-Петербурге уже получали специализированное образование с приобщением к морской практике. В академии господствовала строгая дисциплина. Науки постигались последовательно: от арифметики, геометрии и тригонометрии – к «плоской меркаторской круглой навигации», геодезии, фортификации [Федюкин, 2020, с. 218–219]. Кроме обязательных предметов, обучающиеся имели возможность изучить «рапирную науку» (то есть фехтование), рисование, танцы [Веселаго, с. 599–600].

Морская академия готовила специалистов в области навигации, артиллерии и фортификации, но был в ее структуре и геодезический класс, где обучали геодезистов, топографов, картографов.

Морские кадеты на Урале: адаптация к горнозаводской службе

Первые выпускники военно-учебных заведений появились на Урале еще в 1720 г. – тогда в команде В. Н. Татищева сюда прибыли воспитанники московской Артиллерийской школы. Вторая группа приехала в 1722 г. Но опыт их адаптации к требованиям горной службы, по мнению В. И. Геннина, был не вполне удачным: вчерашним школьникам не хватало как базовых знаний, так и мотивации к службе. Генерал решил пополнить свою команду кадетами Морской академии: возможно, особенности их подготовки показались Вилиму Ивановичу более применимыми к сфере горнозаводской деятельности. В декабре 1724 г. он писал в Берг-коллегию о присылке четырех школьников, «понеже во оных состоит крайняя нужда. И чтоб присланы были не такие, как прежние бездельники, но люди добрые, чтоб от оных Россия плод имела впредь» [РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1010. Л. 543].

Первая группа воспитанников Морской академии прибыла на Урал в апреле 1725 г. Еще в 1724 г. этих молодых шляхтичей, «лучших из лучших», экзаменовал лично В. Н. Татищев, который набирал группу школьников для обучения в Швеции «горным искусствам». Но уехать в Европу им было не суждено: в это же время, как уже говорилось выше, В. И. Геннин, подключив все свои связи, «вытребовал» (в том числе посредством Я. В. Брюса, главы Адмиралтейской коллегии, в ведении которой находилась Морская академия) часть школьников из этой группы для «посылки» в ведение уральской горнозаводской администрации. В апреле – сентябре 1725 г. на Урал приехали Е. М. Арцыбашев, Я. А. Бекетов, князь В. С. Горчаков, П. П. Зеленой, М. С. Кутузов, А. В. Лавров, А. М. Уваров. Старшему было 23 года, младшему – 20 лет [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 73. Л. 434–436].

В. И. Геннину нужны были не просто руководители-командиры, а грамотные администраторы, знающие специфику и особенности горно-металлургического производства. Поэтому вчерашние школьники вынуждены были осваивать новые «горные науки», причем непосредственно на производстве. Система наставничества, харак-

терная для образовательных традиций еще допетровского времени, в этом случае была основной. К изучению плавильного дела были приставлены Я. Бекетов, В. Горчаков, М. Кутузов, А. Уваров. Е. Арцыбашев был командирован на Подволошный рудник для первоначального знакомства с маркшейдерским делом, П. Зеленой и А. Лавров получили должности надзирателей работ – им было поручено обучиться администрированию и логистике заводского хозяйства.

Вторая партия выпускников академии – 11 человек – прибыла на Урал в 1728–1730 гг. Группа состояла из молодых людей, изучавших в 1725–1727 гг. в Швеции маркшейдерское, пробирное, медеплавильное, механическое дело. Среди них были представители дворянства – А. А. Татищев, А. М. Хрущев, Л. И. Бекетов и представители «подлого» сословия – Н. П. Бахорев, Н. И. Коркодинов, С. Еремеев, М. Бурмакин, И. Ильин, А. Крымов, И. Лопатин, А. Соловьев [РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1010. Л. 383–383 об.].

А. М. Хрущева сразу же по прибытию в Екатеринбург в феврале 1729 г. командировали на Нерчинские заводы для дальнейшего освоения технологий плавки серебра и свинца. Ранней весной 1730 г. он вернулся в Екатеринбург, где занял должность пробирного мастера в заводской лаборатории [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 256. Л. 144–145].

Л. И. Бекетов, прибыв на Урал весной 1728 г., был направлен в Пермский бергамт, где «обучил» маркшейдерское дело. Н. Бахорева и А. Соловьева по приезде из Швеции сначала определили к машинному делу на Красносельский завод. Затем в 1729 г. их перевели в Екатеринбург, где Н. Бахорева освидетельствовали «в ыскустве машинного дела» и назначили надзирателем над работниками, занятыми в столярно-токарном деле [РГАДА Ф. 271. Оп. 1. Д. 683. Л. 106]. «Ученика машинного дела» А. Соловьева в 1732 г. командировали в Нерчинск, где в 1734 г. он участвовал в строительстве Тамгинского завода. Он умер от чахотки в 1736 г., уже будучи в должности управителя завода [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1 Д. 629. Л. 308, 310].

Солдатских детей М. Бурмакина, С. Еремеева, А. Крымова, И. Лопатина определили к плавильному делу на Полевской завод [Там же. Д. 490. Л. 343], И. Ильина и Н. Коркодинова – на Екатеринбургский [Там же. Д. 287. Л. 137]. До руководящих должностей никто из них не дорос, да и жизнь большинство из них не пощадила: И. Ильин утонул в мае 1728 г., даже не начав работать [Там же. Л. 138], Н. Коркодинов летом этого же года получил на производстве тяжелейшую травму, перечеркнувшую его карьеру (левую ногу расплющило молотом) [Там же. Д. 490. Л. 343–343 об.]. Утонул в 1743 г. С. Еремеев, в этом же году получил отставку А. Крымов, у которого начала сохнуть травмированная когда-то рука [Там же. Д. 961. Л. 431–434 об.]. И. Лопатина в феврале 1729 г. вместе с А. Хрущевым отправили на Нерчинские заводы для изучения технологии плавки серебра и свинца. В 1733 г. он продолжил службу мастером плавки на Полевском заводе. По служебной лестнице выше мастера не поднялся [Там же. Д. 385. Л. 116–123; Д. 1071. Л. 111 об.].

В 1730 г. в Екатеринбург прислали А. А. Татищева. Он, судя по документам, некоторое время пытался уклониться от службы на Урале. Числясь в штате Обер-бергамта «маркшейдерским учеником», он, тем не менее, выполнял в первые три года своей службы работу профессионального маркшейдера [Сафронова, Цеменкова, с. 7–9].

В 1732 г. в Екатеринбург прибыла третья группа молодых дворян, прошедших обучение в Морской академии: это А. И. Андреянов, И. Ф. Голенищев-Кутузов, Ф. Л. Макашев, Л. И. Малотеин, М. Ф. Хвалимов, П. Л. Щулденков. Практически всех молодых людей сразу же назначили на небольшие административно-хозяйственные должности: надзирателями лесов определили И. Голенищева-Кутузова, Ф. Макашева, Л. Малотеина, М. Хвалимова. А. Андреянова направили помощником к управителю Курьинской пристани, и только П. Щулденкова направили изучать пробирное дело в екатеринбургскую лабораторию [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1071. Л. 13, 125 об., 182, 230 об., 249].

Четвертая группа воспитанников Морской академии приехала в Екатеринбург в октябре 1734 г. Это были П. В. Бункеев, Х. Д. Взимков, М. Козлов, Н. Ф. Кривцов, И. В. Куроедов, П. К. Миляев², В. И. Старой [Там же. Д. 562. Л. 160]. Все объявляли себя дворянами, только В. Старой показал, что он «майорский сын». Распределены они были так же, как и предыдущая группа, то есть в основном на должности надзирателей работ при заводском хозяйстве Екатеринбурга.

Хотя среди приехавших в 1724–1734 гг. многие носили известные благородные фамилии, практически все они, кроме, пожалуй, А. А. Татищева, были типичными представителями мелкопоместного дворянства. Примером могут выступить «скаски» школьников, приехавших на Урал в апреле 1725 г.

Я. Бекетов отметил: «поместья за отцом его в Арзамаском и в Нижегородском уезде восемь дворов». А. Лавров сообщил: «Отец – дворянин, а поместья – два двора в Великолуцком уезде». П. Зеленой в «скаске» показал: «А отец ево каких рангов был, о том он не знает, а поместья за ним в Торопецком уезде... пять дворов». Похожие сведения предоставил и князь В. Горчаков: «отец его каких рангов был, о том он не знает... а поместья за ним – один двор в Болховском уезде» и М. Кутузов: «давно отца своего не видал и от него не слышал, сколько дворов. А поместье в Белозерском уезде». За А. Уваровым записали, что его «отец был стольник, поместья в Московской губернии в Переяславском уезде – три двора». Отец Е. Арцыбашева также был стольником, «а поместья в Московской губернии, в Клинском уезде за отцом – три двора» [РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1010. Л. 385–388].

Данные о наличии у дворян крепостных душ предоставляют сведения, собранные канцелярией в 1735 г. Они показывают, что большая часть названных выше молодых людей не имела за собой крепост-

² Судьба этого выпускника по последующим документам не прослеживается.

ных. Исключениями являются лишь А. А. Татищев – 233 души [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 605. Л. 233], П. П. Зеленой – 80 душ [Там же. Оп. 12. Д. 1760а. Л. 492], Е. М. Арцыбашев, который «обще з братьями» имел 79 душ [Там же. Оп. 1. Д. 605. Л. 117], Ф. Л. Макашев – 16 душ [Там же. Л. 129], да И. Ф. Голенищев-Кутузов показал, что «колико за ним мужеска полу душ, не упомнит» [Там же. Л. 119].

Таким образом, оказавшись на горнозаводской службе, вдали от родственников и родных мест, молодые специалисты могли рассчитывать исключительно на свое жалованье, то есть на успешное продвижение по карьерной лестнице.

Но служба в системе уральского горного ведомства не считалась перспективной. Рядом законодательных актов правительство пыталось создать у представителей дворянства материальную заинтересованность в службе на уральских заводах, в превращении некоторой его части в категорию наследственных администраторов уральской металлургической промышленности. В 1731 г. по предложению В. И. Геннина Сенат указал награждать на горных заводах искусных шляхтичей и горных людей офицерскими чинами. В противном случае, доносил Геннин, удворян, находившихся при горном деле, служить в горном ведомстве «охота отыметса», «для того горные и заводские дела такой же труд и учение имеют, как при инженерах, но и более» [цит. по: Павленко, с. 149–150].

Понимая это, выпускники, прибывшие на Урал, вынуждены были сделать выбор – остаться в горнозаводской службе либо избежать ее. Анализ их биографий позволяет проследить, какую карьерную траекторию и какую жизненную стратегию выбирали молодые люди.

Стратегия первая – попытка успешной адаптации к реалиям горнозаводской службы, подкрепленная активной жизненной позицией, желанием применить на практике свой ум, таланты и возможности. Значимую роль здесь играл, согласно теории социального пространства, культурный капитал [Бурдьё, с. 60]. Он был чуть ли не единственным карьерным базисом для тех, у кого иных вариантов просто не было – не повезло иметь весомые родственные связи, равно как и солидные материальные возможности. Это были молодые представители как раз того служилого класса, который Петр I видел кадровой основой «для решения... задач, которые полагал главными государь-вотчинник» [Черникова, с. 9]. Ярким примером реализации таких карьерных стратегий могут служить биографии Е. Арцыбашева, М. Кутузова, А. Лаврова, П. Зеленого, А. Уварова, Н. Бахорева, М. Хвалимова, И. Куроедова.

Очень скоро все они оказались на руководящих должностях. Все они в 1727–1729 гг. изучали горные науки у иностранных специалистов: маркшейдерское дело – у В. Ф. Штифта, мастерство плавки – у И. Х. Инглина. Некоторые из них – М. С. Кутузов, А. В. Лавров, А. А. Татищев, – оставив достаточно яркий след в истории Урала, рано ушли из жизни (табл. 1).

Таблица 1

Выпускники Морской академии, умершие на службе

Ф. И. О.	Год смерти	Возраст	Причина смерти
Ильин И.	1728	менее 30	Утонул
Соловьев А.	1736	32	Чохотка
Татищев А. А.	1737	33	Чохотка
Кутузов М. С.	1741	37	Не установлена
Щулденков П.	1743	менее 40	Не установлена
Еремеев С.	1743	40	Утонул
Лавров А. В.	1744	40	Рак горла
Козлов М. И.	1747	30	Болезнь
Хрущев А. М.	1748	40	Не установлена

Сост. по: [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 287. Л. 137–138; Д. 629. Л. 308, 310; Д. 684. Л. 1; Д. 920. Л. 816; Д. 1030. Л. 245–248; Д. 1032. Л. 45–50; Д. 1328. Л. 972; Д. 1797. Л. 263 об.; Оп. 12. Д. 298. Л. 153].

Более удачливые дожили до преклонного возраста и достойных должностей.

Стратегия вторая – использование связей, поиск места службы в Центральной России либо перевод на военную службу. Любой попытке молодых специалистов вырваться из своей системы горное начальство активно препятствовало, считая даже единичные случаи плохим примером для остальных. Поэтому, возможно, повезло А. М. Уварову, который, показав себя прекрасным исполнителем на должности руководителя Екатеринбургского платного двора, получил в 1732 г. должность адъютанта В. И. Геннина с переводом в военное ведомство [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 375. Л. 238]. Вместе с генералом он навсегда покинул Урал в начале 1735 г.

Огромную роль в возможности реализовать такую стратегию играли происхождение и связи. Так, князь В. С. Горчаков, уехав в июле 1730 г. в отпуск к родственникам, на Урал больше не вернулся, сумев добиться определения в воинскую службу [Там же. Л. 159–160; Д. 890. Л. 303–330]. Похожую стратегию использовал А. М. Хрущев, который в 1745 г. также навсегда покинул Екатеринбург и устроился в Берг-коллегию специалистом пробирной лаборатории.

Стратегия третья – отставка от службы по причине болезни. Возможность такую искали многие, но реализовать ее удавалось не всем. Даже имея серьезные хронические заболевания, офицеры продолжали служить до самой смерти. Показательны сюжеты из биографии

П. П. Зеленого, который долгое время, имея заболевание ног, обострившееся вследствие перенесенной цинги и травм [РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 923. Л. 255–259, 273], тем не менее, служил до тех пор, пока буквально не перестал вставать с постели. Умер фактически на служебном месте от «чахотной болезни» А. А. Татищев [Сафронова, Цеменкова, с. 18–19]. Отставку офицеры получали только в случае, когда их признавали калеками или инвалидами. Этому предшествовала сложная процедура медицинского освидетельствования. Горная администрация с большим подозрением относилась к заявлениям о заболеваниях, считая (возможно, небезосновательно), что это способ покинуть Урал. Удалось это немногим. Так, плавильный мастер А. Крымов летом 1742 г. был прислан из Полевского завода в Екатеринбург для медицинского осмотра: у него вследствие травмы стала сохнуть правая рука. Вердикт медиков гласил, что к горным работам он не годен. Но в отставке ему отказали, вновь отправив на Полевской завод в качестве «горного писаря». Однако и эта работа давалась ему тяжело, и в начале 1743 г. он наконец получил отставку [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 895. Л. 164; Д. 961. Л. 411–420] (табл. 2).

Таблица 2

Выпускники Морской академии, вышедшие в отставку по болезни

Ф. И. О.	Год выхода в отставку	Возраст
Коркодинов Н. И.	1741	36
Бекетов Я. А.	1742	38
Крымов А.	1743	37
Малотеин Л. И.	1753	39

Сост. по: [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 287. Л. 138; Д. 895. Л. 164; Д. 890. Л. 349–360, 805–810; Д. 961. Л. 411–420].

Девиантное поведение на службе

Пока на Урале оставались главными командирами В. Н. Татищев и В. И. Геннин, вера в возможности карьеры по горнозаводскому ведомству у вчерашних выпускников сохранялась. Но начиная с конца 1730-х гг. анализ биографий горных офицеров показывает их заметное разочарование службой и осознание ими отсутствия перспектив. Главные командиры уехали, новых не назначали (или не могли найти), руководители уральской горной администрации из числа тех же самых горных офицеров обладали слабыми полномочиями и вынуждены были долгое время ориентироваться на положения, составленные еще в 1720-х – первой половине 1730-х гг. Новый главный командир А. Г. Щербинин был прислан в Екатеринбург только в 1755 г. Время сильных личностей, так востребованных в 1720-х – первой половине 1730-х гг., прошло.

Многих молодых офицеров отсутствие перспектив приводило к пьянству. Ярким примером может послужить биография Н. Коркодинова. Став инвалидом, он, обладая качественным для того времени образованием, был определен учителем в арифметическую школу Екатеринбургa. К этому времени он уже обзавелся семьей, и годового оклада педагога в 24 руб. ему не хватало. Чин шихтмейстера, который он получил в январе 1734 г., увеличивал жалованье до 36 руб. в год [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Т. 2. Л. 212]. К этому времени Н. Коркодинов самостоятельно освоил основы картографии, что давало ему возможность дополнительного заработка [Там же. Д. 490. Л. 340–347]. Но дальнейшее его продвижение по службе из-за травмы было практически невозможно, и с середины 1730-х гг. Н. Коркодинов почти постоянно пребывал в нетрезвом состоянии. Карьера его закончилась в 1741 г. отрешением от службы и указанием «велеть жить ему... на своем пропитании» при Пермских заводах, где он служил в последние годы [Там же. Д. 890. Л. 349–360, 772–776, 805–810].

Так же показателен пример из биографии Н. Ф. Кривцова. Служба его начиналась в 1734 г. вполне успешно. Он радетельно и ответственно служил более десяти лет. В 1746 г., узнав о тяжелом положении родителей, неоднократно подавал прошения с просьбой отпустить его домой. Но разрешение, судя по последующим событиям, Кривцов не получил. Что стало для него триггером, спровоцировавшим увлечение алкоголем, однозначно заключить сложно, но уже к концу 1740-х гг. он все чаще бывал уличен в нетрезвом поведении. Так, 14 декабря 1755 г. действительный статский советник, глава канцелярии, главный командир А. Г. Щербинин отмечал:

...Определенной от оной канцелярии к приему в освидетельстве на денежной двор меди гитенфорвальтер Кривцов весьма пьянствует так, что сего декабря 13 числа во время отдачи к денежному делу привезенной сюда с Пермских казенных заводов меди чинил многие калабротства, а по приходе ево ко мне едва на ногах стоит [Там же. Д. 1456. Л. 634–634 об.].

Факты о частом нетрезвом поведении можно обнаружить в биографиях и других воспитанников Морской академии – А. И. Андреева [Там же. Д. 892. Л. 4 об. –5], Л. И. Малотеина [Там же. Д. 679. Л. 638–660], П. В. Бункеева [Там же. Д. 1031. Л. 396–396 об.], Х. Д. Взимкова [Там же. Д. 1112. Л. 305–305 об.]. Но к пьянству подчиненных, особенно в случае, когда оно не переходило разумные грани, горное начальство относилось достаточно терпимо. С воровством и лихоимством боролись серьезнее.

В делах о хищении казенного имущества имена выпускников Морской академии практически не фигурируют. Единственное исключение – В. М. Старой, который, видимо, обладал особым криминальным талантом, ибо был фигурантом целой серии махинаций с казенными финансами и заводскими припасами. Особо громкое дело началось

в 1748 г., когда он попал под следствие по делу о продаже суши³ под видом обычного железа. Масштабы злоупотребления оказались серьезными, расследование закончилось только к августу 1751 г., когда В. М. Старой был приговорен к году горных работ рядовым рудоразборщиком [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1328. Л. 222–222 об.].

Вполне обычным делом были служебные и бытовые конфликты. Их история в документах отражена очень богато. Для многих выпускников академии производственные стычки стали своеобразной «болезнью роста» и характерны были в основном лишь для первых лет работы на Урале.

Так, осенью 1729 г. на Полевском заводе между шихтмейстером Е. М. Арцыбашевым и штейгером И. Ф. Вейделем разгорелся нешуточный конфликт: Арцыбашев в один из рабочих дней не отрядил для Вейделя горных учеников, поскольку отправил их на заготовку казенного сена. Штейгер оправил в Екатеринбург жалобу. Разбирательство показало, что

...в тех розговорах и споре он, штейгер, ево, Арцыбашева, от себя оттолкнул, и... он де, Арцыбашев, иноземцов бранил и людем сказал, чтоб ево, штейгера, не слушали и в тот день на работы не ходили, и ему де, штейгеру, сулил естество в рот [Там же. Д. 137. Л. 135 об.].

Наказали обоих: за «бранные слова» вычли в пользу госпиталя месячный оклад, а Е. М. Арцыбашева дополнительно воспитали недельным содержанием в тюрьме за то, что он прилюдно «говорил скверное слово ко всем иноземцам».

В начале 1730 г. недавно приехавший в Екатеринбург Н. П. Бахорев оказался замешан в двух пьяных ссорах. Одна из них оказалась довольно серьезной. Во время вечернего застолья, на которое собралась часть горного сообщества Екатеринбурга, нетрезвый Н. П. Бахорев напал на прапорщика Прокопьева и начал топтать его ногами. Когда один из участников застолья попытался Н. П. Бахорева утихомирить, тот стал угрожать ему кортиком. Дело разбирали в Обер-бергамте, где вынесли Н. П. Бахореву серьезный приговор: «высечь нещадно батожем» [Там же. Д. 301. Л. 153–167 об.]. После этого случая Н. П. Бахорев более в непорядочных поступках замечен не был, напротив, очень успешно и быстро стал продвигаться по служебной лестнице.

Особенности службы и карьеры

Насколько сложной была служба на Урале и насколько велики были служебные нагрузки в то время? Суть в том, что на отдаленных от Центральной России территориях социальная инфраструктура только налаживалась. Было сложно, например, найти на Урале

³ Сушь – ломкое и жесткое железо, употребляемое иногда вместо уклада для наваривания острия каких-либо орудий или инструментов.

невесту – многие для «вступления в супружество» уезжали на родину, и то с большим трудом, ибо служба не отпускала. Постоянные разъезды и командировки также не способствовали нормальной семейной жизни. Не менее сложными были проблемы питания, поддержания здоровья и многого другого.

Но постепенно на Урале начинает формироваться особая группа региональной элиты – сообщество горных служителей-офицеров, которые вполне успешно адаптировались к существующим условиям. Один из них – вышеупомянутый Егор Михайлович Арцыбашев, дворянин Новгородского уезда. Начало его служебной карьеры связано с Полевским заводом, где с 1727 г. он состоял «при горных, плавильных и заводских работах надзирателем», а с 1732 г. уже был управителем завода. Таким образом, его семилетнего опыта пребывания в горнозаводском ведомстве хватило, чтобы стать руководителем сложного заводского производства. Е. М. Арцыбашев активно постигал горные науки: учился поиску полезных ископаемых, маркшейдерскому делу, накапливал навыки в доменном, молотовом, медеплавильном производствах. Принимал активное участие в обследовании и разработке горы Благодать, выявил и предложил удобные места для строительства будущих Гороблагодатских заводов.

В 1735 г. он был командирован на Кольвано-Воскресенские заводы. С 1737 г. в Енисейской провинции вел поиски полезных ископаемых, руководил строительством Луказского и Ирбинского заводов. К 1741–1744 гг. стал руководителем всего горного хозяйства округа Красноярских заводов [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 609. Л. 515; Д. 707. Л. 1]. В 1745–1746, 1751–1758 гг. возглавлял Пермскую контору судебных и земских дел. В феврале 1747 г. был назначен управителем Екатеринбургского завода. Принимал активное участие в реконструкции гранильного производства, благоустройстве плотины и городского пруда. 28 июля 1750 г. получил чин обер-гиттенфервальтера. В 1760 г. стал вторым членом канцелярии в чине коллежского асессора, в 1761–1762 гг. возглавлял ее. К 1764 г. Е. М. Арцыбашев имел чин надворного советника. В 1765 г. вышел в отставку [Там же. Д. 1797. Л. 263 об.; Оп. 12. Д. 1777. Л. 153].

Жизненный путь Ивана Гавриловича Куроедова также вполне показателен для понимания специфики службы в горнозаводском ведомстве. Дворянин Глуховского уезда Киевской губернии, он в возрасте 17 лет начал учиться в Навигацкой школе, затем в Морской академии, в которой закончил геодезический класс [Там же. Оп. 12. Д. 1778. Л. 395–395 об.]. Был направлен на Урал в 1734 г. в качестве «геодезии ученика». В 1735, 1738–1741 гг. служил надзирателем работ на Кушвинском заводе. В 1737 г. его командировали «для сочинения ландкарт» Верхотурского, Пельмского, Туринского уезда. В 1740-е гг. он состоял в команде Оренбургской экспедиции, получил ранг прапорщика геодезии, «находился... у географического описания в Исетской провинции». Вернулся в Екатеринбург в 1747 г., где продолжил

службу геодезистом при канцелярии [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 895. Л. 124; Д. 1417. Л. 108, 121–122 об., 139–139 об.].

31 октября 1750 г. И. Куроедов подал в канцелярию прошение «ево определить к горным и заводским делам, кроме геодезической должности». Причин тому он называл несколько: «из малолетства... имеет болезнь головную, да и во время службы ево болезни же приключались от воли Божии животная и ножная от многих ево по геодезической должности разъездов». К 1750 г. Куроедову было около 38 лет. И, как все геодезисты того времени, от тяжелой работы в сложных условиях, постоянных разъездов он, видимо, состарился раньше времени. Просьбу его удовлетворили только к 1752 г. [Там же. Л. 112–112 об.]. К этому времени офицер служил в ведомстве Пермского горного начальства. В 1762 г. он – глава Казанского горного начальства в чине маркшейдера.

В 1766 г. канцелярия дала ему следующую характеристику: «За долговременную и безпорочную службу представлен к [чину] обер-гиттенфервальтера». В 1769 г. И. Г. Куроедов все еще служил в горном ведомстве [Там же. Оп. 12. Д. 1777. Л. 366; Д. 1778. Л. 41, 395–395 об.].

Выпускники Морской академии, как и воспитанники Артиллерийской или Инженерной школ, сформировали на Урале особую социальную страту руководителей, которые были так необходимы горнозаводской системе в период интенсивной модернизации территорий. Именно про них писал Н. И. Павленко: «Изменилось лицо заводских управителей и ответственных чиновников канцелярии. Эти должности занимались уже не случайными людьми, которые горнозаводского дела не только не знали, “но оно и не видели”, а людьми, прошедшими специальную подготовку в школах в Москве, на Урале, в Швеции или изучившими металлургию во время продолжительной практической работы. В начале 1740-х гг. среди управителей не встречалось новичков, все они имели солидный стаж работы в промышленности» [Павленко, с. 152].

Изучение жизни и деятельности администраторов этого поколения – уникальная возможность прикоснуться к истории человеческого измерения власти регионального уровня [Редин], к повседневности механизмов управленческих практик важнейшего периода истории Урала.

Список литературы

Бенда В. Н. Московская школа математико-навигационных наук и ее место в системе военного образования России в первой четверти XVIII века // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2006. Т. 12, № 6 (21). С. 10–13.

Бенда В. Н. Подготовка к открытию Московской математико-навигационной школы и начало ее деятельности в начале XVIII столетия // *Juvenis scientia*. 2019. № 6. С. 32–33. DOI 10.32415/jscientia.2019.06.07.

Бескровный Л. Г. Военные школы в России в первой половине XVIII века // Исторические записки. 1953. Т. 42. С. 285–300.

Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.

Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. СПб. : Тип. Демакова, 1875. Ч. 1. 652 с.

ГАСО. Ф. 24 (Уральское горное управление). Оп. 1. Д. 73, 137, 256, 287, 301, 375, 385, 450. Т. 2, 490, 562, 605, 609, 629, 679, 684, 707, 890, 892, 895, 920, 961, 1030, 1031, 1032, 1071, 1112, 1328, 1417, 1456, 1797; Оп. 12. Д. 298, 1760а, 1777, 1778.

Глебов П. Известия о первых военных школах, учрежденных в царствование Петра Великого // Отечественные записки. 1846. № 44. С. 101–105.

Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале : XVII – начало XX века. Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1981. 224 с.

Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1783 гг.). 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2001. 252 с.

Корепанов Н. С. Геннин на Урале. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2006. 280 с.

Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению : в 3 ч. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1880–1892.

Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. Промышленная политика и управление. М. : Акад. наук СССР, 1953. 539 с.

РГАДА. Ф. 271 (Берг-коллегия). Оп. 1. Д. 683, 923, 1010.

Редин Д. А. «Человеческое» измерение власти (субъективный взгляд историка) // Уральский исторический вестник. 2011. № 3 (32). С. 4–8.

Сафронова А. М. Первые школы Екатеринбурга (1724–1734) : К 275-летию основания. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. 144 с.

Сафронова А. М., Цеменкова С. И. Горный межевщик Андрей Татишев: документы об учебе в Швеции и деятельности на заводах Урала (1724–1737 гг.) // Научный вестник Крыма. 2021. № 4 (33). С. 1–24.

Федюкин И. И. Основание Морской академии: Документы барона де Сент-Илера и его преемников, 1715–1723 гг. // «Регулярная академия учреждена будет...» : Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М. : Новое изд-во, 2014. С. 34–69.

Федюкин И. Проектиеры : Политика школьных реформ в России в первой половине XVIII века. М. : Новое лит. обозрение, 2020. 424 с.

Феофанов А. М. Морские офицеры Российской империи XVIII века : биогр. словарь. М. : Изд-во ПСТГУ, 2016. 204 с.

Феофанов А. М. Флотские линейные офицеры – воспитанники российских военно-морских учебных заведений второй трети XVIII в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской православной церкви. 2019. № 1. Вып. 86. С. 81–96. DOI 10.15382/sturII201986.81-96.

Черникова Т. В. Парадоксы петровской европеизации // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 2–23. DOI 10.31857/S013038640001289-5.

References

Benda, V. N. (2006). *Moskovskaya shkola matematiko-navigatskikh nauk i ee mesto v sisteme voennogo obrazovaniya Rossii v pervoi chetverti XVIII veka* [Moscow School of Mathematical and Navigational Sciences and Its Place in the Russian Military Education System in the First Quarter of the 18th Century]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova*, Vol. 12. No. 6 (21), pp. 10–13.

Benda, V. N. (2019). *Podgotovka k otkrytiyu Moskovskoi matematiko-navigatskoi shkoly i nachalo ee deyatelnosti v nachale XVIII stoletiya* [Preparations for the Opening of the Moscow School of Mathematics and Navigation and the Beginning of Its Activities in the Early 18th Century]. In *Juvenis scientia*. No. 6, pp. 32–33. DOI 10.32415/jscientia.2019.06.07.

Beskrovnyi, L. G. (1953). Voennye shkoly v Rossii v pervoi polovine XVIII veka [Military Schools in Russia in the First Half of the 18th Century]. In *Istoricheskie zapiski*. Vol. 42, pp. 285–300.

Bourdieu, P. (2002). Formy kapitala [Forms of Capital]. In *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. Vol. 3. No. 5, pp. 60–74.

Chernikova, T. V. (2018). Paradoxy petrovskoi evropeizatsii [Paradoxes of Peter's Europeanisation]. In *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 5, pp. 2–23. DOI 10.31857/S013038640001289-5.

Fedyukin, I. (2020). *Prozhektery: politika shkol'nykh reform v Rossii v pervoi polovine XVIII veka* [The Enterprisers: The Politics of School Reforms in Russia in the First Half of the 18th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 424 p.

Fedyukin, I. I. (2014). Osnovanie Morskoi akademii: Dokumenty barona de Sent-Ilera i ego preemnikov, 1715–1723 gg. [Founding of the Maritime Academy: Documents of the Baron de Saint-Hilaire and His Successors, 1715–1723]. In “*Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet...*”. *Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII veka*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, pp. 34–69.

Feofanov, A. M. (2016). *Morskie ofitsery Rossiiskoi imperii XVIII veka. Biograficheskii slovar'* [The Sea Officers of the Russian Empire of the 18th Century. Biographical Dictionary]. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. 204 p.

Feofanov, A. M. (2019). Flotskie lineinye ofitsery – vospitanniki rossiiskikh voennomorskikh uchebnykh zavedenii vtoroi treti XVIII v. [The Naval Line Officers – Graduates of the Russian Naval Educational Institutions in the Second Third of the 18th Century]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoi pravoslavnoi tserkvi*. No. 1. Iss. 86, pp. 81–96. DOI 10.15382/sturII201986.81-96.

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 24 (Ural'skoe gornoe upravlenie). List 1. Dos. 73, 137, 256, 287, 301, 375, 385, 450. Vol. 2, 490, 562, 605, 609, 629, 679, 684, 707, 890, 892, 895, 920, 961, 1030, 1031, 1032, 1071, 1112, 1328, 1417, 1456, 1797; List 12. Dos. 298, 1760a, 1777, 1778.

Glebov, P. (1846). Izvestiya o pervykh voennykh shkolakh, uchrezhdennykh v tsarstvovanie Petra Velikogo [Information about the First Military Schools Established in the Reign of Peter the Great]. In *Otechestvennye zapiski*. No. 44, pp. 101–105.

Korepanov, N. S. (2001). *V rannem Ekaterinburge (1723–1783 gg.)* [In Early Yekaterinburg (1723–1783)]. 3rd Ed., add. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 252 p.

Korepanov, N. S. (2006). *Gennin na Urale* [Henning in the Urals]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 280 p.

Kozlov, A. G. (1981). *Tvortsy nauki i tekhniki na Urale. XVII – nachalo XX veka* [The Creators of Science and Technology in the Urals in the 17th – Early 20th Centuries]. Yekaterinburg, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 224 p.

Lalaev, M. S. (1880–1892). *Istoricheskii ocherk voenno-uchebnykh zavedenii, podvedomstvennykh Glavnomu ikh upravleniyu v 3 ch.* [Historical Sketch of Military Educational Institutions Subordinate to Their Main Directorate. 3 Parts]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha.

Pavlenko, N. I. (1953). *Razvitie metallurgicheskoi promyshlennosti Rossii v pervoi polovine XVIII v. Promyshlennaya politika i upravlenie* [The Development of the Metallurgical Industry in Russia in the First Half of the 18th Century. Industrial Policy and Management]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 539 p.

Redin, D. A. (2011). “Chelovecheskoe” izmerenie vlasti (sub)ektivnyi vzglyad istorika [The “Human” Dimension of Power (the Subjective View of a Historian)]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 3 (32), pp. 4–8.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 271 (Berg-kollegiya). List 1. Dos. 683, 923, 1010.

Safronova, A. M. (2000). *Pervye shkoly Yekaterinburga (1724–1734). K 275-letiyu osnovaniya* [The First Schools of Yekaterinburg (1724–1734): For the 275th Foundation Anniversary]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 144 p.

Safronova, A. M., Tsemenkova, S. I. (2021). Gornyi mezhevshchik Andrei Tatishchev: dokumenty ob uchebe v Shvetsii i deyatel'nosti na zavodakh Urala (1724–1737 gg.) [Mining Surveyor Andrey Tatishchev: Documents on Studying in Sweden and Work at the Factories of the Urals (1724–1737)]. In *Nauchnyi vestnik Kryma*. No. 4 (33), pp. 1–24.

Veselago, F. F. (1875). *Ocherk russkoi morskoi istorii* [Essay on Russian Maritime History]. St Petersburg, Tipografiya Demakova. Part 1. 652 p.

The article was submitted on 04.09.2022

From Birth to Marriage: Sex Ratios in the Late Imperial and Early Soviet Urals*

Elena Glavatskaya

Elizaveta Zabolotnykh

¹Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;

²Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Aleksander Bobitsky

Dmitry Bakharev

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

This article analyses sex ratios in late nineteenth – to early twentieth-century Russia focusing on the easternmost frontier of its European part – Perm Province with a population of about 3 million. High sex ratio at birth, in infancy, and childhood has been widely used to assess gender discriminatory practices in several countries, including some European ones. Russia is usually depicted as highly patriarchal with a low social status of women, always subordinated to their fathers and husbands. However, little has been done to study sex ratios. This article presents the first long-term research on sex ratio which relies on county (uyezd)-level information from the 1897 Russian census and the first Soviet 1926 census as well as the household censuses of 1887, 1900, and 1912. The authors also used local statistics based on the parish records with vital events. Additionally, they computed the sex ratios in different groups from birth to age at marriage, their dynamics over almost 40 years and their correlation with several factors including infant mortality rates, religious adherence, and occupations. They did not find signs of gender specific practices discriminating females right after their birth, during infancy or childhood. The research shows that average sex ratios at birth in Perm province were close to the biological norm 105, and its dramatic decrease in the following months was due to the high infant

* *Citation:* Glavatskaya, E., Zabolotnykh, E., Bobitsky, A., Bakharev, D. (2022). From Birth to Marriage: Sex Ratios in the Late Imperial and Early Soviet Urals. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1770–1787. DOI 10.15826/qr.2022.5.760.

Цитирование: Glavatskaya E., Zabolotnykh E., Bobitsky A., Bakharev D. From Birth to Marriage: Sex Ratios in the Late Imperial and Early Soviet Urals // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1770–1787. DOI 10.15826/qr.2022.5.760.

mortality rate combined with the girls' biological advantage. This advantage, however, ended once they reached marriageable age.

Keywords: Russia, population, census, historical demography, sex ratio, infant mortality, 'missing girls'

Рассмотрено соотношение полов у населения на территории Пермской губернии в конце XIX в. – начале XX в. Исследования соотношений полов в возрастных группах от ноля до четырех лет позволили выявить распространенные в некоторых странах отклонения от биологического стандарта при рождении (105 мальчиков на 100 девочек), как правило, в пользу мальчиков. Историки интерпретируют этот феномен существованием, в том числе в прошлом европейских стран, дискриминационных практик в отношении девочек – инфантицида сразу после рождения и/или недостатка кормления и ухода в период взросления. Анализ соотношения полов в аналогичной возрастной группе в Российской империи конца XIX в., изображаемой глубоко патриархальной страной с низким социальным статусом женщины, наоборот, показал значительный перевес в пользу девочек. В представленной работе авторы впервые предприняли исследование проблемы соотношения полов в разных возрастных группах от рождения до брака; оценили его корреляцию с такими факторами как младенческая смертность, религиозная принадлежность и основное занятие; проследили динамику на протяжении 40 лет. В качестве источников были использованы результаты Первой всеобщей переписи 1897 г., Всесоюзной переписи 1926 г., подворных переписей Екатеринбургского уезда 1887, 1900 и 1912 гг., а также данные о естественном движении населения. По итогам исследования не было обнаружено свидетельств существования дискриминации девочек при рождении или в детстве. Соотношение полов при рождении было близко к биологической норме, но стремительно падало в течение нескольких месяцев вследствие высокой младенческой смертности, сильнее поражавшей мальчиков в силу их меньшей биологической защищенности. Были выявлены серьезные различия в соотношении полов между православным и мусульманским населением, связанные с разницей в режимах смертности в младенчестве и подростковом возрасте. Высокая смертность мальчиков наряду с воинским призывом приводила к деформации брачного рынка.

Ключевые слова: Россия, население, перепись, историческая демография, половое соотношение, младенческая смертность, «пропавшие девочки»

Resent interest in sex ratio studies was inspired by the “missing girls” phenomena that has revealed gender discriminative practices, including female infanticide and the mortal neglect of girls, practiced not only in Asian countries but also in pre-industrial Europe. It has been shown for example that child sex ratios in the 19th and the early 20th century Southern and Eastern Europe were abnormally higher than contemporary gender neutral – 105 boys per 100 girls¹.

¹ For the comprehensive historiography on the “missing girls” phenomena see [Beltrán Tapia, Szoflysek].

Late Imperial Russia's demographic regime differed from the Western European in many ways. Especially, the early age at marriage and the patriarchal families made the Russian women subordinate to their fathers and husbands. Meanwhile, the analyses based on the 1897 Russian census aggregates show that the child sex ratios were, on average, relatively low – around 98 boys per hundred girls². The authors linked the low sex rate to the high infant mortality rate and meant that the geographical variation in sex ratios were caused by economic and cultural factors. Moreover, they expected the son preference traditions in these territories, mostly beyond the Russian Federation borders, even nowadays result in gender imbalances and possible female discrimination [Malein, Beltrán Tapia]. The ethnographic literature based on the descriptions made by eyewitnesses and folklore support the theory about the low social position of Russian women. However, there are no precise references to the Russian girls' miserable childhood. In fact, svadebnye prichitania – wedding lamentation songs known all over Russia stress that the “disaster” started along with the change of marital status. The intrinsic exaggeration of the genre stresses the happy and wealthy life of the bride while in her father's household. Moreover, it seems that rural agricultural society valued female labor to the degree that families would postpone their daughters' marriage. This resulted in the 18th century practice when grooms in some agricultural Russian provinces were several years younger than their brides [Рязанов, с. 27].

This article focuses on sex ratio analyses of the Perm province population with regard to the geographic, ethnic, religious and age specifications during the late 19th to early 20th centuries. The province had the highest infant mortality rate in Russia, reaching 437 % in 1896–1897, especially among the Russian Orthodox population involved in agriculture, while the national average was 270 % [Bakharev, Glavatskaya, p. 204, 206; Бахареv, Главацкая]. There is an interesting correlation between sex ratios and infant mortality rates, and some authors even suggest that an IMR around 350 % should correspond to a sex ratio around 97 and lower [Malein, Beltrán Tapia]. If that assumption is correct, then Perm province with its high IMR should have a sex ratio under 97 boys per 100 girls and since the IMR drastically improved in the province, the long-term study should show significant changes. Our main exploratory aim is to find out if there were any gender discrimination practiced against females right after the birth, during infancy or childhood, which could be traced in sex ratio changes over the time in different Perm province counties.

Geographic setting

Perm province with its 12 uyezds (counties), seven in the European part and five in the Asian, embraced a vast territory over 330 000 sq km stretching on both slopes of the Ural Mountains. Its population reached

² It is comparatively low, because biological – “natural” sex ratio at birth is 105 boys per 100 girls [Szoftýsek, Ogórek, Gruber, Beltrán Tapia, p. 114].

from the western provinces settled in the few cities, usually in connection with their employment. Perm province was one of Russia's main centers of mining and metal production.

Ekaterinburg county was the fourth largest in Perm province and occupied an area of 29,000 square km. Its rural population (369 057 according to the 1897 census) was predominantly Russian (96,6 %) and the Russian Orthodox Church members (92,6 %). Muslims, most of whom were involved in agriculture, made up 3,3 %. The most populous villages had up to 2 000 inhabitants. Ekaterinburg county had several zavody – factory settlements, specialized in mining and metal production, which were not inferior in population to many county towns⁵.

Data and methods

Our research relies on the aggregates from the 1897 Russian census and the first Soviet census of 1926; the household censuses of 1887, 1900 and 1912; as well as local statistics based on vital events. We also used individual level data extracted from the parish registers of vital events transcribed into the Ural Population Project dataset⁶. We focus on two basic variables in the censuses and vital event records: age and sex statistics, from which age-specific sex ratios were calculated. We checked the accuracy of data entry by comparing census data and vital statistics on births and deaths and analyzed its development over a period of almost 40 years. To find out if there were any male preferences in childcare reflected in the statistics, we analyzed the sex ratios in Perm province's different parts, considering both rural and urban cases with focus on the ethnoreligious affiliations and age groups. We analyzed sex ratios among the stillborn children as well.

The first All-Russian census conducted in 1897 was carefully prepared, run and processed according to contemporary international enumeration standards. However, most of the microdata were destroyed after the information was processed, aggregated, and published. Therefore, we could analyse only the published aggregates. After this otherwise successful start of modern population census taking, there was a long break due to the early 20th century wars and revolutions [Thorvaldsen, Glavatskaya]. The next full count census taken only in 1926, had different administrative divisions due to the reforms run by the Soviet state. The former Perm province became part of the Ural'skaia oblast' with a vast territory over stretching far beyond the Polar circle and a population over 6 million. We included in our analyses only data for 7 out of the 16 okrugs (administrative units) with a population of 2 792 620, territories roughly corresponding to those in the former Perm province. The census reported male and female cohorts born in

⁵ For example, Berezovsky zavod had more than 10 000 inhabitants and Nev'yansky – over 12 000.

⁶ For the data description see: [Glavatskaya, Borovik, Thorvaldsen].

different years, allowing the computing of the sex ratio dynamics and patterns over a period of 30 years.

We also analysed data extracted from the Podvornye perepisi – household censuses, run by the Zemstvo⁷. The zemstvos needed reliable information about the population in order to determine their practical actions and calculate the budget. Statisticians used questionnaires to collect information from the residents whom they trusted or ran household inventories themselves interviewing all household heads. We used three sets of household census aggregates from the Ekaterinburg uyezd (county) for three years: 1887, 1900 and 1912.

Information on the population was also collected by the Ministry of Inner Affairs. They used the data on births, deaths and marriages extracted from the metrisheskie knigi – parish records of vital events. Russian legislation regulated the parish registers and their accuracy. The religious community board had to check and verify the books frequently and religious leaders and communities were to be fined was there any disorder found in the records [Glavatskaya, Borovik], and their quality improved significantly from the mid-19th century [Миронов]. The institutions that processed the primary information – the provincial and central statistical committees – consisted of professional statisticians. We used their statistics for three years 1896–1898, including the census year 1897. In distinction to the commonly practiced analyses of age groups under 10 years old, we decided to extend the observation and stretched the sex ratios analyses towards the minimum marriage age – 16 for females and 18 for males according to the Russian legislation. That allowed deeper and more comprehensive understanding of the low sex ratio's effects on the marriage pattern.

Findings and interpretations

Sex ratios in Perm province: rural vs urban

According to the 1897 census data, females outnumbered males in the Perm province, especially in rural area. There were more girls than boys aged 0–4; 5–9; and 10–17 in all the counties⁸. According to the 1897 census data, the biggest difference in sex ratios among the children aged 0–4 was between Krasnoufimsk (98,9) and Perm (91,1) counties; among the children aged 5–9 the biggest difference was between Verkhoturysk (98,5) and Perm (92,4) and among those aged 10–17 – between Osa (95,5) and Kungur (86,8). The average sex ratio increased slightly among those aged 5–9 but then decreased again among the cohort aged 10–17 to 93,1 (table 1).

⁷ Zemstvo – self-government elected county level institution, that was introduced in 1865 to manage local affairs, such as road building and maintenance, improvement of economic development, oversee medical services and sanitation, public education and other socially important activities.

⁸ The Pearson correlation coefficient for sex ratios in age groups 0–4 and 5–9 is 0.74, for age groups 5–9 and 10–17 is 0.65, which suggests relatively good data quality.

Table 1

Sex ratio among the Perm province rural population in 1897 by cohorts
[Первая всеобщая перепись населения]

County	N 0–4	SR 0–4	N 5–9	SR 5–9	N 10–17	SR 10–17
Krasnoufimsk	40 469	98,9	31 009	98,3	43 239	95,0
Shadrinsk	43 343	97,0	34 238	96,7	53 753	95,1
Kamyshlov	34 273	96,0	28 287	98,0	41 412	91,7
Ekaterinburg	55 899	95,9	44 232	97,4	63 163	94,2
Okhansk	38 195	95,6	29 100	94,1	43 307	90,2
Verkhotur'e	38 082	95,4	28 185	98,5	40 045	92,8
Cherdyn'	16 494	94,9	13 162	96,1	17 459	95,3
Osa	47 373	94,8	38 046	96,1	53 706	95,5
Kungur	17 772	94,4	13 671	93,3	19 379	86,8
Irbit	20 203	94,3	15 811	96,5	22 785	93,7
Solikamsk	32 766	93,9	25 327	94,8	35 451	92,1
Perm	31 363	91,1	24 439	92,4	33 920	90,5
<i>Sum and average</i>	<i>416 232</i>	<i>95,4</i>	<i>325 507</i>	<i>96,3</i>	<i>467 619</i>	<i>93,1</i>

In general, the sex ratio was somewhat lower in the western counties, except of Krasnoufimsk and Okhansk. Based on the household census data, we can see that there was a slight trend to a more harmonised sex ratio over time among infants and children aged under seven in Ekaterinburg County (table 2).

Table 2

Sex ratio among children under 7 years old in Ekaterinburg
[Краткая подворная перепись]

Age groups	1887	1900	1912
Infants	96,9	99,3	99,9
Under 7 years	96,9	96,8	98,9
N	58 600	70 800	83 400

Sex ratios in cities showed more variety from cohort to cohort, likely due to the small population size and local peculiarities. The sex ratio among the urban population aged 0–4 was on average a bit higher (table 3). To some extent that can be explained by the relatively lower infant mortality rate in cities in the late 19th century Perm province. According to our calculations, IMR in Ekaterinburg was around 369 ‰, while in Ekaterinburg County – it was 377 ‰ in 1898–1900 [Bakharev, Glavatskaya, p. 10]. However, a city’s peculiar landscape and institutions perhaps played the most important role. The abnormally high sex ratio in the age group 0–4 and even higher in the age group 5–9 in Dalmatov was likely due to the Dalmatov monastery, which school attracted male children.

Table 3

Sex ratios among the Perm province urban population in 1897
[Первая всеобщая перепись]

City	N 0–4	SR 0–4	N 5–9	SR 5–9	N 10–17	SR 10–17
Dalmatov	66	120	63	152	109	98,2
Osa	597	112,5	543	97,5	842	101
Solikamsk	412	107	395	101,5	731	127,7
Alapaevsk	1 022	106	864	94,6	1 423	110,2
Cherdyn’	370	104,4	339	84,2	624	86,3
Ekaterinburg	4 301	103,3	3 670	89,9	7 556	85
Shadrinsk	1 305	102,3	1 016	104,4	1 985	83,8
Krasnoufimsk	726	100	611	89,8	1 135	119,1
Perm	4 481	97,8	3 429	94,4	6 750	98,9
Kungur	1 554	95	1 352	96,8	2 261	102,1
Kamyshlov	776	93	723	93,3	1 438	111,5
Ohansk	187	90,8	161	80,9	314	113,6
Irbit	754	87,6	637	101,6	1 871	113,6
Dedukhin	473	86,2	405	104,5	545	101,1
Verkhoturè	295	82,1	221	137,6	415	108,5
<i>Sum and average</i>	<i>17 319</i>	<i>99,3</i>	<i>14 429</i>	<i>95,1</i>	<i>27 999</i>	<i>97,5</i>

The 1926 census data analyses for the territory similar to what was Perm Province in 1897, showed that the sex ratio became a little bit higher among the 0–4 years old – 97,9 against 95,4 in 1897, likely due to the decrease of infant mortality, which increased the weakest boys' chances for survival. These benefits were not experienced by those aged 5–9, whose infancy and childhood were in the period of Revolution and civil war (table 4). The age group 10–17 sex ratio could also be affected by the migration. And the western okrugs – Perm and Kungur kept their status as territories with the lowest sex ratio among the age group of 0–4 years old.

Table 4

Sex ratios among the selected okrugs (counties) of Ural'skaya oblast' rural population in 1926 [Первая всеобщая перепись]

Okrug	N 0–4	SR 0–4	N 5–9	SR 5–9	N 10–17	SR 10–17
Kurgan	73 919	99,7	42 008	95,9	88 168	94,8
Sverdlovsk	42 980	99,5	26 912	96,6	50 533	95
Irbit	41 207	98,9	24 389	97,1	46 430	97,3
Shadrinsk	99 429	98,7	61 790	98	121 294	95,1
Tagil	35 393	98,1	22 826	98,1	40 234	95,5
Perm	68 923	96,2	45 528	92,7	85 259	90,3
Kungur	65 309	94,9	40 743	93,8	79 705	89,1
<i>Sum and average</i>	<i>27 160</i>	<i>97,9</i>	<i>264 196</i>	<i>95,9</i>	<i>511 623</i>	<i>93,5</i>

Sex ratio at birth. To calculate sex ratio at birth we used aggregates published by the Perm province officials, who used the *metricheskie knigi* data from parish books with vital events. These aggregates are based on the baptism records, however the Russian Orthodox Church parish books contained data on birthdays as well. According to our calculations based on the individual level data for one of Ekaterinburg city Orthodox parishes, the time between births and baptisms did not exceed 3–4 days in the late 19th century [Bakharev, Glavatskaya, p. 216]. If there was a danger that the new-born might die, the midwives would perform the baptism at once to secure the babies' admission to paradise. As some of the death records prove, these worries were not without good reason [Заболотных]. We assume that in the countryside where the Orthodox church's rules were reinforced by the community's habits, the time between births and baptisms should be the same. Table 5 shows that sex ratios at birth even if differing slightly by year and county, on average were close to the 'biological' norm of 105–104 boys to 100 girls.

Table 5

Sex ratio at birth among the Perm province rural population
[Адрес-календарь, 1899; 1901; 1902; 1909]

County	SR born in 1897	SR born in 1898	SR born in 1899	SR born in 1900	SR born in 1909	Average SR
Perm	101,7	103,5	102	105,6	103,9	103,3
Verkhotur'e	101,2	105,6	103,9	107,1	101,6	103,9
Ekaterinburg	105,9	104,2	102,2	106,4	106,3	105
Irbit	105,8	105,5	103,4	104,4	107,1	105,2
Kamyshlov	99,7	104,6	103,2	104,9	105,8	103,6
Krasnoufimsk	104,7	104,6	96	104,2	106,5	103,2
Kungur	103,4	104,4	106,2	105,7	105	104,9
Osa	104,9	103,2	103,5	104,5	106,2	104,5
Ohansk	107,5	106	104,1	100,8	105,9	104,9
Solikamsk	102,6	102,9	103,1	103,2	106,1	103,6
Cherdyn'	103,5	102,2	97,6	103,5	107	102,8
Shadrinsk	105,3	102,4	102,1	106,7	100,5	103,4
<i>Average</i>	<i>103,9</i>	<i>104,1</i>	<i>102,3</i>	<i>104,8</i>	<i>105,2</i>	<i>104</i>

The baptismal records did not include the records of still born, and such data is rare. According to the Perm province police statistics, there were 2513 still born registered in 1889 (1,7 %); 1448 males and 1065 females which gives a sex ratio around 136 – much higher than among those born alive –104,4. This means that there were no signs of female infanticide right after the delivery. The sex ratio of infants who died in the cities during the same year was 107 and in the countryside 114. The infant mortality rate in the province in 1889 was 431 % [Памятная книжка]. The sex ratios at birth together with the sex ratios of the still born and those who died in infancy, do not give grounds to suspect discrimination against female children in Perm province during the first days of life, even if parents perhaps were happier to get sons. It also suggests that there are no obvious signs of systematic under-registration of boys or girls in the Perm province counties.

To understand at what age the sex ratios changed from the average 'biological' 105 to the average 95,4 for the late 19th century Perm province, we used data on mortality, also based on the local statistics and available for the period from 1867 until 1881. We computed the sex ratios of children who died when under 5 years old during consecutive 5-year periods (table 6).

Table 6

**Sex ratio of children died in Perm province
before 5 years old [Смертность младенцев]**

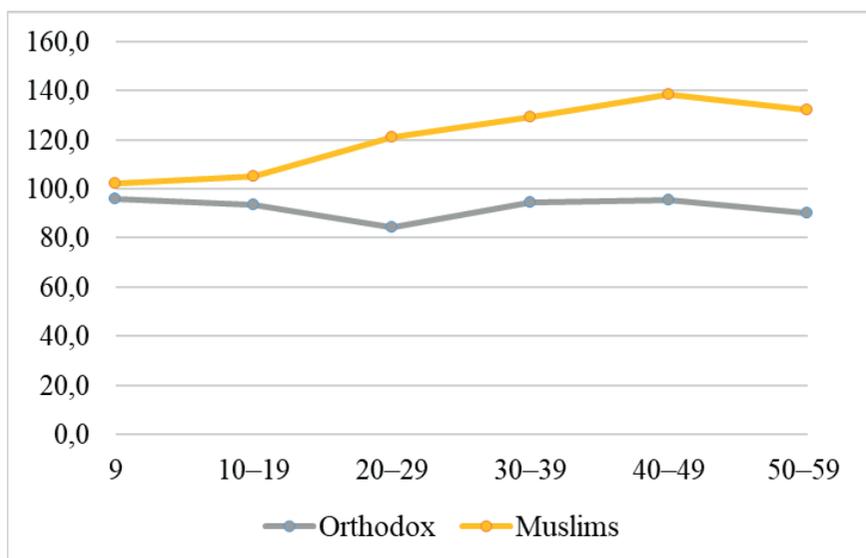
AGE	SR 1867–1871	SR 1872–1876	SR 1877–1881	SR 1867–1881
< 1 Month	119,2	114,3	116,6	116,5
1–3 M	114,2	110,8	112,4	112,4
3–6 M	109,2	107,4	108,3	108,3
6 M – 1Y	108,4	104,2	106,2	106,2
1–2 Y	100,6	102,7	101,7	101,7
2–3 Y	99,1	98,2	98,6	98,6
3–4 Y	99,8	94,4	96,8	96,8
4–5 Y	100,3	96,8	98,4	98,5

As the table shows, the highest sex ratio was among the group who died during infancy, especially among the neonatal deaths; it flattened out after 1 year and lowered further after the children reached 2 years of age. The weakest boys died before their first birthday, and their biological disadvantage was worsened by local factors, which we shall refer to later. The table also shows slight sex ratio levelling over time, which likely was due to the infant mortality rate decline in the province, as suggested above. Our calculations showed high correlations between county-level infant mortality rates in 1893, 1896 and 1897, which made differences between the counties' sex ratios (among children aged 0–4) rather stable. That stresses the influence of the IMR on the sex ratios in the counties.

Sex ratios in the counties of Perm province: searching for possible background factors. Since the mortality environment alone cannot fully explain the variation in child sex ratios, we analyzed other factors, distance from the county's capital to the nearest big city (Ekaterinburg or Perm) or the share of Old Believers and Muslims in the population, displayed no effect. However, two groups of variables, connected to nuptiality and women's involvement in agriculture, correlated with the sex ratio in the age group 0–4. We found statistically significant and negative correlation between the sex ratio 0–4 and males' singulate mean age at marriage ($r = -0.6$), the share of never married women ($r = -0.7$), the share of women in the population living on incomes from agriculture ($r = -0.6$) and share of women (with only farmers' family members included) in the population living on incomes from agriculture ($r = -0.7$).

Even if we found no statistically significant correlation between sex ratios in the group 0–4 years old and the counties' proportion of Muslims,

the religious affiliation obviously influenced the sex ratio. The Russian Orthodox population compared with the Muslims, had fewer men than women in all age groups, with the difference increasing from age group to age group (fig. 2).

2. Sex ratios in Perm province by religion (Orthodox and Muslims)
[Первая всеобщая перепись]

The lack of men among the Russian Orthodox adult population we can attribute to the sex ratio pattern formed at age 0–4, outmigration to the cities and conscription, particularly for the age group 20–29. However, the lack of Muslim females in rural areas requires additional research. According to the Ministry of Inner Affairs statistics based on the *metricheskie knigi* with vital events, sex ratios at birth among the Russian Orthodox and the Muslims was 105 and 103,6 in 1896; 103,9 and 103,4 in 1897; 104,2 and 102,1 respectively in 1898. That proves that there was neither obvious under-registration of boys among the Russian Orthodox population, nor under-registration of girls among the Muslims. It also suggests that there were no specific gender-favouring practices performed right after the birth. The differences in sex ratio among Orthodox and Muslims were likely rather determined by different mortality regimes and higher IMR among the Russian Orthodox population. Table 8 shows different mortality patterns among children under 10; there was a high sex ratio among the infants who died neonatally in both religious denominations. However, in Orthodox communities the sex ratio fluctuated along with the age, while among the Muslims it dropped after one month and increased again among the 2–3 years old children. The main difference in the children's mortality regime occurred at age one among the Orthodox and at age two among the Muslims (table 7). Thus, the difference in mortality structure between

Russian Orthodox and Muslim children was shaped during infancy or the first two years of their life. According to the mortality statistics there was a dangerous period only for the Muslim boys when they reached 10–15 years of age. We may assume that it could be influenced by the circumcision rite. If not mortally dangerous in itself, it could provoke an infection so that boys with general weaknesses were unable to face other illness. The most important is that the biological advantage of the Russian Orthodox girls and even more of their Muslim peers drastically ended once they reached the time of marriage. High mortality among the women compared with the men was likely connected to the childbirth: it peaked among 25–30 years old Muslims, when 100 women died per 48,8 men.

Table 7

Sex ratios among Orthodox and Muslims dead in 1896–1898
[Движение населения в Европейской России, 1899; 1900; 1903]

Age	N (Orthodox)	SR (Orthodox)	N (Muslims)	SR (Muslims)	Difference
Before 1 month	57 386	125,7	471	122,2	3,5
1–3 m	56 652	114,9	707	107,3	7,6
3–6 m	49 552	112	744	108,4	3,5
6m–1y	46 704	110,1	1 418	106,1	4
1–2	23 129	100,4	1 689	103	–2,6
2–3	11 224	97,7	1 064	98,9	–1,1
3–4	7 262	96,1	764	96,9	–0,8
4–5	5 253	95,1	475	100,4	–5,3
5–10	11 612	99,4	985	98,6	0,8
10–15	4 026	94,9	352	107,1	–12,2
15–20	4 218	75,6	292	66,9	8,7
20–25	4 860	70,4	346	53,8	16,6
25–30	4 835	71,1	424	48,8	22,3
30–35	4 363	71,1	304	56,7	14,4
35–40	5 331	82,8	307	65,1	17,8
40–45	5 058	90,7	283	69,5	21,3
45–50	5 416	103,6	230	96,6	7
50–55	5 369	93,1	266	121,7	–28,6
<i>Sum and average</i>	312 250	107,4	11 121	94,3	13,2

* * *

Gender studies with a focus on sex ratios is a rather new topic in Russian historiography, but already analyses of the historical gender composition helps understand some basic principles of how the societies functioned in the past.

Our long-term research focused on the Perm province, which had the highest infant mortality rate in Russia, and revealed that the sex ratio was low in all counties already among the age group 0–4; it tended to decrease among the older age groups, stressing the biological disadvantage of the boys. The low sex ratio in Perm province was a long-lasting phenomenon. There were 95,4 boys to 100 girls aged 0–4 years registered in the 1897 Census and their numbers increased only to 97,9 boys per 100 girls in 1926. The increase of boys' survival could be attributed to the decrease of the infant mortality rate in late 1920-s Soviet Union. The cross checking of the 1897 census data by using the household census, collected by different agencies for several years, and vital events records proved its accuracy. According to household census data, the sex ratios among infants and children under 7 was 96,9 and increased slightly till 98,9 by 1912.

Another finding is that sex ratios among the urban population according to the 1897 census on average was a bit higher (99,3) than among the rural (95,4), which can be explained by the lower infant mortality rate in cities in the late 19th century, giving the city boys some advantage over their rural counterparts.

We also found out that the sex ratio at birth in Perm province, even if differing slightly from year to year (within the interval 102,3–105,2) and from county to county (from 102,8 to 105,2) was close to the biological norm of 105. Since there was no time gap between birth and baptism, we may assume that the data was rather accurate, and there were no systematic under-registration of girls or boys in the province. The average sex ratio further decreased in favour of girls from 105 till 95,4 during their first years of life, but most during infancy, especially in the neonatal period. According to the death records, the sex ratio reached 119 dead boys per 100 girls, flattened after 1 year, and decreased further after the children reached age two. The weakest boys seemingly died before their first birthday, and their biologically explained disadvantage was worsened by local factors, which were reflected in sex ratio difference on the county level. Strongest was likely the effect of the infant mortality rate. We found no correlation between the proportion of Muslims and the sex ratio in the age group 0–4 in the counties; however, religious affiliation influenced the sex ratios. According to the 1897 census data, the sex ratio in each age group of Muslims was higher than among the same group of the Russian Orthodox population, except that sex ratio at birth was a bit higher among the Russian Orthodox babies. The latter could be explained by the fact that the registration in the church books followed the birth almost immediately, while the Muslims who had no religious requirements usually registered their new-born much later.

According to the entries in the Ekaterinburg Mosque's books of vital events, it could take few weeks before the Muslim baby's registration. Considering the high infant mortality rate in the province, some of the Muslim boys may not have been registered at all if they died during their first month. The differences in sex ratio between the Orthodox and Muslims reflected in the census were likely determined by different mortality regimes and higher IMR among the Russian Orthodox population. These patterns were shaped during infancy or at least within the first two years of life. We also noticed an increase in sex ratio among the Muslim teens aged 10–15 years in the death records, likely influenced in our view by the circumcision rite performed at the age of 10–12. Followed by possible infection and natural weakening this may have exposed the boys to dangerous diseases.

The girls' biological advantage was reinforced due to the Perm province's constantly high infant mortality rate but disappeared slowly as they grew until the age of marriage. The unbalanced gender composition of the population aged 17+ with female surplus already from infancy, increased also by the compulsory conscription, which left many girls on the side-lines of the marriage market. The Russian Orthodox old maidens and young widows had to suppress their sexuality or confront the moral condemnation and increasing number of illegitimate children [Главацкая, Заболотных]. The adult females' disadvantage increased further due to the high danger of dying during delivery, especially for the Perm province Muslim women, which is clearly reflected in the sex ratio of the dead adults (48.8 males per 100 females).

We conclude that our exploratory analyses of the sex ratios covering several decades did not give grounds to suspect obvious gender specific discrimination practiced by the Russian Orthodox population against the girls right after their birth, during infancy or childhood. The high infant mortality rate, occasionally reaching 700 % in Perm province rural settlements, resulted in the low sex ratio due to the girls' biological advantage. However, that advantage ended once the girls reached the age of marriage, a change vividly described in the brides' wedding lamentation songs. We also found that sex ratios in the age group 0–4 was connected with nuptiality and the women's involvement in agriculture, which requires additional research.

Список литературы

Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1899 год / под ред. Р. Попова. Пермь : Типолит. Губ. правления, 1899. 581 с.

Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1900 год / под ред. Р. Попова. Пермь : Тип. С. Н. Басовой, 1900. 352 с.

Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1901 год / под ред. Р. Попова. Пермь : Тип. Басовой и Сандлер, 1901. 336 с.

Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1902 год / под ред. Р. Попова. Пермь : Тип. А. П. Каменского : Тип. Басовой и Сандлер, 1902. 326 с.

Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1909 год. Пермь : Тип. Губ. правления, 1909. 199 с.

Бажарев Д. С., Главатцкая Е. М. Младенческая смертность в русском позднимперском городе: уральский контекст // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 72. С. 5–14. DOI 10.17223/19988613/72/1.

Главатцкая Е. М., Заболотных Е. А. Внебрачная рождаемость на Урале в конце XIX – начале XX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 4. С. 89–109. DOI 10.15826/izv2.2022.24.3.066.

Движение населения в Европейской России за 1896 год. СПб. : ЦСК МВД, 1899. Вып. 48. 211 с.

Движение населения в Европейской России за 1897 год. СПб. : ЦСК МВД, 1900. Вып. 50. 211 с.

Движение населения в Европейской России за 1898 год. СПб. : ЦСК МВД, 1903. Вып. 56. 211 с.

Заболотных Е. А. Метрические книги Богоявленского прихода Екатеринбурга: критика и информационные возможности источника // Документальное наследие и историческая наука. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 49–54.

Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда Пермской губернии 1912 г. / под ред. В. Сумарокова. Пермь : Электротип. губ. земства, 1912. 158 с.

Мионов Б. Н. Новая историческая демография имперской России (ч. 2): аналитический обзор современной литературы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: История. 2007. № 1. С. 100–126.

Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1891 год. Пермь : Тип. П. Ф. Каменского, 1890. 416 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Пермская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : ЦСК МВД, 1904. Т. 31. 301 с.

Рязанов В. А. Особенности демографических процессов в Европейской России в XVIII–XIX веках: опыт анализа метрических книг трех православных приходов // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8. № 3. С. 20–41. DOI 10.17323/demreview.v8i3.13265.

Смертность младенцев в Европейской России в 1867–1881 гг. в возрастах от рождения до пяти лет. СПб. : ЦСК МВД, 1889. 17 с.

Bakharev D., Glavatskaya E. Infant Mortality in the Late 19th and Early 20th Century Urals: Macro and Micro Analyses // Nominative Data in Demographic Research in the East and the West / ed. by E. Glavatskaya, G. Thorvaldsen, G. Fertig, M. Szoltysek. Yekaterinburg : Ural Univ. Press, 2019. P. 138–155.

Beltrán Tapia F., Szoltysek M. “Missing girls” in Historical Europe: Reopening the Debate // The History of the Family. 2022. № 27 (4). P. 619–657. DOI 10.1080/1081602X.2022.2132979.

Glavatskaya E., Borovik J. The Old Believers and Their Marriage Patterns in Early Twentieth Century Urals, Russia: A Microdata Analysis // Transylvanian Review. 2019. Vol. 28, № 1. P. 112–130.

Glavatskaya E., Borovik J., Thorvaldsen G. The Ural Population Project: Demography and Culture from Microdata in a European-Asian Border Region // Historical Life Course Studies. 2022. № 12. P. 151–172. DOI 10.51964/hlcs12320.

Malein V., Beltrán Tapia F. J. Infant and Child Sex Ratios in Late Imperial Russia // History of the Family. 2022. № 27 (4). P. 736–763. DOI 10.1080/1081602X.2022.2098509.

Szoltysek M., Ogórek B., Gruber Z., Beltrán Tapia F. Inferring “Missing Girls” from Child Sex Ratios in Historical Census Data // Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History. 2021. № 55 (2). P. 98–121. DOI 10.1080/01615440.2021.2014377.

Thorvaldsen G., Glavatskaya E. The Three Main Western Revolutions and Their Censuses // Quaestio Rossica. 2017. Vol. 5, № 4. P. 992–1008. DOI 10.15826/qr.2017.4.263.

References

Adres-kalendar' i spravochnaya knizhka Permskoi gubernii na 1909 god. [Perm Province Address-calendar and Memorial Book for 1909]. (1909). Perm, Tipografiya Gubernskogo pravleniya. 199 p.

Bakharev, D., Glavatskaya, E. (2019). Infant Mortality in the Late 19th and Early 20th Century Urals: Macro and Micro Analyses. In Glavatskaya, E., Thorvaldsen, G., Fertig, G., Szołtysek, M. (Eds.). *Nominative Data in Demographic Research in the East and the West*. Yekaterinburg, Ural Univ. Press, pp. 138–155.

Bakharev, D., Glavatskaya, E. (2021). Mladencheskaya smertnost' v russkom pozdneimperskom gorode: ural'skii kontekst [Infant Mortality in Late Imperial Russian City]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 72, pp. 5–14. DOI 10.17223/19988613/72/1.

Beltrán Tapia, F., Szołtysek, M. (2022). “Missing girls” in Historical Europe: Reopening the Debate. In *The History of the Family*. No. 27 (4), pp. 619–657. DOI 10.1080/1081602X.2022.2132979.

Dvizhenie naseleniya v Evropeiskoi Rossii za 1896 god [Population Movement in European Russia in 1896]. (1899). St Petersburg, Tsentral'nyi statisticheskii komitet Ministerstva vnutrennikh del. Iss. 48. 211 p.

Dvizhenie naseleniya v Evropeiskoi Rossii za 1897 god [Population Movement in European Russia in 1897]. (1900). St Petersburg, Tsentral'nyi statisticheskii komitet Ministerstva vnutrennikh del. Iss. 50. 211 p.

Dvizhenie naseleniya v Evropeiskoi Rossii za 1898 god [Population Movement in European Russia in 1898]. (1903). St Petersburg, Tsentral'nyi statisticheskii komitet Ministerstva vnutrennikh del. Iss. 56. 211 p.

Glavatskaya, E. M., Zabolotnykh, E. A. (2022). Vnebrachnaya rozhdachnost' na Urale v kontse XIX – nachale XX v. [Illegitimate Fertility in the Urals during the Late 19th and Early 20th Centuries]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 24. No. 4, pp. 89–109. DOI 10.15826/izv2.2022.24.3.066.

Glavatskaya, E., Borovik, J. (2019). The Old Believers and Their Marriage Patterns in Early Twentieth Century Urals, Russia: A Microdata Analysis. In *Transylvanian Review*. Vol. 28. No. 1, pp. 112–130.

Glavatskaya, E., Borovik, J., Thorvaldsen, G. (2022). The Ural Population Project: Demography and Culture from Microdata in a European-Asian Border Region. In *Historical Life Course Studies*. No. 12, pp. 151–172. DOI 10.51964/hlcs12320.

Malein, V., Beltrán Tapia, F. J. (2022). Infant and Child Sex Ratios in Late Imperial Russia. In *History of the Family*. No. 27 (4), pp. 736–763. DOI 10.1080/1081602X.2022.2098509.

Mironov, B. N. (2007). Novaya istoricheskaya demografiya imperskoï Rossii (ch. 2): analiticheskii obzor sovremennoi literatury [New Historical Demography of the Russian Empire: The Analytical Review of Modern Literature. Part 2]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 1, pp. 100–126.

Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Permskoi gubernii na 1890 god [Perm Province Address-calendar and Memorial Book for 1890]. (1890). Perm, Tipografiya A. P. Kamenskogo. 416 p.

Popov, R. (Ed.). (1899). *Adres-kalendar' i pamyatnaya knizhka Permskoi gubernii na 1899 god* [Perm Province Address-calendar and Memorial Book for 1899]. Perm, Tipilografija Gubernskogo pravleniya. 581 p.

Popov, R. (Ed.). (1900). *Adres-kalendar' i pamyatnaya knizhka Permskoi gubernii na 1900 god* [Perm Province Address-calendar and Memorial Book for 1900]. Perm, Tipografiya S. N. Basovoi. 352 p.

Popov, R. (Ed.). (1901). *Adres-kalendar' i pamyatnaya knizhka Permskoi gubernii na 1901 god* [Perm Province Address-calendar and Memorial Book for 1901]. Perm, Tipografiya Basovoi i Sandler. 336 p.

Popov, R. (Ed.). (1902). *Adres-kalendar' i pamyatnaya knizhka Permskoi gubernii na 1902 god* [Perm Province Address-calendar and Memorial Book for 1902]. Perm, Tipografiya A. P. Kamenskogo, Tipografiya Basovoi i Sandler. 326 p.

Ryazanov, V. A. (2021). Osobennosti demograficheskikh protsessov v evropeiskoi Rossii v XVIII–XIX vekakh: opyt analiza metriceskikh knig trekh pravoslavnykh prikhodov [Peculiarities of Demographic Processes in Europe in the 18th–19th Centuries: Experience in Analyzing the Parish Registers of Three Orthodox Parishes]. In *Demograficheskoe obozrenie*. Vol. 8. No. 3, pp. 20–41. DOI 10.17323/demreview.v8i3.13265.

Smertnost' mladentsev v Evropeiskoi Rossii v 1867–1881 gg. v vozrastakh ot rozhdeniya do pyati let [Mortality of Infants in European Russia in 1867–1881. Aged 0–5]. (1889). St Petersburg, Tsentral'nyi statisticheskii komitet Ministerstva vnutrennikh del. 17 p.

Sumarokov, V. (Ed.). (1912). *Kratkaya podvornaya perepis' Ekaterinburgskogo uезда Permskoi gubernii 1912 g.* [Brief Household Census of the Yekaterinburg District of the Perm Province in 1912]. Perm, Elektrotipografiya gubernskogo zemstva. 158 p.

Szołtysek, M., Ogórek, B., Gruber, Z., Beltrán Tapia, F. (2022). Inferring “Missing Girls” from Child Sex Ratios in Historical Census Data. In *Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History*. No. 55 (2), pp. 98–121. DOI 10.1080/01615440.2021.2014377.

Thorvaldsen, G., Glavatskaya, E. (2017). The Three Main Western Revolutions and Their Censuses. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 4, pp. 992–1008. DOI 10.15826/qr.2017.4.263.

Troinitskii, N. A. (Ed.). (1904). *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Permskaya guberniya* [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897. Perm Province]. St Petersburg, Tsentral'nyi statisticheskii komitet Ministerstva vnutrennikh del. Vol. 31. 301 p.

Zabolotnykh, E. A. (2020). *Metricheskie knigi Bogoyavlenskogo prikhoda Ekaterinburga: kritika i informatsionnye vozmozhnosti istochnika* [St Epiphany's Church Parish of Yekaterinburg: Source Criticism]. In *Dokumental'noe nasledie i istoricheskaya nauka*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 49–54.

The article was submitted on 11.08.2022

Аутентичный Д. Н. Мамин-Сибиряк: принципы издания и рецепция творческого наследия писателя*

Олег Зырянов

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The Authentic D. N. Mamin-Sibiryak: Publication Principles and the Reception of the Writer's Oeuvre

Oleg Zyryanov

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The editions of D. N. Mamin-Sibiryak's works published so far, including the most representative 12-volume collections, do not give a complete idea of the creative heritage of the writer. The article focuses on the problems of publishing the Complete Works of Mamin-Sibiryak in 20 volumes conceived based on the *Bank Kulturnoy Informatsii* publishing house in Yekaterinburg and carried out by the efforts of the research team of the Department of Russian and Foreign Literature of Ural Federal University in collaboration with the Centre of Russian Literature of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. The author of the article considers three large sets of problems in the realisation of the project. Firstly, they concern the principles of arranging works in separate volumes. As is customary with complete collections of works, the chronological principle functions as the dominating one but with indispensable consideration of the genre-generic specifics and Mamin's characteristic tendency to cyclising minor prose genres. The author examines issues related to the typology of documentary and journalistic works and their differences from purely fiction texts and topical issues behind the representation of the writer's epistolary heritage in the planned edition. Secondly, the author singles out the complexities of the textological order in a separate group examining problems of attribution of unknown texts by Mamin-Sibiryak. He also considers

* *Citation:* Zyryanov, O. (2022). The Authentic D. N. Mamin-Sibiryak: Publication Principles and the Reception of the Writer's Oeuvre. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1788–1802. DOI 10.15826/qr.2022.5.761.

Цитирование: Зырянов О. The Authentic D. N. Mamin-Sibiryak: Publication Principles and the Reception of the Writer's Oeuvre // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1788–1802. DOI 10.15826/qr.2022.5.761 / Зырянов О. Аутентичный Д. Н. Мамин-Сибиряк: принципы издания и рецепция творческого наследия писателя // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1788–1802. DOI 10.15826/qr.2022.5.761.

the problems of working with the literary texts published in the writer's lifetime under different names and in different versions and editions. Special attention is paid to the problem of the author's punctuation, which is significant in terms of editorial practice. Thirdly, the article considers problems of commenting and reception of Mamin-Sibiryak's oeuvre. The author provides a typology of comments to the planned scholarly and critical publication highlighting textual, historical, literary, and linguo-culturological comments. It is noted that the issues of reception of works of art – primarily in terms of their problems and poetics – should take their rightful place in summary articles for each volume. Finally, the article provides a list of a few promising projects, for example, the Reference Dictionary (a preliminary work for the future *Mamin Encyclopaedia*), the virtual scholarly laboratory *Mamin-Sibiryak: Materials and Research* which should be considered a necessary incentive and a logical consequence of work on the complete works of the writer.

Keywords: D. N. Mamin-Sibiryak, textual criticism, reception, regional literary studies, complete collection of works

Имеющиеся на сегодняшний день издания сочинений Д. Н. Мамина-Сибиряка, включая самые внушительные 12-томники, не дают полного представления о творческом наследии автора. В статье раскрываются проблемы издания полного собрания сочинений Мамина-Сибиряка в 20 томах, задуманного на базе екатеринбургского издательства «Банк культурной информации» и осуществляемого усилиями научного коллектива кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета в содружестве с центром русской литературы Института истории и археологии УрО РАН. В реализации данного проекта рассматриваются три больших комплекса проблем. Во-первых, это принципы расположения произведений по отдельным томам. В качестве ведущего принципа (как это и принято в полных собраниях сочинений) выделяется хронологический, но с неременным учетом жанрово-родовой специфики и характерной для Мамина-писателя тенденции к циклизации малых жанров прозы. Отдельно рассмотрены вопросы, связанные с типологией документально-публицистических произведений и их отличиями от текстов сугубо беллетристических, а также актуальные проблемы репрезентации в составе планируемого издания эпистолярного наследия писателя. Во-вторых, в отдельную группу выделены сложности текстологического порядка. Особо оговариваются проблемы атрибуции неизвестных текстов Мамина-Сибиряка, а также сложности работы с теми художественными текстами, которые печатались при жизни автора под разными названиями и имели различные варианты и редакции. Специальное внимание уделено проблеме авторской пунктуации, значимой в плане эдиционной практики. В-третьих, рассмотрены проблемы комментирования и рецепции творческого наследия Мамина-Сибиряка. Приводится типология комментариев к планируемому научно-критическому изданию с выделением следующих их видов – текстологические, историко-литературные и лингвокультурологические. В конце статьи приводится перечень ряда перспективных про-

ектов (создание словаря-справочника как проспекта будущей «Маминской энциклопедии», оснащение виртуальной научной лаборатории «Мамин-Сибиряк: материалы и исследования»), которые следует рассматривать как необходимый стимул и одновременно логическое следствие работы над полным собранием сочинений писателя.

Ключевые слова: Д. Н. Мамин-Сибиряк, текстология, рецепция, литературная регионалистика, полное собрание сочинений

Творческое наследие Мамина-Сибиряка огромно: 16 романов, более двух десятков повестей, около пяти сотен очерков и рассказов, а также сказки для детей, публицистические статьи, драматические произведения, эпистолярный. В конце жизни в письме А. Ю. Анненскому от 2 марта 1912 г. Мамин признался, что его сочинений, «если собрать все вместе, наберется около 100 томов, а издано около 36» [Мамин-Сибиряк, 1953–1955, т. 8, с. 678]. Отмеченная пропорция 1 : 3 очень точно передает объем изданных посмертно собраний сочинений писателя, из которых наиболее представительным (хотя далеко не полным) до сих пор остается 12-томное марксовское издание [Мамин-Сибиряк, 1915–1917]. Все последующие собрания сочинений – в 12 томах (Свердловск, 1948–1951), в 10 томах (М., 1958), в 8 томах (М., 1953–1955) и в 6 томах (М., 1980–1981) – не удовлетворяют в полной мере требованиям научно-критического типа издания и представляют творчество писателя в серьезно урезанном виде. В качестве своеобразного подступа к изданию «полного» Мамина-Сибиряка можно рассматривать предпринятый в 1980-е гг. эдиционный опыт профессора Уральского университета И. А. Дергачева, вылившийся в публикацию 12 книг в серии «Уральская библиотека» (Свердловск, 1980–1991)¹.

Только в год памятного 150-летнего юбилея уральского писателя по решению правительства Свердловской области было положено начало работе над полным собранием сочинений Д. Н. Мамина-Сибиряка в 20 томах (далее для удобства пользуемся сокращением ПСС). Его план-проспект был разработан известным исследователем русской классической литературы профессором Уральского госуниверситета Г. К. Щенниковым [Мамин-Сибиряк, 2002–, т. 1, с. 11–12]. Им же были подготовлены на базе издательства «Банк культурной информации» первые четыре тома (в пяти книгах): первый том вышел из печати в 2002 г., четвертый – в 2007 г. Однако после кончины Г. К. Щенникова в процесс подготовки и комментирования очередных томов ПСС (начиная с 5-го тома) включился уже обновленный творческий коллектив под общей редакцией профессора О. В. Зырянова.

¹ Отход от хронологического принципа, стремление сохранить отдельные собранные самим автором сборники-циклы, а также проведение текстологической сверки и написание оригинальных комментариев – все это выгодно отличает тип издания под редакцией И. А. Дергачева.

В результате отдельным томом был издан сборник-цикл Мамина-Сибиряка «Уральские рассказы», включающий в себя произведения 1882–1896 гг. В дальнейшем по не зависящим от редколлегии причинам издание было опять на длительный срок приостановлено. В настоящее время подготовлен к печати 6-й том, в который вошли роман «Именинник», драматургия, повести, рассказы и очерки 1887–1889 гг.

Научно-филологическую подготовку ПСС Мамина-Сибиряка взял на себя сектор русской классической литературы кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета совместно с центром истории литературы Института истории и археологии УрО РАН. Новый состав редакционной коллегии ПСС обещает сохранить верность той научно-исследовательской и издательской традиции, которая была заложена крупнейшими авторитетными учеными, известными специалистами в области маминоведения И. А. Дергачевым, Г. К. Щенниковым, В. В. Блажесом. Встреча знаменательного юбилея Д. Н. Мамин-Сибиряка – 170-летия со дня его рождения – заставляет форсировать работу над многотомным издательским проектом. Попытаемся осветить трудности работы над ПСС Мамин-Сибиряка и решения, которые предлагает редакционная коллегия данного издания.

В первую очередь это касается выработки самого *принципа расположения произведений писателя по отдельным томам*. В настоящем ПСС в качестве ведущего принят хронологический принцип, но с непременным учетом жанрово-родовой дифференциации и тенденции к циклизации отдельных произведений. Так, в составе томов предполагается внутренняя рубрикация – разделение крупных (романы) и средних и малых повествовательных форм (повести, рассказы и очерки). В составе 6-го тома, например, отдельно выделяется раздел, связанный с драматургией писателя и хронологически привязанный ко времени написания пьес «На золотом дне» («Золотопромышленники») и «Маленькая правда». Незавершенные произведения, первоначальные редакции и различные варианты текстов печатаются в специальных разделах «Незавершенное, ненапечатанное», «Рукописные редакции», «Варианты», «Другие редакции, варианты».

Отдельную проблему составляет широко практиковавшаяся писателем и глубоко осознанная им в качестве особого художественного приема тенденция к циклизации малых жанров прозы. Свидетельством тому – многочисленные собственно авторские циклы, причем как первичные, изначально задумывавшиеся свертхтекстовые ансамбли, так и вторичные, собиравшиеся на основе опубликованных ранее и существовавших в автономном режиме произведений. Собирая тексты малых и средних повествовательных форм в отдельные сборники-циклы, Мамин-Сибиряк группирует их по разным основаниям: по тематике («Золотая лихорадка», «Детские тени», «Около господ»), жанру («Легенды», «Святочные рассказы»), месту действия

(«Уральские рассказы», «Сибирские рассказы»), типу героя («Разбойники», «Преступники»), центральной сюжетной ситуации («В дороге», «Встречи»), целевой аудитории («Сказки и рассказы для детей младшего возраста», «Аленушкины сказки», «Светлячки»), эстетической модальности («Ноктюрны», «Осенние листья»).

Если воспользоваться терминологией В. И. Тюпы, то большая часть указанных сверхтекстовых образований подпадает под определение «суммативного» цикла, или циклоидного образования «серийного» типа, которые, в отличие от «интегративных» циклов, не образуют жесткую структуру со строго выверенной композицией и ступенчато развивающимся сквозным сюжетом, а представляют собой набор различных вариаций на одну и ту же тему, некую серию произведений, которая далеко не обязательно характеризуется системно-целостным концептуальным единством [Тюпа, с. 52–54]. Но наряду с подобными сверхтекстовыми образованиями серийного типа (традиционными сборниками) в творчестве Мамина-Сибиряка дают о себе знать и полноценные монтажные композиции, или циклы в собственном смысле этого термина («Разбойники», «Аленушкины сказки», «Из далекого прошлого»). Исходя из этого в составлении отдельных томов ПСС приходится всякий раз принимать решение о том, печатать ли те или иные произведения по отдельности (в соответствии с хронологией их создания) или в составе сборников-циклов. В решении данного вопроса приходится принимать во внимание прежде всего два фактора: 1) важность в историко-литературном плане того или иного сборника-цикла и 2) структурно-концептуальное единство сверхтекстового циклического образования.

В издании ПСС принято решение не разрушать состав сборников «Уральских» и «Сибирских рассказов», несмотря на весь их внушительный объем, а также сохранить жанровое единство сборника-цикла «Легенды» и структурную целостность циклов «Аленушкины сказки», «Светлячки», «Разбойники», «Из далекого прошлого», подержанную и в большинстве предшествующих изданий писателя. Отдельным томом предполагается издать многочисленные тексты Мамина-Сибиряка о детях и для детей, расположив их внутри тома с учетом циклов и в хронологическом порядке. Данное решение, с нашей точки зрения, вполне оправдано тем, что уральский писатель по праву считается одним из самых признанных корифеев детской литературы, совершенно закономерно выдвинутым экспертным педагогическим сообществом на роль главного детского писателя применительно к рубежу XIX–XX вв. [Маслинская].

В жанрово-родовом отношении отдельного разговора заслуживает публицистическое наследие писателя. Сам этот жанр нуждается прежде всего в типологическом изучении. Необходимо строго различать по крайней мере две разновидности публицистических текстов – собственно публицистические тексты и тексты художественно-публицистические [Бортникова, с. 18]. В связи с этим в достаточно

обширном разделе ПСС «Статьи, путевые очерки и заметки» необходимо настоятельно отграничить собственно публицистику, например, от такого документально-художественного жанра, как очерк-травелог. Напомним, что в составе 4-го тома редактор Г. К. Щенников опубликовал дорожные очерки писателя «От Зауралья до Волги. Путевые картинки», «Горой. Из летних скитаний по Уралу» и «Святой уголок. Путевые заметки» в основном беллетристическом разделе «Повести, рассказы, очерки». Это ставит перед нами задачу формирования последующих томов, в которых наряду с собственно беллетристическими текстами предполагается также публикация травеложно-очерковых произведений с публицистическим началом, таких как «По Зауралью. Путевые заметки» (1887), «На кумысе. Из летних экскурсий» (1888), «Старая Пермь. Путевые очерки» (1889), «Самоцветы. Очерк» (1890). Предлагаемое решение серьезно расходится со сложившейся в маминоведении эдиционной практикой, согласно которой в разряд публицистических текстов включаются и произведения травеложно-очеркового характера.

Самую большую проблему в подготовке ПСС Мамина-Сибиряка представляет по возможности полный охват его эпистолярного наследия, рассредоточенного в различных архивохранилищах. В советское время в 8-томном собрании сочинений писателя были опубликованы лишь 53 письма, в 10-томнике – 59 писем². Предпринятая к столетнему юбилею писателя попытка издания двухтомника «Переписка Д. Н. Мамина-Сибиряка» (составитель Б. Д. Удинцев, научный редактор Е. А. Боголюбов, общая редакция В. Д. Бонч-Бруевича), призванная объединить в своем составе 1654 письма, из них 1174 письма собственно маминских, так и не увенчалась успехом [Китайник, с. 167]. Поэтому и спустя 70 лет остается актуальным и перспективным проектом издание маминского эпистолярного наследия – желательно с элементами двусторонней переписки. В настоящее время на базе Объединенного музея писателей Урала уже начат процесс подготовки писем Мамина-Сибиряка к изданию и научному комментированию.

Следующий комплекс проблем в подготовке ПСС определяется *целями и задачами текстологической работы*. В подготовке каждого тома ПСС Мамина-Сибиряка приходится действительно иметь дело со всеми этапами текстологического процесса, а именно:

- 1) обследовать все прижизненные издания (первые публикации – газетные или журнальные), а также последующие в составе различных сборников, собраний сочинений писателя;
- 2) устанавливать (обосновывать) дефинитивный текст того или иного произведения, который помещается в основном корпусе тома;

² Еще несколько новых неизвестных писем писателя опубликованы в малоизвестных журнальных изданиях и в ставших почти раритетными научных сборниках [Китайник; Степанова, 1975; Степанова, 1979; Удалов].

3) обследовать (расшифровывать) архивные рукописи и разные печатные редакции (варианты) текста, которые приводятся в разделе «Другие редакции, варианты» целиком или частично (с выделением и комментированием наиболее значимых разночтений).

Попытаемся более конкретно обозначить наиболее существенные проблемы чисто текстологического характера, с которыми приходится сталкиваться в ходе подготовки отдельных томов ПСС Мамина-Сибиряка.

Пожалуй, самую важную проблему представляет атрибуция текстов писателя, известных по газетным публикациям и подписанных не полным именем, а псевдонимами. Так, например, случилось с повестью «Роковой человек», опубликованной в газете «Петербургский листок» за 1891 г. (№ 215–217, 219–221, 224–228) под псевдонимом *Ник. Челышев*. На принадлежность этой повести Мамину-Сибиряку обратил наше внимание А. И. Рейтблат. Он же предложил и обоснование авторства данной повести, сославшись на раскрытие тайны псевдонима редактором газеты Н. А. Скроботовым. Мы пошли дальше в вопросе обоснования авторства, используя данные структурной поэтики и стилового анализа, включая семантику заглавия, осмысление природы конфликта и принципов характерологии (антропологической концепции писателя), определения ведущих тем и мотивов, а также выявления функции используемых автором художественных сравнений [Зырянов]. Таким образом, на данный момент можно с полной уверенностью подтвердить авторский статус новообнаруженной повести Мамина-Сибиряка «Роковой человек».

Другой вариант текстологической проблемы представляет случай, когда одно и то же произведение публикуется автором под разными заглавиями. Примечательна в этом отношении история с повестью «Пустышка». В рукописи самим автором проставлена дата «11 сент., 89. Екатеринбург» [ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 65]. В издании «Д. Н. Мамин-Сибиряк. Рукописи и переписка» есть указание на первую публикацию текста в газете «Саратовский листок» за 1890 г. (без указания конкретных номеров) [Д. Н. Мамин-Сибиряк, 1949, с. 32]. В библиографическом указателе Л. Н. Лигостаевой повесть «Пустышка» вообще не значится, однако тут же приводятся сведения о повести «Беззаветная любовь»: публикация в журнале «Мир» (1912, № 1) с пометкой, что «окончания нет, так как издание журнала прекратилось» [Д. Н. Мамин-Сибиряк, 1981, с. 168]. Об отсутствии окончания повести вряд ли вообще может идти речь, ибо по всем законам маминской поэтики текст повести полностью завершен в смысловом отношении, замыкаясь предельно лаконичным и выразительным пуантом. Но практика последующих публикаций данного текста вызывает еще большие сомнения. Так, в марксовском издании повесть почему-то датируется 1908 г. [Мамин-Сибиряк, 1915–1917, т. 11, с. 323]. Перепечатывая данный текст в новейшем издании именно по указанному источ-

нику, Л. М. Слобожанинова, тем не менее, с полным доверием следует за библиографическим справочником Л. Н. Лигостаевой, проставляя дату 1912 г. и полностью повторяя в комментариях заметку о якобы отсутствии окончания повести [см.: Мамин-Сибиряк, 2008, с. 420]. На самом деле сличение двух вариантов – «Пустышки» (из «Саратовского листа» и хранящейся в ГАСО авторской рукописи) и «Беззаветной любви» (из журнала «Мир») – позволяет сделать вывод о полной идентичности двух данных текстов. По сути, это одно произведение, но публиковавшееся автором в разное время под разными названиями. Поэтому представляется более обоснованным место повести «Пустышка» («Беззаветная любовь»)³ именно в 6-м томе ПСС, включающем тексты 1887–1889 гг.

Возможен и прямо противоположный вариант текстологической проблемы, когда, например, разные произведения публиковались автором под одним и тем же заглавием. Возьмем для примера текст с названием «Ночь». В библиографическом указателе Л. Н. Лигостаевой выделена лишь одна позиция с таким названием. На самом деле у Мамина-Сибиряка есть два текста с одним и тем же заглавием: «Ночь. Летняя идиллия» («Одесские новости», 1889, № 1254, 1255) и «Ночь. Эскиз» (первая публикация – в кн. «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам». М., 1898), позднее вошедшая в сборник «Преступники: рассказы и повести» (М., 1902) и сборник «Сибирские рассказы» (М., 1905). Причем для Мамина-художника подобная практика не ограничивается лишь только данным единичным случаем. То же самое касается текста с названием «Встреча»: рассказ 1889 г. с данным названием был перепечатан автором в сборнике «Осенние листья», тогда как другой рассказ с тем же названием, но уже 1898 г., вошел в сборник «Ноктюрны» (показательно, что оба сборника вышли в один и тот же год – 1899). К сожалению, в библиографическом указателе Л. Н. Лигостаевой и этот факт оказался неотраженным.

У Мамина-Сибиряка встречаются и такие случаи, когда одно и то же произведение публикуется в разных вариантах. Так, например, очерк «Антоша» (1888) представляет собой первый вариант очерка «Сусанна Антоновна», включенного автором в сборник «Детские тени» (М., 1894). Очерк «Фомич» («Дело», 1887, № 1) – сокращенный вариант психологического этюда «Лес», помещенного автором в сборник «Уральских рассказов» (М., 1889). То же самое наблюдается, например, с повестью «Наши» («Волжский вест-

³ Чаще всего смена названия происходит у Мамина еще на стадии допечатной. Так, например, рассказ, датированный в рукописи 1883 г. [ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 19] и носящий первоначальное название «Толстухка», в печатной версии получил название «Переводчица на приисках». Под этим заглавием он вошел и в сборник «Уральских рассказов». Мы приводим данный пример, так как в случае с «Толстухой», равно как и с «Пустышкой», налицо единый механизм смены названия – от прозвища героини (чаще всего сниженно-бытового) к более нейтральному или романтически-возвышенному заглавию.

ник», 1886), которая предстает начальным вариантом будущего романа «Весенние грозы» («Мир Божий», 1893, № 1–10). Данное обстоятельство нужно учитывать всякий раз при формировании состава отдельных томов ПСС, а также при решении вопроса о том, какие тексты помещать в раздел основных, а какие относить в рубрику «Варианты».

Еще сложнее обстоит дело с различием разных редакций одного и того же текста. Самый показательный пример – публикация рассказа «Коробкин. Из летних рассказов» (1885). В данном случае обнаруживаются серьезные разночтения печатного текста и рукописного, сохранившегося в фондах ГАСО [Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 28]. В каталоге фондов Гослитмузея отмечается, что «в издании Маркса рассказ опубликован в сокращенном виде» [Д. Н. Мамин-Сибиряк, 1949, с. 29]. Но речь в данном случае должна идти не просто о сокращении текста печатной редакции, а именно о новой, осуществленной самим автором редакции текста, несомненно приведшей к достижению его большей художественной выразительности. Поэтому в качестве базового текста для публикации в основном разделе ПСС должен быть выбран вариант текста в более поздней авторской редакции. Место же первоначальной редакции – в разделе «Рукописные редакции» с установлением наиболее значимых разночтений в сравнении с печатной редакцией текста.

Редакционная правка Мамина-Сибиряка может относиться и к достаточно локальным фрагментам текста, но чаще всего к его самым ударным местам, например, к значимому окончанию, играющему особую роль в так называемом «рамочном тексте». Покажем это на конкретном примере. Вот окончание рассказа «Осенние листья» (1889), представляющее слова героя Вихрева по поводу его семейной драмы и трагической судьбы русской женщины. В рукописной редакции (первоначальном варианте текста) это выглядело таким образом:

– Знаете, что я вам скажу, – говорил он [Вихрев] в передней, надевая проношенные резиновые калоши, – русская женщина – трагический тип... В ней так много жизни и такой неистощимый запас сил, а приложения нет. Да... [ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 47].

В печатной редакции текста появляется знаменательная финальная приписка, которая, с одной стороны, позволяет немного снизить пафос предшествующего признания о трагической участи русской женщины обращением к судьбе конкретной героини Натальи Павловны, сбежавшей от своего мужа с дворянским фатом Низовцевым, и ее дочери Журеньки, связавшей свою судьбу с молодым доктором Засухиным, а, с другой – переводит высказывание Вихрева в план вопросительно-диалогический за счет прямого обращения к собеседнику – герою-повествователю.

А в данном случае в ней [Наталье Павловне] проснулась неудовлетворенная женщина. Она в дочери переживала свою неизжитую жизнь. Как вы думаете, что было бы, если бы Журенька не унаследовала моего рыбьего темперамента и вышла бы замуж за Низовцева?.. [Мамин-Сибиряк, 1953–1955, т. 4, с. 648].

В данном случае, как мы видим, финальная реплика Вихрева завершается вопросом, тем более значимым в плане рецептивной поэтики, что он заставляет напрямую задуматься над возможностью некоего нового «потенциального сюжета», ставящего под сомнение жесткую власть социально-детерминистского или научно-психиатрического дискурса⁴ над судьбами маминских героев.

Особый интерес представляет выявление разночтений в результате сравнения печатных вариантов текста и рукописных редакций. Подчас это могут быть самые минимальные разночтения, касающиеся чисто стилистических или пунктуационных моментов, но в то же время приобретающие большой вес и значение. Как показывает практика, редакторское вмешательство в текст Мамина чаще всего касается устранения явных повторов или тавтологических конструкций, которые обнаруживаются в беловых рукописях, скорее всего, по причине авторской небрежности, некоторой поспешности писательской работы. Но в некоторых случаях осуществленная редактором правка авторского текста выглядит излишне немотивированной.

Покажем это на конкретных примерах из повести «Пустышка» («Беззаветная любовь»). Так, в третьей главке повести речь идет о состоянии Луки Сбоева, купца третьей гильдии, но в прошлом крепостного помещиков Любарских, тайно влюбленного в их дочь Вавочку. Вот как выглядит печатный текст с явной цензурной правкой, которая выделена в тексте курсивом: «Сбоев походил по горнице, пошвырял на счетах, *попробовал даже запеть что-то*, но ему сделалось еще тошнее, чем во дворе» [Мамин-Сибиряк, 1915–1917, т. 11, с. 300]. В авторской рукописи данное предложение выглядит иначе: «Сбоев походил по горнице, пошвырял на счетах, *попробовал даже затянуть “Преславная днесь...”*, но ему сделалось еще тошнее, чем во дворе» [ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 7 об.]. В этом же самом абзаце отмечаем еще одно разночтение – фрагмент из двух предложений, представляющий несобственно-прямую речь все того же купца Сбоева: «Другие из последнего живут, прямо сказать – в долгах по уши, а все у них по-настоящему, как требует порядок. Взять хоть тех же Любарских: недалеко от нищих ушли, а в квартире *как следует настоящим*

⁴ В новейшем исследовании Риккардо Николози «Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века» (М., 2019) прямо отмечается экспериментальный характер авторской позиции в произведениях Мамина-Сибиряка, выражающийся, что примечательно, то в представлении «вырождения как симулякра» («Приваловские миллионы»), то в «сведении натуралистических нарративов к абсурду» («Хлеб») [Николози].

порядком *быть*». Последняя фраза в рукописном варианте звучала иначе: «недалеко от нищих ушли, а в квартире *как следует настоящим господам быть*». Вариант из авторской рукописи представляется предпочтительным, так как точнее выражает сознание бывшего крепостного, продолжавшего рассматривать Любарских как именно *господ* (ср. там же: «– Был во флигеле у *господ*... Нового гостя приспособили...»).

В качестве важной проблемы при подготовке текстов ПСС следует также рассматривать соблюдение принципа авторской пунктуации. У Мамина-Сибиряка проявляется, например, особое пристрастие к использованию таких знаков, как многоточие и тире, которые в общей поэтике произведений выполняют глубоко продуманную семантическую функцию. Так, знак многоточия – это, как правило, свидетельство в пользу некоторой недосказанности, эмфатической глубины или открытости высказывания, а знак тире чаще всего вводит какое-то противопоставление или уточнение. Обращает на себя внимание также использование в текстах писателя восклицательного знака, уместность которого практически всегда строго мотивирована. Вот только один пример из рассказа «Осенние листья». Приведен небольшой фрагмент из общения основных героев – Натальи Павловны, ее мужа (Вихрева) и дочери (Журеньки), а также друзей семейства и одновременно соперников – дворянина Низовцева и доктора Засухина:

Журенька по-прежнему щеголяла в своих ситцевых платьях на манер *bébé*, Низовцев по-прежнему разыгрывал джентльмена, Вихрев не выпускал изо рта папирос, а Засухин сидел на продавленном историческом диване и спорил с Натальей Павловной, спорил невозмутимо, методически, доказательно, точно ехал по железной дороге или прописывал рецепт в тысячу и один раз!

– С вами невозможно спорить, доктор, – горячилась Наталья Павловна, причем лицо у ней так и вспыхивало розовыми пятнами [Мамин-Сибиряк, 1953–1955, т. 4, с. 635].

Заметим, что в конце первого абзаца в авторской рукописи [ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 16] значится точка, тогда как в реплике разгоряченной Натальи Павловны, напротив, фигурирует восклицательный знак, что в общем согласуется с эмоциональным настроением описываемой сцены. С нашей точки зрения, в данном случае приходится отнести с большим доверием именно к авторской рукописи, нежели к сложившейся издательской практике. Нелишним будет на сей счет процитировать обстоятельное суждение В. Н. Захарова, под редакцией которого подготовлено уникальное собрание сочинений Ф. М. Достоевского в авторской орфографии и пунктуации: «В отношении к авторскому тексту текстолог должен отказаться от амбиций редактора, который лучше знает, что написал автор. Для текстолога

предпочтительнее ампула корректора, который в анализе разночтений и редакций предлагает аргументированный выбор вариантов, исправление опечаток и ошибок» [Захаров, с. 221]. Учет данного предостережения, как нам представляется, совершенно необходим при подготовке ПСС Мамина-Сибиряка.

Еще одна закономерная составляющая в работе над ПСС – это, конечно же, *опыт комментирования* произведений писателя. Причем особо подчеркнем, что речь в данном случае идет о целой системе различных типов комментариев, включая историко-литературные и реальные (или лингвокультурологические).

Так, создание историко-литературных комментариев в обязательном порядке предусматривает следующие моменты:

1) освещение творческой истории произведений, отраженной в различных источниках мемуарно-дневникового свойства, а также в эпистолярном наследии самого писателя;

2) краткие критико-библиографические очерки, оценку (интерпретацию) произведений в прижизненной литературной критике и в последующем литературоведении;

3) исследование генетических контактов, а также интертекстуальных параллелей с предшествующей и современной писателю словесностью (художественной, философской, социально-исторической, этнографической и пр.), в том числе с контекстом его собственного творчества.

Что касается комментариев реальных (или лингвокультурологических), то они, как правило, сводятся к прояснению для современного читателя отдельных культурно-исторических реалий, а также непонятных, устаревших и диалектных слов, содержащихся в текстах писателя. Обобщая цели и задачи словарного комментирования, Е. В. Гаева совершенно справедливо отмечает: «Отдельный и довольно большой вопрос при комментировании – границы примечаний. Определить эти границы не так просто, поскольку читатель может иметь самый разный интеллектуальный уровень, а потому создать комментарии, которые бы устраивали всех без исключения, просто невозможно...» [Гаева, с. 37]. В такой ситуации наиболее целесообразным с точки зрения лингвиста-комментатора следует признать исключение из словника для примечаний слов и выражений, представленных в широко доступных современных вариантах толковых словарей русского языка, и концентрирование основного внимания на «действительно *интересных и редких формах*, которые комментаторами нередко опускаются» [Там же]. Отдельного рассмотрения заслуживают также собственно авторские комментарии, принадлежащие перу самого писателя и рассчитанные им на понимание тех или иных реалий текста более широкой аудиторией читателей.

Обращение к опыту предшественников и проверка всего достигнутого в современном маминоведении насущны не только при составлении комментариев, но и при создании сводных обобщающих статей для каждого тома ПСС, призванных закрепить достигнутый

уровень научно-критической рецепции творчества писателя. И вполне актуальным остается вопрос о *задачах познания* художественного мира данного писателя, о новых перспективах в изучении его обширного творческого наследия.

В заключение обозначим целый ряд более частных научно-исследовательских проектов, которые, с одной стороны, призваны подготавливать и стимулировать работу над ПСС Мамина-Сибиряка, а, с другой, сами являются ее параллельным продуктом, а нередко и объективным следствием.

По решению ученого совета Объединенного музея писателей Урала еще в 2007 г. было объявлено о начале работы по созданию «Маминской энциклопедии», идея которой принадлежала профессору В. В. Блажесу. Из всего заявленного комплекса многосложных задач пока решена только одна – создание «Летописи жизни и творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка» (составитель В. В. Горева) [Летопись]. Однако вполне перспективной и актуальной представляется подготовка словаря-справочника «Д. Н. Мамин-Сибиряк: сочинения, письма, документы», который объединил бы в своем составе статьи по всем имеющимся текстам писателя, в том числе и по его записным книжкам, и по достаточно объемному эпистолярному наследию. Понятно, что осилить подобный проект вполне возможно только слаженному коллективу маминоведов в рамках долгосрочного гранта, который мог бы осуществляться параллельно с работой над ПСС.

Важный момент в позиционировании екатеринбургского центра по изучению творчества уральского писателя в условиях новой цифровой эпохи – это создание своего рода виртуальной научно-исследовательской лаборатории «Мамин-Сибиряк: исследования и материалы». Начало этому проекту положено на сайте «Литература Урала» [Литература Урала]. Однако необходимы постоянная координация его работы, пополнение материалов сайта на более систематической основе.

Следует также развивать издательские проекты, имеющие своей целью популяризацию творчества Мамина-Сибиряка, специализацию его отдельных и значимых направлений. Еще ждет своего открытия Мамин как литературный критик, эстетик, мыслитель и педагог. Заслуживают внимания и афористика, разговоры писателя, более активное вовлечение в научный оборот записных книжек автора и воспоминаний современников о нем.

Таковы в общих чертах промежуточные итоги и актуальные задачи в сфере текстологии и рецепции творческого наследия Мамина-Сибиряка, стимулируемые насущной потребностью издания его ПСС в 20 томах. Ценность данного типа издания состоит в том, что лишь при учете всех произведений писателя (не только чисто художественных, но и публицистических и эпистолярных) можно говорить об аутентичном понимании масштаба и адекватной оценке его творческой индивидуальности.

Список литературы

- Бортникова А. В.* Жанры малой прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.: поэтика повествования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 2016. 26 с.
- Гаева Е.* Пусть будет у вас «кругом шестнадцать». Из опыта комментирования полного собрания сочинений Д. Н. Мамина-Сибиряка в 20 томах (на материале романа «Имениник») // Русская словесность. 2016. № 5. С. 34–38.
- ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 47, 65.
- Д. Н. Мамин-Сибиряк : библиогр. указатель / сост. Л. Н. Лигостаева. Свердловск : Свердловск. гос. науч. биб-ка им. В. Г. Белинского, 1981. 181 с.
- Д. Н. Мамин-Сибиряк. Рукописи и переписка. М. : Тип. «Гудок», 1949. VIII, 204 с.
- Захаров В. Н.* Текстология как технология // Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М. : Индрик, 2012. С. 205–221.
- Зырянов О. В.* Новообретенная повесть Д. Н. Мамина-Сибиряка «Роковой человек»: обоснование авторства // Дергачевские чтения – 2014: Русская литература: типы художественного сознания и диалог культурно-национальных традиций : материалы XI всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Екатеринбург, 6–7 октября 2014 г.) / [отв. ред. О. В. Зырянов]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 233–240.
- Летопись жизни и творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка (1852–1912) / сост. В. В. Горева. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. 377 с.
- Литература Урала: исследования и материалы : [сайт]. URL: <http://www.litural.ru> (дата обращения: 30.09.2022).
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* Полное собрание сочинений : в 12 т. Пг. : Изд-во Т-ва А. Ф. Маркс, 1915–1917. Т. 11. 568 с.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* Собрание сочинений : в 8 т. М. : Гослитиздат, 1953–1955. Т. 4. 703 с. Т. 8. 752 с.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* Полное собрание сочинений : в 20 т. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2002– . Т. 1. 912 с.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* Поздняя проза. Екатеринбург : Сократ, 2008. 424 с.
- Маслинская С. Г.* Почему Д. Н. Мамин-Сибиряк стал главным детским писателем (к проблеме становления канона русской детской литературы) // Детские чтения. 2019. № 1 (15). С. 9–25. DOI 10.31860/2304-5817-2019-1-15-9-25.
- Китайник М. Г.* Об утерянной рукописи «Переписки Д. Н. Мамина-Сибиряка» // Русская литература. 1983. № 1. С. 164–179.
- Николози Р.* Выврождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 512 с.
- Степанова И. И.* Письма Д. Н. Мамина-Сибиряка М. К. Кетову : (Из собрания Свердловского литературного музея) // Русская литература 1870–1890-х годов. Сб. 8. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1975. С. 128–134.
- Степанова И. И.* Д. Н. Мамин-Сибиряк в письмах к Д. И. Тихомирову // Русская литература 1870–1890-х годов. Вып. 12. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1979. С. 124–131.
- Тюпа В. И.* Градация текстовых ансамблей // Европейский лирический цикл : материалы междунар. науч. конф., 15–17 ноября 2001 г. М. : РГГУ, 2003. С. 50–63.
- Удалов В. Л.* Новое о Мамине-Сибиряке – драматурге (письма писателя в редакцию журнала «Артист») // Русская литература. 1968. № 1. С. 170–175.

References

- Bortnikova, A. V. (2016). *Zhanry maloi prozy D. N. Mamina-Sibiryaka 1880-kh gg.: poetika povestvovaniya* [Genres of Short Prose by D. N. Mamin-Sibiriyak in the 1880s: Narration Poetics]. Avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. Yekaterinburg, S. n. 26 p.
- D. N. Mamin-Sibiryak. Rukopisi i perepiska* [D. N. Mamin-Sibiriyak. Manuscripts and Correspondence]. (1949). Moscow, Tipografiya “Gudok”. VIII, 204 p.
- Gaeva, E. (2016). Pust’ budet u vas “krugom shestnadsat’”. Iz opyta kommentirovaniya polnogo sobraniya sochinenii D. N. Mamina-Sibiryaka v 20 tomakh (na materiale romana

“Imeninnik”) [Let It Be “Around Sixteen” for You. From the Experience of Commenting on the Complete Works of D. N. Mamin-Sibiryak in 20 Volumes (Based on *The Birthday Man* Novel)]. In *Russkaya slovesnost'*. No. 5, pp. 34–38.

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 136. List 1. No. 47, 65.

Goreva, V. V. (2017). *Letopis' zhizni i tvorchestva D. N. Mamina-Sibiryaka (1852–1912)* [Chronicle of the Life and Work of D. N. Mamin-Sibiryak (1852–1912)]. Moscow, Yekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. 377 p.

Kitainik, M. G. (1983). Ob uteryanno rukopisi “Perepiski D. N. Mamina-Sibiryaka” [On the Lost *Correspondence of D. N. Mamin-Sibiryak* Manuscript]. In *Russkaya literatura*. No. 1, pp. 164–179.

Ligostaeva, L. N. (Ed.). (1981). *D. N. Mamin-Sibiryak. Bibliograficheskii ukazatel'* [D. N. Mamin-Sibiryak. Bibliographic Index]. Sverdlovsk, Sverdlovskaya gosudarstvennaya nauchnaya biblioteka imeni V. G. Belinskogo. 181 p.

Literatura Urala: issledovaniya i materialy [website]. URL: <http://www.litural.ru> (accessed: 30.09.2022).

Mamin-Sibiryak, D. N. (1915–1917). *Polnoe sobranie sochinenii v 12 t.* [Complete Works. 12 Vols.]. Petrograd, Izdatel'stvo Tovarishchestva A. F. Marks. Vol. 11. 568 p.

Mamin-Sibiryak, D. N. (1953–1955). *Sobranie sochinenii v 8 t.* [Collected Works. 8 Vols.] Moscow, Goslitizdat. Vol. 4. 703 p. Vol. 8. 752 p.

Mamin-Sibiryak, D. N. (2002–). *Polnoe sobranie sochinenii v 20 t.* [Complete Works. 20 Vols.]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. Vol. 1. 912 p.

Mamin-Sibiryak, D. N. (2008). *Pozdnyaya proza* [Later Prose]. Yekaterinburg, Sokrat. 424 p.

Maslinskaya, S. G. (2019). Pochemu D. N. Mamin-Sibiryak stal glavnym detskim pisatelem (k probleme stanovleniya kanona russkoi detskoj literatury) [Why D. N. Mamin-Sibiryak Became the Main Children's Writer (on the Formation of the Canon of Russian Children's Literature)]. In *Detskie chteniya*. No. 1 (15), pp. 9–25. DOI 10.31860/2304-5817-2019-1-15-9-25.

Nikoloz, R. (2019). *Vyrozhdienie: literatura i psikhiiatriya v russkoi kul'ture kontsa XIX veka* [Degeneration: Literature and Psychiatry in Russian Culture at the End of the 19th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 512 p.

Stepanova, I. I. (1975). Pis'ma D. N. Mamina-Sibiryaka M. K. Ketovu. (Iz sobraniya Sverdlovskogo literaturnogo muzeya) [Letters from D. N. Mamin-Sibiryak to M. K. Ketov. (From the Collection of the Sverdlovsk Literary Museum)]. In *Russkaya literatura 1870–1890-kh godov*. Iss. 8. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 128–134.

Stepanova, I. I. (1979). D. N. Mamin-Sibiryak v pis'makh k D. I. Tikhomirovu [Mamin-Sibiryak in Letters to D. I. Tikhomirov]. In *Russkaya literatura 1870–1890-kh godov*. Iss. 12. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 124–131.

Tyupa, V. I. (2003). Gradatsiya tekstovykh ansamblei [Gradation of Text Ensembles]. In *Evropeiskii liricheskii tsikl. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 15–17 noyabrya 2001 g.* Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 50–63.

Udalov, V. L. (1968). Novoe o Mamine-Sibiryake – dramaturge: (pis'ma pisatelya v redaktsiyu zhurnala “Artist”) [New Data about Mamin-Sibiryak the Playwright: (Writer's Letters to the Editor of the *Artist* Magazine)]. In *Russkaya literatura*. No. 1, pp. 170–175.

Zakharov, V. N. (2012). Tekstologiya kak tekhnologiya [Textology as a Technology]. In Zakharov, V. N. *Problemy istoricheskoi poetiki. Etnologicheskie aspekty*. Moscow, Indrik, pp. 205–221.

Zyryanov, O. V. (2015). Novoobretennaya povest' D. N. Mamina-Sibiryaka “Rokovoi chelovek”: obosnovanie avtorstva [The Fatal Man, a Newly Found Story by D. N. Mamin-Sibiryak: Substantiation of Authorship]. In Zyryanov, O. V. (Ed.). *Dergachevskie chteniya – 2014. Russkaya literatura: tipy khudozhestvennogo soznaniya i dialog kul'turno-natsional'nykh traditsii. Materialy XI vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (g. Ekaterinburg, 6–7 oktyabrya 2014 g.)*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 233–240.

Творческая реализация Д. Н. Мамина-Сибиряка в эпистолярном наследии и библиотеке писателя*

Елена Ефремова

Свердловская областная универсальная
научная библиотека им. В. Г. Белинского,
Екатеринбург, Россия

Олег Шабатовский

¹Объединенный музей писателей Урала,
²Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

D. N. Mamin-Sibiryak's Creative Realisation in His Epistolary Heritage and Library

Elena Efremova

V. G. Belinsky Sverdlovsk Regional Research Library,
Yekaterinburg, Russia

Oleg Shabatovsky

¹Integrated Museum of Ural Writers,
²Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The books from D. N. Mamin-Sibiryak's family library and the marginalia left on their pages are a comprehensive source for the examination of the Ural writer's creative realisation. This article examines the role of reading and books in shaping the writer's personality and creative work. Also, the authors reconstruct the history and composition of the Ural writer's family library. The article presents the results of the project, consisting in a scholarly description of books, their digitising, and providing free access to them. The writer's letters are important material for studying his biography and works; they unveil the cultural-historical

* Citation: Efremova, E., Shabatovsky, O. (2022). D. N. Mamin-Sibiryak's Creative Realisation in His Epistolary Heritage and Library. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1803–1820. DOI 10.15826/qr.2022.5.762.

Цитирование: *Efremova E., Shabatovsky O.* D. N. Mamin-Sibiryak's Creative Realisation in His Epistolary Heritage and Library // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1803–1820. DOI 10.15826/qr.2022.5.762 / *Ефремова Е., Шабатовский О.* Творческая реализация Д. Н. Мамина-Сибиряка в эпистолярном наследии и библиотеке писателя // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1803–1820. DOI 10.15826/qr.2022.5.762.

context behind the literary works and can be essential to define the author's intention, conception, and strategy. The study offers a classification and general characteristic of Mamin-Sibiriyak's epistolary heritage. The authors of the article reveal the writer's epistolary circle and its main groups including his family members, friends, literary magazine editors, etc. Additionally, they identify the publishing background of Mamin-Sibiriyak's letters and outline the approximate number of letters that have not been published before.

Keywords: Dmitry Mamin-Sibiriyak, libraries, book collections of the Urals, readers' marginalia, letter, epistolary text, biographics, egodocuments

Издания из родовой библиотеки Д. Н. Мамина-Сибиряка и оставленные на их страницах маргиналии – полноценный источник для изучения творческой реализации уральского писателя. В статье рассмотрена роль чтения и книги в формировании его личности и творчества. Реконструированы история и состав родовой библиотеки уральского писателя. Представлены результаты проекта, включающего научное описание изданий, создание их электронных копий и предоставление к ним свободного доступа. Письма писателя являются важнейшим материалом для изучения его биографии и творчества, раскрывают культурно-исторический контекст создания произведений, могут играть ключевую роль в определении авторской интенции, концепции и стратегии. В работе предложена классификация и общая характеристика эпистолярного наследия Д. Н. Мамина-Сибиряка. Отмечены круг эпистолярного общения писателя и его основные группы, включающие членов семьи, друзей, редакторов литературных журналов и т. д. Рассмотрены практики публикации писем Мамина-Сибиряка, намерен примерный объем ранее не публиковавшихся писем.

Ключевые слова: Д. Н. Мамин-Сибиряк, библиотеки, книжные собрания Урала, читательские маргиналии, письмо, эпистолярный текст, биографика, эго-документы

Книги и чтение сыграли решающую роль в формировании Д. Н. Мамина как личности и как писателя. В «Автобиографической заметке», написанной от третьего лица, он описывает себя как «худенького и болезненного мальчика, развившегося под влиянием чтения книг прежде своих лет» [Мамин-Сибиряк, 1955, с. 429]. В очерке «О книге», вспоминая дом в Висиме, где прошло детство, он рассказывает о чайной комнате, «душой» которой был заказанный «на последние гроши» книжный шкаф: «В нем, как в электрической батарее, сосредоточилась неиссякаемая, таинственная могучая сила, вызвавшая первое брожение детских мыслей» [Там же, с. 555–556]. Книги в те годы в уральской глубинке тоже были роскошью: их выписывали из столиц или покупали по случаю у офеней-книгонош; вероятно, поэтому в памяти писателя в мельчайших подробностях сохранилась история их приобретения и чтения в семейном кругу. В очерке названы книги не только из домашней библиотеки, но и те, которые

Д. Мамину удалось прочитать, взяв у соседней или в заводской конторе. Именно книги стали основой для сравнения образа жизни в родительском и дедушкином доме:

Главная особенность дедушкина домика от нашего висимского заключалась в том, что в нем не было книг... Были книги богослужебные, разрозненные тома какого-то духовного журнала – и только. О газете не было и помину. <...> Мне делалось как-то невыразимо грустно, когда я вспоминал наш висимский книжный шкаф и своих любимых авторов, и я не мог понять, как дедушку не интересует чтение... Мне казалось, что я очутился в каком-то другом царстве, среди неизвестных людей, которые меня не понимают и которых я, в свою очередь, не понимаю [Мамин-Сибиряк, 1955, с. 476–477].

Близкие также вспоминали о пристрастии Д. Н. Мамина-Сибиряка к чтению. М. Я. Алексеева, отвечая на вопросы постоянного сотрудника газеты «Зауральский край», говорила, что читал он «очень много»:

Писателей не помню хорошенько. Помню, что любил всех русских классиков. Много читал критических сочинений и по истории литературы. Особенно интересовался летописями. Известные пермские летописи Шишонко знал чуть не наизусть. Содержание некоторых очень известных рассказов взяты из этих летописей. Одно время, в период литературных неудач, носился с мыслью сделаться частным поверенным и сидел над юридическими сочинениями [цит. по: Чекин, с. 71].

Племянник писателя Б. Д. Удинцев вспоминал о петербургском периоде жизни писателя:

Мы упоминали уже, что всегда Д. Н. массу читал. Утром застанешь его за ворохом газет. Прочитывались всегда внимательно и обе екатеринбургские газеты. Днем работал, а вечером опять за книгой. Я помню в полуосвещенном кабинете на Верейской – старые томы «Четьиминей» митроп. Макария, какие-то раскольничьи списки, полные собрания сочинений Соловьева, Ключевского, Костомарова, литература по Пермскому краю. Сам в качалке или с книжкой на кровати [Удинцев, 1913, с. 62].

Сам Д. Н. Мамин в 1891 г. писал матери из Санкт-Петербурга:

Мечтаю познакомиться с Стасовым, имя которого тебе должно быть известно по литературе, – он художественный критик и заведует художественным отделом Императорской публичной библиотеки... Через него я могу добывать книги и издания, которых нигде нет, а таких мне нужно немало, дабы дополнить лохмотья своего образования [Мамин-Сибиряк, 1955, с. 656].

Чтение формировало не только литературные вкусы, но и мировоззрение писателя. Книги, которые начал собирать еще его отец, пере-

мещались вместе с семьей. По воспоминаниям Б. Д. Удинцева, «висимская библиотека была перевезена в 1878 г. в Екатеринбург и хранилась в том же домике на Соборной улице» [Удинцев, 1962, с. 97]. Переехав в 1891 г. на постоянное жительство в Петербург, Д. Н. Мамин по-прежнему следил за книжными новинками: «Если не читает, то сидит и отмечает по каталогам, заказывая потом О. Ф. купить, что ему нужно. И нельзя было подумать, что книга дорога! Все, конечно, покупалось» [Удинцев, 1913, с. 62]. В процесс комплектования библиотеки были вовлечены и родственники. «Мой отец рассказывал, как следил писатель за “трусами” земских учреждений, настаивал на том, чтобы все новинки посылались ему в Петербург», – вспоминал племянник [Удинцев, 1962, с. 104]. Осознавая роль чтения в формировании личности и в то же время понимая, что для многих екатеринбуржцев книги остаются недоступными, Д. Н. Мамин подарил часть своей библиотеки Уральскому обществу любителей естествознания (УОЛЕ), в которое вступил еще в 1884 г. В годовом отчете библиотекаря УОЛЕ за 1889–1890 гг. указано, что Мамин пожертвовал «32 названия» книги в «41 томе» [Котелянский, 1891–1892, с. 104], а в 1891 г. передал «16 названий» в «26 томах» [Котелянский, 1892, с. 44]. К сожалению, в отчетах называлось только количество подаренных книг, без указания авторов и названий. После смерти писателя в 1915 г. его вдова передала в библиотеку «крупное пожертвование» [Пушкарев, с. XXIV], размер которого, не говоря уже о перечне, не уточнялся. Оставшийся в Петербурге архив и библиотека писателя утрачены, вероятно, безвозвратно: «во время революционных событий О. Ф. Гувале жила у родственников на Кавказе, и последняя квартира Мамина в Петербурге по ул. Верейской осталась без присмотра» [Полевичек, 2002, с. 192].

Только в 1936 г. библиотекарем Свердловского областного музея М. М. Ивановой был подготовлен и опубликован список книг из библиотеки Д. Н. Мамина, хранившихся на тот момент в музейных фондах. Библиографические описания в этом списке очень краткие, в некоторых из них отсутствуют инициалы авторов, не всегда есть год издания, нет сведений о типографии и количественной характеристики издания, не раскрыты псевдонимы и т. п. В предваряющей список аннотации говорится о том, что в него вошли далеко не все принадлежавшие писателю книги: «Три полки книг, принадлежащих Д. Н., нужно считать, разумеется, только частью его книг; но, тем не менее, очень характерных для определения его интересов, вытекающих из его творческой работы» [Иванова, с. 209]. В 1946, 1948 и 1949 гг. во время создания экспозиции музея Д. Н. Мамина-Сибиряка из Свердловского краеведческого музея были переданы личные вещи писателя, которые музей унаследовал от УОЛЕ. В их числе «было получено 92 книги личной библиотеки Мамина-Сибиряка» [Полевичек, 2002, с. 194]. В 1971 г. семья Удинцевых передала в музей «семейные предметы, документы и книги»: «таким образом в музее оказались книги из библиотеки Дмитрия Наркисовича

и Удинцевых – 135 шт.» [Там же, с. 195]. Поскольку в обоих случаях книги в музей передавались по актам, выявить их из всего книжного собрания музея несложно.

Следующим этапом в изучении библиотеки Д. Н. Мамина-Сибиряка в фондах Свердловского областного краеведческого музея стала работа старшего научного сотрудника В. Н. Оносовой, выявлявшей книги писателя по владельческим записям и экслибрису [Оносова]. В 2002 г. Л. С. Соболевой было выполнено первое научное описание посвященных истории раскола книг из родовой библиотеки Д. Н. Мамина с расшифровкой всех записей и выявлением книжных знаков и читательских помет [Соболева, 2002].

В 2011 г. на ученом совете Объединенного музея писателей Урала было принято решение реализовать исследовательский проект «Д. Н. Мамин-Сибиряк в книжном пространстве эпохи», важным этапом которого должно было стать научное описание родовой библиотеки писателя. В течение 2012 г. сотрудники СОУНБ им. В. Г. Белинского создали поэземплирное описание книг из библиотеки Д. Н. Мамина и их электронные копии. В 2022 г. в результате совместного проекта со Свердловским областным краеведческим музеем им. О. Е. Клера сотрудниками библиотеки были подготовлены описания и электронные копии изданий, хранящихся в фондах этого музея. Кроме того, в 2022 г. был организован открытый доступ к копиям изданий: на сайте библиотеки в разделе «Электронная библиотека Белинки» размещена электронная коллекция «Родовая библиотека Д. Н. Мамина-Сибиряка» [Родовая библиотека Д. Н. Мамина-Сибиряка]. В ней предусмотрена возможность полнотекстового поиска, неограниченного копирования, поиска по полному тексту и по метаданным. Таким образом воплощено желание Д. Н. Мамина-Сибиряка, пожертвовавшего часть своей библиотеки в музей УОЛЕ, сделать ее доступной для самого широкого круга читателей.

В книжном собрании Маминых преобладают прежде всего краеведческие издания по истории, археологии, этнографии, а также статистические и справочные издания. Они органично дополняются книгами по истории России в целом. Кроме того, в библиотеке есть книги и по истории права, истории литературы, истории раскола. Среди классической художественной литературы есть брошюры Л. Н. Толстого, запрещенные цензурой. Как и сочинения А. И. Герцена и А. Н. Радищева, они отражают наиболее острые общественные настроения времени. Наличие в книжном собрании, наряду с «Путеводителем по великой Сибирской железной дороге» и «Русским путеводителем за границу», узкоспециальных изданий, посвященных возведению архитектурных сооружений или устройству паровых машин, в том числе на французском языке, свидетельствует о том, насколько тщательно изучал писатель интересующие его проблемы. Уже в самом отборе изданий, покупавшихся для домашней библиотеки, воплотилась творческая реализация Д. Н. Мамина-Сибиряка, считавшего, что в чтении заложена основа не только самообразования, но и формирования личности. Ана-

лиз состава библиотеки во многом объясняет информационную насыщенность текстов уральского писателя.

Описание книг из родовой библиотеки писателя включает в себя библиографическую запись на издание и сведения об особенностях экземпляра: переплет, сохранность, владельческие книжные знаки, записи и пометы, прежние шифры и технические ярлыки, действующий шифр хранения. Поскольку не на всех книгах сохранились титульные листы, утраченные данные восстанавливались по другим экземплярам этих изданий из Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского (СОУНБ) и РНБ. Это позволило не только восполнить недостающие сведения, но и исправить ошибки в музейных описаниях. Например, автором книги «Самодетельность женщины» с утраченным титульным листом и предисловием ошибочно считался С. Смайльс, так как во второй половине XIX в. вышло несколько переизданий его книги под таким же названием. Однако при сопоставлении текста удалось выяснить, что в ОМПУ хранится книга Д. Байжэрет «Самодетельность женщины». При описании отдельных оттисков также восстанавливалась вся недостающая информация: название журнала, сборника или газеты, в котором была опубликована статья, год и номер периодического издания, место и год издания сборника. Кроме того, было выявлено титульное издание «Иллюстрированное описание всемирной выставки в Париже, 1867 года»: на нем, в отличие от экземпляров, хранящихся в РНБ и РГБ, указан автор – А. К. Фохт. Также были раскрыты все псевдонимы.

Выявленные особенности бытования экземпляров из родовой библиотеки позволяют исследователям реконструировать элементы книжной культуры XIX – начала XX в. Описание переплета или указание на его отсутствие дает представление о том, какие книги особенно ценились владельцами, не пожалевшими средств на кожаный переплет и золотой обрез, в какие переплетные мастерские они обращались. На многих книгах сохранились издательские обложки, что представляет несомненную ценность для изучения российского книгоиздания второй половины XIX – начала XX в. При описании сохранности указывались не только видимые повреждения, но и утраченные страницы, что позволит получить представление о том, каким должно быть издание в целом, и выявить особенности владельческого переплета.

В процессе работы было выявлено 15 типов штампов учреждений, в которых хранились книги (УОЛЕ, СОКМ, ОМПУ), а также восемь персональных владельческих книжных знаков, среди которых – штамп самого писателя, штамп Б. Д. Удинцева, а также экслибрисы тех лиц, из чьих библиотек были приобретены книги (Г. В. Буслова, А. Анфиногорова, П. С. Крынкина и др.). Зафиксированные в описании изданий прежние шифры и технические ярлыки дают возможность реконструировать историю перемещения родовой библиотеки Маминых по различным учреждениям (музеям и библиотекам), а также в какой-то мере дополнить наши представления о том, каким

образом были организованы книжные музейные и библиотечные фонды в первой трети XX в.

Наиболее информативны и интересны зафиксированные в описаниях экземпляров книг из родовой библиотеки расшифрованные записи и пометы. Так, дарственные надписи позволяют не только выявить круг творческих контактов писателя, но и узнать детали этих взаимоотношений. Например, на одном из томов «Пермской летописи с 1261–1881 г.» В. Н. Шишонко сохранилось своего рода дружеское послание от автора:

Тот вечер, добрый Дмитрий Наркисович, хотелось у Вас побывать, но дела заставили нас скоро уехать. Очень жалею, но скоро, кажется, еще побываю у Вас, и тогда уже поговорим... Да благословит Вас Бог на все доброе [Шишонко, с. 2 обл.].

Кроме того, выявлены автографы самого писателя, дарившего свои книги родным и близким, а также записи, отражающие историю приобретения или чтения книги. Отдельную группу записей представляют собой комментарии к тексту, когда читатель (Д. Н. Мамин, В. Н. Мамин или Б. Д. Удинцев) или высказывает попутные мысли, возникшие в момент чтения того или иного отрывка, или вступает в полемику с автором, или дополняет текст новой информацией (например, пишет краткую биографическую справку об авторе). Так, на полях книги М. А. Круковского «Южный Урал» можно прочитать диалог Д. Н. Мамина с автором: «Кама?» [Круковский, с. 14], «Вранье!» [Там же, с. 148]. На страницах брошюры Л. Н. Толстого «К политическим деятелям» к автору апеллировал В. Н. Мамин, писавший на полях: «голословно» [Толстой, с. 16], «давно ли Вы стали таким ярым эгоистом» [Там же, с. 31], а также излагавший свои взгляды на рассматриваемые в тексте проблемы [Там же, с. 25, 31].

Экземпляр «Справочной книги всех окончивших курс Пермской духовной семинарии» из родовой библиотеки поистине уникален: он состоит из двух текстов – отпечатанного в типографии и написанного на полях и между строк Д. Н. Маминым и Б. Д. Удинцевым – дополнявших список выпускников фактами из их биографий после окончания семинарии и указанием родственных и дружеских связей. Кроме того, при описании книг были зафиксированы все пометы: подчеркивание строк, вертикальные линии на полях, вопросительные или восклицательные знаки, галочки, астериски, характерное NB, в написании которого проявляются индивидуальные особенности почерка владельцев родовой библиотеки. Анализ этих помет позволит исследователям выявить фрагменты текста, вызвавшие наибольший интерес у читателей этих книг.

Таким образом, издания из родовой библиотеки Д. Н. Мамина-Сибиряка и оставленные на их страницах маргиналии можно счи-

тать полноценным источником не только для изучения читательских предпочтений уральского писателя, но и формирования его творческого мировоззрения.

Эпистолярное наследие писателя является важным источником информации для более глубокого понимания его биографии и творчества. Письма дают представление о культурно-историческом контексте, в котором создавались литературные произведения, и зачастую могут играть решающую роль в определении авторской стратегии и мировоззрения писателя. Это также богатый источник биографических сведений. Не случайно публикация писем автора в рамках издания полного собрания сочинений давно стала частью отечественной традиции, ведь всецело понять специфическую природу оригинального литературного таланта можно лишь учитывая систему внутренних предпосылок и внешних факторов, которые в наибольшей степени находят свое отражение в эго-документах. В некоторых случаях эти документы могут представлять художественную ценность. Но даже если их художественная ценность спорна, эти письма являются важным источником знаний об эпохе и, по меньшей мере, обладают ценностью научной.

Мамин был не только плодовитым художником, но и активным корреспондентом. Тематика его эпистолярия весьма разнообразна: события личной жизни, творческая работа, литературные связи – с писателями, редакторами и издателями, отклики на общественные явления. Известно, что, покидая Урал в 1891 г., писатель собрал и перевез с собой в Петербург письма своих предков по отцовской и материнской линии, переписку не только родных, но и двоюродных братьев и сестер, большой комплекс родительской корреспонденции, что свидетельствует о том, что личной переписке он придавал исключительное значение [Соболева, 2011, с. 225]. В письме брату Владимиру он называет письмо «живой вещью» [ОМПУ. Ф. 1. НВФ-284].

Можно обозначить несколько периодов жизни писателя и продемонстрировать, как раскрываются особенности его творческой реализации в письмах, написанных в это время.

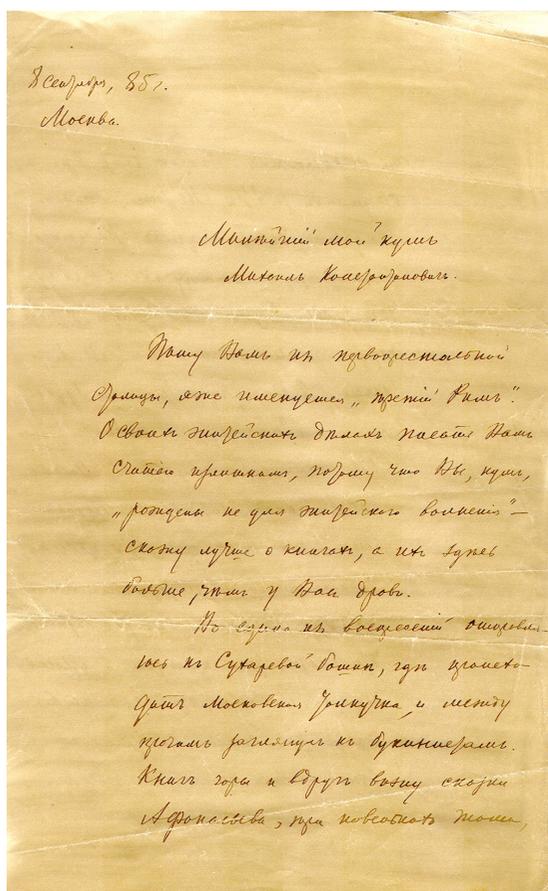
Предварительно следует уточнить объем рассматриваемого материала. В десятом томе собрания сочинений, выпущенном в 1958 г. издательством «Правда», опубликовано 59 избранных писем Мамина-Сибиряка [Мамин-Сибиряк, 1958]. На данный момент это самая объемная презентация его эпистолярного наследия. 11 писем к писателю и редактору журнала «Русская мысль» В. А. Гольцеву были опубликованы в первом томе «Архива В. А. Гольцева». Девять писем к профессору Д. Н. Анучину опубликованы в «Записках отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина» [Мамин-Сибиряк, 1955, с. 695]. В документальную повесть Михаила Китайника «Але-

нушка – отецкая дочь» включены отрывки 90 писем, рукописи которых на тот момент хранились в РГБ, ЦГАЛИ и в семейном архиве Б. Д. Удинцева [Китайник, с. 90]. Отдельные письма, не входящие в число вышеперечисленных, публиковались в журнале «Урал» [Полевичек, 2000]. Переписка хранится в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга. При этом отсутствует полный каталог писем писателя.

Фонды Объединенного музея писателей Урала (ОМПУ) располагают богатой коллекцией фотокопий писем Мамина, хранящихся в разных архивах страны, а также некоторым количеством оригиналов. Речь идет о письмах, написанных в период с 1869 по 1912 г.

Введение в научный оборот хотя бы части этого материала может способствовать не только дополнению и уточнению различных аспектов литературного и исторического характера, но и углублению общих представлений о творческом феномене писателя, поможет определить перспективы его дальнейшего изучения.

Опираясь на биографию Мамина, в его эпистолярном наследии можно выделить три крупных периода. Первый распространяется на годы учебы в Пермской духовной семинарии и высших учебных заведениях Санкт-Петербурга с 1869 по 1877 г. В годы обучения происходит его идейный рост, складывается мировоззрение, формируются общественно-политические взгляды. В Петербурге он начинает литературную деятельность, чем регулярно делится в письмах своим близким. Адресатами сохранившихся писем почти исключительно

1. Письмо Д. Н. Мамина к М. К. Кетову от 8 сентября 1885 г. [ОМПУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 1]

Letter from D. N. Mamin to M. K. Ketov
(September 8, 1885)

являются родители Мамина. Этот период небогат материалами, тем более ценны они для исследователей.

В фондах ОМПУ данный период представлен весьма небольшим количеством писем, но благодаря работам исследователя Б. Д. Удинцева мы знаем, что в письмах отцу содержится информация об отношении к духовному образованию, о круте чтения семинариста Дмитрия Мамина, о его идейных ориентирах. Он серьезно изучает работы русских демократов-просветителей, а также таких авторов как Фейербах, Мошотт и Бюхнер, пропагандирует идеи английского историка Генри Томаса Бокля [Удинцев, 1953, с. 182]. В отделе рукописей РГБ хранится большой архив расшифровок писем Мамина с подробными комментариями Удинцева [РГБ. Ф. 716]. Его комментарии имеют исключительное значение, так как, будучи племянником писателя, он обладал информацией, которая зачастую уже не может быть доступна современным исследователям. Полноценное изучение фондов Удинцева еще предстоит, однако в нашей работе мы будем использовать расшифровки писем Дмитрия Наркисовича отцу и Наркиса Матвеевича сыну, хранящиеся в упомянутых фондах и любезно предоставленные нам исследователем И. В. Юговым, одним из наследников писателя.

Не окончив семинарию, но проучившись в ней четыре года, Дмитрий получил возможность продолжить образование в высших учебных заведениях страны. Он переезжает в Санкт-Петербург, где поступает в Императорскую медико-хирургическую академию на ветеринарный факультет. Его он также оставит через четыре года и поступит на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. О причинах такого решения Дмитрий Наркисович пишет отцу в Нижнюю Салду:

Поступив на ветеринарное отделение, я никогда не думал быть ветеринаром, но нынешней весной я хворал долго и довольно серьезно, и врачи прямо заявили мне, чтобы я и думать позабыл о медицине. Оставалось закончить по ветеринарии, но это, как я уже сказал вам, никогда в мои виды не входило, и я перешел в университет с поверочным экзаменом, который сдал, и теперь числюсь студентом университета [РГБ. Ф. 716. Карт. 1.21].

Выбор юридического факультета Мамин обосновывает следующим образом:

Лично для меня, отбрасывая общественное мнение, юридический факультет имеет неотразимую прелесть уже по тому одному, что он, кроме специальности, дает солидное общее образование, под которым я разумею и знание полит[ической] экономии, и целой группы полит[ических] и социальных наук [Там же].

Эти соображения могут послужить для раскрытия особенностей будущей творческой жизни писателя. Многие исследователи жанрово определяли крупную прозу Мамина как социальный или даже

социологический роман [см., например: Дергачев, с. 131]. Писатель в своем зрелом творчестве исторически достоверно изображал общественные события и процессы конца XIX в. и предшествующих эпох.

В Санкт-Петербурге без существенной финансовой помощи Мамин вынужден был зарабатывать себе на жизнь. В период учебы в академии он работает репортером, в основном освещая заседания научных обществ в местной прессе, пробует писать прозу. Отец писателя с сомнением относится к его литературным перспективам:

Я написал тебе и еще повторю, что ты не прельщай себя надеждой на большое и богатое вознаграждение литературных трудов. Господа редактора журналов, говорят, очень ловко и бесчувственно умеют пользоваться трудами молодых людей, новичков, вступающих на литературное поприще, которое требует очень, очень много времени и труда, которые едва ли на первых-то порах вознаграждаются [РГБ. Ф. 716. Карт. 4.6].

Далее Наркис Матвеевич пишет:

Нужно для литературы очень серьезное научное образование; нужно много, очень много перечитать и всегда помнить всё, что пишется и печатается ныне и что писано и напечатано чуть не за сто лет, а ведь это, согласишься, потребует очень много времени и труда, – без этих же необходимых условий лучше не совать суконного рыла в калашный ряд, если не хочешь отдать себя людям на посмеяние и поругание [Там же].

Нельзя сказать, что эти соображения отца оказались мнимыми, так как до серьезного литературного успеха сына оставалось по меньшей мере восемь лет. Однако Мамин уже тогда, в середине 1870-х гг. начинает собирать всевозможную информацию, которая будет служить ему в литературной работе. В одном из писем он просит отца «припомнить факты из раскольничьей жизни... их предания, суеверия, приметы, заговоры, стихи, правила и т. д.» [Мамин-Сибиряк, 1955, с. 617]; впоследствии он часто изображал семьи уральских старообрядцев в своих произведениях, начиная с его первого успешного романа «Приваловские миллионы». Также в письме от 6 октября он просит отца сообщить ему «сведения о Демидовых и вообще о делах на заводах». Собиравшиеся им тогда сведения послужили написанию повести «Сестры», при жизни писателя не публиковавшейся [Мамин-Сибиряк, 2002, с. 904]. В первой половине 1880-х гг. демидовские заводы были изображены Маминым в известном романе «Горное гнездо».

В 1876 г. Дмитрий решает полностью посвятить себя литературной карьере, что вызывает критику отца:

Крайне неразумен переход твой от репортерства, дававшего тебе небольшой, но верный заработок на содержание, переход к жалкой профессии литер-го чернорабочего, мечтающего о сотенных вознаграждениях

труда и голодающего по целым неделям и месяцам... и я должен сказать, что, переходя без нашего согласия с ветеринарии в университет, ты должен же был рассчитать повернее источник своего содержания и вспомнить, что, дорого цenia время, ты решаешься бросить четыре года, потраченные на занятия ветеринарией [РГБ. Ф. 716. Карт. 1.21].

Этот отрывок красноречиво свидетельствует о подлинно большом желании Дмитрия стать именно литератором, так как во многих других вопросах мнение отца и матери было для него исключительно приоритетным. Уже после смерти отца, став успешным писателем, Мамин пишет матери: «Я редко говорю о папе, но постоянно думаю о нем, и его образ всегда живым стоит перед моими глазами и навсегда останется лучшим примером для нас» [ОМПУ. Ф. 1. НВФ-305].

Во второй выделенный нами период с 1878 по 1891 г. Дмитрий Наркисович живет в Екатеринбурге со своей гражданской супругой М. Я. Алексеевой, иногда выезжая в Москву и Петербург. В этот период Мамин много путешествует по Северному, Южному и Среднему Уралу. В своих письмах он не только делится литературными успехами и дальнейшими планами, здесь широко представлены результаты его наблюдений и исследований жизни родного края, того, что надолго станет основой его творчества. В письмах брату Владимиру Мамин говорит о богатырях как примере для подражания, по его словам, они, прикасаясь к родной земле, получали удесятенную силу [ОМПУ. Ф. 1. НВФ-284]. И для писателя такой землей был Урал.

Переписка с братом является наиболее интересным источником, так как в процессе дискуссии Мамин подробно высказывает свои позиции по многим вопросам. Владимир, будучи студентом Московского университета, также задумывается о карьере писателя, и Дмитрий Наркисович его в этом поощряет, делится своим опытом и во многом раскрывает свое авторское мировоззрение. Следующий отрывок из письма может служить уроком писательского мастерства:

Уметь описать предмет с его главных сторон – великое искусство, которое приобретается не из книг и не от учителей... а от наблюдения предмета воочию. Тем большее искусство заключается в умении охватить предмет несколькими словами [Там же].

В другом письме он пишет:

Занятия филологией и историей остаются кимвалом бряцающим и медью звенящей, если не приложатся к известному живому делу. Скажу за себя... я только и свет увидал, когда стал заниматься историей и бытом Урала [Там же].

В письмах брату Мамин формулирует особенности своего «литературного оружия» [Мамин-Сибиряк, 1955, с. 636], раскрывает идейные позиции:

Есть такие вопросы, лица и события, которые, по-моему, должны быть написаны в старохудожественной форме, а есть другой ряд явлений и вопросов, которым должна быть придана беллетристико-публицистическая форма. Именно так я и пишу: Кесарево Кесареви, а богово богови [Там же, с. 635].

Парадоксальным образом, обращаясь к младшему брату, Дмитрий Наркисович практически повторяет сетования и наставления отца, некогда обращенные к нему самому. Вот что пишет Мамин, узнав, что Владимир бросил филологический факультет и поступил на юридический: «Что тебе взбредет на ум – то и делаешь; поверь, что из такого бросания из стороны в сторону никогда и ничего не выйдет... Раз и навсегда тебе скажу: я против того, чтобы ты был юристом» [ОМПУ. Ф. 1. НВФ-284]. Как и в свое время Дмитрий, Владимир не послушал совета старших и стал успешным адвокатом. Также в письмах брату Мамин подробно делится своими литературными занятиями, что может служить установлению точных дат написания тех или иных произведений, это необходимо для научной работы в рамках ведущейся сейчас публикации полного собрания сочинений писателя.

Много о своей работе Мамин пишет также и матери. Регулярность их переписки позволяет подробно проследить факты его биографии. Многие из этих писем могут показаться слишком бытовыми и стереотипными, но содержащаяся в них информация имеет ценность для широкого круга исследователей из областей, не связанных с литературой. В этих письмах Мамин часто и подробно касается денежных вопросов по многим направлениям, что может представлять значительный интерес для историков, изучающих данную эпоху. Помимо информации о литературных гонорарах, в них содержится информация о ценах на жилье в Екатеринбурге, Москве и Санкт-Петербурге, а также о стоимости различных предметов быта в разных регионах.

В письмах матери упоминаются люди, ставшие для писателя источниками всевозможных сведений:

Егор Як[овлевич] хворает, старику негде взять, так ты ему скажи, чтоб не стеснялся и брал у тебя денег – можешь выдавать ему 3, 5, 10 р., вообще до 50 р. Ты не бойся последней цифры, потому что я слишком обязан Егору Яковлевичу за материалы и нажил на его рассказах не одну сотню [Там же. НВФ-296].

Речь здесь идет о Е. Я. Погадаеве, близком друге Мамина и большом знатоке истории Урала. В рассматриваемый нами период писатель часто бывает в Москве и подробно пишет матери обо всех своих литературных знакомствах.

В это время значительно расширяется круг корреспондентов Мамина, помимо родственников, здесь представлены редакторы и издатели (В. А. Гольцев, М. М. Стасюлевич, А. П. Пятковский,

А. Н. Пыпин), ученые (Д. Н. Анучин, А. Н. Веселовский, О. Е. Клер, К. И. Фадеев), литераторы (Н. Ф. Бажин, А. И. Введенский, Н. В. Казанцев, Ф. Д. Нефедов) и друзья писателя (М. К. Кетов, И. В. Попов).

В фондах ОМПУ хранятся также оригиналы писем писателя. Большой интерес представляют письма друзьям Кетову и Попову. В письмах Кетову, екатеринбургскому адвокату, Мамин дает живописные характеристики своим новым московским знакомым из литературной среды – Златовратскому, Нефедову, Невежину, Северину и другим, а также освещает некоторые факты их биографий:

Познакомился пока с проф. Гольцевым, такой умненький мужичок, только уж очень скромн. Он рассказывает, что Златовратский приедет в Москву недели через две, что Гаршин в третий раз сошел с ума, что Станюковича отправили нынешним летом со всей семьей на жительство, кажется, в Тюмень, что Щедрин очень болен, что Михайловский по-прежнему живет на станции Любань на николаевской дороге [ОМПУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6].

На протяжении многих лет Мамин разрабатывает тему добычи золота. Одним из первых его успехов на поприще литературы стала повесть «Золотуха», опубликованная в журнале «Отечественные записки», а второй петербургский период открывается романом «Золото», где идет речь о березовских золотых приисках. Из писем, адресованных И. В. Попову, мы узнаем, что Мамин интересовался приисками не только в качестве творческого материала:

Нынешнее лето я не мог деньгами принять участие в компании, а к будущему году надеюсь устроиться... и тогда увидим. Во всяком случае, предоставляю Вам право делать заявки новых приисков на мое имя сколько угодно [Там же. Д. 5].

Третий раздел периодизации охватывает промежуток между 1891 и 1912 гг. Последние два десятилетия своей жизни Мамин провел в Санкт-Петербурге и его окрестностях. В 1890-х гг. он погружается в литературно-художественную среду столицы, число его корреспондентов увеличивается. Получателями являются родственники, редакторы и издатели, писатели (Н. Г. Гарин-Михайловский, В. Г. Короленко, В. И. Немирович-Данченко, А. П. Чехов), в том числе детские (К. В. Лукашевич, Н. И. Позняков), публицисты и критики (А. И. Иванчин-Писарев, Н. К. Михайловский), переводчики (М. В. Ватсон), ученые-литературоведы (С. А. Венгеров), артисты (Л. Б. Барятинская, П. Н. Орленев), а также врачи. Последнее связано с тем, что в Санкт-Петербурге у Мамина появилась дочь от второй гражданской супруги, актрисы М. М. Абрамовой. Мать Елены скончалась на следующий день после родов, а сама девочка получила родовую травму, последствия которой сказывались всю ее непро-

должительную жизнь. Письма Мамина матери подробно описывают процесс воспитания и образования подрастающей дочери, что может служить прекрасным дополнением к его детской литературе, раскрыв его не только как автора сказок, но и как реального педагога [Китайник].

Еще до рождения дочери, приехав в столицу, Мамин устанавливает новые многочисленные знакомства, о чем также свидетельствуют его письма матери:

Познакомился главным образом с редакцией «Северного Вестника» и «Новостей», где и запечатываю уже статьи... Из лиц познакомился с следующими: Альбов, Потапенко, Луговой, Эмиль Пуп, Григорий Градовский, Нотович, поэт Минский, Фруг, художник Репин и т. д. Интереснее всего мое знакомство с Репиным, у которого я был в мастерской, и он рисовал с меня для своей будущей картины «Запорожцы» [ОМПУ. Ф. 1. НВФ-297].

Некоторые из указанных лиц стали впоследствии корреспондентами писателя.

Последние письма к матери, глубоко переживавшей гибель младшего сына Владимира и менее чем на год его пережившей, наполнены лирическими размышлениями Мамина о жизни и смерти:

Ах, сколько у тебя и у меня хороших, близких и бесконечно дорогих людей на этом «том свете»! Чего же бояться?.. Все равно, что вернемся из далекого земного путешествия к себе домой... Вспоминая длинный ряд дорогих людей, начиная с милого Висима... Под старость все чаще и чаще вспоминаю свою колыбель и могу только жалеть, что моя дочь не могла провести такого счастливого бесконечно детства, как я [Там же. НВФ-286].

Предстоит еще большая работа по расшифровке и комментированию эпистолярного наследия писателя, но уже на данном этапе ясно, что письма Мамина-Сибиряка могут представлять интерес для исследователей во многих областях. Совместный проект расшифровки и комментирования писем с целью их дальнейшей публикации разрабатывается сотрудниками Объединенного музея писателей Урала и Уральского федерального университета.

Список литературы

Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в русском литературном процессе 1870–1890-х годов. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. 283 с.

Иванова М. М. Личная библиотека Мамина-Сибиряка // Воспоминания о Д. Н. Мамине-Сибиряке. Свердловск : Свердл. обл. изд-во, 1936. С. 209–213.

Китайник М. Г. Аленушка – отецкая дочь : документальная повесть // Звезда. 1982. № 7. С. 90–128.

Котелянский Б. Годичный отчет библиотекаря Уральского общества любителей естествознания за 1889–1890 годы // Записки Уральского общества любителей естествознания. 1891–1892. Т. 13. Вып. 1. С. 104.

- Котелянский Б.* Отчет по библиотеке // Записки Уральского общества любителей естествознания. 1892. Т. 14. Вып. 1. С. 44–45.
- Круковский М. А.* Южный Урал : путевые очерки. М. : К. И. Тихомиров, 1909. 311 с.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* Собрание сочинений : в 8 т. М. : Гослитиздат, 1955. Т. 8. Рассказы, очерки, легенды. Путевые заметки, статьи, воспоминания. Избранные письма 1870–1912. 751 с.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* Собрание сочинений : в 10 т. М. : Правда, 1958. Т. 10. Рассказы и сказки для детей. Автобиографическая записка. Воспоминания. Избранные письма. 435 с.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* Художественные произведения 1875–1882 гг. // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 20 т. Екатеринбург: Банк культур. информации, 2002. Т. 1. 912 с.
- ОМПУ. Ф. 1 (Д. Н. Мамина-Сибиряка). Оп. 1. Д. 5, 6; НВФ 284–305.
- Оносова В. Н.* Книги Д. Н. Мамина-Сибиряка в фонде редкой книги Свердловского областного краеведческого музея // Литературный музей в современном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 65-летию юбилею музея 19–20 мая 2011 г. Екатеринбург : Объединенный музей писателей Урала, 2011. С. 187–196.
- Полевичек Е. К.* Неопубликованные письма Мамина // Урал. 2000. № 8. С. 156–159.
- Полевичек Е. К.* История формирования фонда Д. Н. Мамина-Сибиряка в музее писателей Урала // Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы : материалы науч.-практ. конф., посв. 150-летию со дня рождения Д. Н. Мамина-Сибиряка, 4–5 ноября 2002 (г. Екатеринбург). Екатеринбург : [Б. и.], 2002. С. 192–197.
- Пушкарев Г.* Отчет о состоянии и деятельности библиотеки УОЛЕ за 1915 год // Записки Уральского общества любителей естествознания. 1916. Т. 36. Вып. 5. С. XXIV–XXV.
- РГБ. Ф. 716 (Удинцев Борис Дмитриевич). Карт. 1.21, 4.6.
- Родовая библиотека Д. Н. Мамина-Сибиряка // Электронная библиотека Белинки : [сайт]. URL: <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/63400> (дата обращения: 28.11.2022).
- Соболева Л. С.* Истоки представлений о старообрядчестве в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2002. № 5 (24). С. 97–122.
- Соболева Л. С.* Историографический потенциал архива Д. Н. Мамина-Сибиряка // Современные проблемы изучения истории Церкви : междунар. науч. конф. : тез. докл. Препринт. М. : Ист. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 2011. С. 224–226.
- Толстой Л. Н. I.* К политическим деятелям; II. Письмо к редактору английской газеты. СПб. : Обновление, 1906. 32 с.
- Удинцев Б. Д.* Справки и воспоминания к петербургскому периоду жизни Д. Н. Мамина-Сибиряка // Урал : первый сборник «Зауральского края», посвященный памяти писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка. Екатеринбург : Тип. т-ва «Урал. край», 1913. С. 59–63.
- Удинцев Б. Д.* Письма Д. Н. Мамина-Сибиряка как материалы к его биографии // Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк: сто лет со дня рождения. Свердловск : Свердлов. книж. изд-во, 1953. С. 178–196.
- Удинцев Б. Д.* Семейные воспоминания // Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск : Свердл. книж. изд-во, 1962. С. 94–109.
- Чекин В. П.* Среди друзей Дмитрия Наркисовича // Урал : первый сборник «Зауральского края», посвященный памяти писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка. Екатеринбург : Тип. т-ва «Урал. край», 1913. С. 68–75.
- Шишонко В. Н.* Пермская летопись с 1263–1881 г. Период 1–. Пермь : Тип. Губ. земск. управы, 1881–1889. Период 5. Ч. 2. 1695–1701. 659 с.

References

- Chekin, V. P. (1913). Sredi druzei Dmitriya Narkissovicha [Among the Friends of Dmitry Narkissovich]. In *Ural. Pervyi sbornik "Zaural'skogo kraja", posvyashchennyi*

pamyati pisatelya D. N. Mamina-Sibiryaka. Yekaterinburg, Tipografiya tovarishchestva "Ural'skii krai", pp. 68–75.

Dergachev, I. A. (2005). *D. N. Mamin-Sibiryak v russkom literaturnom protsesse 1870–1890-kh godov* [D. N. Mamin-Sibiryak in the Russian Literary Process of the 1870s–1890s]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN. 283 p.

Ivanova, M. M. (1936). Lichnaya biblioteka Mamina-Sibiryaka [Personal Library of Mamin-Sibiryak]. In *Vospominaniya o D. N. Mamine-Sibiryake*. Sverdlovsk, Sverdlovskoe oblastnoe izdatel'stvo, pp. 209–213.

Kitainik, M. G. (1982). Alenushka – otetskaya doch. Dokumental'naya povest' [Alyonushka, the Father's Daughter. Documentary Story]. In *Zvezda*. No. 7, pp. 90–128.

Kotelyanskii, B. (1891–1892). Godichniy otchet bibliotekarya Ural'skogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya za 1889–1890 gody [Annual Report of the Librarian of the Ural Society of Natural Science Lovers for 1889–1890]. In *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya*. Vol. 13. Iss. 1, p. 104.

Kotelyanskii, B. (1892). Otchet po biblioteke [Report on the Library]. In *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya*. Vol. 14. Iss. 1, pp. 44–45.

Krukovskii, M. A. (1909). *Yuzhnyi Ural. Putevye ocherki* [Southern Urals. Travel Essays]. Moscow, K. I. Tikhomirov. 311 p.

Mamin-Sibiryak, D. N. (1955). *Sobranie sochinenii v 8 t.* [Collected Works. 8 Vols.]. Moscow, Goslitzdat. Vol. 8. Rasskazy, ocherki, legendy. Putevye zametki, stat'i, vospominaniya. Izbrannye pis'ma 1870–1912. 751 p.

Mamin-Sibiryak, D. N. (1958). *Sobranie sochinenii v 10 t.* [Collected Works. 10 Vols.]. Moscow, Pravda. Vol. 10. Rasskazy i skazki dlya detei. Avtobiograficheskaya zapiska. Vospominaniya. Izbrannye pis'ma. 435 p.

Mamin-Sibiryak, D. N. (2002). Khudozhestvennye proizvedeniya 1875–1882 gg. [Fiction Works 1875–1882]. In Mamin-Sibiryak, D. N. *Polnoe sobranie sochinenii v 20 t.* Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. Vol. 1. 912 p.

OMPU [Integrated Museum of Ural Writers]. Stock 1 (D. N. Mamin-Sibiryak). List 1. Dos. 5, 6; NVF 284–305.

Onosova, V. N. (2011). Knigi D. N. Mamina-Sibiryaka v fonde redkoi knigi Sverdlovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Books by D. N. Mamin-Sibiryak in the Rare Book Fund of the Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore]. In *Literaturnyi muzei v sovremennom mire. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 65-letnemu yubileyu muzeya 19–20 maya 2011 g.* Yekaterinburg, Ob'edinennyi muzei pisatelei Urala, pp. 187–196.

Polevichek, E. K. (2000). Neopublikovannye pisma Mamina [Mamin's Unpublished Letters]. In *Ural*. No. 8, pp. 156–159.

Polevichek, E. K. (2002). Istoriya formirovaniya fonda D. N. Mamina-Sibiryaka v muzee pisatelei Urala [History of the Formation of the Fund of D. N. Mamin-Sibiryak in the Museum of Ural Writers]. In *Tvorchestvo D. N. Mamina-Sibiryaka v kontekste russkoi literatury. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 150-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Mamina-Sibiryaka, 4–5 noyabrya 2002 (g. Ekaterinburg)*. Yekaterinburg, S. n., pp. 192–197.

Pushkarev, G. (1916). Otchet o sostoyanii i deyatelnosti biblioteki UOLE za 1915 god [Report on the State and Activities of the Ural Society of Natural Science Lovers Library for 1915]. In *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya*. Vol. 36. Iss. 5, pp. XXIV–XXV.

RGB [Russian State Library]. Stock 716 (Udintsev Boris Dmitrievich). Cart. 1.21, 4.6.

Rodovaya biblioteka D. N. Mamina-Sibiryaka [Family Library of D. N. Mamin-Sibiryak]. (N. d.). In *Elektronnaya biblioteka Belinki* [website]. URL: <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/63400> (accessed: 28.11.2022).

Shishonko, V. N. (1881–1889). *Permskaya letopis' s 1263–1881 g.* [Perm Chronicle from 1263–1881]. Period 1–. Perm, Tipografiya Gubernskoi zemskoi upravly. Period 5. Part 2. 1695–1701. 659 p.

Soboleva, L. S. (2002). Istoki predstavlenii o staroobryadchestve v tvorchestve D. N. Mamina-Sibiryaka [The Origins of Ideas about the Old Believers in the Work of D. N. Mamin-

Sibiryak]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No. 5 (24), pp. 97–122.

Soboleva, L. S. (2011). Istoriograficheskii potentsial arkhiva D. N. Mamina-Sibiryaka [Historiographic Potential of D. N. Mamin-Sibiryak's Archive]. In *Sovremennyye problemy izucheniya istorii Tserkvi. Mezhdunaradnaya nauchnaya konferentsiya. Tezisy dokladov*. Preprint. Moscow, Istoricheskii fakultet Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova, pp. 224–226.

Tolstoy, L. N. (1906). *I. K politicheskim deyatelyam; II. Pis'mo k redaktoru angliiskoi gazety* [I. On Political Figures; II. Letter to the Editor of an English Newspaper]. St Petersburg, Obnovlenie. 32 p.

Udintsev, B. D. (1913). Spravki i vospominaniya k peterburgskomu periodu zhizni D. N. Mamina-Sibiryaka [References and Memoirs to the St Petersburg Period of Life of D. N. Mamin-Sibiryak]. In *Ural. Pervyi sbornik "Zaural'skogo kraya", posvyashchennyi pamyati pisatelya D. N. Mamina-Sibiryaka*. Yekaterinburg, Tipografiya tovarishchestva "Ural'skii kraj", pp. 59–63.

Udintsev, B. D. (1953). Pis'ma D. N. Mamina-Sibiryaka kak materialy k ego biografii [Letters of D. N. Mamin-Sibiryak as Materials for His Biography]. In *Dmitriy Narkisovich Mamin-Sibiryak: sto let so dnya rozhdeniya*. Sverdlovsk, Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 178–196.

Udintsev, B. D. (1962). Semeinye vospominaniya [Family Memories]. In *D. N. Mamin-Sibiryak v vospominaniyakh sovremennikov*. Sverdlovsk, Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 94–109.

The article was submitted on 13.08.2022

Создание литературной карты Урала в путевой очеркестике Д. Н. Мамина-Сибиряка*

Елена Власова

Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

Drawing a Literary Map of the Urals in the Travel Essays of D. N. Mamin-Sibiryak

Elena Vlasova

Perm State University,
Perm, Russia

Travel essays became not only an attempt at writing but also an important part of D. N. Mamin-Sibiryak's later works. This study uses the method of mapping developed in literary geography. The choice of the mapping technique as the main method of research is due to both the internal features of the writer's creative thinking (correlation of the artistic space of his works with the real geography of the Urals, a special mapping view of space) and the specific features of the travel genre. A comprehensive geographical methodology for studying literary travel (V. N. Kalutskov) in combination with geopoetic analysis (V. V. Abashev) makes it possible to describe the literary map of the Ural regions present in D. N. Mamin-Sibiryak's travel essays: the Chusovaya River, Yekaterinburg and its suburbs, Old Perm, the Kama in its lower reaches, the Trans-Urals, and the Southern Urals. During the analysis, the author of the article shows the main structural elements of the travel space on the map: routes, stops, types of locals, natural sites, vehicles, and a characteristic of their role in the process of constructing the Ural landscape. The conclusion of the study is connected with the approval of the special constructive mission of the travel essays of D. N. Mamin-Sibiryak, which is based on the geographical, journalistic, figurative and poetic collection of the Ural landscape by combining territories that are different in their own way. The unity of the Ural space is ensured by the special nature of life associated with the mining economy.

* Citation: Vlasova, E. (2022). Drawing a Literary Map of the Urals in the Travel Essays of D. N. Mamin-Sibiryak. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1821–1835. DOI 10.15826/qr.2022.5.763.

Цитирование: Власова Е. Создание литературной карты Урала в путевой очеркестике Д. Н. Мамина-Сибиряка // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1821–1835. DOI 10.15826/qr.2022.5.763 / Власова Е. Создание литературной карты Урала в путевой очеркестике Д. Н. Мамина-Сибиряка // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1821–1835. DOI 10.15826/qr.2022.5.763.

The map of the Ural landscape drawn by the writer in addition to detailed economic and social characteristics forms a dense layer of figurative observations and generalisations, including all-encompassing geopoetic images. Anticipating the formation of an all-Ural geopoetics, D. N. Mamin-Sibiriyak constructed a coherent spatial narrative, which can be called the first literary map of the Urals.

Keywords: D. N. Mamin-Sibiriyak, travel essays, geopoetics, literary mapping, literary geography, literary map of the Urals

Путевые очерки стали не только пробой пера, но и важной частью зрелого творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка. В исследовании используется картографический метод, разработанный в литературной географии. Выбор картирования обусловлен как внутренними особенностями творческого мышления писателя (соотнесенность художественного пространства его произведений с реальной географией Урала, особый картографический взгляд на пространство), так и жанровыми особенностями путевой очеркистики. Комплексная географическая методика анализа литературного путешествия (В. Н. Калуцков) в соединении с геопозитическим анализом (В. В. Абашев) дали возможность описать литературную карту уральских регионов, которые представлены в путевых очерках Д. Н. Мамина-Сибиряка: это река Чусовая, Екатеринбург и его предместья, Старая Пермь, Кама в ее нижнем течении, Зауралье, Южный Урал. В ходе анализа на карте были проявлены основные структурные элементы пространства путешествия – маршруты, места остановок, типы местных жителей, природные объекты, транспортные средства – и дана характеристика их роли в процессе конструирования уральского ландшафта. Выводы исследования связаны с утверждением особой конструирующей миссии путевых очерков Д. Н. Мамина-Сибиряка, которая основана на географическом, публицистическом и образно-поэтическом собирании уральского пространства за счет объединения его основных территорий. Единство уральского пространства обеспечивается особым характером жизни, связанным с горнозаводским укладом экономики. Нарисованная писателем карта уральского ландшафта включает плотный слой образных наблюдений и обобщений, в том числе емких геопозитических образов. Предвосхищая формирование общеуральской геопозитики, Д. Н. Мамин-Сибиряк конструирует связный пространственный нарратив, который можно назвать первой литературной картой Урала.

Ключевые слова: Д. Н. Мамин-Сибиряк, путевые очерки, литературное картирование, литературная география, геопозитика, литературная карта Урала

Д. Н. Мамин-Сибиряк принадлежит к числу тех авторов, художественное мышление которых органично реализуется в пространстве реальной географии. Образы пространства в творчестве писателя обладают определенностью конкретного ландшафта: это качество художественного видения Мамина-Сибиряка не раз отмечалось ис-

следователями в связи с утверждением об уральском характере его творчества [см.: Дергачев, 1989; Дергачев, 1990; Абашев; Кунгурцева; Мельникова]. Однако важно подчеркнуть, что географически точный взгляд на пространство был характерен для маминского творчества в целом, о чем писала, в частности, Н. А. Кунгурцева: «В период первых литературных проб Мамина формируется основополагающая особенность его литературной манеры – обязательная соотношенность событий и действий произведения с географическим пространством Урала, а в более позднем творчестве – с пространством всей России» [Кунгурцева, с. 4]. Особый интерес писателя к путевому жанру, безусловно, связан с этим внимательным, географически выверенным отношением к пространству.

Путевые очерки, открывшие широкому читателю имя начинающего уральского автора, послужили для Мамина-Сибиряка своеобразной творческой лабораторией, в которой началась разработка ведущих тем и художественных приемов, определивших звучание его большой прозы¹. Однако значение маминских путешествий не ограничивается пробой пера. До отъезда в Петербург писатель много ездит по Уралу, в том числе по делам Уральского общества любителей естествознания, членом которого он состоял с 1884 г. По итогам этих поездок регулярно появляются объемные публикации, которые отражают творческие установки писателя на создание целостного образа Урала². На наш взгляд, в путевой очеркистике Мамина-Сибиряка происходит первое литературное картирование уральского пространства, представленное географически последовательным описанием его уникальности. Это положение исследования опирается на метод картирования, разработанный в сфере литературной географии³ – междисциплинарной области, которая сформировалась вокруг идеи сопоставления реального и литературного пространств [см.: Neal, Cooper, Hones et al.].

Как отмечают авторы исследования *Mapping Literature: Towards a Geography of Fiction*, «литературная география должна быть гораздо большим, чем просто картографической иллюстрацией или вспомога-

¹ Первой заметной публикацией Мамина-Сибиряка стали очерки «От Урала до Москвы», опубликованные в газете «Русские ведомости» в 1881–1882 гг. В число первых значимых публикаций писателя обязательно входят очерки «В камнях» («Дело», 1883) и «Бойцы» («Отечественные записки», 1883) – о сплаве по реке Чусовой.

² Помимо уже названных: «От Зауралья до Волги. Путевые картинки» («Волжский вестник», 1885), «Горой. Из летних скитаний по Уралу» («Сибирский сборник», «Волжский вестник», «Екатеринбургская неделя», 1886), «По Зауралью» («Новости и биржевая газета», 1887), «На Кумысе. Из летних экскурсий» («Русская мысль», 1889), «Поездка на г. Ирмель» («Новости и биржевая газета», 1889), «Старая Пермь» («Вестник Европы», 1889), «Самоцветы» («Русская мысль», 1890), «Орел-городок. Из путешествий по Уралу» (сб. «Путь-дорога», СПб., 1893), «Археологическая поездка по Уралу» («Труды Императорского московского археологического общества», 1894), «Русская заграница» (1903) и др.

³ Наряду с названием «литературная география» (Literary Geography) в этой сфере используются понятия «литературное картирование» (Literary Mapping) или «литературное картографирование» (Literary Cartography).

тельной опорой для научной литературы, в которой все уже сказано» [Piatti, Bär, Reuschel et al., p. 184]. Основной миссией литературного картирования становится интерпретация литературного текста, которая позволяет обнаружить в нем неочевидные смыслы. «Карты, – как точно заметил Франко Моретти, – высвечивают внутреннюю логику повествования: семиотическую область, вокруг которой сюжет объединяется и самостоятельно организуется» [Moretti, p. 6]. Это положение, связанное прежде всего с картированием художественного нарратива, вполне применимо к публицистическим путешествиям, построенным на основе движения в реальном пространстве, и позволяет обнаружить новые аспекты творческой манеры автора. Картирование уральского путешествия В. И. Немировича-Данченко наглядно показало, что основой воссозданного писателем пространства являются «панорамные описания окрестностей с доминирующих высот» [Абашев, Власова, с. 8–9]. Подчеркнем, что жанровая природа литературного произведения во многом определяет характер воображаемого пространства. Не случайно теории литературного картирования говорят о необходимости изучения пространственных аспектов литературных жанров: «Основным направлением будущей литературной географии являются многообразные взаимодействия между реальной и воображаемой географией в различных литературных жанрах (здесь и далее курсив наш. – Е. В.)» [Piatti, Bär, Reuschel et al., p. 180].

Продуктивно также объединение геопоэтического анализа литературного текста [см.: Абашев, Абашева] и подходов, которые в последнее время используются в сфере культурной географии. Среди последних можно опереться на комплексную географическую методику исследования литературных путешествий, которая была предложена В. Н. Калуцковым на материале сахалинского путешествия А. П. Чехова [см.: Калуцков]. В качестве основных параметров в ней используются маршрут путешествия, соотнесение его с историческими путями, транспортные средства путешественника, а также «природные и культурные рубежи, существующие и подмеченные писателем» [Калуцков, с. 77]. Интерпретация перечисленных аспектов направлена на выявление символических мотивов и образов уральского пространства, которые были представлены в путевых произведениях Мамина-Сибиряка⁴. Продолжая изучение «геопоэтических элементов» (В. В. Абашев) в творчестве писателя, наше исследование рассматривает предпринятое Маминым-Сибиряком картирование уральского пространства как один из способов геопоэтического конструирования, то есть создания такого географического образа, который отличают от традиционных пространственных описаний высокая степень рефлексии, целостность ландшафта и символическое осмысление его доминирующих черт [Абашев, Абашева, с. 143–144].

⁴ Теоретико-методологическим ориентиром здесь оказывается совмещение методов создания образных и ассоциативных карт, поскольку, помимо собственно литературных мест, на карту наносятся обобщенные образные значения, см.: [Морозова].

Писателю был присущ особый характер восприятия пространства, что отчетливо проявилось в его путевой прозе. Мамин-Сибиряк любил путешествовать и черпал творческое вдохновение от знакомства с новыми местами вне зависимости от их значимости:

Лично мне решительно было все равно, куда бы ни ехать, а Увильды славились своими рыбными ловлями и массой дичи. Ружье и записная книжка во всех поездках по Уралу для меня составляли весь багаж, а тут в перспективе предстояло прожить в лесу целую неделю в оригинальной обстановке рыбацкой стоянки [Мамин-Сибиряк, 1978, с. 87] (рассказ «Мертвое озеро»).

Умение увидеть и почувствовать неочевидную для других «оригинальность» пространства является отличительным качеством настоящего путешественника, к которым, безусловно, принадлежал Мамин-Сибиряк.

Во время многочисленных путешествий складывалось и укреплялось своего рода картографическое восприятие пространства. Путевые впечатления направлялись целостным представлением о географии движения, и во время поездок писатель активно пользовался картами. В очерках «По Зауралью» карте уделено особое внимание, поскольку она оказывается маркером «анжинерного» отношения к пространству:

– Ну-ко, поглядите, барин, на плант, как теперь речка следствует... – говорил «учитель», припоминая свои поездки по этой дороге.

Со мной была карта Кыштымской дачи, и мы постоянно справлялись с ней, что очень забавляло нашего возницу, сильно не доверявшего «плантам». Пока выходило все верно, и учитель каждый раз повторял: «Ишь ведь... по бумаге едем, как анжинеры» [Мамин-Сибиряк, 1952, с. 46] (очерк «По Зауралью»).

В связи с большой исследовательской работой, которую писатель проводил во время написания очерков, он постоянно сталкивался с картографическими материалами. В очерке «Самоцветы», посвященном поездке на мурзинские копи, упоминание о карте становится важным свидетельством тщательного изучения темы, с одной стороны, и значимости географического представления о ней, с другой:

Между прочим, я приобрел у г. Калугина очень полезную брошюру, составленную им о мурзинских копиях для Уральской научно-промышленной выставки 1887 г. в Екатеринбурге. К брошюре приложена карта с обозначением всех существующих копей [Мамин-Сибиряк, 1947, с. 262] («Самоцветы»).

Интерес к картам подтверждает особый конструирующий взгляд на пространство и способность к его прочтению в перспективе целостного образа.

Карты, очевидно, были важным инструментом воображения пространства. Писатель признавался, что заранее представлял себе место путешествия:

В путешествиях такого рода всего интереснее лично для меня проверить составленную воображением картину с действительностью, и я нарочно старался нарисовать себе вперед все то, что скоро предстояло увидеть [Мамин-Сибиряк, 1955b, с. 174] («Поездка на гору Ирмель»).

При этом представленное Маминым-Сибиряком пространство обладает качеством картографической связности, предполагающей четкое понимание его протяженности, структуры и границ. Так, со ссылкой на карту рисует Мамин-Сибиряк любимое им Зауралье:

В широком смысле слова Зауральем можно назвать весь восточный склон Уральских гор с его отрогами и контрфорсами, но у нас под этим именем известна только та часть склона, которая идет к югу от Екатеринбурга, захватывая Екатеринбургский, Камышловский и Шадринский уезды Пермской губернии и часть Оренбургской. *Стоит взглянуть по карте* на бассейны таких рек, как Исеть, Миасс и Уй с их бесчисленными притоками и на целую полосу горных и степных озер, разлегшихся на громадном пространстве, чтобы сразу оценить все преимущества этого так богато орошенного края. Вообще Урал считается золотым дном, но Зауралье – это само золото. Представьте себе такую картину: с одной стороны проходит могучий горный кряж с своими неистощимыми рудными богатствами, лесами и целой сетью бойких горных речек, сейчас за ним открывается богатейшая черноземная полоса, усеянная сотнями красивейших и кишачих рыбой озер, а дальше уже стелется волнистой линией настоящая степь с ее ковылем, солончаками и киргизскими стойбищами [Мамин-Сибиряк, 1952, с. 21] («По Зауралью»).

Чувство места в сочетании с картографическим видением и живым воображением пространства позволило Мамину-Сибиряку стать первым литературным картографом Урала.

Маршруты путешествий Мамина-Сибиряка говорят о продуманной стратегии описания, связанной с представлением о наиболее значимых его территориях. Ретроспективный взгляд на маминские путевые очерки позволяет обнаружить в них последовательное описание и соединение основных историко-культурных территорий Урала как неоднородного, но экономически и культурно обусловленного единства: Чусовая как коренная магистраль горнозаводского Урала; «трижды благословенное» Зауралье, богатое черноземными почвами, драгоценными камнями и золотом, не случайно писатель называет его «золотом Урала»; Старая Пермь – хранительница чудских древностей и новгородской старины; пустынная дикая Кама, не имеющая ниже Перми никакой истории; Южный Урал, привлека-

ющий своими горными вершинами и национальной экзотикой коренного населения. Все эти области в географическом воображении Мамина-Сибиряка расходятся от Екатеринбургa, который является фактической столицей Урала. Екатеринбург в силу своей значимости составляет самодостаточное урочище, которое вместе с обширными заводскими пригородами получает наименование «горного гнезда» [Мамин-Сибиряк, 2007b, с. 373] (очерк «От Зауралья до Волги»). Его характер определяется «промышленным классом» и независимостью, которую пермские губернаторы называют «непочтением» [Там же]. Мамин-Сибиряк представляет Екатеринбург как европейский город, сдвигая культурные границы Европы за Урал:

Всего курьезнее то приятное изумление, когда эти предусмотрительные путешественники встречают сейчас же за Уралом совсем европейский город, и даже, может быть, европейский с некоторым излишеством: дамы в костюмах от Борта немного режут глаз, потому что и в столице таких немного найдется [Там же, с. 372].

Такова конфигурация основных районов и границ Урала в путевых очерках писателя.

Конечно, в силу путевого характера описания плотность уральского пространства в маминских травелогах оказывается неравномерной: подробнее описаны территории, находящиеся на линии маршрута. Однако благодаря особому картографическому видению, а также множеству вставных очерков, связанных с его предыдущими путешествиями, путевые описания выходят за рамки маршрута и широко охватывают пространство.

Писатель выстраивает ландшафтное⁵ деление уральского пространства, которое учитывает не только географические особенности территории или род занятий населения, но и то, что определяет дух места и выражается в складе характера, отношении к жизни, местной речи. Иногда Мамину-Сибиряку хватает одного выразительного штриха, чтобы дать емкую характеристику целого региона. Специфику Старой Перми Мамин-Сибиряк определяет в опоре на специальную промысловую лексику:

Да, здесь так и пахло еще новгородской стариной, начиная с промысловой терминологии: матица, цырен, обсадные трубки, лоты рассола – все это коренные новгородские слова, за которыми стоит почтенная пятисотлетняя старина [Мамин-Сибиряк, 1951, с. 310] (очерк «Старая Пермь»).

⁵ При использовании понятия «ландшафт» мы опираемся на убедительное обоснование его содержательной и методологической продуктивности в историко-литературных исследованиях, представленное Е. К. Созиной. Культурный ландшафт является «исторически-сложившимся комплексным многослойным образованием, включающим “пейзажные (материальные, физические) и нематериальные (информационные, духовные) компоненты”» [Созина, с. 9].

Установка на обобщение и выделение устойчивых значений пространства становится важной чертой маминских травелогов. Неслучайный характер маршрутов подтверждается тем, что дороги, выбранные Маминым-Сибиряком для своих путешествий, принципиально не совпадали с основными уральскими магистралями. Путевые очерки Мамина-Сибиряка, посвященные сплаву железных караванов по Чусовой, полностью изменили устойчивое представление о том, что Урал располагается вдоль Сибирского тракта. Писатель настойчиво и целенаправленно открывал Урал читателю, меняя благодаря нестандартным маршрутам общие представления о его географии. Даже поездка по уральской железной дороге, к которой после открытия в 1878 г. перешло звание главной транзитной магистрали Урала, представлена у Мамина-Сибиряка в необычном ракурсе. Все дело – в направлении движения: вместо привычного для прежних литературных путешествий движения с запада на восток⁶ Мамин-Сибиряк выбирает западное направление и движется от Екатеринбурга к Перми. Перемена направления заставляет поменять ценностные координаты восприятия. Оказывается, что Екатеринбург может стать центром, который задает и направляет путевые впечатления. Названия «железнодорожных» очерков – «От Зауралья до Волги» и «От Урала до Москвы» – кажутся намеренно заостренными в сравнении с предыдущими путевыми описаниями Урала⁷.

Поскольку движение текста подчинено маршруту путешествия, хронотоп травелога опирается на взаимодействие дорожных наблюдений и остановок, выполняющих роль фокусных точек. Пункты остановок, как правило, определяются целью путешествия. В этом отношении качество остановок на каждом из маршрутов становится выразительной характеристикой создаваемого ландшафта. На Чусовой это пристани и «хватки», по железной дороге от Екатеринбурга до Перми – станции крупных городов-заводов, в Зауралье – усадьбы, заводы и фабрики по обработке металла, золотые прииски и копи самоцветов, на Южном Урале – башкирские деревни, киргизские коши, казачьи станицы; Старая Пермь представлена солеварнями, историческими городами, которые по сравнению с подлинными уральскими городами-заводами получают негативное определение: «село – не село, город – не город, завод – не завод» [Мамин-Сибиряк, 1951, с. 307] («Старая Пермь»).

Главными элементами дорожного наблюдения считаются пейзажные впечатления и описания путевых событий и встреч. Несмо-

⁶ Ранее путевой образ уральского пространства чаще всего был связан с движением путешествующих литераторов на восток: П. И. Мельников-Печерский. «Поездка в Кунгур. Из «Дорожных записок». 1841; П. И. Небольсин. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. 1849; Ф. Ф. Вигель. «Воспоминания». 1864 и др.

⁷ Слышна переключка с «Заметками на пути из Петербурга в Барнаул» П. И. Небольсина.

тря на большое количество пейзажных описаний, о которых речь пойдет дальше, самыми выразительными образами уральского ландшафта у Мамина-Сибиряка оказываются люди. Их внешность, характер, манера говорить – все это становится тем содержательным наполнением, которое определяет самобытность места. На ассоциативной карте уральских путешествий Мамина-Сибиряка каждый из воображаемых регионов может быть маркирован характерным для данной местности типом местного жителя. Екатеринбургская часть Зауралья будет представлена образом уральского мастерового, «заводской косточкой», Старая Пермь – изможденным служащим березниковского содового завода и невозмутимым «чердаком», который на любой вопрос сможет ответить двумя словами «це ину»; в Перми обосновались многочисленные чиновники, а также краеведы, пишущие древнюю историю Пермской земли; собирательным образом зауральских жителей вполне может служить попутчик автора-путешественника из очерков «По Зауралью», в жизни которого преломились многие занятия жителей Урала:

Приземистый, плотный, с красным спокойным лицом и узкими киргизскими глазами, он являлся очень типичным представителем своей извозчицкой семьи. По своему происхождению «заводская косточка» – «учитель» был из мастеровых закрытого медеплавильного Бымовского завода – он отличался чисто заводской смышленостью, тем более что на своем веку исколесил немало мест: служил поваренком у одного доктора, потом учился при какой-то аптеке «мальчиком», потом работал «в горе», добывая железную руду, «бегал на пароходе» в качестве подручного у пароходного повара, затем крестьянствовал на родине, где у него есть земельный надел, затем работал на пушечном заводе в Перми, лет семь «жил в кучерах» у одного учителя гимназии (отсюда и биржевая кличка) и кончил извозчицким промыслом [Мамин-Сибиряк, 1952, с. 19–20] («По Зауралью»).

Пейзаж строится на взаимодействии ключевых элементов уральской природы – гор, лесов и рек. В зависимости от конкретного ландшафта эти уральские локусы претерпевают существенные изменения. На Чусовой лес борется за выживание в столкновении с бурным речным потоком и бойцами, стоящими на речных берегах. Писатель рисует падающую с вершины одного из бойцов, как будто раненую, молоденькую ель:

Можно различить даже узловатые корни, которыми молодое деревцо ухватило за острые камни, и кажется, что это судорожно сжатые руки вросли в тощую почву [Мамин-Сибиряк, 2007а, с. 454] («В камнях»).

По направлению от Екатеринбурга к Перми лес становится темным, траурным:

Близость Урала чувствовалась во всем; но особенно резко проявлялась она в характере лесных пород; сосна быстро исчезала, уступая место траурным еловым лесам, пихте и рябине [Мамин-Сибиряк, 1955а, с. 252] («От Урала до Москвы»).

На перевале, где «начинает чувствоваться холод уральских вершин», «мелкий осинник точно забрызган кровью» [Мамин-Сибиряк, 2007b, с. 393] («От Зауралья до Волги»). При описании Южного Урала появляются образы голых, как ладонь, горных склонов и деревьев-мертвецов [Мамин-Сибиряк, 1955b, с. 177, 185] («Поездка на гору Иремель»). Зауральский лес – это «веселые сосновые боры», наполненные пением птиц и богатые дичью [Мамин-Сибиряк, 1955а, с. 253] («От Урала до Москвы»).

Отметим также общее звучание лесных пейзажей в путевой очеркестике писателя. Постоянно обращаясь к пейзажу, пробуя разные краски и образы, Мамин-Сибиряк, согласимся с В. В. Абашевым, чаще всего остается в конвенциях общелитературной традиции [см.: Абашев]. В этих описаниях немного собственно уральского. Самыми выразительными оказываются названные выше образы «траурного елового леса» и осинника, «забрызганного кровью», которые совпадают с другими символическими значениями уральского пространства, связанными с опасным горным трудом, огневой работой уральских заводов, а в целом отсылают к теллурическим значениям уральского ландшафта. Образ траурной зелени повторится в художественной прозе писателя⁸, что подтверждает его значимость для пространственного мира Мамина-Сибиряка.

По-новому выстраивается Маминым-Сибиряком география горного ландшафта Урала. Если раньше Уральские горы благодаря путевым отчетам путешественников ассоциировались с перевалом на Сибирском тракте, то Мамин-Сибиряк показал совершенно другой горный Урал. Внимание писателя сосредоточилось на чувовских бойцах и высоких вершинах Южного Урала – Таганае, Александровской сопке, Иремеле и др. По большому счету, Мамин-Сибиряк проявил эти области на литературной карте России, предложив их характеристику в качестве самобытных ландшафтов.

В горных пейзажах также происходит наложение общелитературных сравнений, чаще отсылающих к романтической традиции. Но плотность этих образных рядов, сталкивающихся в пределах одного фрагмента, говорит о напряженном поиске выразительного определения:

Можно было пожалеть, что поезд приходит в Кушву ночью и картина окрестных гор проносится, как во сне. При трепетном сиянии месячных лучей видны только массивные силуэты гор, громадными валами тянущи-

⁸ В частности, в романе «Золото»: «Действительно, трудно представить себе что-нибудь лучше такого ельника зимой, когда он стоит по колена в снегу, точно очарованный. Траурная зелень приятно контрастировала с девственной белизной снега» [Мамин-Сибиряк, 1955с, с. 200] («Золото»).

еся к северу; между ними чернеют глубокие лога. Иногда кажется, что поезд мчится по какому-то застывшему исполинскому морю, где волшебной силой все замерло в момент самого сильного волнения: поднявшиеся волны, готовые обрушиться в бездну, так и замерли, и невольно кажется – вот-вот они опять сольются, и все заклоочет кругом; можно даже, при некоторой живости воображения, различить громадный девятый вал, который то там, то сям поднимает свой седой вспененный гребень. Иногда кажется, что впереди выступают крепостные валы и бастионы гигантской крепости, окопанной широчайшими рвами... Но вот прорвется через молочную игру светлой осенней ночи месячный луч и обольет серебряным светом верхи елей и пихт. В воздухе точно протянутся серебряные нити и рассыплются блестящей сверкающей пылью в бархатной зелени сибирского леса. Что может быть красивее такой северной ночи... Вон там спряталась на самом дне глубокого лога покрытая туманом горная речка, а к ней, точно рать великанов, спускаются ели и пихты [Мамин-Сибиряк, 1955а, с. 353] («От Урала до Москвы»).

Пожалуй, самой емкой характеристикой Уральских гор можно назвать образ горного узла, который повторяется в описаниях больших горных массивов:

Мы въезжали в настоящий горный узел, где отроги и разветвления Урала перекрещивались в разных направлениях [Мамин-Сибиряк, 1952, с. 48] («По Зауралью»).

Дорога от Невьянска заметно начинает забирать в гору – это уже подъем на главный массив уральского кряжа. Около самого Невьянска лес давно истреблен, и во все стороны стелется настоящая пустыня: лес начинает подходить к железной дороге гораздо дальше. Влево от дороги синееет какая-то коническая горка, точно большая шапка, а там, на западе – гроздятся тяжелыми массами уже настоящие горы: это начинается дача Тагильских заводов, где красуется целый горный узел, – так называемые Белые горы [Мамин-Сибиряк, 2007б, с. 389] («От Зауралья до Волги»).

Горный узел – это суггестивный образ, который заставляет воспринимать горы как средоточие, символический центр уральского пространства.

Речные локусы разных уральских территорий также обладают своей символической спецификой. Чусовая в качестве главной уральской реки концентрирует в себе его самые значимые черты: природную мощь, тяжесть горного труда, противоборство человека и природы, единство главных стихий уральского пространства – гор, леса и воды. Не случайно Чусовая получает одну из самых ярких символических характеристик, становясь в воображении писателя «железной струей»:

Что ни шаг вперед, то новая картина: здесь скала нависла над рекой, и вода в почтительном молчании катится железной струей под каменной громадой [Мамин-Сибиряк, 1955а, с. 368–369] («От Урала до Москвы»).

Это сравнение связывает Чусовую с железными богатствами уральских недр и выплавкой металла на горных заводах.

Пустынная и медленная Кама в пространственном воображении Мамина-Сибиряка предстает полной противоположностью рабочей Чусовой, что объясняется общим негативным отношением Мамина-Сибиряка к пермской части уральского пространства:

Собственно говоря, Кама – совсем пустынная, дикая река. Селения встречаются редко. Признаков цивилизации никаких, за исключением кой-где вырубленных лесов да двух-трех встречных пароходов. Изредка проползет утлая лодчонка с рыбаками, и опять кругом пустыня: вода, небо, траурный лес по берегам... [Мамин-Сибиряк, 1955а, с. 392] («От Урала до Москвы»).

Зауралье отличается ото всех других уральских регионов чистыми озерами. Писатель называет их «окнами»: «Озеро разлилось сейчас под горой и глядело из зеленой каймы берегов светлым окном» [Мамин-Сибиряк, 1955b, с. 177] («Поездка на гору Ирмель»). Учитывая активность других подземных образов, можно сказать, что эта метафора подтверждает теллурическую направленность маминской геопоэтики.

Как опытный путешественник Мамин-Сибиряк внимательно отнесся к способу путешествия. Более того, он понимал, что выбор транспортного средства влияет на восприятие пространства. В очерках «По Зауралью» читатель сталкивается с выразительной типологией путешествий, основанной на способе передвижения:

Путешествие по железным дорогам и на пароходах с их чиновничьими порядками, бестолковой сутолокой и угнетающим однообразием давно надоело всем и каждому. При одной мысли о вокзалах и пароходных пристанях русского путешественника уже охватывает какая-то судорожная, бестолковая торопливость, и он успокаивается только тогда, когда почувствует себя вещью, сданной в багаж за таким-то номером. Железнодорожные звонки, свистки на пароходах, антрекоты и шней-кляпсы, обжиганье горячим чаем в буфете, и вообще потеря всякой самостоятельности отравляют путешествие по самым лучшим местам, а тут «на долгих» пред вами разворачивается бесконечная поэзия странствования на полной своей воле с долгими кормежками на постоялых дворах, встречами и знакомствами и с неизбежными приключениями [Мамин-Сибиряк, 1952, с. 18] («По Зауралью»).

Мамину-Сибиряку принципиально важно спуститься по Чусовой на железных караванах, проехать деловой екатеринбургский Урал по железной дороге, увидеть северное Прикамье с палубы небольшого парохода, а идиллическое Зауралье почувствовать в неторопливом путешествии «на долгих».

Разделив Урал на неповторимые по своему характеру районы, Мамин-Сибиряк связал их крепкими узами. Во всех путевых описаниях главной темой, направляющей восприятие и оценки, заявляется тема горнозаводского труда. Маминский Урал – это прежде всего горные заводы, горные богатства и «промышленный класс». Исходя из этой ценностной установки выстраивается иерархия уральских урочищ, и остается признать, что административная Пермь и пустынная Кама оказываются в положении антиместа, гетеротопии. Выпадает из маминской карты западная часть башкирского Урала и Оренбуржье, хотя отчасти оно отражено в южноуральских путешествиях писателя. Неполнота карты только подчеркивает, что в воображении Мамина-Сибиряка главные уральские регионы находятся в Зауралье и на Чусовой, которые являются подлинным воплощением уральского пространства.

Нарисованная писателем карта Урала отличается основательной проработкой социальных и экономических особенностей территории. В то же время на ней появляется слой образных наблюдений и обобщений, в том числе символического характера. Предвосхищая формирование общеуральской геопоэтики, Мамин-Сибиряк конструирует связный литературный нарратив уральского пространства, в основу которого заложено картирование его основных территорий. А. В. Мельникова назвала этот вариант отображения пространства «первичным геопоэтическим портретом Уральской земли» [Мельникова, с. 192]. Уточняя характер творческого метода писателя, можно сказать, что в своей путевой очеркистике Мамин-Сибиряк создал первичную геопоэтическую карту Урала, выполнив миссию собирателя пространства.

Список литературы

- Абашев В. В.* Д. Н. Мамин-Сибиряк: У истоков геопоэтики Урала // Уральский исторический вестник. 2009. № 1 (22). С. 51–59.
- Абашев В. В., Абашева М. П.* Литература и география: Урал в геопоэтике России // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2012. № 2 (19). С. 143–151.
- Абашев В. В., Власова Е. Г.* Цифровая картография в исследованиях литературы: опыт интерактивной карты по книге «Кама и Урал» В. И. Немировича-Данченко // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования : материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, 16–18 мая 2017 г.) : в 2 ч. Пермь : [Б. и.], 2017. Ч. 2. С. 7–10.
- Дергачев И. А.* Пейзаж Д. Н. Мамина-Сибиряка: школа, структура, функция // Модификации художественных форм в литературном процессе: Д. Н. Мамин-Сибиряк – художник : сб. науч. тр. / отв. ред. Г. К. Щенников. Свердловск : УрГУ, 1989. С. 38–56.
- Дергачев И. А.* «Бессмертен поэт, чьи песни...» // Милые зеленые горы: Уральская природа в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка / сост. И. А. Дергачев. Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд.-во, 1990. С. 5–17.
- Калуцков В. Н.* Южанин в Сибири: литературно-географическое исследование путешествия А. П. Чехова (на материале очерков А. П. Чехова «Из Сибири» и его путевых писем) // Географический вестник. 2021. № 3 (58). С. 74–91. DOI 10.17072/2079-7877-2021-3-74-91.
- Кунгурцева Н. А.* Типология пространства в раннем творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка (1875–1882) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 2009. 20 с.

- Мамин Сибиряк Д. Н.* Самоцветы // Мамин-Сибиряк Д. Н. Статьи и очерки. Свердловск : ОГИЗ, 1947. С. 247–331.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* Старая Пермь // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 12 т. Свердловск : Свердловск. обл. гос. изд-во, 1951. Т. 12. С. 291–338.
- Мамин Сибиряк Д. Н.* По Зауралью // Южный Урал. 1952. № 8–9. С. 17–87.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* От Урала до Москвы // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 8 т. М. : Гос. Изд-во худож. лит., 1955а. Т. 8. С. 249–402.
- Мамин Сибиряк Д. Н.* Поездка на гору Ирмель. Из летних экскурсий // Южный Урал. 1955б. № 13–14. С. 173–187.
- Мамин Сибиряк Д. Н.* Золото // Мамин Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 8 т. М. : Худож. лит., 1955с. Т. 6. С. 7–263.
- Мамин Сибиряк Д. Н.* Мертвое озеро. Из летних экскурсий // Мамин-Сибиряк Д. Н. Повесть и рассказы. Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1978. С. 86–104.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* В камнях. Из путешествия по реке Чусовой // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 20 т. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2007а. Т. 1. С. 446–478.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* От Зауралья до Волги. Путевые картинки // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 20 т. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2007б. Т. 4. С. 370–400.
- Мельникова А. В.* Уральский ландшафт в малой прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка первой половины 1880-х годов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 1–2. С. 190–193.
- Морозова М. М.* О литературных картах США // Псковский регионологический журнал. 2018. № 2 (34). С. 117–132.
- Созина Е. К.* Историко-культурный ландшафт Урала: к методологии исследования // Литература Урала: история и современность : Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 7–15.
- Moretti F.* The Atlas of European Novel. 1800–1900. L. ; N. Y. : Verso, 1998. 206 p.
- Neal A., Cooper D., Hones S. et al.* Editorial // Literary Geographies : [website]. 2015. Vol. 1 (1). P. 1–2. URL: https://literarygeographies.net/index.php/LitGeogs/article/view/1-1/pdf_2 (accessed: 20.09.2022).
- Piatti B., Bär H. R., Reuschel A.-K. et al.* Mapping Literature: Towards a Geography of Fiction // Literary Mapping in the Digital Age. Abingdon : Oxon ; N. Y. : Routledge, 2016. P. 179–194.

References

- Abashev, V. V. (2009). D. N. Mamin-Sibiriyak: U istokov geopoetiki Urala [D. N. Mamin-Sibiriyak: At the Origins of the Geopoetics of the Urals]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 1 (22), pp. 51–59.
- Abashev, V. V., Abasheva, M. P. (2012). Literatura i geografiya: Ural v geopoetike Rossii [Literature and Geography: The Urals in the Geopoetics of Russia]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 2 (19), pp. 143–151.
- Abashev, V. V., Vlasova, E. G. (2017). Tsifrovaya kartografiya v issledovaniyakh literatury: opyt interaktivnoi karty po knige “Kama i Ural” V. I. Nemirovicha-Danchenko [Digital Cartography in Literature Studies: An Experience of an Interactive Map Based on the Book *The Kama and the Urals* by V. I. Nemirovich-Danchenko]. In *Tsifrovaya gumanitaristika: resursy, metody, issledovaniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Perm', 16–18 maya 2017 g.) v 2 ch.* Perm, S. n. Part 2, pp. 7–10.
- Dergachev, I. A. (1989). Peizazh D. N. Mamina-Sibiriyaka: shkola, struktura, funktsiya [Landscape in D. N. Mamin-Sibiriyak: School, Structure, and Functions]. In Shchennikov, G. K. (Ed.). *Modifikatsii khudozhestvennykh form v literaturnom protsesse: D. N. Mamin-Sibiriyak – khudozhnik*. Sverdlovsk, Ural'skii gosudarstvennyi universitet, pp. 38–56.
- Dergachev, I. A. (1990). “Bessmertn poet, ch'i pesni...” [“Immortal Is the Poet Whose Songs...”]. In Dergachev, I. A. (Ed.). *Milye zelenye gory: Ural'skaya priroda v tvorchestve D. N. Mamina-Sibiriyaka*. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 5–17.

Kalutskov, V. N. (2021). Yuzhanin v Sibiri: literaturno-geograficheskoe issledovanie puteshestviya A. P. Chekhova (na materiale ocherkov A. P. Chekhova "Iz Sibiri" i ego putevykh pisem) [A Southerner in Siberia: A Literary and Geographical Study of A. P. Chekhov (with Reference to A. P. Chekhov's Essays *From Siberia* and His Travel Letters)]. In *Geograficheskii vestnik*. No. 3 (58), pp. 74–91. DOI 10.17072/2079-7877-2021-3-74-91.

Kungurtseva, N. A. (2009). *Tipologiya prostranstva v rannem tvorchestve D. N. Mamina-Sibiriyaka (1875–1882)* [Typology of Space in the Early Works of D.N. Mamin-Sibiriyak (1875–1882)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Yekaterinburg, S. n. 20 p.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (1947). Samotsvety [Gems]. In Mamin-Sibiriyak, D. N. *Stat'i i ocherki*. Sverdlovsk, OGIZ, pp. 247–331.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (1951). Staraya Perm' [Old Perm]. In Mamin-Sibiriyak, D. N. *Sobranie sochinenii v 12 t.* Sverdlovsk, Sverdlovskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. Vol. 12, pp. 291–338.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (1952). Po Zaural'yu [Across the Trans-Urals]. In *Yuzhnyi Ural*. No. 8–9, pp. 17–87.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (1955a). Ot Urala do Moskvy [From the Urals to Moscow]. In Mamin-Sibiriyak, D. N. *Sobranie sochinenii v 8 t.* Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. Vol. 8, pp. 249–402.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (1955b). Poezdka na goru Iremel'. Iz letnikh ekskursii [Trip to Mount Iremel. From Summer Excursions]. In *Yuzhnyi Ural*. No. 13–14, pp. 173–187.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (1955c). Zoloto [Gold]. In Mamin-Sibiriyak, D. N. *Sobranie sochinenii v 8 t.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 6, pp. 7–263.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (1978). Mertvoe ozero. Iz letnikh ekskursii [Dead Lake. From Summer Excursions]. In Mamin-Sibiriyak, D. N. *Povest' i rasskazy*. Ufa, Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 86–104.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (2007a). V kamnyakh. Iz puteshestviya po reke Chusovoi [In Stones. From a Trip along the Chusovaya River]. In Mamin-Sibiriyak, D. N. *Polnoe sobranie sochinenii v 20 t.* Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. Vol. 1, pp. 446–478.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (2007b). Ot Zaural'ya do Volgi. Putevye kartinki [From the Trans-Urals to the Volga. Travel Pictures]. In Mamin-Sibiriyak, D. N. *Polnoe sobranie sochinenii v 20 t.* Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. Vol. 4, pp. 370–400.

Mel'nikova, A. V. (2013). Ural'skii landshaft v maloi proze D. N. Mamina-Sibiriyaka pervoi poloviny 1880-kh godov [The Ural Landscape in the Short Prose of D. N. Mamin-Sibiriyak in the First Half of the 1880s]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*. No. 1–2, pp. 190–193.

Moretti, F. (1998). *The Atlas of European Novel. 1800–1900*. L., N. Y., Verso. 206 p.

Morozova, M. M. (2018). O literaturnykh kartakh SShA [On the Literary Maps of the USA]. In *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*. No. 2 (34), pp. 117–132.

Neal, A., Cooper, D., Hones, S. et al. (2015). Editorial. In *Literary Geographies* : [website]. Vol. 1 (1), pp. 1–2. URL: https://literarygeographies.net/index.php/LitGeogs/article/view/1-1/pdf_2 (accessed: 20.09.2022).

Piatti, B., Bär, H. R., Reuschel, A.-K. et al. (2016). Mapping Literature: Towards a Geography of Fiction. In *Literary Mapping in the Digital Age*. Abingdon, Oxon, N. Y., Routledge, pp. 179–194.

Sozina, E. K. (2011). Istoriko-kul'turnyi landshaft Urala: k metodologii issledovaniya [The Historical and Cultural Landscape of the Urals: Towards Research Methodology]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'*. Istoriko-kul'turnyi landshaft Urala: literatura, etnos, vlast'. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. Iss. 6, pp. 7–15.

Уральская поэтическая школа: фантом или реальность*

Юлия Подлубнова

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

The Ural Poetic School: Phantom or Reality

Yulia Podlubnova

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

This article problematises the use of the “modern Ural poetry” descriptive construction denoting the poetic space of a particular region and considers Ural poetry in a broader context of Russian-language literature. They can be understood differently depending on the researcher’s approach and the research methodology. Thus, it may be regarded as a segment within regional literature, regional poetry, or as a cultural space that exists over territories and borders. What matters is the globalised concept which resolves the opposition between the centre and the province, which is imperative for Russian culture. The analysis of Ural poetry in such a conceptual framework actualises several issues. More particularly, to what extent can regional specificity be decisive for the poetry of the Urals? And what makes up this specificity: poetics, Ural identity, a set of Ural myths, or the structure of a poetic community? How are the boundaries of Ural poetry manifested? What is the degree of its correlation with what is done outside the region? The Ural Poetry School, a project of poet and literary manager V. O. Kalpidi, gives the most important answers to these questions. The article considers the conceptual basis of the project and those significant theoretical and practical changes that have taken place over more than two decades of its existence, especially after the emergence of poetic projects under the *InVersiya* brand in the late 2010s which presented an alternative view of the development of Ural poetry. This generational and

* Citation: Podlubnova, Yu. (2022). The Ural Poetic School: Phantom or Reality. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1836–1851. DOI 10.15826/qr.2022.5.764.

Цитирование: Podlubnova Yu. The Ural Poetic School: Phantom or Reality // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1836–1851. DOI 10.15826/qr.2022.5.764/Подлубнова Ю. Уральская поэтическая школа: фантом или реальность // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1836–1851. DOI 10.15826/qr.2022.5.764.

worldview gap fostered the distinction between modern Ural poetry and the Russian-language poetry of the Urals. A closed poetic space with tangible boundaries, its structure and logic of development, which claimed to be the Centre as originally thought by the UPS, has turned into a space that is an organic part of something larger and decentralised. The article emphasises that the view of the poetry of the Urals as a segment of modern Russian-language poetry makes it possible to revise the existing set of myths and ideas and provides more accurate tools for describing it.

Keywords: 21st-century Russian poetry, modern Ural poetry, poetry of the Urals, Russian-language poetry, Ural Poetry School

В статье проблематизируется употребление описательной конструкции «современная уральская поэзия», обозначающей поэтическое пространство конкретного региона, и рассматривается уральская поэзия в контексте русскоязычной литературы или русскоязычной поэзии, которые могут быть поняты по-разному: как сегмент внутри региональной литературы или как культурное пространство, существующее поверх территорий и какой-либо сетки границ. Значение имеет глобализированная концепция, фактически снимающая жесткую для русской культуры оппозицию «центр – провинция». Анализ уральской поэзии подобным концептуальным алгоритмом актуализирует ряд вопросов: насколько региональная специфика может быть определяющей для поэзии Урала, и что составляет эту специфику (поэтика, уральская идентичность, набор уральских мифов или устройство поэтического сообщества)? Как манифестируются границы уральской поэзии? Какова степень ее соотнесенности с тем, что делается за пределами региона? Важнейшие ответы на эти вопросы давал проект поэта и литературтрегера В. О. Кальпиди «Уральская поэтическая школа (УПШ) / Уральское поэтическое движение». Рассмотрены концептуальная база проекта и те существенные теоретические и практические сдвиги, которые произошли за более чем два десятилетия его существования, особенно после появления в конце 2010-х гг. поэтических проектов под брендом «InВерсия», которые представили альтернативный взгляд на развитие уральской поэзии. Именно в этом поколенческом и мировоззренческом разломе обозначился момент различения современной уральской поэзии и русскоязычной поэзии Урала. Замкнутое поэтическое пространство с осязаемыми границами, собственной структурой и логикой развития и претендующее на роль центра, как изначально мыслилась УПШ, превратилось в пространство, являющееся органичной частью чего-то большего, децентрализованного. Подчеркивается, что взгляд на поэзию Урала как на сегмент современной русскоязычной поэзии позволяет пересмотреть сложившийся набор мифов и представлений и дает более точные инструменты ее описания.

Ключевые слова: русская поэзия XXI в., современная уральская поэзия, поэзия Урала, русскоязычная поэзия, Уральская поэтическая школа

«Современная уральская поэзия» как описательная конструкция, обозначающая поэтическое пространство конкретного региона, кажется в смысловом отношении прозрачной до тех пор, пока не оказывается в одном ряду с, казалось бы, синонимичными «русской» или «русскоязычной» поэзией Урала. В академических исследованиях распространены все обозначения, но предпочтение отдается именно первой [Барковская, 2013; Верина, 2014; Семьян, Смышляев; Поддубнова, 2017; Барковская, 2019; Смышляев; и др.] – и в силу ее лаконизма, и из-за того, что, помимо географической, в ней довольно недвусмысленно обозначается хронологическая доминанта. В случае с «русскоязычной поэзией Урала» или «русскоязычной уральской поэзией» подобная же доминанта неочевидна. «Русскоязычная» подчас воспринимается как контекстный синоним «русской», хронологически не детерминированной. В рамках какого-либо региона или даже страны «русскоязычная» нередко предполагает наличие иноязычной поэзии, соседство с которой (или которыми) каким-то образом выявляет масштабы и высвечивает положение «русскоязычной поэзии». «Тесно взаимодействуя с национальной литературой, русскоязычная литература Якутии естественно вливается в общий литературный процесс республики и становится ее важной составной частью» [Дишкант, с. 3].

Как пишет У. Ю. Верина, «Понятие “русскоязычная литература” – наиболее миролюбивое из возможных синонимов, поскольку все другие термины этого ряда (литература эмиграции, литература русской диаспоры, русского зарубежья, русская литература за пределами России, “нестоличная литература”) касаются вопросов истории, политики, границ государств и наций» [Верина, 2013, с. 129]. Здесь же приводится мнение А. Н. Андреева, утверждающего, что «есть русская литература Беларуси, и есть русскоязычная»: «В случае с “русскоязычной литературой” речь идет о белорусской литературе, о части одной литературы – белорусской. <...> Русскоязычная – это “составляющая” белорусской литературы, транслирующая модус белорусской ментальности. В другом случае речь идет... именно о русской литературе Беларуси, литературе, являющейся частью русского мира и именно в этом качестве становящейся частью белорусской культуры» [Там же, с. 131].

Стало быть, русскоязычная литература или русскоязычная поэзия могут быть поняты по-разному: как сегмент внутри региональной литературы, региональной поэзии или как культурное пространство, существующее поверх территорий и какой-либо сетки границ. В втором смысле «русскоязычная поэзия» как описательный конструкт стала использоваться совсем недавно и связана с рефлексиями эпохи глобализма, развитием Интернета. Она потенциально описывает последние 20–30 лет существования поэзии и – шире – русской культуры в свободном мире без границ. Современность имманентна этому понятию.

А. Н. Андреев обозначил еще один важный нюанс – гипотетическое различие русской и русскоязычной поэзии. Аналитические конструкции, оперирующие понятием «русской поэзии», апеллируют, во-первых,

к национальной традиции (русскоязычная литература может в большей степени взаимодействовать с иными традициями – западными, восточными и проч., быть «пограничной» [Лейдерман]), во-вторых, к философии «русского»/«русскости» (от Ф. Достоевского и Н. Бердяева до И. Ильина и А. Дугина) и в целом к метафизическому миропониманию (русская литература как носительница «русского духа», выразительница «русской души», провидица «русской судьбы» и проч.). В то время как «русскоязычная» в силу имманентного ей лингвоцентризма смещается от метафизики в сторону постметафизики и наднациональной картины мира, хотя и не предполагает отказа от традиций. В «русскоязычной» также актуализируется деколониальная оптика (на которую косвенно указывает У. Ю. Верина), когда пространство поэзии монтируется вне бинарной оппозиции «центр – провинция», практики московских авторов уравниваются с практиками авторов из Киева, Нью-Йорка, Ташкента, Екатеринбургa, Риги и т. д. – объединяют всех язык и понимание включенности в общий поэтический процесс.

Все обозначенное проблематизирует употребление понятий «современная уральская поэзия» и «современная русская/русскоязычная поэзия Урала» как синонимичных и заставляет все же рассуждать о некоторых нюансах.

Насколько региональная специфика может быть определяющей для поэзии Урала и что составляет эту специфику – поэтика, уральская идентичность, набор уральских мифов или устройство поэтического сообщества? Как манифестируются границы уральской поэзии? Какова степень ее соотнесенности с тем, что делается за пределами региона?

Русскоязычная поэзия Урала – феномен многослойный и многоуровневый, располагающийся одновременно в двух системах координат: а) глобальной; б) региональной, существующей во многом за счет профессионального, устойчивого и довольно обширного поэтического сообщества на Урале, вовлекающего в свои орбиты притяжения даже тех авторов, чьи творческие стратегии изначально не были связаны с региональными литературными институциями, проектами и инициативами и чья идентичность вовсе не обязательно конструируется с учетом уральских реалий. Современная уральская поэзия очень прочно вмонтирована в пространство русскоязычной поэзии, но «уральская общность», которая так или иначе заявляется ею, требует отдельных рефлексий.

Обширным поэтическим проектом, который исходил из существования региональной поэтической общности, то есть фактически пытался присвоить современную уральскую поэзию, превратить ее в управляемое пространство, стал проект В. О. Кальпиди «Уральская поэтическая школа»¹. Под брендом УПШ Виталием Кальпиди и позже

¹ Проект был ознаменован выпуском первого тома антологии «Современная уральская поэзия» в 1997 г., продолжен еще тремя томами, вышедшими с разницей в семь лет [Современная уральская поэзия], энциклопедией «Уральская поэтическая школа» (2013), серией авторских сборников «ГУЛ» («Галерея уральской литературы», всего 30 книг), коллективной монографией, посвященной 4-му тому антологии «Современная уральская поэзия» (2020) и проч.

идеологически примкнувшим к нему издателем Мариной Волковой было проведено большое количество поэтических мероприятий (в том числе фестивалей) в регионе и за его пределами². Создавая проект, В. О. Кальпиди исходил из представления, что «современная уральская поэзия – это единый психо-геологический ландшафт и единая климатическая макроэстетика... Это пространство ощущается большинством участников процесса как несомненное, четко персонифицированное и ценностное явление» [Антология современной уральской поэзии (1997–2003 гг.), с. 14]. «Кальпиди ставит вопрос о том, что такое регион, и о том, какова специфика уральской ситуации», – отметил Д. Кузьмин в выступлении на круглом столе 2004 г., посвященном выходу второго тома уральской антологии [Антология современной уральской поэзии. Круглый стол]. Д. М. Давыдов утверждал: «можно говорить, что уральская литература представляет собой некое единство – социокультурное, отчасти институциональное и в конце концов мифологическое, поскольку миф о единстве оказывается одним из источников формирования единства» [Давыдов, 2006, с. 370], а затем находил общие черты в молодой уральской поэзии: это брутальность, энергичность, почвенность, метареалистичность, суггестивность. Уральская поэзия «стилистически отнюдь не тождественна сама себе, но каким-то таким “надстильным” над поэтикой образом, она вполне едина. И в стихах людей, абсолютно ничем не связанных на уровне поэтики, в диапазоне от Чепелева до Тхоржевской, я вижу какие-то общие черты», как, например, «ощущение какой-то дискретности, некоторого такого столкновения цивилизации и природы», «какая-то очень сложная диалектика взаимоотношения брутальности и лирической исповедальности» и «сильное суггестивное начало» [Уральская школа поэзии: взгляд из Москвы].

Однако уже в построениях Д. М. Давыдова появился тезис о мифологической основе УПШ, о том, что школа не является собственно «школой». «Природа Уральской поэтической школы (УПШ) как культурного феномена амбивалентна, – заявлялось во введении 1 к энциклопедии. – С одной стороны, сколько бы ни подвергали сомнению его реальность, разговоры об УПШ то и дело наполняют окололитературный дискурс, и целый ряд поэтов... с разной степенью аргументированности и экспрессии утверждает его существование. <...> С другой стороны, расплываясь во все стороны из-за количества людей и идей, смыкаясь с литературными феноменами различного порядка... УПШ так и остается где-то в разряде мифологических литературных образований» [Подлубнова, 2012, с. 8].

Именно подобного рода заявления и сомнения заставили В. О. Кальпиди уже в энциклопедии 2013 г. переключить УПШ в УПД – Уральское поэтическое движение, как бы снимающее

² В 2017 г. В. О. Кальпиди «за тридцатипятилетний труд по созданию, документированию и продвижению Уральской поэтической школы» получил премию Андрея Белого, что свидетельствует о признании его деятельности за пределами региона.

вопрос об обязательности эстетической платформы и некоторого родства поэтических практик в рамках «школы». «Уральское поэтическое движение, которое мы произвольно назвали “Уральская поэтическая школа” (и никуда теперь от этого не деться), – первая у нас в стране широкомасштабная самоорганизовавшаяся творческая корпорация, что с конца 70-х годов прошлого века и по сей день инициирует новые поэтические смыслы» [Уральская поэтическая школа, с. 6]. В дальнейшем В. О. Кальпиди будет использовать обе аббревиатуры, чем дальше, тем больше популяризируя УПД. «Стоит уже сейчас разучить термин “УПД” и вслед за Виталием Кальпиди удивиться новому явлению в русской поэзии. Явление это носит не столько литературный, сколько географически-биографический характер и формулируются до банальности просто: “На Урале живут и творят поэты”» [Волкова].

«По сути дела, проект В. Кальпиди представляет собой утопию, но утопию четко продуманную, Кальпиди не столько предлагает видеть в уральской литературе “особый” регион, сколько борется с Центром за символический капитал, предлагая именно Урал считать “подлинным” Центром», – писал Д. М. Давыдов [Давыдов, 2006, с. 370]³. «Думаю, что треть, если не половина лучших нынешних поэтов сформированы именно УПШ», – в подобной же логике рассуждал А. Ю. Санников, один из ключевых авторов уральских антологий [Андрей Санников].

При этом стоит понимать, что заявка на роль обособленного поэтического центра была бы невозможна, если бы проект УПШ изначально не выстраивался как значимый сегмент поэтического пространства с привлечением некоторых конструкторов, которые выполняли функции его разметки. Во-первых, само понятие региональной поэтической школы, которое активно использовалось в литературной критике и литературоведении 1990–2000-х гг. и имело непосредственное значение для сборки пространства неподцензурной поэзии. «...Прошедший в Москве в декабре 1999 года первый фестиваль молодой провинциальной поэзии “Культурный герой XXI века” показал, что в ряде регионов идет активное формирование новых местных литературных школ. В круг литературных центров перво-степенного значения выдвинулись Иваново, Воронеж, Самара», – писал, например, Д. В. Кузьмин, пытаясь сформулировать платформы ивановской, воронежской и самарской поэтических школ, а также рассуждая о рижской поэтической школе [Кузьмин, 1999]. Уральская школа как бы встраивалась именно в этот ряд и дополняла эту карту поэтического пространства.

Во-вторых, В. О. Кальпиди определил границы Урала через «уральский треугольник», концепт А. Парщикова, увидевшего связь Екатеринбург, Пермь и Челябинска [Парщиков], хотя мы понимаем, что

³ Хотя сам В. О. Кальпиди открещивался от конкуренции с Москвой [Кальпиди, 2019b].

на практике «треугольником» проект никогда не ограничивался, заходя на территории Н. Тагила, Башкирии, Зауралья. В-третьих, важным компонентом УПШ стала теория поколений, которая опять-таки в отношении современной поэзии была сформулирована ранее, например, в рамках проекта «Вавилон» – см. статью Д. В. Кузьмина, где он утверждает, что «младшее поколение русских писателей (и особенно поэтов) – те, кому сегодня около 30 или меньше, – чувствует определенное внутреннее родство и испытывает тягу к объединению» [Кузьмин, 1999]. Теория поколений была необходима УПШ для отстраивания восьмидесятников (в терминологии УПШ – старшего поколения поэтов) от поля советской поэзии и уральских шестидесятников, из которых в качестве предтеч были оставлены в уральском каноне только М. Никулина и А. Решетов.

При этом поколенческая концепция особенно актуализировалась в рефлексиях, связанных со вторым и третьим томами антологии, где существенное место занимала поэзия молодых авторов, условных учеников восьмидесятников. «Когда 5 (7? 10?) лет назад пришло “второе поколение” УПШ, все было тоже – нормально. <...> “Первое поколение” (т. е. мы) себя полагали непоправимыми уродами и обреченными героями – а тут вдруг – вот, глядите! – мутация дала великолепное потомство» [Санников, Петрушкин]. «Четыре поколения поэтов, сконцентрированные на тридцатилетней временной площадке, сжатой периметром трех городов (плюс еще двумя десятками уральских поселений), явили природу и смысл “черных дыр” провинциальной культуры, свет которых просто не может по определению выйти за пределы созданной ими реальности», – комментарий самого В. О. Кальпиди [Уральский поэтический ренессанс].

Как бы то ни было, в ситуации, когда «региональные поэтические школы в русской провинции если и возникают, то существуют ввиду тяжелой социальной и культурной обстановки недолго: ключевые фигуры либо быстро замолкают, либо разъезжаются в столицы или за пределы России, и связь между участниками школы слабеет и исчезает» [Кузьмин, 2008, с. 32], УПШ, сконструированная по востребованным лекалам, не могла не стать заметным явлением русскоязычной поэзии. На том же круглом столе, посвященном выходу второго тома уральской антологии, А. Вознесенский констатировал: «Выпуском двух антологий Кальпиди “разделил” русскую поэзию как бы на троих: на Москву, Санкт-Петербург и Урал» [Антология современной уральской поэзии. Круглый стол]. Похоже высказывался Д. А. Пригов: «В этом отношении представляется мне сейчас, что эти три школы и будут доминировать достаточно длительное время» [Там же].

Учитывая символический капитал УПШ/УПД, стоит признать, что сборка современной уральской поэзии авторства В. О. Кальпиди оказалась самой стойкой и убедительной из существующих на Урале. Например, «Поэты Урала» Ю. В. Казарина – фактически альтернативная УПШ попытка разметки поэтического поля – не получила сколь-либо

близкого по объему резонанса и осталась фактом персональной литературтрегерской деятельности Ю. В. Казарина, не столько отстаивающего предложенную им концепцию современной поэзии, сколько заботящегося о выстраивании иерархий исходя из существующего канона русской поэзии [Казарин]. Кроме того, до определенного времени (2010-х гг.) В. О. Кальпиди удачно взаимодействовал с инициативами более молодых уральских авторов и литературтрегеров – от «Литературренгена» до авторов антологий «Екатеринбург 20 : 30» (2013), «Красными буквами» (2014), «Шепчутся и кричат» (2016), обновляя поколенческие структуры проекта. Да и сама молодежь, как бы она ни пыталась сформулировать альтернативу УПШ, так или иначе находилась в активном диалоге с В. О. Кальпиди. К примеру, А. Петрушкин по-своему видел поколенческий расклад в УПШ [Петрушкин].

При этом смоделированные границы УПШ были всегда весьма ощутимы. «В. О. Кальпиди выдвигает название, задает рамки и формы развития группы» [Загидуллина]. Он привлекал в проект тех авторов, которые укладывались в его представления о том, каким может быть извод неподцензурной поэзии Урала, и не замечал других, которые в эти представления не укладывались. Являясь на данный момент самой репрезентативной антологией уральской поэзии, четырехтомник все же пестрит лакунами и таит истории кэнселлинга авторов и их творчества со стороны составителя.

Отдельно оговорим и еще один нюанс: очерчивая поле современной уральской поэзии и собирая «поэтическую корпорацию», В. О. Кальпиди не учитывал наличие или отсутствие уральской идентичности у репрезентируемых поэтов. И хотя многие авторы, в том числе он сам, воспроизводили или конструировали локальные мифы (Н. Тагил – у Е. Туренко, Н. Стародубцевой, Е. Симоновой, Тадым-Кыштым – у А. Петрушкина, Челябинск – у А. Самойлова и т. д.), УПШ предполагала географическую разомкнутость и индивидуальные отношения каждого поэта с пространством и временем. Современная уральская поэзия в таком изводе все меньше стремилась быть носителем специфически уральского взгляда на мир или отражательницей исключительно уральских реалий. И в этом смысле права Н. В. Барковская, утверждающая, что «формируемый УПД “уральский текст” не равен уральской литературе (поэзии)» [Барковская, 2019].

В свою очередь, экспроприировав современную уральскую поэзию и превратившись в «движение», УПШ к четвертому тому антологии (он вышел в 2018 г.) окончательно утратила моменты эстетического единства. В книгу попали авторы, ранее непредставимые в проекте, в том числе не связанные поколенческой преемственностью с поэтами УПШ, не имеющие общих эстетических программ, не упоминавшиеся ранее в одних контекстах и измерениях [Пермяков]. Многочисленность и разнообразие явленных в томе опытов письма, вплоть до политических, контекстуальных и стилистических полюсов, свидетельствовала даже уже не об актуальности концепции УПД, но о предельно широ-

ком пространстве поэзии как таковой. Четвертый том концептуально оказался витриной не столько современной уральской поэзии, сколько русскоязычной поэзии Урала в любом ее понимании.

И здесь мы подходим к принципиальному моменту различения современной уральской поэзии и русскоязычной поэзии Урала, который связан с оппозицией замкнутого и открытого ввне культурного пространства. Замкнутое поэтическое пространство с осязаемыми границами, собственной структурой и логикой развития, претендующее на роль центра – так изначально мыслилась УПШ. Пространство, являющееся органичной частью чего-то большего, – так может быть представлена русскоязычная поэзия региона, если посмотреть на него вне структурных рамок УПШ.

Взгляд на поэзию Урала как на сегмент русскоязычной поэзии дает специфические и в некотором роде более точные инструменты ее описания. В частности, довольно познавательным чтением является разметка авторов в энциклопедии УПШ. Пункты «Традиции, направления, течения» и «Основные имена, влияния, переключки» наполнены терминами и именами. Это имена в основном предшественников или современников в диапазоне от А. Еременко и С. Гандлевского до Б. Рыжего и Е. Фанайловой, совсем редко – более молодых. В пункте «направлений и течений» среди неизбежных отголосков Серебряного века и солянки из «реализма», «модернизма», «тихой лирики», «постмодернизма», «слэмовой поэзии» и проч. наиболее приближенным к современности и часто упоминаемым течением оказывается метареализм, который был, по выражению К. Корчагина, «центральным поэтическим языком» для уральских восьмидесятников [Корчагин], а также для более младших поэтов, ориентированных на их практики.

Практически без соответствующих маркировок остаются авторы, для поэзии которых значимы постконцептуализм (от Тараса Трофимова и Яниса Грантса до Елены Баянгуловой и Виты Корневой) и «новый эпос» (в диапазоне от Василия Чепелева и Никиты Иванова до Наталии Санниковой). О чем-то подобном мы писали ранее: «В попытках очертить художественные границы нового уральского андеграунда выявляются точки отторжения от мыслящейся как конвенциональной поэзии старших и отторжения самими старшими. В частности, долгое время, начиная еще с проектов Василия Чепелева, на Урале в зоне нулевой видимости пытаются удержать практики постконцептуализма, где постконцептуализм – осознанное переосмысление опыта концептуализма, как лианозовского, так и московского, а также переосмысление уже и самого постконцептуализма (в духе Данилы Давыдова, Дарьи Суховой или Василия Бородина). В постконцептуальном русле работают такие поэты, как Александр Самойлов, Янис Грантс, Александр Маниченко в Челябинске, Сергей Данилов, Владислав Семенцул, Артем Быков и Мария Кротова в Екатеринбурге» [Подлубнова, 2022].

Четвертый том антологии остался и без разметки, и без аналитики творчества конкретных авторов (хотя в целом аналитическую функцию в отношении тома выполнила коллективная монография «Книга о 4 томе АСУП»). Показательно и то, что четвертый том проигнорировал поэтов, которые так или иначе не вписывались в художественные приоритеты составителя антологии «Современная уральская поэзия», как, например, Евгений Ивачевский, последовательно ориентирующий на практики «нового эпоса», Александр Смирнов, примыкающей к «постдрагомощенковской волне» и др. В. О. Кальпиди, испытывающий неприязнь к верлибру и называющий его «эмбриональной поэтикой» [Кальпиди, 2019а, с. 375], лимитировал появления верлибра в четвертом томе. А фемпоэзия, развивавшаяся в Екатеринбурге на излете 2010-х гг., вызвала у него приступ язвительности [Кальпиди, 2020, с. 39].

Взгляд на поэзию Урала извне (из пространства более широкого, чем локальное) позволяет более инструментально выявлять общие тенденции и исследовать творчество конкретных авторов. Например, переосмыслить творчество уральских восьмидесятников, создавших немало авторских и коллективных мифов (помимо УПШ), которые в целом затрудняют обстоятельную рефлексию их творчества, запутывают рецепиента. Скажем, подобная отстраненная и незамутненная мифами оптика позволяет увидеть преемственность Ю. Казарина не только по отношению к О. Мандельштаму (абсолютному кумиру восьмидесятников), но и к А. Еранцеву и обширной почвеннической традиции (в противовес метареализму). А. Санников оказывается ближе к В. Ковалю, М. Айзенбергу или даже А. Василевскому, чем к В. Кальпиди или Е. Туренко, с которыми его связывали длительные дружеские отношения. Масштабно проявляется фигура проигнорированного в проекте УПШ И. Кормильцева, на заре 1980-х писавшего верлибры и ориентирующегося в первую очередь на традиции англоязычной поэзии. Так же требует переосмысления поэзия Ю. Кокошко, которая за все время существования проекта опубликована только в четвертом томе антологии, но фактически это автор поколения В. Кальпиди с длительной творческой историей и непростым поэтическим генезисом.

Стоит пойти дальше и посмотреть обновленными глазами на творчество младших авторов. Александр Петрушкин при таком подходе – не столько ученик В. Кальпиди и Е. Туренко, сколько продолжатель усложненной модернистской линии А. Драгомощенко, и это вопреки петрушкинскому декларативному почвенничеству. Е. Симонова предстает не только как автор Нижнетагильской школы, но и как один из наиболее ярких современных поэтов, причем многоликих и эволюционирующих – от постакмеизма и постсимволизма, столь свойственных Нижнетагильской школе [Давыдов, 2008], через освоение практик метареализма к фемпоэзии и документальному письму, впрочем, авторски переработанным [Малиновская; Барковская, 2022].

1. Участники фестиваля *InVersiya* на ступенях Государственного исторического музея Южного Урала. Челябинск, 2017. Фото Л. Собениной
Participants of the *InVersiya* festival on the steps of the State Historical Museum of the Southern Urals. Chelyabinsk, 2017. Photograph by L. Sobenina

В таком случае обнажаются инструменты преодоления границ региональной поэзии, встраивания ее в иные сообщества и пространства, как это было с молодежной поэтической премией «ЛитератураРенген», организованной в Екатеринбурге, или челябинским фестивалем «*InVersiya*», породившим целую издательскую серию, в рамках которой начиная с 2020 г. вышел ряд поэтических сборников (рис. 1, 2). Показательно, что серия свела вместе авторов из разных стран и регионов (Мария Малиновская – Гомель/Москва, Елена Михайлик – Одесса/Австралия, Мария Вильковская – Казахстан/Австрия и проч.) по принципу русскоязычия и преимущественно актуальных поэтических практик и полностью исключила так называемый традиционализм и российское почвенничество. В широкие русскоязычные контексты серии вписали и уральских авторов: от Никиты Иванова и Александра Маниченко до Евгения Ивачевского и Екатерины Симоновой.

На заре 2020-х гг. УПД в связи со снизившейся активностью его создателей и апологетов начало сдавать позиции, и в пространстве поэзии Урала образовалось место для альтернативных концепций ее разметки. В первую очередь для той же «*InВерсии*», получившей максимально возможное внимание со стороны русскоязычного поэтического сообщества, судя по количеству рецензий и откликов на книги серии и издательского проекта в целом в литературных журналах и иных источниках, включенности сборников в премиальные процессы, их широкому присутствию в книжных магазинах в стране и за ее пределами и проч.

2. Фестиваль *ЛитератураРРенген*. Екатеринбург, 2009. Фото Л. Собениной
LiteratureRRengen Festival. Yekaterinburg, 2009. Photograph by L. Sobenina

Можно даже утверждать, что характерная для УПШ ставка на репрезентацию современной уральской поэзии в изводе В. О. Кальпиди и региональных поэтов-восьмидесятников в ходе становления проекта «InВерсия» сменилась набором стратегий по включению в глобальное пространство русскоязычной поэзии (проведение фестиваля со множеством гостей извне; издательская деятельность, рассчитанная на русскоязычного читателя вне зависимости от его географии; сотрудничество с поэтическими проектами внутри России и за рубежом и проч.). Более того, появление и деятельность «InВерсии» обозначили герметизм проекта УПШ-УПД и поставили под сомнение транслируемую В. О. Кальпиди картину мира, которая присваивает современную уральскую поэзию и тем самым порождает вопрос, насколько релевантна номинация тому, что мы действительно видим в современной поэзии Урала. Что, в свою очередь, заставляет задумываться при разговоре о региональных поэтических сообществах и практиках о смене номинаций или о терминологическом реклейминге, предполагающем вымывание ощутимо искусственных границ из описательной конструкции «современная уральская поэзия». Думается, даже региональная идентичность, которая значима для ряда поэтов, не относящихся к кругу восьмидесятников (например, для ориентированного на авангардные практики Р. Комадея), не формирует иных границ региональности в уральской поэзии, кроме тех, что так или иначе были сконструированы в рамках проекта УПШ. И, следовательно, границы у уральской поэзии могут быть только географическими и довольно подвижными в пространстве и времени

(часть уральских поэтов не живут на Урале, но теряют ли они связь с регионом, и в чем эта связь заключается?).

Так или иначе, дело не в номинации: все номинации от «современной уральской поэзии» до «современной русской поэзии Урала» имеют право на существование – вопрос заключается в том, насколько осознанным является их употребление и какие контексты они подтягивают за собой. А взгляд на современную поэзию Урала как на часть русскоязычной поэзии, вписанной в деколониальное глобализированное пространство, где нет центра и провинции, но где возможны любые проявления региональных идентичностей, равно как и их полное отсутствие, заставляет по-новому и более инструментально описать развитие поэзии региона последних 20–30 лет.

Список литературы

Андрей Санников: «Поэт – это человек, совершающий подвиги» // Дети Ра : [электрон. журн.]. 2011. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/ra/2011/5/andrej-sannikov-poet-eto-chelovek-sovershayushij-podvigi.html> (дата обращения: 01.09.2022).

Антология современной уральской поэзии (1997–2003 гг.). Челябинск : Фонд «Галерея», 2003. 272 с.

Антология современной уральской поэзии. Круглый стол: Дмитрий Кузьмин. Данила Давыдов. Дмитрий Пригов. Андрей Вознесенский. Richard Mckane. Daniel Weissbort // Уральская новь : [сайт]. 2004. № 18. URL: <https://magazines.gorky.media/urnov/2004/18/antologiya-sovremennoj-uralskoj-poezii.html> (дата обращения: 01.09.2022).

Барковская Н. В. «Приемные дети культуры»: традиции Бориса Поплавского в современной уральской поэзии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. Т. 15, № 4 (120). С. 279–289.

Барковская Н. В. Отражение отношений «столица – провинция» в современной уральской поэзии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 2 (187). С. 163–180. DOI 10.15826/izv2.2019.21.2.033.

Барковская Н. В. Медиальная функция актуальной поэзии (стихотворение Е. Силовой «В Ницце») // Филологический класс. 2022. Т. 27, № 2. С. 43–51.

Верина У. Ю. Русскоязычная поэзия Беларуси: территория умолчания, повторения, творения // Уральский филологический вестник. Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2013. № 2. С. 129–142.

Верина У. Ю. Поэт в книге стихов и в антологии (по изданиям современной уральской поэзии) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 23 (352). С. 121–124.

Волкова М. Поэты живут на Урале // Истоки : [интернет-журн.]. 2014. № 23 (895). URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=10801> (дата обращения: 01.09.2022).

Давыдов Д. Поколение vs поэтика: молодая уральская поэзия // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 2. Екатеринбург : УрО РАН : ИД «Союз писателей», 2006. С. 366–371.

Давыдов Д. М. К описанию феномена «нижнетагильского поэтического ренессанса» // Литература Урала: история и современность. Вып. 4. Локальные тексты и типы региональных нарративов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 91–96.

Дишкант Е. В. Национально-художественное своеобразие творчества русскоязычных якутских поэтов (1970–90 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск : [Б. и.], 2004. 25 с.

Зазидуллина М. В. Жизнь поэзии в информационном пространстве как диалог: от УПШ 1.0 к УПД 3.0 // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 23 (352). Филология. Искусствоведение. Вып. 92. С. 139–145.

Казарин Ю. Поэты Урала. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2011. 484 с.

Кальпиди В. О. Из дневника 17 года // *Философия поэзии*. Челябинск : Изд-во Марины Волковой, 2019а. С. 374–411.

Кальпиди В. О. Провинция как феномен культурного сепаратизма (лирическая реплика 1999 года) // *Кальпиди В. О. Философия поэзии*. Челябинск : Изд-во Марины Волковой, 2019б. С. 138–147.

Кальпиди В. О. Густое : книга поэзии. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2020. 126 с.

Корчагин К. Луна взорвалась // *Знамя* : [сайт]. 2021. № 9. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2021/9/luna-vzorvalas.html> (дата обращения: 01.09.2022).

Кузьмин Д. Поколение Вавилона // *Современная русская литература с Вячеславом Курицыным* : [сайт]. 1999. URL: <http://old.guelman.ru/slava/writers/kuzmin1.html> (дата обращения: 01.09.2022).

Кузьмин Д. Русская поэзия в начале XXI века // *РЕЦ*. 2008. № 48. С. 3–38.

Лейдерман Н. Л. Русскоязычная литература – перекресток культур // *Филологический класс*. 2015. № 3 (41). С. 19–24.

Малиновская М. Екатерине Симоновой: переопределение любви // *Воздух* : [сайт]. 2019. № 39. URL: <http://www.litkartla.ru/projects/vozdukh/issues/2019-39/malinovskaya-o-simonovoi> (дата обращения: 01.09.2022).

Паршиков А. Треугольник Урала // *Алексей Паршиков* : [сайт]. URL: <http://parshchikov.ru/nulevaya-stepen-morali/treugolnik-urala> (дата обращения: 01.09.2022).

Пермяков А. В переменных измерениях // *Книга о 4-м томе АСУП*. Челябинск : Изд-во Марины Волковой, 2020. С. 98–116.

Петрушкин А. Чертольня – миф, который обрел плоть // *Новая карта русской литературы* : [сайт]. URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/mif-kotory-obrel> (дата обращения: 01.09.2022).

Подлубнова Ю. Введение 1. Уральская поэтическая школа: мифы и реальность // *Уральская поэтическая школа : энциклопедия*. Челябинск : Десять тысяч слов, 2012. С. 8–16.

Подлубнова Ю. Неузнаваемый воздух. Книга о современной уральской поэзии. Челябинск : Изд-во Марины Волковой, 2017. 139 с.

Подлубнова Ю. Второй уральский андеграунд // *Литература* : [электрон. лит. журн.]. 2022. № 200. Ноябрь. URL: <https://litteratura.org/criticism/3193-yuliya-podlubnova-vtoroy-uralskiy-andegraund.html> (дата обращения: 01.09.2022).

Санников А., Петрушкин А. Уральская поэтическая школа: да твою маман! Типа круглый стол. Ч. 1. Вводная // *Мегалит* : Евразийский журнальный портал. URL: <http://promegalit.ru/publics.php?id=6219> (дата обращения: 01.09.2022).

Семьян Т. Ф., Смышляев Е. А. Челябинская поэзия как часть уральского поэтического движения // *Вестник Южно-Уральского государственного университета Сер.: Лингвистика*. 2015. Т. 12, № 2. С. 28–32.

Смышляев Е. А. Миф о Виталии Кальпиди в современной уральской поэзии // «Вакансия поэта» в русской и зарубежной литературе рубежа XX–XXI веков. Воронеж : Воронеж. обл. тип., 2019. С. 117–128.

Современная уральская поэзия : антология. Челябинск : Изд-во Марины Волковой, 1997–.

Уральская поэтическая школа : энциклопедия. Челябинск : Десять тысяч слов, 2012. 445 с.

Уральский поэтический ренессанс // Вечерний Челябинск. 2013. 22 нояб.

Уральская школа поэзии: взгляд из Москвы : беседа с Д. Давыдовым (декабрь 2012) // Литература Урала: исследования и материалы : [сайт]. URL: <http://www.litural.ru/iprospekt/davydov> (дата обращения: 01.09.2022).

References

Andrei Sannikov: “Poet – eto chelovek, sovershayushchii podvigi” [Andrei Sannikov: “A Poet is a Person who Performs Feats”]. (2011). In *Deti Ra* [electronic journal]. No. 5. URL:

<https://magazines.gorky.media/ra/2011/5/andrej-sannikov-poet-eto-chelovek-sovershaya-shhij-podvigi.html> (accessed: 01.09.2022).

Antologiya sovremennoi ural'skoi poezii (1997–2003 gg.) [Anthology of Modern Ural Poetry (1997–2003)]. (2003). Chelyabinsk, Fond “Galereya”. 272 p.

Antologiya sovremennoi ural'skoi poezii. Kruglyi stol: Dmitrii Kuz'min. Danila Davydov. Dmitrii Prigov. Andrei Voznesenskii. Richard Mckane. Daniel Weissbort [An Anthology of Modern Ural Poetry. Round Table: Dmitry Kuzmin. Danila Davydov. Dmitry Prigov. Andrei Voznesensky. Richard McKane. Daniel Weissbort]. (2003). In *Ural'skaya nov'* [website]. No. 18. URL: <https://magazines.gorky.media/urnov/2004/18/antologiya-sovremennoj-uralskoj-poezii.html> (accessed: 01.09.2022).

Barkovskaya, N. V. (2013). “Priemnye deti kul'tury”: traditsii Borisa Poplavskogo v sovremennoi ural'skoi poezii [Foster Children of Culture: The Traditions of Boris Poplavsky in Modern Ural Poetry]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 15. No. 4 (120), pp. 279–289.

Barkovskaya, N. V. (2019). Otrazhenie otnoshenii “stolitsa-provintsiiya” v sovremennoi ural'skoi poezii [The Reflection of the “Capital-Province” Relationship in Modern Ural Poetry]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 21. No. 2 (187), pp. 163–180. DOI 10.15826/izv2.2019.21.2.033.

Barkovskaya, N. V. (2022). Medial'naya funktsiya aktual'noi poezii (stikhotvorenie E. Simonovoi “V Nitstse») [The Medial Function of Contemporary Poetry (Poem by E. Simonova In Nice)]. In *Filologicheskii klass*. Vol. 27. No. 2, pp. 43–51.

Davydov, D. (2006). Pokolenie vs poetika: molodaya ural'skaya poeziya [Generation vs Poetics: Young Ural Poetry]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'*. *Sbornik statei*. Iss. 2. Yekaterinburg, Ural'skoe otdelenie RAN, Izdatel'skii dom “Soyuz pisatelei”, pp. 366–371.

Davydov, D. M. (2008). K opisaniyu fenomena “nizhnetagil'skogo poeticheskogo renessansa” [On the Description of the Phenomenon of the “Nizhny Tagil Poetic Renaissance”]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'*. Iss. 4. Lokal'nye teksty i tipy regional'nykh narrativov. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 91–96.

Dishkant, E. V. (2004). *Natsional'no-khudozhestvennoe svoeobrazie tvorchestva russkoyazychnykh yakutskikh poetov (1970–90 gg.)* [The National and Artistic Peculiarities of the Works of Russian-Speaking Yakut Poets (1970–90s)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Yakutsk, S. n. 25 p.

Kal'pidi, V. O. (2019a). Iz dnevnika 17 goda [From the Diary of 1917]. In Kal'pidi, V. O. *Filosofiya poezii*. Chelyabinsk, Izdatel'stvo Mariny Volkovoi, pp. 374–411.

Kal'pidi, V. O. (2019b). Provintsiiya kak fenomen kul'turnogo separatizma (Iricheskaya replika 1999 goda) [Province as a Phenomenon of Cultural Separatism (Lyrical Replica of 1999)]. In Kal'pidi, V. O. *Filosofiya poezii*. Chelyabinsk, Izdatel'stvo Mariny Volkovoi, pp. 138–147.

Kal'pidi, V. O. (2020). *Gustoe: kniga poezii* [The Thicker: A Book of Poetry]. Moscow, Yekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. 126 p.

Kazarin, Yu. (2011). *Poety Urala* [Poets of the Urals]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Uchebno-metodicheskogo tsentra Ural'skogo politekhnicheskogo instituta. 484 p.

Korchagin, K. (2021). Luna vzorvalas' [The Moon Exploded]. In *Znamya* [website]. No. 9. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2021/9/luna-vzorvalas.html> (accessed: 01.09.2022).

Kuz'min, D. (1999). Pokolenie Vavilona [Generation of Babylon]. In *Sovremennaya russkaya literatura s Vyacheslavom Kuritsynym* [website]. URL: <http://old.guelman.ru/slava/writers/kuzmin1.html> (accessed: 01.09.2022).

Kuz'min, D. (2008). Russkaya poeziya v nachale XXI veka [Russian Poetry in the Early 21st Century]. In *RETS*. No. 48, pp. 3–38.

Leiderman, N. L. (2015). Russkoyazychnaya literatura – perekrestok kul'tur [Russian-Language Literature, a Crossroads of Cultures]. In *Filologicheskii klass*. No. 3 (41), pp. 19–24.

Malinovskaya, M. (2019). Ekaterine Simonovoi: pereopredelenie lyubvi [To Ekaterina Simonova: Redefining Love]. In *Vozdukh* [website]. No. 39. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdruk/issues/2019-39/malinovskaya-o-simonovoi> (accessed: 01.09.2022).

Parshchikov, A. (N. d.). Treugol'nik Urala [Triangle of the Urals]. In *Aleksei Parshchikov* [website]. URL: <http://parshchikov.ru/nulevaya-stepen-morali/treugolnik-urala> (accessed: 01.09.2022).

Permyakov, A. (2020). V peremennykh izmereniyakh [In Variable Dimensions]. In *Kniga o 4-m tome ASUP*. Chelyabinsk, Izdatel'stvo Mariny Volkovoi, pp. 98–116.

Petrushkin, A. (N. d.). Chertol'nya – mif, kotoryi obrel plot' [The Devil's House, a Myth that Has Found Flesh]. In *Novaya karta russkoi literatury* [website]. URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/mif-kotory-obrel> (accessed: 01.09.2022).

Podlubnova, Yu. (2012). Vvedenie 1. Ural'skaya poeticheskaya shkola: mify i real'nost' [Introduction 1. Ural Poetic School: Myths and Reality]. In *Ural'skaya poeticheskaya shkola. Entsiklopediya*. Chelyabinsk, Desyat' tysyach slov, pp. 8–16.

Podlubnova, Yu. (2017). *Neuznavaemyi vozdukh. Kniga o sovremennoi ural'skoi poezii* [Unrecognizable Air. A Book about Modern Ural Poetry]. Chelyabinsk, Izdatel'stvo Mariny Volkovoi. 139 p.

Podlubnova, Yu. (2022). Vtoroi ural'skii andegraund [Second Ural Underground]. In *Litteratura* [website]. No. 200. November. URL: <https://litteratura.org/criticism/3193-yuliya-podlubnova-vtoroy-uralskiy-andegraund.html> (accessed: 01.09.2022).

Sannikov, A., Petrushkin, A. (N. d.). Ural'skaya poeticheskaya shkola: da tvoyu maman! Tipa kruglyi stol. Chast' 1. Vvodnaya [Ural Poetic School. To Hell with Your Maman! A Kind of a Round Table. Part 1. Introduction]. In *Megalit. Evraziiskii zhurnal'nyi portal*. URL: <http://promegalit.ru/publics.php?id=6219> (accessed: 01.09.2022).

Sem'yan, T. F., Smyshlyaev, E. A. (2015). Chelyabinskaya poeziya kak chast' ural'skogo poeticheskogo dvizheniya [Chelyabinsk Poetry as Part of the Ural Poetic Movement]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. Vol. 12. No. 2, pp. 28–32.

Smyshlyaev, E. A. (2019). Mif o Vitalii Kal'pidi v sovremennoi ural'skoi poezii [The Myth of Vitaly Kal'pidi in Modern Ural Poetry]. In *"Takansiya poeta" v russkoi i zarubezhnoi literature rubezha XX–XXI vekov*. Voronezh, Voronezhskaya oblastnaya tipografiya, pp. 117–128.

Sovremennaya ural'skaya poeziya. Antologiya [Modern Ural Poetry. An Anthology]. (2018–). Chelyabinsk, Izdatel'stvo Mariny Volkovoi.

Ural'skaya poeticheskaya shkola. Entsiklopediya [Ural Poetry School. An Encyclopaedia]. (2012). Chelyabinsk, Desyat' tysyach slov. 445 p.

Ural'skaya shkola poezii: vzglyad iz Moskvy. Beseda s D. Davydovym (dekabr' 2012) [Ural Poetry School: A View from Moscow. Conversation with D. Davydov (December 2012)]. (N. d.). In *Literatura Urala: issledovaniya i materialy* [website]. URL: <http://www.litural.ru/iprospekt/davydov> (accessed: 01.09.2022).

Ural'skii poeticheskii renessans [Ural Poetic Renaissance]. (2013). In *Vechernii Chelyabinsk*. 22 Nov.

Verina, U. Yu. (2013). Russkoyazychnaya poeziya Belarusi: territoriya umolchaniya, povtoreniya, tvoreniya [Russian-Language Poetry of Belarus: The Territory of Omission, Repetition, and Creation]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik. Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya*. No. 2, pp. 129–142.

Verina, U. Yu. (2014). Poet v knige stikhov i v antologii (po izdaniyam sovremennoi ural'skoi poezii) [A Poet in a Book of Poems and in an Anthology (according to Editions of Modern Ural Poetry)]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 23 (352), pp. 121–124.

Volkova, M. (2014). Poety zhivut na Urale [Poets Live in the Urals]. In *Istoki* [internet journal]. No. 23 (895). URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=10801> (accessed: 01.09.2022).

Zagidullina, M. V. (2014). Zhizn' poezii v informatsionnom prostranstve kak dialog: ot UPSH 1.0 k UPD 3.0 [The Life of Poetry in the Information Space as a Dialogue: From UPSH 1.0 to UPD 3.0]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 23 (352). Filologiya. Iskusstvovedenie. Iss. 92, pp. 139–145.

The article was submitted on 14.09.2022

Музеи малых городов России и культуры памяти*

Людмила Мазур

Наталья Граматчикова

Елена Прямикова

Наталья Веселкова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Russian Town Museums and Cultures of Memory**

Lyudmila Mazur

Natalya Gramatchikova

Elena Pryamikova

Natalya Veselkova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article is devoted to the theoretical and methodological problematisation of the role played by museums in the formation of memory cultures in small towns. The authors refer to materials from field expeditions (2021–2022) in ten Russian towns selected based on their geographical location, origin, age, and other parameters. The museum network is usually analysed regarding larger cultural centres but this concept applies to smaller towns, where, in addition to local history museums, there are museums of educational organisations and enterprises, art, memorial, and thematic museums. The article proposes a definition of the concept of a culture of memory and develops and describes a typology that includes scientific, memorial, and folklore types of “museum” culture, which realise various approaches to the preservation and formation of the memory of the past. The authors employ various research techniques to study memorisation practices. They use the database on museums of small towns

* Тема поддержана грантом РНФ 21–18–00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологическое исследование)».

** *Citation:* Mazur, L., Gramatchikova, N., Pryamikova, E., Veselkova, N. (2022). Russian Town Museums and Cultures of Memory. In *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1852–1867. DOI 10.15826/qr.2022.5.765.

Цитирование: Mazur L., Gramatchikova N., Pryamikova E., Veselkova N. Russian Town Museums and Cultures of Memory // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1852–1867. DOI 10.15826/qr.2022.5.765 / Мазур Л., Граматчикова Н., Прямикова Е., Веселкова Н. Музеи малых городов России и культуры памяти // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1852–1867. DOI 10.15826/qr.2022.5.765.

created as part of the project for structural and functional analysis, which makes it possible to present a picture of the country as a whole. Stationary and mobile interviews with town residents clarify the description of museum practices.

Keywords: memory, culture of memory, town, museum, folklore, history, propaganda

Статья посвящена теоретико-методологической проблематизации роли музеев в формировании культур памяти малого города. Исследование основано на материалах полевых экспедиций 2021–2022 гг. в десяти российских малых городах, отобранных с учетом ряда параметров (вид, географическое положение, время создания, функции и т. п.). Музейная сеть обычно раскрывается на примере крупных культурных центров, однако это понятие применимо и для малых городов, где, помимо историко-краеведческих, есть музеи образовательных организаций и предприятий, художественные, мемориальные и тематические. Предложено определение понятия культуры памяти, разработана и описана типология «музейной» культуры, включающая научно-просветительский, мемориальный, фольклорный виды, в которых реализуются различные подходы к формированию и сохранению образа прошлого. Практики меморизации изучаются на основе различных исследовательских приемов. Созданная в рамках реализации проекта база данных по музеям малых городов используется для структурно-функционального анализа музейной сети, позволяющего представить картину в целом по стране. Стационарные и мобильные интервью с жителями городов уточняют описание музейных практик.

Ключевые слова: память, культуры памяти, малый город, музей, фольклор, история, пропаганда

Тема множественности культур памяти с 1990-х г. становится одним из активно развивающихся направлений *Memory Studies*. К тезису А. Ассман о недовольстве мемориальной культурой сегодня добавляется недовольство в отношении исследований памяти, исчерпавших, как кажется, запас новизны исследовательской оптики [Ассман]. Одной из причин подобного разочарования выступает неопределенность самого предмета исследования [Сафронова]. Успешные, кажется, стать банальностью споры о различиях между видами памяти, ее форматами и «этажами» живо и совсем не банально ощущаются в повседневной жизни, что обуславливает актуальность обращения к теме *множественности культур памяти*.

Понятие «культуры памяти» (*Erinnerungskultur*), безусловно, имеет отчетливое немецкое происхождение, связанное с темой холокоста [Assmann; Osborne]. В настоящее время с уходом непосредственных участников и очевидцев этой трагедии, а также практически тотальной цифровизацией понятийный аппарат *Memory Studies* переживает серьезные трансформации [Saryusz-Wolska], уже не описываемые пол-

ностью через транспоколенческий анализ и концепцию постпамяти [Юрайт; Хирш], что побуждает переосмыслить роль институтов памяти (музеев, архивов, библиотек) в процессах ее формирования [Osborne].

Культура памяти находит свое отражение в коммеморативных практиках и зависит от целей, позиции и потребностей акторов, а также от иерархии тех задач, которые реализуют институты памяти и создаваемая ими информационная среда. Джефффри Олик, исследуя социальную память, большое значение придает тому, как осуществляются презентации и репрезентации прошлого, и выделяет четыре важных элемента процесса формирования памяти – «поля, средства передачи, жанры и профили», которые определяет как «разные способы структурирования практик. Вместе они производят фигурации памяти, то есть сложно структурированные и постоянно меняющиеся паттерны образов и смыслов, несводимых ни к заданной форме изображения, ни к контексту настоящего или к событию в прошлом» [Олик, с. 68]. Сконструированный в результате взаимодействия этих элементов образ прошлого отличается множественностью, разнообразием и зависит от носителя и создателя этого образа.

Для анализа российской ситуации мы предлагаем рассматривать культуру памяти как устойчивый ансамбль содержательных (предметно-тематических) компонентов (ценностей, норм, традиций), акторов и способов реализации меморативных практик. Многообразие культур памяти можно классифицировать по разным основаниям, включая масштаб, поколенческую принадлежность, тип общества и др. [см., например: Вандышев и др.].

Культура памяти опирается на информационные каналы и институты (библиотеки, архивы, музеи, СМИ), каждый из которых поддерживает определенные виды памяти. Библиотеки и архивы являются хранилищами документов, составляющих историко-культурное письменное наследие, и выступают модераторами социальной/исторической памяти, участвуя в конструировании образа прошлого. Музеи представляют собой особый институт с точки зрения объектов хранения и способов влияния на сознание и память человека. Музеи не просто формируют образ прошлого/настоящего – они его эмоционально заряжают и делают осязаемым, включая более сложные способы воздействия информации и формирования следа памяти в общественном сознании [Мазур, 2019, с. 101].

Обратимся основательнее к музейному жанру меморации и практикуемым музеями культурам памяти, основываясь на понимании жанра. Согласно Джефффри Олику, «демонстрируя власть жанра (включая его явную и неявную обработку (workings), мы противостоящим тенденции видеть коммеморативные тексты как полностью конституируемые либо историей, к которой они отсылают, либо настоящим контекстом, в котором они произведены. В этом смысле жанры занимают рефлексивную посредническую позицию между прошлым и настоящим» [Олик, с. 60].

В музейных исследованиях продуктивно работает понятие музейной сети, однако обычно оно распространяется на большие культурные центры и мегаполисы. Наш тезис состоит в том, что эта оптика применима и к малым городам, которые обладают не только музейной сетью, но и потенциально разными культурами памяти. Статья основана на материалах базы данных «Музей малого города» и на результатах полевых экспедиций в десяти российских малых городах, расположенных в разных регионах страны и отобранных с учетом времени их создания и ряда других критериев (исторического, демографического, экономического)¹.

Музейный ландшафт малого города

Малый город представляет собой специфическое явление. Он занимает промежуточное положение между городом и деревней, являя собой при явной ограниченности ресурсов оригинальность и своеобразие внутренней жизни [Балюшина]. К этой категории относят поселения с численностью жителей до 50 тыс. чел², что определяет плотность коммуникативной среды, где «все всех знают».

В малых городах явственно ощущается интерес к прошлому своего поселения, которое часто становится основой их (ре)брендинга. Особенностью местных меморативных практик является размывание граней между индивидуальной, семейной и коллективной памятью.

Несмотря на ресурсные ограничения, музейное пространство малого города весьма разнообразно: здесь представлены государственные и муниципальные, корпоративные, народные, частные и школьные музеи. Большая их часть открылась во второй половине XX в., другие – в новейшее время, реже встречаются музеи с досоветским прошлым. К их числу, в частности, относятся краеведческие музеи в Красноуфимске, Вытегре, Тихвине и Трубчевске, то есть бывших уездных городах.

Стандартный перечень музейных учреждений малого города включает один-два муниципальных или государственных музея: исторический и/или краеведческий, реже – мемориальный, а также музеи образовательных организаций и промышленных предприятий³.

Для уточнения общей картины обеспеченности музеями малых городов с опорой на открытые интернет-ресурсы в рамках проекта была создана база данных (БД), в настоящий момент включающая описание 1113 официально зарегистрированных музеев (табл. 1) [Музей малого города].

¹ Вытегра (Вологодская обл.), Данилов (Ярославская обл.), Инта (Республика Коми), Котельнич (Кировская обл.), Красноуфимск (Свердловская обл.), Мариинск (Кемеровская обл.), Медногорск (Оренбургская обл.), Пущино (Московская обл.), Тихвин (Ленинградская обл.), Трубчевск (Брянская обл.).

² О типологии малых городов в связи с историей их основания, факторами формирования и социально-экономическими показателями см.: [Мазур, 2022].

³ Согласно принятым Министерством культуры рекомендациям, в городском округе должен быть один краеведческий и один тематический музей, в муниципальном районе и городском поселении – по одному краеведческому музею [Бекленищева].

В среднем на один малый город в настоящее время приходится примерно 1,4 музея⁴, в том числе по 80 городам (из 794) сведения о музеях не обнаружены, в 64,4 % городов зафиксирован один музей, в 16,0 % – два, в 5,0 % – три, в 1,8 % – четыре, в 2,8 % – пять и более музейных учреждений. Встречаются города, где насчитывается более десяти музеев – это, например, Городец (Нижегородская обл.), Мышкин, Касимов, Ростов, Углич, Переяславль-Залесский (Ярославская обл.). Они активно развиваются как туристические центры.

Таблица 1

Распределение музеев малых городов РФ по виду и времени основания*

Виды музеев	Время основания					Итого, ед. /%
	XVIII – нач. XX в.	1918 – 1920-е гг.	1930– 1950-е	1960-е гг. – 1991	1992– 2022	
Краеведческие	18	50	20	175	59	322/28,9
Исторические	4	8	5	62	123	202/18,1
Историко- краеведческие	6	6	14	97	63	186/16,7
Мемориальные	3	2	8	36	35	84/7,5
Тематические	0	0	0	3	77	80/7,2
Художественные	2	7	1	24	37	71/6,4
Корпоративные	2		1	17	18	38/3,4
Естественнона- учные	1	1	0	9	22	33/3,0
Историко- архитектурные ансамбли	5	8	1	12	6	32/2,9
Музеи народного быта, промыслов	0	0	1	6	25	32/2,9
Истории науки и техники	0	1	0	6	17	24/2,2
Литературные	0	1	1	1	3	6/0,5
Истории спорта	0	0	1	1	1	3/0,3
<i>Всего, ед. /%</i>	<i>41/3,7</i>	<i>84/7,5</i>	<i>53/4,8</i>	<i>449/40,3</i>	<i>486/43,7</i>	<i>1113/100,0</i>

* Подсчитано по: [Музей малого города].

Ядро музейной сети малого города составляют исторические, краеведческие и историко-краеведческие музеи, удельный вес которых в совокупности достигает 63,7 %. К ним примыкают мемориальные музеи

⁴ В расчете не учтены школьные музеи и музеи предприятий. Как правило, они не имеют постоянного графика работы, ориентированы на реализацию узкого круга образовательных или презентационных задач, а также сильно зависимы от энтузиазма работников и ресурсов учреждения, придавая музейной сети такие черты как полуофициальный характер, нестабильность и ограниченная доступность для посетителей.

(7,5 %). Трендом поздне- и постсоветского времени стал рост числа художественных музеев, сохраняющих творческое наследие местных художников. Относительно новым явлением в музейном пространстве малых городов, включенных в туристские маршруты, стало появление тематических музеев, в том числе посвященных народным промыслам и быту.

Приведенная нами классификация музеев интересна не только с видовой точки зрения, поскольку она позволяет судить о разнообразии историко-культурной среды города, но и с позиции множественности культур памяти. Для каждой категории музеев свойственны свои особенности комплектования фондов, экспонирования музейных коллекций, работы с посетителями, и как результат – создание своей картины прошлого и особых коммеморативных практик.

С учетом этих оснований предлагаем выделить следующие виды культур «музейной» памяти. Это, во-первых, *научно-просветительская/сциентистская культура*, основанная на строгих научных методах и подходах к музеефикации прошлого; во-вторых, *мемориальная культура*, связанная с увековечиванием памяти о выдающихся и значимых для местного сообщества личностях; в-третьих, *фольклорная культура памяти*, сфокусированная на сохранении народных традиций, материальной культуры прошлого.

На практике музейная сеть города и каждый конкретный музей работают на пересечении различных культур памяти. Остановимся на характеристике наиболее значимых из них.

Научно-просветительская /сциентистская культура памяти

Музей как детище модерна несет в себе установку на нациестроительство, веру в науку и прогресс. На рубеже XIX–XX вв. музей привычно обозначался как научно-исследовательское или научно-просветительское учреждение. Такое восприятие тесно связано с историей возникновения музеев и их основателями, среди которых были ученые – члены Академии наук и профессора университетов, члены губернских архивных комиссий, научных обществ и статистических комиссий [Музей]. Благодаря их усилиям к началу XX в. в Российской империи складывается музейная сеть, охватывающая не только столицы, но и губернские, а также уездные города. Одновременно разрабатывались научные принципы описания и систематизации коллекций, составившие основу сциентистской культуры памяти. Подлинность вещи, точная и полная атрибуция, правила экспонирования, обеспечивающие достоверную презентацию музейной коллекции, – вот основные принципы работы музея, сложившиеся к началу XX в. Его можно рассматривать в качестве эталона научной/сциентистской культуры памяти.

Музеи губернских и уездных городов, созданные провинциальными научными обществами, получили название краеведческих, их фонды формировались из коллекций минералов, археологических находок, гербариев и предметов старины, собранных в ходе научных экспедиций и исследований. Так, например, Трубчевский музей

(г. Трубчевск, Брянская обл.) был основан в 1921 г. Г. М. Поршняковым. Собранная им археологическая коллекция составила основу музейного фонда. На Урале в конце XIX – начале XX в. появились музеи в Ирбите, Кыштыме, Чердыни, Добрянке, Невьянске, Красноуфимске. История каждого из них свидетельствует о роли энтузиастов-краеведов и земств в развитии музейной среды.

В советский период на фоне национализации музейных фондов и централизации музейной системы происходит ее переориентация с научно-просветительских целей на пропаганду ценностей социализма и задач построения нового общества. Привычный перечень разделов краеведческих музеев, посвященных природе края, хозяйственным занятиям населения и народной культуре, дополняется сюжетами о классовой борьбе, революции и Гражданской войне, успехах социалистического строительства. Меняются и объекты музеефикации: в дореволюционный период основу музейных фондов составляли коллекции предметов, имевших художественное или научное значение; в советском музее таковыми стали планы, документы эпохи, а также достижения региональной экономики и культуры.

В 1990-е гг. музеи пережили очередную перестройку. Сотрудники музеев активно занялись ликвидацией «белых пятен» истории – изучением и сохранением памяти о коллективизации, голоде, репрессиях, то есть событий, формирующих культуру «неудобной» памяти. Этот сложный процесс сопровождался возрождением научно-исследовательских практик, а также модернизацией выставочной деятельности и распространением интерактивных форм взаимодействия с посетителями, придавая музейным учреждениям черты музея-форума [Камерон].

Таким образом, краеведческие, а следом за ними и исторические, естественнонаучные, этнографические, художественные музеи, несмотря на пропагандистско-агитационные деформации советского времени, были и остаются в массе своей носителями научно-просветительской культуры памяти, выполняя миссию сохранения и донесения до новых поколений накопленных знаний о естественной и социально-экономической истории края/города. В своей деятельности они опираются на научные принципы комплектования и описания фондов, их научно-исследовательские практики нацелены на изучение подлинных вещей, строгую атрибуцию источников, стремление к научной репрезентации прошлого.

Музейная культура сциентистского типа существует в постоянном напряжении между идеалами строгой научности и требованиями утилитарной инструментальности, поскольку музеи не только выступают проводниками знаний о прошлом, но и находятся в зоне влияния государственной политики памяти (политический фактор), а также потребностей общества (рыночный фактор). Перед ними постоянно стоит вопрос: оставаться «храмом науки» или трансформироваться в «музей-форум» [Резник].

Краеведческие музеи малых городов прилагают немало усилий, чтобы совместить собственные исследовательские практики с досуговыми методами привлечения школьников и их родителей. Дефицит ресурсов в известной степени компенсируется заинтересованностью и энтузиазмом музейных работников. Большую роль здесь играет поддержка местной власти, благодаря которой музей нередко становится центром творческой активности города, как это наблюдается, например, в Красноуфимске.

Мемориальная культура

Мемориальная культура находит отражение в практиках мемориальных музейных учреждений, ориентированных на увековечение памяти об исторических личностях, в первую очередь политиков и героев, во вторую – представителей науки, культуры и искусства – уроженцев данной местности. Мемориальные музеи в России появляются еще в XIX в.; накануне революции в Российской империи их насчитывалось около 20 («Кутузовская изба», «Карамзинский кабинет» в Остафьево, дворец в Таганроге, где умер Александр I, и др.). В советский период количество мемориальных музеев заметно выросло, они выделились в самостоятельный вид и стали выполнять значимые функции легитимации советской власти и конструирования советского исторического мифа.

Формирование мемориального пространства советского государства началось с увековечения памяти русских революционеров: в 1920 г. открылся Дом-музей Н. Г. Чернышевского, в 1921 г. – Музей-квартира П. А. Кропоткина. Массовая волна меморизации политических деятелей была связана со смертью В. И. Ленина и музеефикацией мест его пребывания. Музейная Лениниана была самым масштабным мемориальным проектом советской власти. В настоящее время сохранилось 24 музейных мемориальных объекта, связанных с именем Ленина – это комплексы, заповедники, научно-культурный центр, дома-музеи, мемориальные квартиры, большинство из которых было открыто в 1930–1940-е гг.⁵ В этот период в разных концах страны создаются десятки музеев руководителей советского государства – И. В. Сталина, С. М. Кирова, Я. М. Свердлова, М. И. Калинина, К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного и др. В 1936 г. был образован первый музей, посвященный В. И. Чапаеву, открывший собой «героический» мемориальный ряд. После Великой Отечественной войны сеть мемориальных музеев дополняется новыми объектами, посвященными героям и полководцам войны. В 1960–1970-е гг. список музеев расширяется за счет мемориальных объектов писателей, художников, космонавтов, ученых, изобретателей [см. подробнее: Мазур, 2019].

В советский период музеи выполняли функции идеологического института. С особой силой эта особенность проявилась в деятель-

⁵ Подсчитано по: [Музеи России].

ности мемориальных музеев 1930–1950-х гг., когда формы «естественной» коммеморации вытеснились ее «искусственной/конструируемой» версией⁶. Это касалось приоритетов в отборе персонажей для музейной меморизации, способов меморации и презентации личностей, ориентированных на создание житийных историй.

Культура музейной мемориальной памяти окончательно сформировалась в 1960–1980-е гг. В 1967 г. было принято «Положение о мемориальных музеях системы Министерства культуры», которое в известной степени упорядочило процессы стихийной музеефикации мемориальных объектов и установило обязательные условия для организации музея, к числу которых относились расположение его в мемориальном месте, а также наличие подлинных предметов, что придавало процессам персональной музеефикации более естественный и научный характер.

Специфику мемориальной культуры определяла такая черта, как сосредоточенность на демонстрации роли и значения личности в истории; с ней непосредственно связаны идеологизация (соответствие политическому заказу) и рутинизация харизмы личности (соответствие интересам публики), создание канонов/стандартов описания и характеристики личности с учетом ее сферы деятельности. Мемориальный музей, таким образом, стал средством канонизации личности в мировом/национальном/местном пантеоне, придавая локации дополнительные краски и идентификационные маркеры.

Специфика меморизации личности человека, заслуги которого обычно осознаются обществом после его смерти и чаще всего временно не музеефицируются, нашла отражение в составе музейных фондов. В нем основную роль играют не подлинные предметы и автографы, а вещи – заместители, аутентичные эпохе и социальной среде, и документы – свидетели, рассказывающие о масштабах и заслугах личности; литературные и научные публикации биографического типа, то есть музейные фонды и, соответственно, экспозиции мемориального плана носят преимущественно документальный характер. Источниками их формирования нередко становятся семейные архивы, что придает процессам музеефикации семейно-мемориальный характер и включает в пространство памяти образ семьи.

Следует отметить и особенности коммеморативных практик мемориальных музеев. Крупнейшие мемориальные музейные центры, посвященные персоналиям мирового масштаба – Ленину, Пушкину, Толстому и др., работали и работают как институты памяти, широко используя научно-исследовательские формы меморации – публикацию собраний сочинений, научных трудов, проведение конференций. Но абсолютное большинство мемориальных музеев, расположенных в столичном регионе или в провинции, выступают преимущественно в качестве мест памя-

⁶ Естественная коммеморация настроена на сохранение прошлого в максимально достоверной форме («как оно было на самом деле»). Искусственная коммеморация представляет собой конструирование образов прошлого и исторической памяти в соответствии с социальным заказом [Румянцева].

ти, дополнительно реализуя функции культурного центра малого города. К числу специфических мероприятий мемориальных музеев следует отнести отмечание событий семейного цикла – дней рождения и смерти, юбилеев, к которым приурочиваются торжественные мероприятия.

Типичным примером может служить Литературно-мемориальный дом-музей В. А. Чивилихина, открытый в Мариинске (Кемеровская обл.) в 1986 г. (ил. 2 на цв. вклейке). В. А. Чивилихин – писатель, публицист, эколог, общественный деятель, лауреат трех Государственных премий – родился в Мариинске, что и стало основанием для создания там мемориального музея.

Музей состоит из двух строений, соединенных между собой галереей, – дома, где в 1928 г. родился писатель, и деревянного одноэтажного дома с двумя экспозиционными залами, рассказывающими о его жизни и творчестве. Дом сохранился, но обстановка и интерьеры были утрачены. Комната в доме писателя воссоздает типичный вид жилища рабочего-железнодорожника. Личные вещи писателя представлены в небольшой витрине, в выставочном зале размещены его портреты, книги, рукописи и др.

При музее работает клуб любителей поэзии «Мариинск сокровенный». На прилегающей к музею территории силами музейных работников был создан «двор природы» – экологическая площадка, ставшая местом проведения различных мероприятий для жителей города. В музее проводятся выставки местных художников, мастеров рукоделия. Из мемориальных практик сохранились «Чивилихинские чтения»: раз в пять лет в доме-музее собираются московские гости, писатели, поэты Кузбасса и Сибири, занимающиеся проблемами экологии, сохранения исторического и культурного наследия России. Научно-практическую конференцию под названием «Чивилихинские чтения» ежегодно организует Мариинский педагогический колледж, сохраняя память о писателе в среде молодежи. Ежегодно 7 марта празднуется день рождения писателя.

Таким образом, мемориальные музеи в провинции, в том числе в малых городах, выступают не только в качестве мест памяти, но и в качестве культурных центров, дополняющих и разнообразящих их историко-культурное пространство. Они формируют не только образы прошлого, но и идеальные образы людей, населяющих и оживляющих это прошлое.

Фольклорная культура памяти

Во второй половине XX – начале XXI в. заметное место в музейном пространстве малых городов начинают занимать музеи народного быта, ремесел, фольклорно-этнографические музеи, организованные по типу крестьянской избы, тематические музеи фольклорной направленности (Музей Царевны-лягушки (г. Ростов Великий), Музей ложки (г. Нытва Пермского края), Дом ремесел «Живинка в деле» (г. Сысерть Свердловской обл.) и др.). Большинство таких музеев

отвечают на запросы общества ностальгического, развлекательного или культурно-воспитательного характера. Например, Музей быта и ремесел в г. Верхняя Салда Свердловской обл. – подразделение Верхнесалдинского краеведческого музея – открылся в 2006 г. и представляет собой реконструкцию Дома быта советского времени, которая включает ателье «Красный швейник», парикмахерскую «Золотой локон», часовую мастерскую «Хранитель времени», фотоателье «Под черной накидкой», воссоздавая советскую повседневность.

Специфика формирования фондов таких музеев, особенности экспонирования предметов, широкое использование в них интерактивных форм работы с посетителями позволяют говорить о формировании фольклорной культуры памяти.

В отечественной традиции под фольклором чаще понимается «устное народное творчество», а в зарубежной к фольклору относят не только язык, верования и обряды, но и материальную культуру. Сам термин *folk-lore*, войдя в научный дискурс в XIX в., зафиксировал пиететное отношение к изучаемому материалу. В XX столетии в фольклоре ищут не столько заветы народной мудрости, сколько понимание того, каким образом организовано социальное, ментальное и культурное пространство сообщества. Эти знания успешно инструментализируются: в советский период фольклор активно использовался как средство легитимации власти («народной»), в настоящее время – для решения задач воспитания патриотизма. Происходит это и через прямые попытки вмешательства в репертуар народных сказителей (например, складывание «новин»), и через апелляцию к символическому капиталу народных представлений о культурных героях и национальных лидерах, что значительно искажает соотношение научности и идеологизации в отечественной фольклористике [Дранникова].

Среди свойств фольклора, определяющих его место в социокультурном и коммуникативном пространстве, важны ориентация на традицию и канон, анонимность, вариативность и инклюзивность, то есть интегрированность в повседневные, праздничные и ритуальные практики. Совмещая в себе ценности вполне земные, прагматические с сакральными, фольклор обладает и тем, что называют *вернакулярностью*, под которой фольклористы понимают его неподцензурность, а социологи – растворенность в бытовом, повседневном, рутинном [Христофорова].

В современных музейных экспозициях, содержащих элементы фольклорной культуры, мы видим следы разного понимания фольклора и разную прагматику обращения к традиционному наследию⁷. При этом обращение к народной культуре как ресурсу идентичности, патриотизма и знания корней востребовано как «сверху», так и «снизу». Так, например, экспозиции «Русская изба» создаются и муници-

⁷ О разнообразии институтов, представляющих культуру в провинции, см. исследование антропологов из Европейского университета в Санкт-Петербурге, отмечающих особую роль музеев [Антропова].

пальными музеями (Красноуфимск, Данилов, Трубчевск), и силами местных энтузиастов («Русские избы» в Вытегре и Пушкино, Музей истории крестьянства им. А. М. Ронжина в Котельничском р-не, музей «Лапоточек» в д. Пашозеро Тихвинского р-на и др.).

Фонды местных музеев этнографической тематики формируются практически исключительно силами энтузиастов-добровольцев и местных жителей, для которых музей становится не только «местом памяти», но и способом избежать утилизации все еще не безразличных им вещей (ил. 3 на цв. вклейке). В свою очередь, это означает, что история конкретных вещей и их использования хорошо известна собирателям, хотя и не всегда задокументирована. Вещи, вызывающие вопросы об их использовании, например, рыбацкие сети музея «Лапоточек», побуждают собирателей к новым экспедициям-опросам. Часто сама деятельность по сбору подобных предметов инициирована тревогой местных жителей о судьбе вещей в разрушающихся избах.

Реконструкция крестьянской избы обычно демонстрирует гостеприимный уклад типичного крестьянского дома, находящий выражение в интерактивности экспозиции («у нас все можно потрогать»). Эти же экспозиции показывают, что «интуитивность» использования большинства предметов крестьянского быта находится в далеком прошлом, и ни дети, ни их родители не представляют ни названий, ни назначения большинства предметов. Возникает парадоксальная ситуация: то, что считается «корнями», оказывается малоизвестным и в большинстве своем абсолютно неприменимым знанием, поскольку как раз бытовая сторона жизни изменилась необратимо. В беседе с нами руководитель фольклорно-этнографической группы «Олония» (школа № 1 г. Вытегра) Н. А. Митрошкина сетовала, что все меньше и меньше остается бабушек, способных показать детям какие-то элементы традиционного быта и рассказать о них⁸. Эта ситуация побуждает применять научные методы этнографического исследования, документирования и атрибуции найденных предметов.

Восстановить распавшуюся связь времен сотрудники музеев пытаются через интерактивные программы и мастер-классы, при этом педагоги привлекают и родителей, считая объединение разных поколений семьи важным результатом музейной деятельности. Желание «воспитывать патриотов» выражают многие работники музеев, и в этом отношении «русские избы» становятся для них возможностью трансляции идей патриотизма с целью пробудить интерес к малой родине через предметы, имеющие к ней непосредственное отношение⁹.

По нашим наблюдениям, «русские избы» довольно схожи между собой. Тот образ прошлого, который в них воссоздается, это «давно-

⁸ Интервью с Н. А. Мирошкиной. Вытегра, июль 2022 г. [Музей малого города].

⁹ Интервью с директором Музея крестьянского быта, с. Городец, Трубчевский р-н. 2022. 23 авг. [Музей малого города].

прошедшее время». Современные «русские избы» встроены не в историографическую концепцию о «темном периоде» до советской власти (Россия до 1917 г.), а существуют как бы вне исторической хронологии, отсылая к прекрасному эпическому прошлому и в этом смысле идеально воплощая понятие народной мудрости. Таким образом, музейное обращение к фольклору опирается прежде всего на артефакты (а не на аутентичные тексты), с помощью которых формируется особый тип прошлого, в идеализированном виде рассказывающий о национальных корнях.

Музейный жанр коммеморации (музейная культура памяти) опирается на институциональные особенности музеев и того информационного поля, в котором они находятся, а также на практики агентов коммеморации – работников музеев, увлекающихся собирательством или развивающих самые разные варианты взаимодействия с посетителями.

Предложенное в статье деление культур памяти является результатом типологизации и в известной степени условно, поскольку агенты коммеморации, работающие в пространстве любой из рассмотренных культур памяти, могут существенно менять «правила игры» в зависимости от собственных представлений и возможностей. Музеи, порожденные эпохой просвещения и рационализма, тяготеют к научным формам музеефикации, которые выступают в качестве эталона музейности. Время вносит свои коррективы в привычные музейные практики, ставя новые задачи – идеологические, учебно-воспитательные, развлекательные – и способствуя их трансформации. В этом смысле мемориальная и фольклорная музейные культуры памяти выросли из научной, но приобрели самостоятельное значение и заняли свое место в информационном пространстве общества и, соответственно, пространстве коллективной социальной памяти.

Список литературы

Антропова Н. «Есть ли счастье от культуры в провинции, и если есть, то какое, кому и от какой» : интервью с П. Куприяновым // Реальное время : [интернет-газ.]. 2020. 7 янв. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/162470-pavel-kupriyanov-o-tom-kak-zhivot-muzei-v-rossiyskoj-glubinke> (дата обращения: 20.11.2022).

Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 223 с.

Балюшина Ю. Л. Человек и малый город: специфика взаимодействия (философский аспект) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69), ч. 2. С. 16–18.

Бекленищева М. В. Музеи в малых городах: нормативы обеспеченности и проблемы учета // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши : сб. науч. тр. / под ред. Л. Н. Мазур, Д. Магера. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 121–131.

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Индустриальная память: множественность и масштабы. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. 264 с.

Дом-музей В. А. Чивилихина : [сайт]. URL: <http://mariinsk-museum.ru/chivilihina/> (дата обращения: 20.11.2022).

Дранникова Н. В. «Фольклор»: к вопросу об истории употребления термина и его значения в русской науке // Труды Карельского научного центра РАН. 2015. № 8. С. 39–45. DOI 10.17076/hum117.

Камерон Д. Ф. Музей: храм или форум? // Музейное дело. Музей – культура – общество : сб. науч. тр. М. : Изд-во Музея революции, 1992. С. 259–274.

Мазур Л. Н. Мемориальные музеи политических деятелей в пространстве исторической памяти современной России // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 100–119. DOI 10.21267/AQUILO.2019.66.25322.

Мазур Л. Н. Малые города России: особенности формирования историко-культурного ландшафта // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши : сб. науч. тр. / под ред. Л. Н. Мазур, Д. Магера. Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2022. С. 20–50.

Музей России : [сайт]. URL: <http://www.museum.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).
Музей малого города // Международный центр демографических исследований : [сайт]. URL: <https://idun.urfu.ru/ru/pro/muzei-malogo-goroda-mnozhestvennost-kulturamjati/> (дата обращения: 20.11.2022).

Музей // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. СПб., : Семёновская типолит. (И. А. Ефрона), 1890–1907. Т. 20 (39). С. 112–126.

Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–73.

Резник И. И. Музей и храм. Точки соприкосновения // Национальные приоритеты России : [сайт]. 2014. № 4 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzey-i-hram-tochki-soprikosnoveniya> (дата обращения: 09.11.2022).

Румянцева М. Ф. Проблема коммеморации: метанарратив – места памяти – ренарративизация // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 16–31.

Сафронова Ю. А. Третья волна Memory Studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12–27. DOI 10.31249/poln/2018.03.01.

Хириш М. Что такое постпамять / пер. К. Харлановой // Уроки истории : [интернет-журн.]. 2016. 17 июня. URL: <https://urokiistorii.ru/article/53287> (дата обращения: 12.08.2022).

Христофорова О. Б. Как изучать вернакулярные теории и практики? На примере witchcraft studies // Методы и концепции в фольклористике и культурной антропологии (конец XX – начало XXI века) : материалы XVI междунар. шк.-конф. по фольклористике, социолингвистике и культурной антропологии / сост. А. С. Архипова, С. Ю. Неклюдов, Д. С. Николаев, Н. Н. Рычкова. М. : РГГУ, 2016. С. 102–105.

Юрайт У. Поколение и память. Концептуальные размышления о поколенческих аспектах процессов воспоминаний и самотематизации // «Работа над прошлым»: XX век в памяти и коммуникации послевоенных поколений Германии и России / под ред. О. С. Нагорной и др. Челябинск : Каменный пояс, 2014. С. 14–27.

Assmann A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. Bonn : Bundeszentrale für politische Bildung, 2007. 320 S.

Osborne D. What Remains: The Post-Holocaust Archive in German Memory Culture. Rochester : Camden House, 2020. 226 p.

Saryusz-Wolska M. Mikrogeschichten der Erinnerungskultur: «Am grünen Strand der Spree» und die Remedialisierung des Holocaust by bullets, Berlin ; Boston : De Gruyter, 2022. 309 S.

References

Antropova, N. (2020). “Est’ li schast’e ot kul’tury v provintsii, i esli est’, to kakoe, komu i ot kakoi?”. Interv’y u s P. Kupriyanovym [“Is there Happiness from Culture in the Provinces, and if so, What Kind, to Whom and from What?”. Interview with P. Kupriyanov]. In *Real’noe vremya* [website]. 7 January. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/162470-pavel-kupriyanov-o-tom-kak-zhivut-muzei-v-rossiyskoy-glubinke> (accessed: 20.11.2022).

Assmann, A. (2007). *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. Bonn, Bundeszentrale für politische Bildung. 320 S.

Assmann, A. (2016). *Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi* [New Dissatisfaction with Memorial Culture] / transl. by B. Khlebnikov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 223 p.

Balyushina, Yu. L. (2016). Chelovek i maliy gorod: spetsifika vzaimodeistviya (filosofskii aspekt) [Man and Town: The Peculiarities of Interaction (Philosophical Aspect)]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. No. 7 (69). Part 2, pp. 16–18.

Beklenishcheva, M. V. (2002). Muzei v malykh gorodakh: normativy obespechennosti i problemy ucheta [Museums in Towns: Security Standards and Accounting Problems]. In Mazur, L. N., Mager, D. (Eds.). *Memorativnyye landshafty malykh gorodov Rossii i Pol'shi. Sbornik nauchnykh trudov*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 121–131.

Dom-muzei V. A. Chivilikhina [Museum House of V. A. Chivilikhin] [website]. (N. d.). URL: <http://mariinsk-museum.ru/chivilikhina/> (accessed: 20.11.2022).

Drannikova, N. V. (2015). “Fol'klor”: k voprosu ob istorii upotrebleniya termina i ego znacheniya v russkoi nauke [“Folklore”: On the History of the Use of the Term and Its Meaning in Russian Scholarship]. In *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra*. No. 8, pp. 39–45. DOI 10.17076/hum117.

Hirsch, M. (2016). Chto takoe postpamyat' [The Generation of Postmemory] / transl. by K. Kharlanova. In *Uroki istorii* [website]. 17 June. URL: <https://urokiistorii.ru/article/53287> (accessed: 12.08.2022).

Jureit, U. (2014). Pokolenie i pamyat'. Kontseptual'nye razmyshleniya o pokolencheskikh aspektakh protsessov vospominanii i samotematizatsii [Generation and Memory. Conceptual Reflections on Generational Aspects of Remembrance and Self-Thematization Processes]. In Nagornaya, O. S. et al. (Eds.). “*Rabota nad proshlym*”: XX vek v pamyati i kommunikatsii poslevoennykh pokolenii Germanii i Rossii. Chelyabinsk, Kamennyi poias, pp. 14–27.

Kameron, D. F. (1992). Muzei: khram ili forum? [Museum: Temple or Forum?]. In *Muzeinoe delo. Muzey – kul'tura – obshchestvo. Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, Izdatel'stvo Muzeya revolyutsii, pp. 259–274.

Khristoforova, O. B. (2016). Kak izuchat' vernakulyarnye teorii i praktiki? Na primere witchcraft studies [How to Study Vernacular Theories and Practices? With Reference to Witchcraft Studies]. In Arkhipova, A. S., Neklyudov, S. Yu., Nikolaev, D. S., Rychkova, N. N. (Eds.). *Metody i kontseptsii v fol'kloristike i kul'turnoi antropologii (konets XX – nachalo XXI veka). Materialy XVI mezhdunarodnoi shkoly-konferentsii po fol'kloristike, sotsiolingvistike i kul'turnoi antropologii*. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 102–105.

Mazur, L. N. (2019). Memorial'nye muzei politicheskikh deyateli v prostranstve istoricheskoi pamyati sovremennoi Rossii [Memorial Museums of Political Figures in the Space of the Historical Memory of Modern Russia]. In *Dialog so vremenem*. Iss. 66, pp. 100–119. DOI 10.21267/AQUILO.2019.66.25322.

Mazur, L. N. (2022). Malye goroda Rossii: osobennosti formirovaniya istoriko-kul'turnogo landshafta [Small Towns of Russia: Features of the Formation of the Historical and Cultural Landscape]. In Mazur, L. N., Mager, D. (Eds.). *Memorativnyye landshafty malykh gorodov Rossii i Pol'shi. Sbornik nauchnykh trudov*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 20–50.

Muzei [Museum]. (1890–1907). In *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona v 86 t.* St Petersburg, Semenovskaya tipolitografiya (I. A. Efrona). Vol. 20 (39), pp. 112–126.

Muzei malogo goroda [Town Museums]. In *Mezhdunarodnyi tsentr demograficheskikh issledovaniy* [website]. URL: <https://idun.urfu.ru/ru/pro/muzei-malogo-gorodamnozhestvennost-kultur-pamjati/> (accessed: 20.11.2022).

Muzei Rossii [Museums of Russia] [website]. (N. d.). URL: <http://www.museum.ru/> (accessed: 20.11.2022).

Olick, J. (2012). Figuratsii pamyati: protseso-relyatsionnaya metodologiya, illyustriruemaya na primere Germanii [Figurations of Memory: A Process-Relational

Methodology with Reference to Germany]. In *Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 11. No. 1, pp. 40–73.

Osborne, D. (2020). *What Remains: The Post-Holocaust Archive in German Memory Culture*. Rochester, Camden House. 226 p.

Reznik, I. I. (2014). Muzei i khram. Tochki soprikosnoveniya [Museum and Temple. Common Ground]. In *Natsional'nye priority Rossii*. No. 4 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzy-i-hram-tochki-soprikosnoveniya> (accessed: 09.11.2022).

Rumyantseva, M. F. (2016). Problema kommemoratsii: metanarrativ – mesta pamyati – renarrativizatsiya [The Problem of Commemoration: Metanarratives – Places of Memory – Renarrativisation]. In *Dialog so vremenem*. No. 54, pp. 16–31.

Safronova, Yu. A. (2018). Tret'ya volna Memory Studies: dvadcat' tri goda protiv shersti [The Third Wave of Memory Studies: Twenty-Three Years of Swimming against the Stream]. In *Politicheskaya nauka*. No. 3, pp. 12–27. DOI 10.31249/poln/2018.03.01.

Saryusz-Wolska, M. (2022). *Mikrogeschichten der Erinnerungskultur: „Am grünen Strand der Spree“ und die Remedialisierung des Holocaust by bullets*. Berlin, Boston, De Gruyter. 309 S.

Vandyshv, M. N., Veselkova, N. V., Pryamikova, E. V. (2022). *Industrial'naya pamyat': mnozhestvennost' i masshtaby* [Industrial Memory: Scale and Plurality]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 264 p.

The article was submitted on 15.07.2022

THE HUMANITIES IN DIGITAL SPACE

DOI 10.15826/qr.2022.5.766

УДК 930.25:398 + 930.25:004.77 + 004.65 + 004.5

Фольклорный архив на бумаге и в Интернете: проблемы цифровизации*

Наталья Граматчикова

Татьяна Хоруженко

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

A Folklore Archive Offline and Online: Digitisation Problems**

Natalya Gramatchikova

Tatiana Khoruzhenko

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article aims to identify the main problems associated with the digitisation of a folklore archive and formulate some prospects of digitising materials. The authors analyse Internet archives, folklore and similar electronic resources, databases, and materials from Russian folklore laboratories. The second part of the article is devoted to the connection of technical procedures for labeling folklore texts with the possibility of using the interpretive techniques of this procedure to restore the logic of field research programmes and the contextual connections of the collected data. The concept of context understood as a variety of “horizontal connections”

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

** *Citation:* Gramatchikova, N., Khoruzhenko, T. (2022). A Folklore Archive Offline and Online: Digitisation Problems. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1868–1883. DOI 10.15826/qr.2022.5.766.

Цитирование: Gramatchikova N., Khoruzhenko T. A Folklore Archive Offline and Online: Digitisation Problems // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1868–1883. DOI 10.15826/qr.2022.5.766 / Граматчикова Н., Хоруженко Т. Фольклорный архив на бумаге и в Интернете: проблемы цифровизации // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1868–1883. DOI 10.15826/qr.2022.5.766/

of a folklore text during its functioning in the space of local culture is becoming increasingly important. The conversion of archival data into a digital format can be of practical use not only as a structural ordering – creating a search engine marked with certain markers / tags, but also as an opportunity to reconstruct a partially lost research context. In the materials from the 1960s–2000s, it is often impossible to make up for context from live communication with specialists and members of expeditions due to intergenerational breaks in tradition that have occurred in Russian folklore studies. This article offers a solution which aims to develop one of the practical ways to use the digitisation of an array of field materials to clarify the history of local research schools and associations. The article contains an overview and assessment of the content of the available online folklore archives.

Keywords: folklore archive, digital archive, database, tags, research context, digitalization, digital studies

Цель статьи – выявить сложности, связанные с представлением фольклорного архива в цифровом виде, и наметить перспективы цифровизации материалов. Исследователи фольклора признают значительные затруднения при переходе к новым стандартам фиксации контекста, что показал анализ представленных на сегодняшний день в сети интернет-архивов, фольклорных электронных ресурсов, баз данных и материалов фольклорных лабораторий России. Рассмотрена связь технических процедур по разметке фольклорных текстов с возможностью использовать интерпретационные моменты этой процедуры для восстановления логики программ полевых исследований и контекстных связей собранных данных. Понятие контекста, понимаемого как разнообразные «горизонтальные связи» фольклорного/ фольклоризованного текста при его функционировании в пространстве локальной культуры, приобретает все большее значение. Перевод архивных данных в цифровой формат может иметь практическое применение не только для структурного упорядочивания (создания) поисковой системы, размеченной определенными маркерами/тэгами, но и как возможность реконструкции частично утраченного научно-исследовательского контекста. В материалах 1960–2000 гг. восполнить из живого общения с собирателями, участниками экспедиций такой контекст часто не удается в связи с межпоколенческими разрывами традиций в полевой фольклористике. Предложенный вариант представляет собой разработку одного из практических способов применения оцифровки массива полевых материалов для уточнения истории местных научных школ и объединений. Статья содержит обзор и оценку наполнения доступного онлайн-контента нескольких десятков фольклорных архивов различных институций.

Ключевые слова: фольклорный архив, цифровой архив, база данных, ключевые слова, исследовательский контекст, *digital studies*

Своим появлением статья обязана большой практической работе, проводимой с фольклорным архивом УрФУ (ранее – архив кафедры фольклора УрГУ), с целью вывести собранные материалы на уровень цифровой репрезентации. Разбор и систематизация архивных материалов серьезно затруднены разрывом научной преемственности: фольклористы, формировавшие основной корпус полевых материалов, ориентируясь в интересующих их разделах коллекций без каталогов и сводных описей, не ставили его цифровизацию в число приоритетных задач.

Объектом исследования стали цифровые архивы фольклорных материалов, размещенные в сети Интернет. При этом мы отграничиваем фольклорный архив, содержащий коллекции, переведенные из бумажного (традиционного) вида в цифровой, от проектов, изначально создававшихся как цифровые. В связи с этим не рассматриваются проекты по сбору и сохранению устной истории и мемуаров, изначально создававшиеся как сайты («Принудительный труд 1939–1945. Воспоминания и история»; *Archiwum historii mówionej*; «Народная история России»; «Прожито»). Исключены из рассмотрения образовательные сайты, связанные с презентацией территории и ее истории («Культурное наследие земли Смоленской»), где фольклорные материалы задействованы в качестве составляющей для брендинга территории. Диалектологические архивы (такие как архив Полесской экспедиции Н. И. и С. М. Толстых, топонимической экспедиции УрФУ и др.) значительно продвинулись по пути цифровизации, однако их приоритетная модель репрезентации – слово и контекст его употребления – не совсем подходит для собственно фольклорного материала, где единицей является текст.

Наши задачи – проанализировать имеющиеся в открытом доступе цифровые фольклорные архивы; акцентировать проблемы, возникающие при переносе накопленного материала в Интернет, и наметить пути их решения применительно к фольклорному архиву УрФУ. Первая часть статьи содержит обзор ряда выявленных общих проблемных мест. Вторая часть посвящена связи технических процедур по разметке фольклорных текстов с возможностью восстановления логики программ полевых исследований прошлых лет и контекстных связей собранных данных.

Систематизация материалов фольклора в Европе

Традиционно систематизация фольклорных текстов в науке носила внутрижанровый характер. Сюжетно-мотивный указатель А. Аарне («*Verzeichnis der Märchentypen*», опубликован в 1910 г. на немецком, на русском он вышел в 1929 г. [Андреев]) был усовершенствован С. Томпсоном [Aarne, Thompson]) и задал один из популярных способов систематизации фольклорного прозаического материала.

В настоящее время система структурирования архивов по территориальному и жанровому признакам является интернациональной

и применяется в большинстве европейских и американских архивов [Georgitis; Ekström], а также в большинстве указателей фольклорных текстов, выходящих в России [Айвазян, Якимова; Зиновьев; Криничная; Гордеева; Кляус; Козлова; Березкин, Дувакин; Петров; и др.].

Кроме территориального и жанрового признаков, в качестве «устойчивых семантических единиц» в указателях [Путилов, с. 180] выделяются *мотивы* – «простейшие повествовательные единицы» [Веселовский, с. 300]. Отчетливость выделения мотивов невысока. В частности, для А. Веселовского важно семантическое наполнение этих схематических фрагментов, В. Пропп, имея дело со структурой волшебной сказки, предпочитает говорить о функциях действующих лиц и их вариантах [Пропп, с. 30]. В дальнейшем вводятся дополнительные различительные признаки внутри мотивов (алломотивы, мотивемы и др.), либо мотивы объединяются в темы/сюжеты, чтобы отразить целостность смыслового фрагмента. С. Томпсон указывал на закрепленность мотива в традиции, что ставит его выделение в зависимость от эрудиции интерпретатора [см. об этом: Неклюдов, 2004]. Можно утверждать, что в большинстве указателей (печатных и цифровых) строго соблюдаются два принципа, заложенные еще А. Аарне: функционирование в рамках отдельных жанров и систематизация материала на основе отдельных мотивов.

Хотя формирование фольклорных коллекций на Западе и в России началось в XIX в., смена методологии сбора фольклорных данных в западной науке произошла в 1960–1970-е гг.: от записи отдельных жанров исследователи перешли к фиксации контекста, что привело к критическому переосмыслению собранных материалов и новым формам хранения. В архив стали включаться видео- и аудиозаписи, фотографии, а сама запись превратилась в расшифровку беседы. Примерно с начала XXI в. ранее собранные записи начали оцифровывать, чтобы сохранить их и сделать доступными для изучения и систематизации [Harvilahti, p. 55; Pyefalvi, p. 217].

Традиционный фольклорный архив имеет две системы каталогизирования: *топографическую*, когда данные о месте сбора или ареале распространения того или иного текста наносятся на карту, и *тематическую*, которую точнее было бы назвать системой выделения ключевых слов (ключевыми словами при этом чаще всего оказываются жанры и/или темы текстов) [Ekström, p. 120]. Эти же принципы частично переносятся и в цифровую среду, которая в силу своей большей формализации имеет высокий потенциал выстраивания общей системы координат.

В связи с цифровизацией архивов фольклористы выделяют в качестве одной из приоритетных задач выработку неких общих критериев в создании электронных фольклорных архивов [Harvilahti, p. 55]. Результатами этого для стороннего пользователя прежде всего становятся поиск по доступной базе и понимание критериев его формирования.

Одними из первых системной цифровизацией фольклорных архивов занялись в 2010–2012 гг. фольклористы Эстонского фольклорного архива (*Eesti Rahvaluule Arhiiv*, <http://www.folklore.ee/era/ava.htm>). Информация на сайте архива представлена двумя способами: это списочные данные о местах записи, собирателях и информантах, о фото- и видеоматериалах, и записи фольклора, сгруппированные по жанровым коллекциям (часто представленные на сторонних сайтах). На данный момент работа в архиве направлена на то, чтобы скорректировать между собой имеющиеся разнообразные базы данных [Шуефалви, р. 221; Järv].

Европейские базы данных, основанные на материалах фольклорных архивов, чаще всего строятся на жанровом интернациональном (насколько возможно) принципе [Шуефалви, р. 219–220]. В то же время есть и другие подходы. В Университете Орегона фольклорный архив позволяет группировать материал по фольклорным формам, темам, жанрам, а также по данным информанта (возраст, гендер, этническая и религиозная принадлежности) [Georgitis, р. 88–89].

Архив Университета Южной Каролины *USC Digital Folklore Archives* (<http://folklore.usc.edu>) на своем сайте не дает общего теоретического описания коллекции. Поиск может осуществляться по категориям (загадки, обычаи, верования, куда относятся и представления о народной медицине и магии, игры и т. д.) или тэгам. Каждый текст предваряется небольшим биографическим контекстом (пол, возраст, профессия, место жительства, национальность информанта и дата записи) и сопровождается достаточно обширным облаком тэгов, описывающих как жанровую, так и тематическую сторону текста.

Наиболее удачный пример презентации фольклорного архива в Интернете, на наш взгляд, представляет видеархив украинских народных песен *Polyphonyproject* (<http://www.polyphonyproject.com/en>). Пользователь может искать материал по месту (есть карта фиксации) или по жанру. В упрощенном указателе тексты сгруппированы по тематическому принципу: любовь, тяжелая работа, путешествие, смерть etc. Архив удобно использовать в качестве иллюстративного материала и в исследовательских целях. После каждого видео даются текст песни, имена исполнителей и годы их рождения; справочная информация о жанре, времени и ситуации традиционного исполнения данного текста; имена фольклористов и дата записи.

Распространение в Интернете фольклоризованных и стереотипизированных текстов ставит проблему включения в архивные коллекции и жанров современного фольклора: это посты в социальных сетях, сообщения, пересылаемые через мессенджеры, и др. В частности, каталонский фольклорный архив Университета Ровиры-и-Вирхили включает подобные материалы в нем по трем основаниям: данные об информанте (пол, возраст, профессия, места рождения и проживания, язык), информация о самом тексте (время записи, жанр, заглавие, текст и контекст записи, а также интерпрета-

ция, если это необходимо), данные о собирателе (фамилия, имя, возраст) [Georgitis, p. 338].

Таким образом, первым принципом цифровизации, заложенным в Эстонском фольклорном архиве и применяемым почти повсеместно, становится перевод имеющихся фольклорных коллекций в цифровой вид с сохранением при этом структуры традиционного архива как при подаче материала, так и в организации хранения информации.

Второй принцип цифровизации, применяемый в Европе, – создание базы данных, основанной на одной коллекции или на наследии собирателей. В таком случае исследователи получают возможность ознакомиться с архивом и творческим наследием ученых. Примерами подобных архивов являются оцифрованные архивы датского фольклориста Эвальда Тана Кристенсена (1843–1929) *Danish Folklore Nexus, ETKSpace*, а также немецкого учителя и фольклориста Рихарда Восидло (1859–1939) – *WossidDia* [Ilyefalvi, p. 222].

При цифровизации фольклорных архивов возникает вопрос о необходимом минимуме предоставления информации, форме ее подачи и т. п. Например, фольклорный архив Латвийского университета *Digital Archives of Latvian Folklore* (<http://garamantas.lv/lv/collection/index>) содержит отсканированные материалы, а также аудиозаписи и изображения. Материал в нем структурирован по коллекциям с возможностью просматривать каждую отдельную единицу архива в виде отсканированного файла. Интерактивная карта показывает количество единиц хранения для каждого населенного пункта.

Выбор формы во многом зависит от той цели, которую ставит перед собой создатель архива. Процесс цифровизации теснейшим образом связан с разработкой логически ясной структуры представления данных.

Российские цифровые фольклорные архивы

На сегодняшний день известно порядка 20 фольклорных архивов, созданных на базе российских университетов, также существует архив кабинета фольклора Академической гимназии СПбГУ. Создание цифровых архивов – одна из значимых для развития фольклористики задач [Неклюдов, 2006].

История цифровизации фольклорного архива УрФУ (формирование которого происходило на кафедре фольклора УрГУ начиная с 1950-х гг.) прошла два этапа. Первые попытки предпринимались под руководством Д. В. Жердева еще в 1998–1999 гг. Однако судьба этого важного для будущего кафедры грантового проекта сложилась неудачно, и значимых результатов на тот момент достигнуто не было. Повторно проблема создания электронного архива была сформулирована в 2014 г., когда работу по оцифровке материалов в рамках студенческой практики пришлось начать заново в связи с неожиданной утратой ведущих специалистов по фольклору – руководителей практики и знатоков архивных фондов [Граматчикова].

Из публикаций фольклористов и архивистов известно, что степень оцифровки архивных и полевых материалов весьма различна. Например, Т. Г. Владыкина отмечает создание «гипертекстовой базы данных», которая «включает в себя текстовые, аудио-, фото-, видео-материалы», «наглядно демонстрирует жанровое многообразие традиционной культуры народов Удмуртии... обеспечивает сохранение раритетных материалов рукописного, фото- и аудиофондов» [Владыкина, Глухова, с. 93]. Однако онлайн эта база не представлена. Также не имеют интернет-версий цифровые фольклорные архивы Марийского государственного университета, Псковского государственного университета и Саратовского национального исследовательского университета.

В течение последнего десятилетия сообщество фольклористов неоднократно обсуждало вопросы функционирования фольклорных архивов, предоставления доступа к ним и распределения ответственности при их использовании [Форум]. Одной из важнейших антиномий в создании цифровых фольклорных архивов признается конфликт интересов исследователя «со стороны» и держателей архивных фондов. Из задекларированных двух с лишним десятков фольклорных архивов в относительно свободном доступе представлена едва ли половина. Ряд институций (Центр русского фольклора ФГБУК «Государственный российский дом народного творчества имени В. Д. Поленова», Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Отдел фольклора, кафедра русского устного народного творчества МГУ, фольклорный архив ПетрГУ) предоставляют доступ к описям материалов или списку экспедиций, что позволяет получить общее представление о фондах, но не дает возможности ознакомиться с самими материалами. Изучение сайтов фольклорных архивов или коллекций, доступных интернет-пользователю, показывает, что их реальное наполнение составляет половину или треть от заявленного.

Из наиболее полно представленных в Интернете можно отметить *Фольклорный архив Факультета гуманитарных наук НИУ* (<https://folklore.linghub.ru/>). В основе этого архива лежит материал, собранный двумя экспедициями, работавшими независимо друг от друга. На его главной странице размещена интерактивная карта России, где обозначены места экспедиций. Пользователь может перейти к поиску по архиву либо непосредственно от карты, либо через пункт меню. Поиск по сайту возможен по жанрам, по возрасту и полу информантов, по году или месту записи. Возможно комбинирование разных условий.

Достаточно большой объем материалов (особенно детского фольклора) представлен на сайте *фольклорного архива ПетрГУ* (<http://folkarchive.petrstu.ru/>). Материал может быть структурирован в алфавитном порядке (тогда первым идет название жанра), по темам, а затем уже дается название собственно материала. Также применяется отбор по собирателям, информантам и по территории.

Однако при попытке открыть текст выясняется, что представленные на сайте данные – оцифрованные описи имеющихся материалов, сам текст остается недоступным.

Иначе организован сайт *Проптовского центра* (<http://folk.ru/index.php>) в Санкт-Петербурге. На нем доступна только небольшая коллекция записей сказок. Некоторые тексты сопровождаются аудио- и видеорядом, но все тексты сказок представлены целиком. Материал структурирован по информантам, фамилии которых расположены в алфавитном порядке, есть данные о месте и времени записей.

Архив кабинета фольклора Академической гимназии СПбГУ (<http://folk.polarstarspb.ru>) содержит выборочную публикацию материалов интервью, о чем пользователь предупреждается на главной странице сайта. Во вкладке с описями присутствует поиск по территории (и это единственный вид поиска). Аудиозаписи бесед с информантами доступны на вкладках населенных пунктов, расшифровки записей отсутствуют, но выделены тематические блоки, и расставлены тайм-коды.

Архивные материалы *Лаборатории фольклора РГГУ* (<http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/archive.htm>) представлены схожим образом (более 3 тыс. записей). На сайте есть возможность ознакомиться с текстами, сгруппированными в несколько тем (два обряда перехода – свадебный и родильный, гадания, нечисть и духи, колдовство и гадания, разное). Внутри разделов даны тексты с указанием года и места записи. Информация об информантах и собирателях зашифрована [Каргополье].

На сайте *кафедры русского устного народного творчества МГУ* (<http://www.philol.msu.ru/~folk/pole.php>) размещен список экспедиций с описями материалов за 1949–1954, 1959–1961 гг., содержащий информацию о жанрах и местах записей. Для более поздних экспедиций (1990-х гг.) создавались отдельные сайты. Так, сайт экспедиции 2014 г. в Архангельскую область содержит материалы, распределенные по информантам, фотографии восьми собеседников студентов, их краткие биографические сведения; цитаты из интервью даны только под фотографиями пяти информантов. Вероятнее всего, сайт создавался студентами под впечатлением от поездки и не предполагал научно-исследовательского использования. Наконец, на сайте *Фольклорного центра Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского* (<http://www.unn.ru/folklore/fcontru.htm>) заявлена организация материалов по девяти тематическим коллекциям: «Мир детства», «Религиозный фольклор», «Мифологическая проза», «Сказки», «Предания», «Обряды», «Песни», «Частушки», «Малые жанры». При этом доступны для изучения только разделы о детском фольклоре, и частично – религиозный фольклор (с местом и временем записи, ФИО информантов и собирателей), остальные разделы не заполнены.

Таким образом, можно констатировать, что большинство сайтов, носящих подзаголовок «фольклорный архив», созданы в большей сте-

пени с целью манифестировать существование коллекций. Чаще всего сайты разрабатывались в рамках грантовых программ, и лишь незначительное их количество регулярно обновляется и функционирует. При этом способы презентации фольклорных текстов имеют как плюсы (в первую очередь доступ к полевым материалам), так и минусы (непрозрачная систематизация, отсутствие текстов и/или их атрибуции).

В соответствии с требованиями законодательства по защите персональных данных возникает вопрос о корректности размещения данных информантов. Заполненное информантом согласие на обработку данных снимает эту проблему для современных полевых материалов, однако для записей полувековой давности вопрос актуален. Кроме того, предполагается, что сбор фольклорных материалов является персональной ответственностью самого собирателя [Форум, с. 64], однако часто подобное разрешение невозможно получить в силу ухода тех, кто формировал эти коллекции.

Наиболее удачный вариант защиты персональных данных информантов присутствует в архиве интервью «Принудительный труд 1939–1945. Воспоминания и история» (<https://archiv.zwangsarbeit-archiv.de/>). Чтобы получить доступ к архиву, необходима регистрация, которая, как предупреждает сайт, является не автоматизированной формальностью, а официальным запросом к правообладателям архива: требование сформулировать причину обоснованного интереса к архиву минимизирует возможность праздного любопытства или недобросовестного использования. Подобные объяснения целей и задач архива, а также правил регистрации встречаются на сайтах архивных материалов достаточно редко. В то же время такой подход позволяет сразу очертить целевую аудиторию и обозначить границы допустимого использования представленных материалов.

Немало вопросов касается проблем практического плана: это организация публикации на сайтах, принципы систематизации и пр., определяющие дизайн сайта и форму внесения материалов, а также единую непротиворечивую концепцию хранения материалов.

Вопрос рубрикации и внесения единиц в базу данных важен, поскольку с изменением способов фиксации изменилось и понятие *контекста*: чаще всего интервью записывается целиком. Впоследствии в нем выделяются *микротемы*, способные стать *ключевыми словами*. Однако сами интервью плохо поддаются жанровой рубрикации, принятой в большинстве архивов [Форум, с. 52], так как, по сути, являются гипертекстами.

Стремясь разнообразить подачу материала и заинтересовать фольклором неспециалистов, исследователи используют способы геймификации. Например, «Виртуальный музей фольклора Юринского района» создан по принципу экскурсии с игровыми элементами [Ефимова и др., с. 149].

Ориентация фольклорного архива (или его части) не на научное сообщество, а на рядовых пользователей сближает проект фольклор-

ного архива МарГУ с некоторыми проектами Эстонского фольклорного архива и с *New York Folklore* (<https://nyfolklore.org/>), который видит своей миссией поддержку традиционной культуры и ее популяризацию: на этом сайте есть статьи и книги, интернет-магазин и объявления о разнообразных мероприятиях, связанных с традиционной культурой, а также архив аудиозаписей, доступный членам общества.

Фольклорный архив УрФУ: принципы организации поисковой системы

Фольклорный архив УрФУ с момента своего создания имел географический принцип организации материала. Каждая папка включала в себя краткую опись с перечислением жанров, присутствующих среди записей, и подсчетом примерного количества единиц хранения по жанрам.

При проведении работ по оцифровке оба принципа – *географический* и *жанровый* – было решено сохранить. Прежний географическо-алфавитный порядок был ориентирован на конкретное место экспедиции, будь то деревня, город либо район. Нынешняя организация включает иерархию областей и районов, что позволяет объединить папки с материалами, записанными в одном районе, но в населенных пунктах с разными названиями.

Жанровая классификация значительно расширена и дополнена реально присутствующими записями сценариев праздников, интервью, автобиографическими рассказами, материалами фольклора городских субкультур и др. Жанровый принцип организации, по нашему мнению, не может быть единственным в силу спорности дефиниций: ведь «классификация должна быть понятна и удобна для использования другими специалистами» [Марковская, с. 98].

Чрезвычайно информативным может быть *картографирование* экспедиционных маршрутов, дающее возможность наглядно представить районы Урала и годы их обследования: многие населенные пункты посещались филологами дважды с дистанцией в 20 лет. Почти полвека назад К. В. Чистов указывал на недооцененный потенциал этого метода для фольклористики и обдумывал возможность комплексного картографирования территорий [Чистов]. Однако обсуждение принципов картографирования на крутом столе филологического факультета МГУ в апреле 2021 г. показало, что работы по применению картографии в разных центрах фольклористики не являются обязательными [Картографические методы в исследовании фольклора].

Картографирование позволяет сопоставить ареалы наличия/отсутствия искомого явления, проследить изменение его форм в «этнографическом настоящем» и в диахронии, если позволяет материал. Это даст возможность вкупе с оцифровкой архивных данных существенно не только прояснить степень обследованности различных районов, но и получить данные об установках собирателей, то есть использовать данные собранных коллекций как часть характеристи-

ки научных установок фольклористов старших поколений. Картографирование позволяет оценить наличие «белых пятен» на фольклорной карте, однако и здесь есть проблемы: административное деление в ряде случаев изменилось, а десятки деревень исчезли с лица земли.

При пользовании поисковыми системами привычен поиск по ключевым словам. Под ключевыми словами вслед за А. Б. Морозом мы понимаем «устойчивый набор лексем, выражающих основные категории традиционной культуры, обозначающих понятия, релевантные для этнографических описаний, включающие предметы и явления, действия, признаки, а также принятые в науке жанровые обозначения текстов и обрядов» [Мороз]. Отметим, что в ряде случаев, когда списки ключевых слов приведены на сайтах архивов, логика их выделения бывает далеко не очевидна, а системность их выделения часто вообще не ставится как задача.

На наш взгляд, с помощью ключевых слов должно передаваться содержание текста, но не аналитическая информация (в целях ограничения субъективного подхода при интерпретации значения текста на этапе введения в систему). Ключевые слова позволяют связать тексты «поверх» их жанровых дефиниций. Но при этом ключевые слова должны покрывать все поле текстов, тогда как часть из них оказывается значима лишь для некоторых жанров. Например, для жанра частушки значимым оказывается понятие «трактор», с которым связан комплекс эротических смыслов; для остальных жанров это слово чаще всего нерелевантно. Но выделяется и некоторый комплекс ключевых слов, значимых почти для всех жанров. Таковы, например, войны, и прежде всего Великая Отечественная война. Для фольклора Урала определяющими являются слова «золото», «драгоценные камни», «руда» и камни вообще, с помощью которых описывается профессиональная деятельность многих обитателей края. Практическим осложнением здесь видится процесс роста количества ключевых слов, что в итоге будет затруднять поиск по сайту.

Возникающие теоретические и практические задачи могут быть решены, если обратиться к *цели формирования архива*. Чаще всего такой целью становится сохранение бумажного архива [Форум, с. 67], происходящее из стремления максимально полно представить имеющиеся материалы для аналитической работы [Мороз]. Иногда возникают задачи просветительского и коммерческого плана [Ефимова, с. 149]. Одними из целей сетевого архива УрФУ, помимо сохранения и систематизации накопленных материалов, являются воссоздание контекста, существовавшего вокруг записанных текстов, прояснение целевых установок собирателей [Грамотчикова, с. 86]. Выявление представленных в архиве тем, равно как лакун, может многое сказать о времени и об отношении информантов к определенному событию или теме.

Отсутствие либо недостаток контекста – одна из проблем, активно осмысливаемых и европейскими фольклористами [Sava, p. 7; Wolf-Knuts, p. 116]. Оцифровка фольклорных архивов позволяет частично

восстановить локальный и темпоральный контекст (контекст ситуации), где сами отсутствующие позиции, умолчания и эвфемизмы могут стать материалом для исследования [Алексеевский, с. 44].

Итак, процесс оцифровки значительного массива архивных фольклорных данных вызвал к жизни ряд вопросов теоретического, практического и историографического характера [Соболева, 2014; Соболева, 2015]. Зарубежные публикации показывают, что схожими задачами озабочены и коллеги из других стран.

Современный фольклорный архив часто содержит очень разноплановые материалы: от записей середины XX в. до коллекций экспертных интервью, от устных рассказов до некрологов-воспоминаний. Весь этот разнородный материал требует по возможности единой сетки описания, понятной для внешних пользователей.

Перевод данных в цифровой формат может иметь практическое применение для создания системы, размеченной определенными ключевыми словами, а также для реконструкции научно-исследовательского контекста прошедших десятилетий. Этот контекст в отношении материалов XX в. во многих отечественных фольклорных архивах имеет лакуны, связанные с другими стандартами фиксации текстов, а восполнить эти лакуны часто уже не удастся. Вследствие этого сама постановка подобной проблемы и предложенный вариант ее решения представляют собой разработку одного из практических способов применения оцифровки массива полевых материалов для воссоздания истории местных научных школ и объединений.

Список литературы

Айвазян С., Якимова О. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/ayvazan1.htm> (дата обращения: 29.06.2022).

Алексеевский М. Н. Фольклористика между текстом и контекстом // Вестник РГГУ. 2011. № 9 (71). С. 42–58.

Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по Аарне. Л. : Изд. Гос. рус. геогр. о-ва, 1929. 130 с.

Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам : аналитич. кат. // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения: 29.06.2022).

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М. : Высш. шк., 1989. 404 с.

Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Локальные фольклорные архивы и учебный процесс // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (127). С. 92–99.

Гордеева Н. А. Указатель сюжетов быличек и бывальщин Омской области (1978/1984 гг.) // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/gordeeva1.htm> (дата обращения: 29.06.2022).

Грамматичкова Н. Б. Фольклорный архив УрФУ: методика проведения студенческой практики и перспективы репрезентации архивных материалов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (127). С. 84–91.

Ефимова Н. И., Золотова Т. А., Плотникова Е. А., Токтарова В. И. Фольклорный архив МарГУ: новые формы презентации материала // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 3 (27). С. 149–151.

Зиновьев В. П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. А. П. Зиновьев. М. : Наука, 1987. С. 305–321.

Каргополье // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/base.htm> (дата обращения: 29.06.2022).

Картографические методы в исследовании фольклора : всерос. науч.-практ. круглый стол (с международным участием) (МГУ им. М. В. Ломоносова, 6 апреля 2021 г.) // YouTube.com : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vzd6niadqZs> (дата обращения: 29.06.2022).

Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М. : Наследие, 1997. 464 с.

Козлова Н. К. Восточнославянские былички о змее и змеях. Мифический любовник : указатель сюжетов и тексты // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/kozlova1.htm> (дата обращения: 29.06.2022).

Криничная Н. А. Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий. Петрозаводск : КФ АН СССР, 1990. 28 с.

Марковская Е. В. Классификация жанров фольклора русского и финно-угорских народов в базе данных фольклорного архива ИЯЛИ КарНЦ РАН // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2019. № 4. С. 96–108. DOI 10.15393/j103.art.2019.1401.

Мороз А. Фольклорный архив лаборатории фольклористики Российского государственного гуманитарного университета // Проект «Растко» : [сайт]. URL: <http://www.rastko.rs/rastko/delo/12045> (дата обращения: 29.06.2022).

Неклюдов С. Ю. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 2004. С. 236–247.

Неклюдов С. Ю. Указатели фольклорных сюжетов и мотивов: к вопросу о современном состоянии проблемы // Проблемы структурно-семантических указателей / сост. А. В. Рафаева. М. : РГГУ, 2006. С. 31–37.

Петров Н. В. Рабочие материалы к указателю элементарных эпических сюжетов (ЭЭС) русских былин // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/petrov/index.htm> (дата обращения: 29.06.2022).

Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Л. : Academia, 1928. 152 с.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб. : Наука, 1994. 238 с.

Соболева Л. С. Цифровизация фольклорного архива – terra incognita современной гуманитаристики // Писменное наследие и информационные технологии : материалы от V международна науч. конф. (Варна, 15–20 септември 2014 г.) / отв. ред. В. А. Баранов, В. Желязкова, А. М. Лаврентьев. София ; Ижевск : [Б. и.], 2014. С. 81–85.

Соболева Л. С. Территориальный (локальный) фольклорный архив: проблемы цифровизации // Международная научная школа «Письменное наследие и информационные технологии» (E1 Manuscript – 2015). Новосибирск, 10–28 ноября 2015 г. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2015. С. 80–82.

Форум : Устные материалы в архивах: проблемы отбора, хранения и доступа // Антропологический форум. 2012. № 17. С. 7–118.

Чистов К. В. Проблемы картографирования обрядов и обрядового фольклора. Свадебный обряд // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии / под ред. С. И. Брук. Л. : Наука, 1974. С. 69–84.

Aarne A., Thompson S. The Types of the Folktale. Helsinki : FFC, 1961. 588 p.

Ekström S. From Excerpt to Cosplay. Paths of Knowledge in the Nordic Museum Archive. Culture Unbound // Journal of Current Cultural Research. 2020. № 12 (1). P. 116–140.

Georgitis N. A. Case Study in Folklore Archives Management: The Randall V. Mills Archives of Northwest Folklore at the University of Oregon // Journal of Folklore Research. 2015. № 52 (1). P. 85–98.

Harvilahti L. Tradition Archives and the Challenges of the Digital World: From Exclusive Rules Towards Networks and Contexts // Letonica. 2017. № 36. P. 44–60.

Ilyefalvi E. The Theoretical, Methodological and Technical Issues of Digital Folklore Databases and Computational Folkloristics // Acta Ethnographica Hungarica. 2018. № 63 (1). P. 209–258. DOI 10.1556/022.2018.63.1.11.

Järv R. Estonian Folklore Archives // Oral Tradition. 2013. № 28 (2). P. 291–298.

Oriol C. Digital Archives and the Study of Catalan Folk Literature // Folklore. 2015. № 126. P. 336–346. DOI 10.1080/0015587X.2015.1057986.

Sava E. Folklore Archives and the Methodological Reconfigurations of Romanian Ethnology // Revista De Etnografie Și Folclor. Journal of Ethnography and Folklore. 2017. № 1–2. P. 1–18. DOI 10.241193/subbphil.2019.2.22.

Wolf-Knuts U. What Can We Do Today with Old Records of Folk Belief? On the Example of Devil Lore // Folklore. 2020. № 131. P. 115–134. DOI 10.1080/0015587X.2020.1733313.

References

Aarne, A., Thompson, S. (1961). *The Types of the Folktale*. Helsinki, FFC. 588 p.

Aivazyan, S., Yakimova, O. (N. d.). Ukazatel' syuzhetov russkikh bylichek i byval'shchin o mifologicheskikh personazhakh [An Index of the Plots of Russian Bylichkas and Anecdotes about Mythological Characters]. In *Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [website]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/ayvazan1.htm> (accessed: 29.06.2022).

Alekseevskii, M. N. (2011). Fol'kloristika mezhdru tekstem i kontekstom [Folklore Studies between Text and Context]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. No. 9 (71), pp. 42–58.

Andreev, N. P. (1929). *Ukazatel' skazochnykh syuzhetov po Aarne* [Index of Fairy Tales according to Aarne]. Leningrad, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo russkogo geograficheskogo obshchestva. 130 p.

Berezkin, Yu. E., Duvakin, E. N. (N. d.). Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskii katalog [Thematic Classification and Distribution of Folklore and Mythological Motifs by Areas. Analytical Catalogue]. In *Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [website]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (accessed: 29.06.2022).

Chistov, K. V. (1974). Problemy kartografirovaniya obryadov i obryadovogo fol'klora. Svadebnyi obryad [Problems of Mapping Rites and Ritual Folklore. Wedding Ceremony]. In Bрук, S. I. (Ed.). *Problemy kartografirovaniya v yazykoznanii i etnografii*. Leningrad, Nauka, pp. 69–84.

Efimova, N. I., Zolotova, T. A., Plotnikova, E. A., Toktarova, V. I. (2017). Fol'klorniy arkhiv MarGU: novye formy prezentatsii materiala [Folklore Archive of Mari State University: New Forms of Material Presentation]. In *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3 (27), pp. 149–151.

Ekström, S. (2020). From Excerpt to Cosplay. Paths of Knowledge in the Nordic Museum Archive. Culture Unbound. In *Journal of Current Cultural Research*. No. 12 (1), pp. 116–140.

Forum. Ustnye materialy v arkhivakh: problemy otbora, khraneniya i dostupa [Forum: Oral Material in the Archives: Problems of Selecting, Storing and Accessing]. (2012). In *Antropologicheskii forum*. No. 17, pp. 7–118.

Georgitis, N. A. (2015). Case Study in Folklore Archives Management: The Randall V. Mills Archives of Northwest Folklore at the University of Oregon. In *Journal of Folklore Research*. No. 52 (1), pp. 85–98.

Gordeeva, N. A. (N. d.). Ukazatel' syuzhetov bylichek i byval'shchin Omskoi oblasti (1978/1984 gg.) [Index of Plots of Bylichka and Byvalshchina of Omsk Region (1978/1984)]. In *Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [website]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/gordeeva1.htm> (accessed: 29.06.2022).

Gramatchikova, N. B. (2014). Fol'klorny arkhiv UrFU: metodika provedeniya studencheskoi praktiki i perspektivy reprezentatsii arkhivnykh materialov [Folklore Archive of UrFU: Methodology of Student Practice and Prospects of Representation of Archival Materials]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. No. 2 (127), pp. 84–91.

Harvilahti, L. (2017). Tradition Archives and the Challenges of the Digital World: From Exclusive Rules Towards Networks and Contexts. In *Letonica*. No. 36. P. 44–60.

Ilyefalvi E. (2018). The Theoretical, Methodological and Technical Issues of Digital Folklore Databases and Computational Folkloristics. In *Acta Ethnographica Hungarica*. No. 63 (1), pp. 209–258. DOI 10.1556/022.2018.63.1.11.

Järv, R. (2013). Estonian Folklore Archives. In *Oral Tradition*. No. 28 (2), pp. 291–298.

Kargopol'e [Kargopolye]. In *Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [website]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/base.htm> (accessed: 29.06.2022).

Kartograficheskie metody v issledovanii fol'klora. Vserossiiskii nauchno-prakticheskii kruglyi stol (s mezhdunarodnym uchastiem) (MGU imeni M. V. Lomonosova, 6 aprelya 2021 goda) [Cartographic Methods in Folklore Research. All-Russian Scholarly and Practical Round Table (with International Participation) (Lomonosov Moscow State University, April 6, 2021)]. In *YouTube.com* [website]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vzd6niadzQs> (accessed: 29.06.2022).

Klyaus, V. L. (1997). *Ukazatel' syuzhetov i syuzhetnykh situatsii zagovornyykh tekstov vostochnykh i yuzhnykh slavyan* [Index of Plots and Plot Situations of Incantatory Texts of the Eastern and Southern Slavs]. Moscow, Nasledie. 464 p.

Kozlova, N. K. (N. d.). Vostochnoslavyanskii bylichki o zmee i zmeyakh. Mificheskii lyubovnik. Ukazatel' syuzhetov i teksty [East Slavic Bylichka about a Snake and Snakes. Mythical Lover. Index of Plots and Texts]. In *Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [website]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/kozlova1.htm> (accessed: 29.06.2022).

Krinichnaya, N. A. (N. d.). *Ukazatel' tipov, motivov i osnovnykh elementov predanii* [Index of Types, Motifs, and Basic Elements of Legends]. Petrozavodsk, Karel'skii filial Akademii nauk SSSR. 28 p.

Markovskaya, E. V. (2019). Klassifikatsiya zhanrov fol'klora russkogo i finno-ugorskiykh narodov v baze dannykh fol'klornogo arkhiva IYaLI KarNTs RAN [Classification of Genres of Folklore of the Russian and Finno-Ugric Peoples in the Database of the Folklore Archive of the Institute of Language, Literature, and History of the Karelian Scientific Center of the RAS]. In *Al'manakh severoevropeskikh i baltiiskikh issledovaniy*. No. 4, pp. 96–108. DOI 10.15393/j103.art.2019.1401.

Moroz, A. (N. d.). Fol'klorny arkhiv laboratorii fol'kloristiki Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Folklore Archive of the Laboratory of Folklore Studies of the Russian State University for the Humanities]. In *Proekt "Rastko"* [website]. URL: <http://www.rastko.rs/rastko/delo/12045> (accessed: 29.06.2022).

Neklyudov, S. Yu. (2004). Motiv i text [Motif and Text]. In Tolstaya, S. M. (Ed.). *Yazyk kul'tury: semantika i grammatika. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikity Il'icha Tolstogo (1923–1996)*. Moscow, Indrik, pp. 236–247.

Neklyudov, S. Yu. (2006). Ukazateli fol'klornykh syuzhetov i motivov: k voprosu o sovremennom sostoyanii problemy [Indicators of Folklore Subjects and Motifs: On the

Current State of the Issue]. In Rafaeva, A. V. (Ed.). *Problemy strukturno-semanticheskikh ukazatelei*. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 31–37.

Oriol, C. (2015). Digital Archives and the Study of Catalan Folk Literature. In *Folklore*. No. 126, pp. 336–346. DOI 10.1080/0015587X.2015.1057986.

Petrov, N. V. (N. d.). Rabochie materialy k ukazatelyu elementarnykh epicheskikh syuzhetov (EES) russkikh bylin [Working Materials for the Index of Elementary Epic Plots (EEP) of Russian Epics]. In *Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [website]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/petrov/index.htm> (accessed: 29.06.2022).

Propp, V. Ya. (1928). *Morfologiya volshebnoi skazki* [Morphology of a Fairy Tale]. Leningrad, Academia. 152 p.

Putilov, B. N. (1994). *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and Folk Culture]. St Petersburg, Nauka. 238 p.

Sava, E. (2017). Folklore Archives and the Methodological Reconfigurations of Romanian Ethnology. In *Revista De Etnografie Şi Folclor. Journal of Ethnography and Folklore*. No. 1–2, pp. 1–18. DOI 10.24193/subbphilol.2019.2.22.

Soboleva, L. S. (2014). Tsifrovizatsiya fol'klornogo arkhiva – terra incognita sovremennoi gumanitaristiki [Digitisation of a Folklore Archive – a Terra Incognita of the Modern Humanities]. In Baranov, V. A., Zhelyazkova, V., Lavrent'ev, A. M. (Eds.). *Pismenoto nasledstvo i informatsionnitate tekhnologii. Materiali ot V mezhdunarodna nauchna konferentsiya (Varna, 15–20 septemvri 2014 g.)*. Sofia, Izhevsk, S. n., pp. 81–85.

Soboleva, L. S. (2015). Territorial'nyi (lokal'nyi) fol'klorny arkhiv: problemy tsifrovizatsii [Territorial (Local) Folklore Archive: Problems of Digitisation]. In *Mezhdunarodnaya nauchnaya shkola "Pis'mennoe nasledie i informatsionnye tekhnologii" (El' Manuscript – 2015). Novosibirsk, 10–28 noyabrya 2015 g.* Novosibirsk, Gosudarstvennaya publichnaya nauchno-tekhnicheskaya biblioteka Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 80–82.

Veselovsky, A. N. (1989). *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, Vysshaya shkola. 404 p.

Vladykina, T. G., Glukhova, G. A. (2014). Lokal'nye fol'klornye arkhivy i uchebnyi protsess [Local Folklore Archives and the Educational Process]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. No. 2 (127), pp. 92–99.

Wolf-Knuts, U. (2020). What Can We Do Today with Old Records of Folk Belief? On the Example of Devil Lore. In *Folklore*. No. 131. P. 115–134 DOI 10.1080/0015587X.2020.1733313.

Zinov'ev, V. P. (1987). Ukazatel' syuzhetov-motivov bylichek i byval'shchin [Index of Plot Motifs of Bylichka and Byvalshchina]. In Zinov'ev, V. P. (Ed). *Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniya Vostochnoi Sibiri*. Moscow, Nauka, pp. 305–321.

The article was submitted on 12.07.2022

**Информационная система
«Историческая статистика Алтая»***

Владимир Владимиров

Елена Брюханова

Наталья Неженцева

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

The Historical Statistics of the Altai Information System**

Vladimir Vladimirov

Elena Bryukhanova

Natalya Nezhentseva

Altai State University,
Barnaul, Russia

In the era of the digital turn, it is becoming relevant to create information resources that provide researchers with not only background information about historical sources but also reliable historical data. At the all-Russian level, such resources come from library centres (National Electronic Library, Presidential Library), archival authorities (Central Fund Catalogue), and public organisations (Russian Historical Society, Russian Geographical Society). For some regions, this task remains new and requires modern approaches and solutions. The article provides a description of the information system for a set of statistical materials on the history of Altai in the nineteenth – the first half of the twentieth centuries kept in central and regional libraries, archives, digitised publications, and collections with the possibility of versatile search and analysis of historical data. On the one hand, the chronological

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 22–28–20287 «Историческая статистика Алтая онлайн: репрезентация статистических источников в цифровом пространстве».

** Citation: Vladimirov, V., Bryukhanova, E., Nezhentseva, E. (2022). *The Historical Statistics of the Altai Information System*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1884–1896. DOI 10.15826/qr.2022.5.767.

Цитирование: Vladimirov, V., Bryukhanova, E., Nezhentseva E. *The Historical Statistics of the Altai Information System* // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1884–1896. DOI 10.15826/qr.2022.5.767 / Владимиров В., Брюханова Е., Неженцева Н. Информационная система «Историческая статистика Алтая» // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1884–1896. DOI 10.15826/qr.2022.5.767.

boundaries of the materials included in the database depend on the formation of the foundations of regular statistics in the mid-nineteenth century, and, on the other hand, on the establishment of Altai Krai within its present-day boundaries in 1937. The territorial framework of the study covers the borders of Altai as a historical region, which was included in the period under review in such administrative-territorial formations as Tomsk and Altai provinces and Siberian and West Siberian regions. The study employs a systematic approach, examining various types of statistical data as elements of a single set of sources on the history of Altai in the nineteenth – first half of the twentieth centuries. In its IT aspect, the study relies on database technology, both a tool and a result of the study. The *Historical Statistics of Altai* information system was created under the control of MySQL and consists of directories and four main modules: storage, sources, tags, and documents. The authors examine database architecture, logical structure, and data characteristics of the modules. The information system on the historical statistics of Altai will make it possible to solve some of the heuristic tasks related to the search and use of archival, museum, and library funds, including familiarisation with historical sources and their preliminary analysis in remote access mode. As a result, it will significantly expand research opportunities.

Keywords: history, statistics, source, technology, information system, database, Altai, 19th century, 20th century

В эпоху цифрового поворота актуальным становится создание информационных ресурсов, предоставляющих исследователям не только справочные сведения об исторических источниках, но и достоверные исторические данные. На общероссийском уровне подобные ресурсы создаются библиотечными центрами (Национальная электронная библиотека, Президентская библиотека), архивными органами (Центральный фондový каталог), общественными организациями (Российское историческое общество, Российское географическое общество). Для отдельных регионов такая задача остается новой и требует современных подходов и решений. В статье дается характеристика информационной системы по комплексу статистических материалов по истории Алтая XIX – первой половины XX в., отложившихся в центральных и региональных библиотеках, архивах, оцифрованных изданиях и коллекциях с возможностью разностороннего поиска и анализа исторических данных. Хронологические границы включаемых в базу данных материалов обусловлены, с одной стороны, формированием основ регулярной статистики в середине XIX в., с другой – созданием Алтайского края в его современных границах в 1937 г. Территориальные рамки исследования охватывают границы Алтая как исторического региона, входившего в рассматриваемый период в такие административно-территориальные образования, как Томская и Алтайская губернии, Сибирский и Западно-Сибирский края. Исследование базируется на системном подходе, в рамках которого различные виды статистических данных рассматриваются

как элементы единого комплекса источников по истории Алтая XIX – первой половины XX в. Основу информационно-технологического обеспечения составляют технологии баз данных, которые одновременно являются инструментом и результатом исследования. Информационная система «Историческая статистика Алтай» создана под управлением системы управления базами данных MySQL и состоит из справочников и четырех основных модулей: хранилища, источники, метки и документы. Рассматриваются архитектура базы данных, логическая структура и характеристика данных каждого модуля. Информационная система по исторической статистике Алтая будет представлять собой ресурс, позволяющий решать часть эвристических задач, связанных с поиском и использованием архивных, музейных и библиотечных фондов, включая ознакомление с историческими источниками и их предварительный анализ в режиме удаленного доступа, что существенно расширит исследовательские возможности.

Ключевые слова: история, статистика, источник, технология, информационная система, база данных, Алтай, XIX в., XX в.

Важным условием развития исторической науки является полноценное и доступное информационное обеспечение исследований, предполагающее создание качественных онлайн-ресурсов по различным направлениям истории. Можно отметить успешное развитие федеральных информационно-поисковых систем в области историко-культурного наследия, таких как Центральный фондový каталог, Музейный фонд Российской Федерации, каталоги и цифровые коллекции крупнейших библиотек. Однако эти информационные ресурсы подчас разрозненны, отличаются разными возможностями и не всегда корректно осуществляют поиск по региональным музеям, библиотекам и архивам. Другой тенденцией является создание крупных информационных порталов, ориентированных на представление информации и источников по историческим событиям и/или процессам общероссийского масштаба [см.: История.РФ; Рио.Компас; Исторические материалы и др.], региональная история в таких системах практически не представлена.

В современных исследованиях можно отметить работы, в которых статистические источники используются в контексте изучения отдельных аспектов истории Алтая и Сибири – урбанистики и городской истории [Скубневский, Гончаров], переселенческого движения и аграрных отношений [Разгон, Храмов, Пожарская], занятости населения [Владимиров, Неженцева, Щетинина; Брюханова; Неженцева] и др. Отдельные вопросы в контексте развития статистики Томской губернии (частью которой до 1917 г. был Алтай) или Сибири в целом были рассмотрены в работах Т. К. Щегловой, В. А. Скопы, В. И. Шишкина, Е. В. Игумнова [Щеглова; Скопа; Шишкин; Игумнов]. При этом специальных историографических работ по стати-

стическим материалам Алтая не выявлено. Примером обращения историков к общим проблемам исторических информационных систем является книга пермских авторов, посвященная разнообразным аспектам их классификации, создания и использования¹ [Корниенко, Гагарина, Поврозник].

Алтай на всем протяжении своей истории в составе России являлся уникальным регионом, отличающимся природным, этническим и социальным своеобразием. На территории этого региона в XVIII – начале XX в. располагались земли Кабинета его императорского величества, образовывавшие Колывано-Воскресенский округ, в 1834 г. переименованный в Алтайский (до 1896 г. – горный) округ. При этом округ одновременно являлся частью Томской губернии. Начиная с 60-х гг. XIX в., и особенно в начале XX столетия, он стал одним из основных районов переселенческого движения.

Своеобразным зеркалом различных этапов исторического развития региона стали статистические материалы – от переписей населения и обзоров губерний до описаний научных экспедиций и поквартирных обследований. Степень их изученности различна. Если издания с результатами Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. или Полного географического описания Отечества начала XX в. широко введены в научный оборот, то статистические материалы, опубликованные в региональных изданиях ограниченным тиражом или вовсе не опубликованные, практически не представлены в библиографических описаниях, что подталкивает к созданию современного цифрового ресурса, объединяющего опубликованные и архивные статистические материалы по истории Алтая.

Административные изменения, происходившие начиная с 1917 г., когда на территории Алтайского округа была образована Алтайская губерния, позже вошедшая в состав сначала Сибирского (1925), а затем Западно-Сибирского края (1930), и в 1937 г. был образован Алтайский край, приводили к частому реформированию статистических органов и учреждений, что отражалось на производимых документах. Поэтому 1937 г. является верхней границей для размещения статистических материалов и сведений в создаваемой информационной системе. Нижняя граница обусловлена окончательным оформлением системы государственной статистики. В 1863 г. был создан Центральный статистический комитет, которому подчинялись губернские статистические комитеты.

Представленная информационная система направлена на оптимизацию исследовательской работы по истории как Алтайского региона, так и соседних территорий.

¹ Достоинства и недостатки этой работы, в частности, чересчур расширительное толкование самого термина «информационные системы», раскрыты в статье Л. И. Бородкина [Бородкин].

Структура информационной системы «Историческая статистика Алтая»

Информационная система «Историческая статистика Алтая» создана под управлением сервера MySQL. Это обусловлено, во-первых, необходимостью обеспечения многопользовательской удаленной работы по внесению сведений, а, во-вторых, направленностью на перспективу организации открытого доступа. Информационная система состоит из справочников и четырех основных модулей ввода данных: это хранилища, источники, метки и документы (рис. 1).

Справочники являются системообразующим элементом, отражают логику базы данных и позволяют выстраивать связи между остальными модулями. В настоящее время созданы справочники видов хранилищ, категорий источников и меток. Содержание справочников представлено в характеристике модулей. Все справочники являются динамическими и могут дополняться.

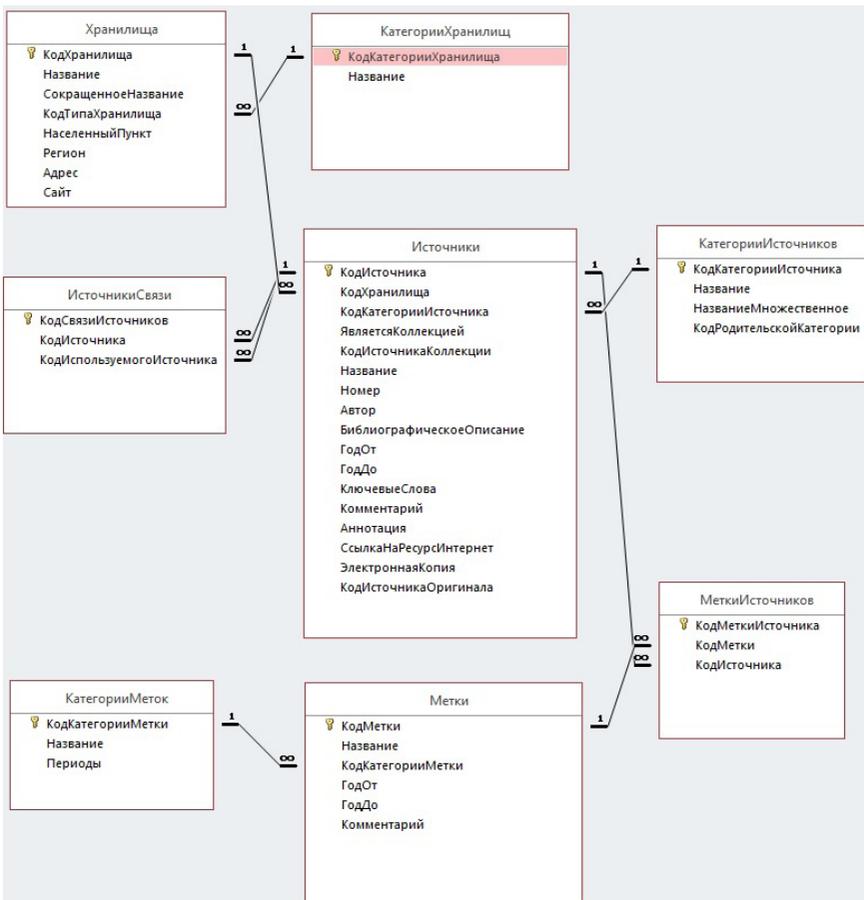

Рис. 1. Структура информационной системы

Модуль «Хранилища» создан для систематизации мест хранения и представления статистических материалов. Обозначение хранилища обязательно требуется для архивных и музейных документов, для которых указание места хранения является элементом научного описания и поискового шифра, а также для рукописей и неоцифрованных изданий. В настоящее время в справочник внесены следующие типы хранилищ: архив, музей, библиотека, учреждение статистики, электронный ресурс. К категории «Архив» отнесены некоторые федеральные архивы, например, РГИА, в котором отложились документы Центрального статистического комитета МВД Российской империи [РГИА. Ф. 1290] и Главного управления почт и телеграфов МВД [Там же. Ф. 1289], РГАЭ, в который были переданы материалы первых советских переписей [РГАЭ. Ф. 1562], ГАРФ, в котором интерес представляют фонды Центрального комитета профессионального союза сельскохозяйственных рабочих СССР [ГАРФ. Ф. Р-5466], Народного комиссариата труда РСФСР (Наркомтруда РСФСР) [ГАРФ. Ф. Р-382], Государственного комитета РСФСР по статистике (Госкомстата РСФСР) [ГАРФ. Ф. А-374].

Ряд региональных архивов также представляет интерес для настоящего исследования. Например, ГААК, ГАТО, ГАНУ, где отложились фонды Алтайского губернского статистического бюро [ГААК. Ф. Р-212], Алтгубисполкома [ГААК. Ф. 10], Барнаульского городского райкома ВКП(б) [ГААК. Ф. П-7], Барнаульского окрстатотдела [ГААК. Ф. Р-328], Сибирского статистического управления Сибирского революционного комитета, г. Новониколаевска [ГАНУ. Ф. Р-1328], Томского губстаткомитета [ГАТО. Ф. 234].

Категория «Библиотека» представлена центральными (например, Российская государственная библиотека, Государственная публичная историческая библиотека и др.) и региональными библиотеками (например, Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова), а также библиотеками научных (Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук) и общественных (Русское географическое общество) организаций, в которых сохранились как опубликованные, так и рукописные материалы, содержащие статистические сведения по территории и населению Алтая. Категория «Электронные ресурсы» довольно разнообразна и включает крупнейшие электронные библиотеки, такие как Национальная электронная библиотека, Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина, электронные библиотеки региональных библиотечных, научных и образовательных центров (Томской и Новосибирской областных научных библиотек, Томского государственного университета), ресурсы, созданные отдельными исследователями (например, информационная система «Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX в. Анализ данных Первой всеобщей переписи населения 1897 года») [Профессии].

Удалось выявить более ста публикаций статистического характера (как непосредственно по Алтаю, так и общероссийского масштаба), которые отложились в деятельности Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай, Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области – Кузбассу, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Томской области, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Якутия (Саха).

Основным разделом информационной системы является модуль «Источники», аккумулирующий все выявленные нами материалы по статистике Алтая. В базе данных в настоящее время представлены следующие категории источников:

- архивный фонд и архивное дело – фонды статистических органов, первичные документы статистических обследований, неопубликованные рукописи исследований и другие материалы;
- исторический документ – законодательные акты, инструкции, положения и другие документы, регулирующие проведение тех или иных статистических мероприятий, а также регламентирующие деятельность статистических органов;
- статистический источник – опубликованные статистические данные;
- издание и статья – публикации, основанные на статистических материалах.

Внесение данных в модуль «Источники» проводится следующим образом (рис. 2). На начальном этапе осуществляется выбор хранилища; для оцифрованных и электронных изданий запись о хранилище может не создаваться, но обязательно вносится электронный адрес ресурса, на котором выставлен материал. Далее указываются категория источника, номерное обозначение источника для архивных и музейных материалов, название источника, по которому его будут искать пользователи информационной системы (для архивного документа – заголовок дела, для статистического источника – название публикации, для издания – название статьи или монографии), отметка об историческом периоде материалов, представленных в источнике, год (документа, дела или публикации), сведения об источнике (краткая характеристика статистических данных источника, например, «в публикации представлена таблица «Население г. Барнаула по переписи 1897 г.»), аннотация (если она создавалась авторами публикации).

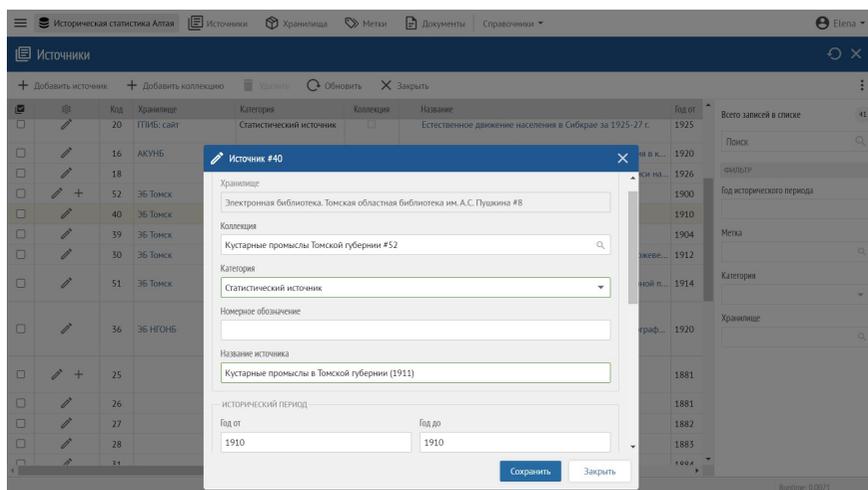

Рис. 2. Форма внесения данных в модуль «Источники»

Опция информационной системы «Коллекция» позволяет объединять несколько источников в группу по определенным признакам. Первоначально она создавалась для внесения сведений об архивных и музейных материалах, имеющих уровневую структуру. Для внесения информации об архивном фонде ставится отметка о коллекции, а далее в каждый архивный фонд вносится информация о делах (номер описи, номер и заголовок дела) и, при необходимости, о конкретных документах дела. Но в процессе развития информационной системы появилась и была реализована идея создания номинативных (объединяющих однотипные или серийные издания) и тематических коллекций.

Примерами номинативных коллекций являются коллекция «Обзоры Томской губернии», включающая серию соответствующих выпусков 1879–1912 гг., имеющих однотипное библиографическое описание, и коллекция «Первая всеобщая перепись населения Российской империи», объединяющая все публикации материалов переписи 1897 г., в которых содержалась информация о городах и уездах, располагавшихся на территории современного Алтая. Примером тематической коллекции может быть коллекция «Кустарные промыслы Томской губернии», куда внесены исследования разных лет специалистов Томского губернского кустарного комитета, посвященные промыслам, представленным преимущественно в Барнаульском и Бийском уездах, например, «Кустарные промыслы Томской губернии» (1909–1911), «Отчеты по обследованию гончарного, ткацкого и кожевенного промыслов» (1912) и др.

Важной функцией базы данных является возможность связывания источников. Функция «Связи» актуальна прежде всего для изданий, статей и статистических источников и представляет собой сис-

тему ссылок, во-первых, на те публикации и архивные материалы, которые послужили основой для данного источника, а, во-вторых, в которых упоминается сам источник. Таким образом, модуль «Источники» направлен на составление списка опубликованных и архивных источников, формирование библиографических связей и их последующий анализ.

Несмотря на то, что форма ввода данных источника является довольно подробной, для создания качественного многоаспектного функционального поиска в информационной системе этого недостаточно – необходим некий набор характеристик, позволяющий унифицированно описывать источники. Для этого был создан модуль «Метки». К моменту подготовки статьи были созданы следующие категории меток: административно-территориальная единица, издатель/исследователь, исторический период и статистическая тема (рис. 3).

Метки «Административно-территориальная единица» и «Исторический период» имеют периодичность для того, чтобы административно-территориальное деление Алтая соответствовало историческому периоду. Метка «Исторический период» отражает классический подход к периодизации: первая половина XIX в. (1804), вторая половина XIX в. (1862–1899), начало XX в. (1900–1917) и советский период (1918–1937). Метка «Административно-территориальная единица» включает названия всех городов и уездов/округов Алтая, а также территориального обозначения Алтая в разные исторические периоды (Алтайский (горный) округ, Алтайская губерния, Сибирский край). Метка «Статистические темы» служит своего рода рубрикаторм и включает такие темы, как демография, история статистики, медицина, национальный состав населения, образование, перепись, переселение (крестьянское хозяйство), промышленность (промыслы), сельское хозяйство, торговля, транспорт, труд и занятость населения, финансы. Метка «Издатель/исследователь» содержит информацию об участниках сбора статистических данных от статистических органов и различных ведомств до общественных организаций. Примерами таких меток могут быть Сибирский краевой статистический отдел, Сибирское статистическое управление, Томский губернский статистический комитет, Центральный статистический комитет МВД Российской империи, Центральное статистическое управление РСФСР/СССР. Кроме того, выявление участников сбора статистических данных позволит продолжить работу в фондах этих учреждений или организаций, отложившихся в архивах или библиотеках, и тем самым углубить исследование, возможно, вплоть до первичных данных. Так, подворные карточки Всероссийской сельскохозяйственной земельной и городской переписей 1917 г. сохранились не в фонде статистического комитета, а в фонде Алтайской губернской земской управы (фонд 233) ГААК.

Каждый источник сопровождается теми метками, которые характеризуют его наиболее полно.

ID	Код	Категория	Метка	Год от	Год до
24		Административно-территориальная единица	Барнаульский уезд/округ (1822-1937)	1822	1937
25		Административно-территориальная единица	Бийский уезд/округ (1804-1937)	1804	1937
26		Административно-территориальная единица	Славгородский уезд/район (1917-1937)	1917	1937
27		Административно-территориальная единица	Каменский уезд/район (1917-1937)	1917	1937
28		Административно-территориальная единица	Рубцовский район (1922-1937)	1922	1937
29		Административно-территориальная единица	Ойротская автономная область (1922-1937)	1922	1937
23		Исторический период	Советский период (1918-1937)	1918	1937
30		Статистическая тема	Демография населения		
76		Издатель/Исследователь	Сибирский краевой статистический отдел		

Рис. 3. Основные сведения и метки для источника в информационной системе

Следующим разделом информационной системы является модуль «Документы», представляющий собой отдельный блок для размещения датасетов – массивов статистических данных, пригодных для обработки пользователями информационной системы (рис. 4).

ID	Код	Название документа	Имя файла	Размер файла	Код ист.	Источник
1		Всесоюзная перепись населения 1937 года: общи...	Перепись 1937 Жиронская.xlsx	11 KB	15	Всесоюзная перепись
2		Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897...	Перепись 1897 Томская губерния...	1,987 KB	42	Первая Всеобщая г...

Рис. 4. Форма внесения данных в модуль «Документы»

Датасеты создаются по наиболее востребованным, а также малоизученным или труднодоступным статистическим источникам в формате электронных таблиц *Excel* (рис. 5). Так, переведены в электронный формат статистические таблицы опубликованных материалов переписей населения 1897, 1920, 1923, 1926 и 1937 гг. (по городам

Уезды и города, Возрастные группы	V. Распределение населения по семейному состоянию и возрастным группам											
	Холостых и девиц		Состоящих в браке		Вдовых		Разведенных		Не указавших семейного состояния		Итого.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
8 1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
9 В г. Барнауле	5 840	4 958	4 579	4 013	431	1 212	14	21	0	5	10 864	10 209
10 Менее 10 лет	2 153	2 215	0	0	0	0	0	0	0	0	2 153	2 215
11 10-12	682	616	0	0	0	0	0	0	0	0	682	616
12 13-14	470	401	0	0	0	0	0	0	0	0	470	401
13 15-16	466	471	0	12	0	0	0	0	0	0	466	483
14 17-19	621	511	41	179	0	0	0	0	0	0	662	690
15 20-29	1 046	385	1 253	1 319	18	38	2	3	0	0	2 319	1 745
16 30-39	219	135	1 297	1 066	32	147	1	7	0	0	1 549	1 355
17 40-49	110	90	930	719	75	193	6	6	0	2	1 121	1 010
18 50-59	35	72	588	467	68	295	4	4	0	0	695	838
19 60 лет и более	36	62	468	250	238	537	1	1	0	3	743	853
20 Неизв. возраста	2	0	2	1	0	2	0	0	0	0	4	3

Рис. 5. Пример датасета

и некоторым уездам/округам Алтая), а также демографические данные, опубликованные в обзорах Томской губернии за 1876–1912 гг. Все статистические сведения полностью перенесены из источника и содержат ссылку на него. Перевод статистических данных в электронный формат позволил расширить возможности работы с источником и провести источниковедческий анализ – была осуществлена проверка числовых значений. При обнаружении разночтений с источником делалась отметка (выделение красным цветом числа с указанием данных, полученных при наших подсчетах).

Все подобные массивы данных будут сгруппированы на сайте, доступны пользователям для скачивания и могут быть использованы как в научно-исследовательской, так и в образовательной деятельности.

В созданной системе представлено несколько информационных блоков: библиография (содержит информацию о публикациях по изучению статистики на Алтае дореволюционного, советского и современного периодов); статистические источники (включает информацию об опубликованных статистических материалах разного уровня); архивные/музейные материалы (представлены сведения о системе архивного хранения неопубликованных статистических источников); хранилища (аккумулирует данные о местах хранения статистических документов).

В целом создание регионального информационного ресурса по комплексу статистических материалов по истории Алтая XIX – первой половины XX в., включающего не только статистические издания, но и материалы со статистическими данными из различных источников и хранилищ, направлено на расширение информационных возможностей проведения исторических исследований в регионах России.

Список литературы

Бородкин Л. И. Историческая информатика сегодня: «неоднозначное понимание»? (современные дискуссии) // Историческая информатика. 2021. № 4. С. 33–49. DOI 10.7256/2585-7797.2021.4.37601.

Брюханова Е. А. Материалы первой всеобщей переписи населения 1897 года в архивах России и ближнего зарубежья. Барнаул : Алтай. гос. ун-т, 2019. 192 с.

Владимиров В. Н., Неженцева Н. В., Щетинина А. С. Дифференциация заработной платы рабочих Сибирского края в период нэпа (1925–1929) // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 51–62. DOI 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-51-62. ГААК. Ф. 10; Ф. П 7: Ф. Р 212; Ф. Р 328.

ГАНО. Ф. Р 1328.

ГАТО. Ф. 234.

ГАРФ. Ф. 234; Ф. А 374; Ф. Р 382; Ф. Р 5466.

Игумнов И. В. Участие статистических комитетов и научных общественных организаций Сибири в проведении переписей населения во второй половине XIX века // Научный диалог. 2018. № 3. С. 162–173. DOI 10.14258/izvasu(2020)3-09.

Исторические материалы : [сайт]. URL: <https://istmat.info> (дата обращения: 30.10.2022).

История.РФ : [федер. портал]. URL: <https://histrf.ru/> (дата обращения: 30.10.2022).

Корниенко С. И., Гагарина Д. А., Поврозник Н. Г. Исторические информационные системы: теория и практика. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2021. 231 с.

Неженцева Н. В. Особенности комплексов документов, фиксирующих профессиональную принадлежность населения во второй половине XIX в. на примере Алтайского (горного) округа // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-2 (80). С. 184–187. DOI 10.14258/izvasu(2013)4.2-36.

Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX века. Анализ данных Первой всеобщей переписи населения 1897 года : [информ. система]. URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/> (дата обращения: 30.10.2022).

Разгон В. Н., Храмов А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул : Алтай. гос. ун-т, 2010. 278 с.

РГАЭ. Ф. 1562.

РГИА. Ф. 1289, 1290.

Рио.Компас : [образоват.-просветит. портал]. URL: <https://compass.historyrussia.org/> (дата обращения: 30.10.2022).

Скопа В. А. История статистических учреждений Западной Сибири и Степного края в XIX – начале XX века. Барнаул : АлтГПУ, 2015. 411 с.

Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Население, экономика, застройка и благоустройство. Барнаул : Аз Бука, 2007. 292 с.

Шишкин В. И. У истоков государственной советской статистики в Сибири // Актуальная статистика Сибири. 2010. № 1. С. 49–53.

Щеглова Т. К. 100 лет со времени организации статистического бюро при Управлении Алтайского округа // Страницы истории Алтая. Барнаул : АКУНБ, 1993. С. 121–127.

References

Borodkin, L. I. (2021). Istoricheskaya informatika segodnya: “neodnoznachnoe ponimanie”? (sovremennye diskussii) [Historical Informatics Today: “Ambiguous Understanding”? (Modern Discussions)]. In *Istoricheskaya informatika*. No. 4, pp. 33–49. DOI 10.7256/2585-7797.2021.4.37601.

Bryukhanova, E. A. (2019). *Materialy pervoi vseobshchei perepisi naseleniya 1897 goda v arkhivakh Rossii i blizhnego zarubezh'ya blizhnego zarubezh'ya* [Materials of the First General Population Census of 1897 in the Archives of Russia and the Near Abroad]. Barnaul, Altaiskii gosudarstvennyi universitet. 192 p.

GAAK [State Archive of Altai Krai]. Stock 10; Stock P 7; Stock R 212; Stock R 328.

GANO [State Archive of Novosibirsk Region]. Stock R 1328.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 234; Stock A 374; R 382; R 5466.

GATO [State Archive of Tomsk Region]. Stock 234.

Igunnov, I. V. (2018). Uchastie statisticheskikh komitetov i nauchnykh obshchestvennykh organizatsii Sibiri v provedenii perepisei naseleniya vo vtoroi polovine XIX veka [The Participation of Statistical Committees and Academic Public Organisations of Siberia in the Censuses in the Second Half of the 19th Century]. In *Nauchnyi dialog*. No. 3, pp. 162–173. DOI 10.14258/izvasu(2020)3-09.

Istoricheskie materialy [Historical Materials] [website]. (N. d.). URL: <https://istmat.info> (accessed: 30.10.2022).

Istoriya.RF [History.RF] [federal portal]. (N. d.). URL: <https://histrf.ru/> (accessed: 30.10.2022).

Kornienko, S. I., Gagarina, D. A., Povrozник, N. G. (2021). *Istoricheskie informatsionnye sistemy: teoriya i praktika* [Historical Information Systems: Theory and Practice]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. 231 p.

Nezhentseva, N. V. (2013). Osobennosti kompleksov dokumentov, fiksiryuyushchikh professional'nyu prinadlezhnost' naseleniya vo vtoroi polovine XIX v. na primere Altaiskogo (gornogo) okruga [Peculiarities of Document Complexes Recording the Professional Affiliation of the Population in the Second Half of the 19th Century with Reference to Altai (Gorny) District]. In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4-2 (80), pp. 184–187. DOI 10.14258/izvasu(2013)4.2-36.

Professii i zanyatiya naseleniya Rossiiskoi imperii kontsa XIX – nachala XX veka. Analiz dannykh Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya 1897 goda [Professions and Occupations of the Population of the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Centuries. Analysis of Data from the First General Census of 1897] [information system]. (N. d.). URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/> (accessed: 30.10.2022).

Razgon, V. N., Khramkov, A. A., Pozharskaya, K. A. (2010). *Stolypinskaya agrarnaya reforma i Altai* [Stolypin Agrarian Reform and Altai]. Barnaul, Altaiskii gosudarstvennyi universitet. 278 p.

RGAE [Russian State Archive of Economics]. Stock 1562.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1289, 1290.

Rio.Kompas [Rio.Compass] [educational portal]. (N. d.). URL: <https://compass.historyrussia.org/> (accessed: 30.10.2022)

Shcheglova, T. K. (1993). 100 let so vremeni organizatsii statisticheskogo byuro pri Upravlenii Altaiskogo okruga [100 Years since the Establishment of the Statistical Bureau under the Altai District Administration]. In *Stranitsy istorii Altaya*. Barnaul, Altaiskaya kraevaya universal'naya nauchnaya biblioteka, pp. 121–127.

Shishkin, V. I. (2010). U istokov gosudarstvennoi sovetsskoi statistiki v Sibiri [At the Origins of State Soviet Statistics in Siberia]. In *Aktual'naya statistika Sibiri*. No. 1, pp. 49–53.

Skopa, V. A. (2015). *Istoriya statisticheskikh uchrezhdenii Zapadnoi Sibiri i Stepnogo kraia v XIX – nachale XX veka* [History of Statistical Institutions in Western Siberia and the Steppe Region in the 19th – Early 20th Centuries]. Barnaul, Altaiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 411 p.

Skubnevskii, V. A., Goncharov, Yu. M. (2007). *Goroda Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. Naselenie, ekonomika, zastroika i blagoustroistvo* [Cities of Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Population, Economy, Building and Improvement]. Barnaul, Az Buka. 292 p.

Vladimirov, V. N., Nezhentseva, N. V., Shchetinina, A. S. (2022). Differentsiatsiya zarabotnoi platy rabochikh Sibirskogo kraia v period nepa (1925–1929) [Differentiation of Workers' Wages in Siberian Krai during the NEP (1925–1929)]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 1 (74), pp. 51–62. DOI 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-51-62.

The article was submitted on 30.08.2022

Иллюстрации к статье:
Ксения Созинова. «Письма леди Рондо»: восприятие России англичанкой
в эпоху Просвещения

Illustration for the article:
*Kseniya Sozinova. Letters of Lady Rondeau: Russia as Seen
by an Englishwoman in the Age of Enlightenment*

1. Дж. Хаймор. Портрет семьи Вигор. Джейн Вигор (леди Рондо) – слева. 1744.
Музей Виктории и Альберта
J. Highmore. A portrait of the Vigor Family. Jane Vigor (Lady Rondeau) left. 1744.
Victoria and Albert Museum

Иллюстрации к статье:

Людмила Мазур, Наталья Граматчикова, Елена Прямикова, Наталья Веселкова.
Музеи малых городов России и культуры памяти

Illustration for the article:

Lyudmila Mazur, Natalya Gramatchikova, Elena Pryamikova, Natalya Veselkova.
Russian Town Museums and Cultures of Memory

2. Литературно-мемориальный музей В. А. Чивилихина в Мариинске (Кемеровская обл.). Фото с сайта музея [Дом-музей В. А. Чивилихина]

V. A. Chivilikhin Literary and Memorial Museum in Mariinsk (Kemerovo Region).
Photograph from the Museum website

3. Музей крестьянского быта (с. Городцы Трубчевского р-на Брянской обл.).
Фото Л. Н. Мазур

Museum of Peasant Life (village of Gorodtsy, Trubchevsky District, Bryansk Region).
Photograph by L. N. Mazur

Conceptus
et conceptio

1. Памятник «Сыновьям России, воевавшим в Гражданскую войну» (памятник Примирения в Гражданской войне). Севастополь. 2021. Фото Р. Канаева
Monument to the Sons of Russia who Fought in the Civil War (Monument to Reconciliation in the Civil War). Sevastopol. 2021. Photograph by R. Kanaev

Conceptus
et conceptio

DOI 10.15826/qr.2022.5.768

УДК 94(47+57)"1917/1922" + 316.74:001 + 94:159.953 + 316.346.36:159.953 +
+ 811.161.1'272 + 791.43

Между официальными идеологемами и травматическим опытом в представлениях о Гражданской войне*

Оксана Головашина

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Between Official Ideologemes and Traumatic Experience: Perceptions of the Civil War**

Oksana Golovashina

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

In this article, the author considers the formation of ideas about the Civil War during the 1920s–1930s. The theoretical and methodological framework of the work, on the one hand, consists of publications disclosing the concept of cultural trauma and, on the other hand, of works whose authors emphasize the dynamic character of cultural memory. The author refers to literary and cinematographic works also using materials from the media and textbooks. The analysis of the sources based on the theoretical and methodological framework leads to the following conclusions. The scheme of describing the Civil War formed in the first decades of Soviet rule defined the grammar and axiology of its interpretation. The discourse of heroism contrasts with that of traumatising. By declaring the participants in the Civil War heroes, Soviet ideologists levelled the tragedy that accompanied the event. However, some literary works also reflected the tragic experience, which could further act as the basis for the language of description and comprehension of the Civil War. The shift in value priorities towards the

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

** Citation: Golovashina, O. (2022). Between Official Ideologemes and Traumatic Experience: Perceptions of the Civil War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1899–1913. DOI 10.15826/qr.2022.5.768.

Цитирование: Golovashina O. Between Official Ideologemes and Traumatic Experience: Perceptions of the Civil War // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1899–1913. DOI 10.15826/qr.2022.5.768 / Головашина О. Между официальными идеологемами и травматическим опытом в представлениях о Гражданской войне // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1899–1913. DOI 10.15826/qr.2022.5.768.

absolutisation of the cult of the state and the victorious idea of 1000 years of history and the actualisation of the patriotic rhetoric in the 1930s laid the foundations for a relatively conventional image of the Civil War.

Keywords: Civil War, cultural trauma, social memory, historical memory, Soviet cinema, Soviet ideologemes

Рассмотрено формирование представлений о Гражданской войне в 1920–1930-х гг. Теоретико-методологические рамки работы представлены публикациями, раскрывающими понятие культурной травмы, а также трудами, авторы которых подчеркивают динамичный характер культурной памяти. В качестве основных материалов для исследования выступили литературные и кинематографические произведения, в качестве дополнительных источников привлекались средства массовой информации, учебники. Анализ источников с опорой на теоретико-методологическую базу позволил автору прийти к следующим выводам: сформированная в первые десятилетия советской власти схема описания Гражданской войны определила грамматику и аксиологию ее интерпретации; дискурс героизма противостоит дискурсу травматизации, то есть, объявляя участников Гражданской войны героями, советские идеологи нивелировали трагедию, которая сопровождала это событие; трагический опыт также находил свое отражение в некоторых литературных произведениях, что может в дальнейшем выступать основой языка описания и осмысления Гражданской войны; ситуация изменения ценностных приоритетов в сторону абсолютизации культа государства и победившая идея 1000-летней истории, а также актуализация патриотической риторики в 1930-е гг. создали иллюзию относительно конвенционального образа Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война, культурная травма, социальная память, историческая память, советское кино, советские идеологемы

22 апреля 2021 г. в Севастополе был открыт памятник Примирения – масштабный монумент, посвященный 100-летию окончания Гражданской войны. Мемориальный комплекс состоит из нескольких фигур. В центре, на 25-метровом постаменте – женщина, которая символизирует и Россию, и мать, призывающую к примирению своих сыновей. Мужчины – красноармеец и белогвардеец – стоят по разные стороны, за их спинами – бронзовые горельефы со сценами Гражданской войны и Русского исхода. На лицевой части постамена – надпись: «Мы единый народ Российской Федерации». Выступавшие на открытии памятника подчеркивали необходимость примирения белых и красных, что было продекларировано и в речи бывшего министра культуры РФ Владимира Мединского.

Споры вокруг памятника Примирения разгорелись еще до его открытия. О резком неприятии монумента заявили севастопольское отделение общественного движения «Бессмертный полк», Союз ар-

хитекторов Севастополя, Союз советских офицеров Севастополя [Окунев]. «Никакого примирения нет и быть не может», – подчеркнул предводитель Российского дворянского собрания Олег Щербачев [Там же], а председатель Морского собрания Севастополя Владимир Стефановский сравнил примирение красных и белых с примирением вора, убийцы и их жертв [Никитина]. Дискуссии пользователей в социальных сетях транслируют тот же раскол, который проявился в отношении общественных организаций, подтверждая, что до примирения всех сторон Гражданской войны еще далеко [Подслушано; Скандальный памятник «Примирению» в Севастополе]. Скандалом сопровождалось и открытие монумента «Исход» в Новороссийске [Скандал в Новороссийске], дискуссии и споры уже не первый год не утихают вокруг установки памятников участникам Антоновского восстания или атаману Семенову [Головашина; Пешков].

Государственные идеологемы о примирении и «едином народе», представленные коммеморативными практиками, направленные на цементирование этих идеологем, зачастую вызывают резко негативную реакцию населения. О противоречивых оценках события [Гражданская война; Малинова] или о дискуссионности и невозможности нивелирования конфликтогенного потенциала некоторых тем [Бубнов; Пешков] говорят также современные исследователи исторической памяти. Сложность соотношения образов Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации в исторической памяти современных россиян, исчезновение государства, которое появилось в результате Гражданской войны, особенности историографической традиции в России, актуализация некоторых советских мифологем и специфика советской и постсоветской исторической политики предопределили многослойность памяти о Гражданской войне и невозможность ее однозначных трактовок.

В статье акцентировано внимание на формировании представлений о Гражданской войне в 1920–1930-х гг. Подобный фокус необходим, чтобы проанализировать то, как свидетельства очевидцев, голоса участников, наблюдателей трансформировались акторами идеологической политики, и почему кажущийся конвенциональным образ не позволяет говорить о социальном примирении. Исходная гипотеза предполагает, что способность образов прошлого подвергаться изменениям может выступать как источником новых трактовок, так и способом мифологизации. Решение поставленной задачи предполагает, во-первых, изучение аспектов, определивших официальный нарратив о Гражданской войне и картину события, во-вторых, анализ того, как травматический опыт был осмыслен в рамках литературных произведений, опубликованных в первые десятилетия после ее окончания.

Теоретико-методологическая база статьи представлена работами Дж. Олика, И. Ирвин-Зарецки, А. Эрл и А. Ригни. Дж. Олик обратил внимание на то, что исследователи в основном анализируют то, что память делает для группы, но не обращают внимание на то, что груп-

па делает для памяти [Олик, с. 42]. Динамика коллективной памяти для И. Ирвин-Зарецки – это реконфигурация нашего интереса к прошлому [Irwin-Zarecka]; на тот или иной сложившийся образ прямое влияние оказывает медиация, так как все репрезентации прошлого используют доступные медиатехнологии, существующие медиапродукты, паттерны репрезентации и эстетику медиа [Erl, Rigny]. Также, учитывая травматический характер Гражданской войны, мы будем опираться на статьи и публикации, раскрывающие понятие культурной травмы [Sztompka]. В отличие от психологической травмы, которую люди могут преодолеть, столкнувшись с чувствами и мыслями, связанными с травмирующей памятью [Kolk], культурная травма, как доказывают теоретики, никогда не разрешается, а скорее трансформируется и пересматривается поколениями [Neal; Айерман], представляя собой прежде всего социальный конструкт.

Теоретико-методологические рамки работы предопределили выбор источников. Основными из них стали литературные и кинематографические произведения, авторами которых были советские и российские граждане. Выбор этой источниковой базы опирался на допущение, что литература и кино могут создавать язык описания реальности, который формирует определенную картину воспоминаний, заменяющую впоследствии эти воспоминания; также, в соответствии с идеями А. Эрл и А. Ригни, в статье подчеркивается влияние литературы и кинематографа на формирование образа прошлого и процессы исторической травматизации/детравматизации [Erl, Rigny]. В качестве дополнительных источников привлекались материалы средств массовой информации, учебников, исследований историков. В силу небольшого объема статьи внимание будет ограничено географическими рамками Советского Союза.

Предлагаемые авторами в качестве исследовательской оптики категории «смуты» [Булдаков; Карпенко; Красная смута], «гражданских войн» [Колоницкий; Historical Dictionary; Smele] также констатируют существующую фрагментарность и дискуссионность в оценках рецепции события. Сформированная в советской историографии модель осмысления революции и возникших впоследствии конфликтов отразилась не только в языке описания Гражданской войны, но и (через учебники и медиа) в исторической памяти. Участники Антоновского восстания говорят, что они были в «банде» [Головашина, с. 312], а образ Чапаева оказал влияние на формирование советской героики (например, смерть Верещагина в «Белом солнце пустыни»). Однако говорить о том, что эта модель полностью определила представления россиян, будет ошибочным. Во-первых, семейная память сохраняла свидетельства очевидцев и участников событий, которые могли и конфликтовать с некоторыми советскими идеологемами и противоречить им; во-вторых, сама схема не была однозначной и внутренне непротиворечивой, а трансформировалась на протяжении развития советской историографии и изменений в политической, междуна-

родной, социальной обстановке. Поэтому далее речь пойдет не только о формировании официальных идеологем о Гражданской войне, но и о существующих параллельно рецепциях ее событий в художественном нарративе.

Гражданская война в официальном нарративе

Несмотря на то, что классовая солидарность пролетариев в соответствии с Манифестом коммунистической партии противоречила национальному самосознанию и гражданской идентичности, патриотическая риторика в советских СМИ появилась уже в начале в 1918 г. Ленин писал о «матушке России», «великой отечественной войне» [Ленин, т. 36, с. 78–82] и о том, что «социалистическое отечество в опасности» [Ленин, т. 35, с. 357–358], – концепт «социалистического отечества» будет использоваться и в последующей пропаганде [Хан-Пира]. Сохранение классовой риторики в описании Гражданской войны не мешало распространению риторики патриотической, прежде всего связанной с противостоянием интервенции и поддержкой белогвардейских сил иностранными государствами: «Как вам не стыдно идти вместе с французами? Разве вы забыли 12-й год?» [Агурский, с. 159].

Русская революция и Гражданская война определялись В. И. Лениным как «наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса» [Ленин, т. 34, с. 215], однако в формирующейся патриотической риторике Гражданская война выступала не только проявлением классового сознания, но и объяснялась необходимостью защиты Отечества. В 1920-е гг. появилась и получила распространение в 1930-е схема описания Гражданской войны через мифологическое противостояние «добра» (борцов за справедливость и права угнетенных) и «зла» (угнетателей, поработителей, интервентов) [Raleigh, p. 209]. В определенном смысле события Гражданской войны были вписаны в псевдорелигиозный дискурс и маркировались как испытания; оценка событий через оптику мифологического противостояния добра и зла привела к распространению модели восприятия Гражданской войны через бинарные оппозиции, что мешало осмыслению и формированию альтернативных языков описания.

Первые публикации, посвященные «героическим победам Красной армии над белогвардейцами», начали выходить еще в 1918 г., а уже в 1925 г. был издан «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917–1921 гг.», который заложил рамки описания героев Гражданской войны в целом. Отметим, что «ежедневный героизм», «самоотдача» и другие качества настоящего героя станут основой для представления подвигов, совершенных во время Великой Отечественной войны. Эта схема была адаптирована под потребности массового читателя и зрителя. Журналы, книги, СМИ, кинопродукция должны

были быть максимально понятными для широкого круга читателей (что в целом не было уникальным для Советской России, а соответствовало тенденциям развития пропаганды в модернистском обществе) [Recovering the Utopian Spirit of Fairy Tales and Fables from the Weimar Republic, p. 12; Bernays, p. 37]. Государственная пропагандистская машина, на которую работали многие талантливые художники (Эйзенштейн, Маяковский), создала красивый эмоционально окрашенный образ этой схемы, который многократно транслировался через государственную систему образования, фильмы, книги и т. д. («Вот за что мерзли, гибли под пулями, теряли своих детей трудящиеся Советской страны» [За что боролись?]), на нее же работала художественная литература (А. Малышкин, Д. Бедный, А. Серафимович).

При этом нельзя сказать, что предлагавшиеся в 1920-е гг. художниками образы были однозначными. Несмотря на то, что Марютка, героиня повести Б. А. Лавренева «Сорок первый», поступает так, как должна была поступить в соответствии с транслировавшимися в этот период нормами поведения красноармейца, белый офицер Говоруха-Отрок, для которого единственная родина – мысль и который в книгах хочет найти прощение, вызывает симпатии читателей. Белые офицеры в романе Владимира Зазубрина «Два мира» считают, что русскому народу нужны «нагайка и кнут», в произведении много сцен белого террора, однако главный герой подпоручик Барановский принадлежит к белому лагерю, а большевики в изображении автора не выглядят гуманистами.

Распространение мифологической схемы с наметившимся противопоставлением «героев» и «злодеев» ярко проявилось в популярном в СССР 1930-х гг. фильме «Чапаев», снятом по мотивам одноименного романа Д. Фурманова 1923 г. (1934, реж. Г. Васильев, С. Васильев), причем отмеченное некоторыми исследователями отсутствие одномерности в изображении белых в картине [Бычков, Гефнер; Stites, p. 86] не вызывало к ним сочувствия зрителей, а только усиливало восприятие положительных качеств красных. Сам Чапаев и в романе, и в фильме представлен как своевольный, предприимчивый Стенька Разин, народный герой с элементами неуправляемого крестьянского анархизма в характере и буйным нравом, поднявшийся из простого народа, чтобы бороться с эксплуатацией и несправедливостью.

Широкое распространение этого фильма способствовало популяризации основной советской мифологической схемы трактовки Гражданской войны, а сам образ Чапаева оказался важным элементом советского мифа основания [Кларк, с. 43–44; Seth, p. 48]. Акцент на спонтанных и идеологически менее контролируемых социальных потрясениях с «революционными массами» в качестве главного героя, характерный для фильмов 1920-х гг. («Броненосец Потемкин»), сменился на внимание к организационной и мобилизующей роли партии в Гражданской войне. Миллионы советских граждан, для многих из которых опыт войны был еще частью их живой памяти, учились воспринимать эти события как противостояние «хороших» красных

и «плохих» белых, несмотря на то, что их личный опыт, вероятно, был гораздо более сложным. Та же рамка воспроизводится в еще в одном фильме о герое – о Николае Щорсе («Щорс», 1939, реж. А. Довженко).

В 1930-е гг. дискурс о великом Октябре уступает место идее строительства нового советского государства. Это предопределило реконфигурацию отношения к событиям Гражданской войны и новые способы их интерпретации [Irwin-Zarecka, p. 76]. В соответствии с победившей в исторической политике идеей 1000-летней истории России, сохраняющей преемственность, несмотря на произошедшие трагические события, революция и Гражданская война начинают интерпретироваться не как первособытие для нового воображаемого сообщества (Б. Андерсон), а вписываются в довольно продолжительный нарратив классовой борьбы. Личные, семейные травмы уступали место более крупному и влиятельному государственному повествованию.

Акцентирование роли государства будет способствовать развитию патриотической риторики, но сконструированное патриотическим дискурсом различие «своих» и «чужих» начинает проходить не по линии красных и белых, а в зависимости от отношения героев к государству. В этой связи кажется неудивительным парадоксальный на первый взгляд положительный образ белого офицера в советском кинематографе второй половины XX в. («Адъютант его превосходительства» (1969), «Свой среди чужих, чужой среди своих» (1974) и др.). Это противоречие между преемственностью государственного исторического нарратива и революционными преобразованиями как первособытием, разрушающим эту преемственность, проявилось и в исторической памяти.

Тема Гражданской войны в советской литературе 1920-х гг.

Говоря о первых десятилетиях после окончания Гражданской войны, можно вести речь о посттравматическом расстройстве [Кобылин, Николай], но официальная историческая политика была направлена на то, чтобы посттравматический синдром был нивелирован, а трагичность Гражданской войны оставалась за скобками интенсивно формировавшегося в то время героического нарратива. Источником солидаризации сообщества стала не травма Гражданской войны, а идея «веков угнетения», закончившихся победой символических «наших». Героический дискурс первых лет после окончания Гражданской войны способствовал нивелированию посттравматического синдрома; однако голоса, отражавшие травматический опыт войны, в 1920-е гг. еще не были полностью обезличены формировавшимися тогда государственными идеологемами. Речь идет о литературных произведениях, в которых предлагается трагический нарратив о Гражданской войне, травматизации не противопоставляется никакая альтернатива, а создание нового мира не изображается как цель, достойная жертв².

² В статье речь идет только об опубликованных произведениях.

По мнению В. П. Булдакова, для изучения эскалации насилия нужно использовать методологию изучения паталогического сознания [Булдаков]. Непосредственность грубого опыта, переданного через фрагментарные эпизоды, отражающие хаос беспорядка и трудность понимания происходящего, это довольно распространенная характеристика произведений о Гражданской войне в ранней советской литературе. Легендарные герои-коммунисты знают, что сила и могущество, а также обращение к жажде мести крестьян и казаков с большей вероятностью приведут к победе в битвах, чем идеология. Классовая сознательность, необходимая с точки зрения марксистских критиков составляющая в изображении революционных героев, не всегда проявлялась в изменчивой, но все более гнетущей атмосфере середины 1920-х гг.

И. Бабель изображает Буденного расслабленным, игнорирующим сообщения о наступлении польской кавалерии – сложно представить более сильный контраст с «Чапаевым» Д. Фурманова. В. Иванов в пьесе «Бронепоезд 14–69» в традициях натурализма, характерного, например, для Э. Золя, повествует о крестьянах, сражающихся с Колчаком и японскими повстанцами. Бесстрастное описание Ивановым фрагментов человеческих тел вызывает тот же шок, которого Бабелю удастся добиться в его отстраненном повествовании. Б. Пильняк, сохраняя в романе «Голый год» образ революции-метели А. Блока, показывает в качестве актора не большевиков, а абстрактный инстинкт жизни, заставляющий, например, нуждающихся в еде рабочих запускать станки и продавать продукцию крестьянам. Травматический опыт Гражданской войны Б. Пильняк показывает не через картины сражений и убийств, а через изображение голодных толп людей или лейтмотивный образ хаоса. Похожее ощущение транслирует и М. Булгаков в «Белой гвардии»: Алексей Турбин думает о гибели дома своей семьи, человеческие трупы лежат, как «дрова в штабелях».

«Динамика культурной памяти только тогда может быть полностью понятной, когда мы будем принимать во внимание не просто значение социальных факторов, но также “медиальные” рамки воспоминания и специфические медиальные процессы, через которые воспоминания входят в публичную сферу и становятся коллективными» [Erlл, Rigny, p. 2]³. Однако медиа не были направлены на переосмысление травматического опыта. Объявляя участников Гражданской войны героями, советские идеологи нивелировали трагедию, которая сопровождала это событие. Агитационные поезда [см.: Taylor] и популярное кино [см.: Vance Kepley; Youngblood] развлекали и отвлекали, но не предлагали адекватную модель описания травмирующего опыта, а редкие литературные произведения, которые были изданы в то время, не могли влиять на массовую рецепцию Гражданской войны. Память и история сообществ формируются в рамках, часть которых задается государством и политическим дискурсом.

³ Здесь и далее перевод автора статьи.

Дискурс сообществ при этом далеко не всегда абсолютно подавляется государством: каждая форма памяти влияет на другую и «не может быть понята без изучения других форм памяти и других элементов ситуации» [Олик, с. 51]. Формировавшиеся в описываемый период советские идеологемы и существовавшие каналы их трансляции повлияли на язык описания событий Гражданской войны, но не могли определить его полностью; несмотря на то, что художественные тексты также полны идеологемами, эти идеологемы иницированы не актуальной политической повесткой, а связаны с рефлексией и осмыслением опыта и культурной традицией.

Идея единого народа России активно используется в качестве идеологемы в речах современных политиков [Путин, 2012а; Заседание Президиума Госсовета], внедряясь средствами пропаганды в общественное мнение. Легитимный характер этому высказыванию обычно придается через апелляцию к различным историческим событиям [Путин, 2012б; Путин, 2012с; Стратегии государственной национальной политики]. Однако раскол среди населения, который сопровождал Гражданскую войну, замена рефлексии и осмысления этих событий официальными идеологемами не позволяют говорить о единстве граждан Российской Федерации.

Неудивительно, что категория гражданских войн, характерная для западной историографии, почти не используется российскими авторами, так как противоречит инерции сложившихся идеологем (исключениями являются некоторые современные публикации [Колоницкий; Тарасов]). Предлагаемые западными историками идеи множественности конфликтов, которые принято называть гражданскими войнами, или об имперской революции, породившей комплекс войн [Reynolds], не позволяют увидеть в них истоки раскола и внутренних противоречий темы Гражданской войны в исторической памяти современных россиян. При этом работы, в которых анализируется сложность ситуации и представлено разнообразие взглядов с позиции имперских окраин [Russia's Home Front; Sablin], а также уделяется внимание локальным аспектам истории Гражданской войны [Новиков; Новикова; Пешков; Тюрин], остаются за пределами внимания советских и зачастую российских исследователей, безусловно, показывая причины невозможности примирения и конвенциональной оптики современной оценки Гражданской войны.

Нивелирование посттравматического синдрома через героический дискурс в первые десятилетия после Гражданской войны, а также распространение мифологической бинарной схемы описания ее участников привели к сложностям формирования исследовательской оптики, способствующей осмыслению событий и детравматизации опыта поколения. Интеграция памяти белого движения в послевоен-

ный период и смена акцентов советской политики памяти в сторону Великой Отечественной войны как главного события советской истории, а также распространение идеи непрерывной 1000-летней истории России предопределили формирование относительно конвенционального образа Гражданской войны в современной исторической политике. Однако эта стратегия не предлагает пространства для каких-либо практик детравматизации и осмысления трагического опыта, без которых невозможно говорить о примирении, а также оставляет за пределами внимания память участников крестьянских и этнических выступлений. Исходя из того, что создание дискурса вокруг культурной травмы – это процесс опосредования, включающий альтернативные стратегии и альтернативные голоса [Айерман], практики детравматизации должны предполагать пересмотр существующих идеологем и отказ от редукции разнообразного опыта жителей различных регионов России и их потомков к предлагаемому государственным историческим нарративом представлению о россиянах и российской истории. Память (и, соответственно, историческая травма) большого сообщества, таким образом, строится за счет интеграции или конфликта памяти отдельных коллективов и групп.

Список литературы

- Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. М. : Алгоритм, 2003. 316 с.
- Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5. С. 42–54.
- Бубнов А. Ю. «Гражданская война памяти»: конструирование нарративов о Гражданской войне в России в онлайн-дискуссии // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2019. № 6. С. 29–43.
- Булдаков В. П. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. : (Условия возникновения, хроника, комментариев, анализ). М. : Новый хронограф, 2010. 1090 с.
- Бычков С. П., Гейфнер О. В. Образы красноармейцев и белогвардейцев в советском кинематографе (на примере фильма «Чапаев» братьев Васильевых) // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2017. № 2 (14). С. 61–65.
- Головашина О. В. «В борьбе обрешь ты память свою»: антоновщина в представлениях современных тамбовчан // Диалог со временем. 2020. № 70. С. 305–319. DOI 10.21267/AQUILO.2020.70.56483.
- Гражданская война в России: сто лет спустя // ВЦИОМ : [сайт]. 2018. 26 июня. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9180> (дата обращения: 29.08.2022).
- За что боролись? // Смена. 1927. № 20. С. 10.
- Заседание Президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия. 11 февраля 2011 г., Уфа // Президент РФ : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/10312> (дата обращения: 07.11.2022).
- Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. М. : Вече, 2009. 432 с.
- Кларк К. Советский роман : История как ритуал / пер. с англ. под ред. М. Литовской. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 262 с.
- Кобылин И. И., Николаи Ф. В. Переопределяя границы сообщества: культурная память, травма, биополитика // История и историческая память. 2014. № 9. С. 90–103.
- Колоницкий Б. И. От мировой войны к гражданским войнам (1917? – 1922?) // Российская история. 2019. № 1. С. 3–24. DOI 10.31857/S086956870004216-8.
- Красная смута : сб. ист. лит. произведений / сост. и науч. ред. Р. Г. Гагкуев. М. : Посев, 2011. 624 с.

Ленин В. И. Русская революция и гражданская война : Пугают гражданской войной // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит., 1972–1976. Т. 34. С. 214–228.

Ленин В. И. Социалистическое отечество в опасности // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит., 1972–1976. Т. 35. С. 357–358.

Ленин В. И. Главная задача наших дней // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит., 1972–1976. Т. 36. С. 78–82.

Малинова О. Ю. Комmemорация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 37–56. DOI 10.17976/jpps/2018.02.04.

Никитина Т. Белые и красные объединились против «Примирения» в Севастополе // Примечания.ru : [сайт]. URL: https://primechaniya.ru/sevastopol/stati/belye_i_krasnye_obedinilis_protiv_primireniya_v_sevastopole/ (дата обращения: 06.11.2022).

Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. : Центрполиграф, 2005. 414 с.

Новикова Л. Г. Провинциальная «контрреволюция»: белое движение и Гражданская война на Русском Севере, 1917–1920. М. : Новое лит. обозрение, 2011. 368 с.

Окунев Д. «Потоки лжи»: почему памятник Примирения не устроил ни красных, ни белых // Газета.ru : [сайт]. 2020. 3 нояб. URL: https://www.gazeta.ru/science/2020/11/03_a_13344577.shtml?updated (дата обращения: 06.11.2022).

Олик Д. Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–74.

Пешков И. О. В поисках утраченного врага: мифологема Гражданской войны как фактор региональной идентичности Забайкалья // Политическая наука. 2018. № 3. С. 147–166. DOI 10.31249/poln/2018.03.08.

Подслушано в Севастополе // ВКонтакте : [сайт]. 2020. 24 окт. URL: https://vk.com/wall-63435306_302437 (дата обращения: 06.11.2022).

Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Этнодиалоги. 2012а. № 1 (38). С. 8–26.

Путин В. В. Выступление на церемонии вручения грамот «Город воинской славы» Малоярославцу и Можайску // Президент РФ : [сайт]. 2012б. 2 сент. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/16346> (дата обращения: 07.11.2022).

Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент РФ : [сайт]. 2012с. 12 дек. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 07.11.2022).

Скандал в Новороссийске: осквернивших «Исход» лишит права на День Победы // Regnum : [сайт]. 2015. 8 апр. URL: <https://regnum.ru/news/society/1913401.html> (дата обращения: 06.11.2022).

Скандалный памятник «Примирению» в Севастополе. Где он находится и что с ним не так? // Яндекс Дзен : [сайт]. 2021. 4 марта. URL: <https://dzen.ru/media/pefotograf/skandalnyi-pamiatnik-primireniyu-v-sevastopole-gde-on-nahoditsia-i-chto-s-nim-ne-tak-603be3e16cd9133fa6540a01> (дата обращения: 06.11.2022).

Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 07.11.2022).

Тарасов К. А. Гражданские войны на постимперском пространстве. Круглый стол «Петербургского исторического журнала» // Петербургский исторический журнал : Исследования по российской и всеобщей истории. 2018. № 3 (19). С. 167–170. DOI 10.51255/2311-603X-2018-00055.

Тюрин В. А. «Чрезвычайка»: Гражданская война в форме этнического противостояния // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2008. № 11. С. 298–314.

Хан-Пура Э. Лукавая синонимика // Знамя. 2001. № 7. С. 167–170.

Bernays E. Propaganda. N. Y. : Horace Liveright, 1928. 168 p.

Ertl A., Rigny A. Introduction: Cultural Memory and Its Dynamics // Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory / ed. by A. Ertl, A. Rigny. Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter, 2009. P. 1–14.

Historical Dictionary of the “Russian” Civil Wars, 1916–1926 : 2 Vols. / comp. by J. D. Smele. Lanham, Maryland ; N. Y. ; L. : Rowman & Littlefield, 2015.

Irwin-Zarecka I. Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory. N. Brunswick : Transaction, 1994. 214 p.

Kolk B. A. van der. The Body Keeps the Score: Brain, Mind, and Body in the Healing of Trauma. N. Y. : Penguin Books, 2014. 464 p.

Neal A. G. National Trauma and Collective Memory: Major Events in the American Century. Armonk, N. Y. : M. E. Sharpe, 1998. 224 p.

Raleigh D. J. Experiencing Russia’s Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922. Princeton, N. J. : Princeton Univ. Press, 2002. 438 p.

Recovering the Utopian Spirit of Fairy Tales and Fables from the Weimar Republic // Fairy Tales and Fables from Weimar Days / ed. by J. Zipes. L. : Palgrave Macmillan, 2018. P. 3–26.

Reynolds M. A. Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2011. 303 p.

Russia’s Home Front in War and Revolution, 1914–1922 : 4 Books / ed. by S. Badcock, L. G. Novikova, A. B. Retish. Bloomington : Slavica Publ., 2015. Book 1. Russia’s Revolution in Regional Perspective. 404 p.

Sablin I. The “Russian” Civil Wars, 1916–1926: Ten Years That Shook the World by Jonathan D. Smele (Review) // *Ab Imperio*. 2017. № 1. P. 402–406. DOI 10.1353/imp.2017.0021.

Seth B. A. Cultural Analysis of the Russo-Soviet Anekdot. BA : Univ. of Texas, 1990. 291 p.

Smele J. D. The “Russian” Civil Wars, 1916–1926: Ten Years That Shook the World. L. : Hurst, 2016. XXIV, 423 p.

Stites R. Russian Popular Culture: Entertainment and Society Since 1900. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1992. 304 p.

Sztompka P. Cultural Trauma. The Other Face of Social Change // *European Journal of Social Theory*. 1999. № 3 (4). P. 449–466. DOI 10.1177/13684310022224895.

Taylor R. Soviet Socialist Realism and the Cinema Avant-Garde // *Studies in Comparative Communism*. 1985. № 17 (3/4). P. 185–202.

Vance Kepley Jr. Federal Cinema: The Soviet Film Industry, 1924–32 // *Film History*. 1996. Vol. 8, № 3. P. 344–356.

Youngblood D. J. The Fate of Soviet Popular Cinema during the Stalin Revolution // *The Russian Rev.* 1991. Vol. 50, № 2. P. 148–162.

References

Agurskii, M. S. (2003). *Ideologiya natsional-bol’shevizma* [The Ideology of National Bolshevism]. Moscow, Algoritm. 316 p.

Aierman, R. (2016). Kul’turnaya travma i kollektivnaya pamyat’ [Cultural Trauma and Collective Memory]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 5, pp. 42–54.

Badcock, S., Novikova, L. G., Retish, A. B. (Eds.). (2015). *Russia’s Home Front in War and Revolution, 1914–1922. 4 Books*. Bloomington, Slavica Publ. Book 1. Russia’s Revolution in Regional Perspective. 404 p.

Bernays, E. (1928). *Propaganda*. N. Y., Horace Liveright. 168 p.

Bubnov, A. Yu. (2019). “Grazhdanskaya voina pamyati”: konstruirovaniye narrativov o Grazhdanskoi voine v Rossii v onlain-diskussii [“The Civil War of Memory”: Constructing Narratives about the Russian Civil War in an Online Discussion]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. No. 6, pp. 29–43.

Buldakov, V. P. (2010). *Khaos i etnos. Etnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg. Usloviya vozniknoveniya, khronika, kommentarii, analiz* [Chaos and Ethnicity. Ethnic Conflicts in Russia, 1917–1918. Conditions for the Emergence, Chronicle, Commentary, and Analysis]. Moscow, Novyi khronograf. 1090 p.

Bychkov, S. P., Gefner, O. V. (2017). Obrazy krasnoarmeitsev i belogvardeitsev v sovetskom kinematografe (na primere fil’ma “Chapaev” brat’ev Vasilevykh) [Images

of Red Army Soldiers and White Guards in Soviet Cinema (with Reference to the *Chapaev* Film by the Vasiliev Brothers). In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 2 (14), pp. 61–65.

Erl, A., Rigny, A. (2009). Introduction: Cultural Memory and Its Dynamics. In Erl, A., Rigny, A. (Eds.). *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. Berlin, N. Y., Walter de Gruyter, pp. 1–14.

Gagkuev, R. G. (Ed.). (2011). *Krasnaya smuta. Sbornik istoricheskikh literaturnykh proizvedenii* [The Red Time of Troubles. A Collection of Historical Literary Works]. Moscow, Posev. 624 p.

Golovashina, O. V. (2020). “V bor’be obretech’ ty pamyat’ svoyu”: antonovshchina v predstavleniyakh sovremennykh tambovchan [In the Battle You Will Attain Your Memory: The 1921–1922 Peasant Uprising as Seen by Modern Residents of Tambov Region]. In *Dialog so vremenem*. No. 70, pp. 305–319. DOI 10.21267/AQUILO.2020.70.56483.

Grazhdanskaya voina v Rossii: sto let spustya [The Russian Civil War: A Century Later]. (2018). In *VTsIOM* [website]. 26 June. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9180> (accessed: 29.08.2022).

Han-Pira, E. (2001). Lukavaya sinonimika [Deceitful Synonymy]. In *Znaniya*. No. 7, pp. 167–170.

Irwin-Zarecka, I. (1994). *Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory*. N. Brunswick, Transaction. 214 p.

Karpenko, S. V. (2009). *Belye generaly i krasnaya smuta* [White Generals and the Red Time of Troubles]. Moscow, Veche. 432 p.

Klark, K. (2002). *Sovetskii roman. Istoriya kak ritual* [The Soviet Novel. History as a Ritual] / transl. by M. Litovskaya. Yekaterinburg, Izdatel’stvo Ural’skogo universiteta. 262 p.

Kobylin, I. I., Nikolai, F. V. (2014). Pereopredelyaya granitsy soobshchestva: kul’turnaya pamyat’, travma, biopolitika [Redefining Community Boundaries: Cultural Memory, Trauma, and Biopolitics]. In *Istoriya i istoricheskaya pamyat’*. No. 9, pp. 90–103.

Kolk, B. A. van der. (2014). *The Body Keeps the Score: Brain, Mind, and Body in the Healing of Trauma*. N. Y., Penguin Books. 464 p.

Kolonitskii, B. I. (2019). Ot mirovoi voiny k grazhdanskim voynom (1917? – 1922?) [From World War to Civil Wars]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 1, pp. 3–24. DOI 10.31857/S086956870004216-8.

Lenin, V. I. (1972–1976). Glavnaya zadacha nashikh dnei [The Main Challenge of Our Day]. In Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii v 55 t.* Moscow, Izdatel’stvo politicheskoi literatury. Vol. 36, pp. 78–82.

Lenin, V. I. (1972–1976). Russkaya revolyutsiya i grazhdanskaya voina. Pugayut grazhdanskoi voinei [The Russian Revolution and Civil War. The Civil War Scare]. In Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii v 55 t.* Moscow, Izdatel’stvo politicheskoi literatury. Vol. 34, pp. 214–228.

Lenin, V. I. (1972–1976). Sotsialisticheskoe otechestvo v opasnosti [The Socialist Fatherland is in Danger]. In Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii v 55 t.* Moscow, Izdatel’stvo politicheskoi literatury. Vol. 35, pp. 357–358.

Malinova, O. Yu. (2018). Kommemoratsiya stoletiya revolyutsii(i) 1917 goda v RF: sravnitel’nyi analiz sopernichayushchikh narrativov [Commemorating the Centenary of the 1917 Revolution(s) in the Russian Federation: A Comparative Analysis of Competing Narratives]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 2, pp. 37–56. DOI 10.17976/jpps/2018.02.04.

Neal, A. G. (1998). *National Trauma and Collective Memory: Major Events in the American Century*. Armonk, N. Y., M. E. Sharpe. 224 p.

Nikitina, T. (N. d.). Belye i krasnye ob’edinilis’ protiv “Primireniya” v Sevastopole [White and Red Unite against the “Reconciliation” in Sevastopol]. In *Primechaniya.ru* [website]. URL: https://primechaniya.ru/sevastopol/stati/belye_i_krasnye_obedinilis_protiv_primireniya_v_sevastopole/ (accessed: 06.11.2022).

Novikov, P. A. (2005). *Grazhdanskaya voina v Vostochnoi Sibiri* [Civil War in Eastern Siberia]. Moscow, Tsentrpoligraf. 414 p.

Novikova, L. G. (2011). *Provintsial'naya "kontrrevolyutsiya": beloe dvizhenie i Grazhdanskaya voina na Russkom Severe, 1917–1920* [Provincial "Counter-Revolution": The White Movement and the Civil War in the Russian North, 1917–1920]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 368 p.

Okunev, D. (2020). "Potoki lzhi": pochemu pamyatnik Primireniya ne ustroil ni krasnykh, ni belykh ["Torrents of Lies": Why the Reconciliation Monument Did not Suit the Reds or the Whites]. In *Gazeta.ru* [website]. 3 Nov. URL: https://www.gazeta.ru/science/2020/11/03_a_13344577.shtml?updated (accessed: 06.11.2022).

Olik, J. (2012). Figuratsii pamyati: protsessno-relyatsionnaya metodologiya, illyustriruemaya na primere Germanii [Figurations of Memory: A Process-Relational Methodology Illustrated Based on the German Case]. In *Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 11. No. 1, pp. 40–74.

Peshkov, I. O. (2018). V poiskakh utrachennogo vruga: mifologemy Grazhdanskoi voyny kak faktor regional'noi identichnosti Zabaikal'ya [In Search of a Lost Enemy: Mythologemes of the Civil War as a Factor in the Regional Identity of Transbaikalia]. In *Politicheskaya nauka*. No. 3, pp. 147–166. DOI 10.31249/poln/2018.03.08.

Podslushano v Sevastopole [Overheard in Sevastopol]. (2020). In *VKontakte* [website]. 24 Oct. URL: https://vk.com/wall-63435306_302437 (accessed: 06.11.2022).

Putin, V. V. (2012a). Rossiya: natsional'nyi vopros [Russia: A National Question]. In *Etnodialogi*. No. 1 (38), pp. 8–26.

Putin, V. V. (2012b). Vystuplenie na tseremonii vrucheniya gramot "Gorod voinskoi slavy" Maloyaroslavtsu i Mozhaisku [Speech at the "City of Military Glory" Award Ceremony for Maloyaroslavets and Mozhaisk]. In *Prezident RF* [website]. 2 Sept. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/16346> (accessed: 07.11.2022).

Putin, V. V. (2012c). Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu [President's Address to the Federal Assembly]. In *Prezident RF* [website]. 12 Dec. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118> (accessed: 07.11.2022).

Raleigh, D. J. (2002). *Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922*. Princeton, N. J., Princeton Univ. Press. 438 p.

Recovering the Utopian Spirit of Fairy Tales and Fables from the Weimar Republic. (2018). In Zipes, J. (Ed.). *Fairy Tales and Fables from Weimar Days*. L., Palgrave Macmillan, pp. 3–26.

Reynolds, M. A. (2011). *Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 303 p.

Sablin, I. (2017). The "Russian" Civil Wars, 1916–1926: Ten Years That Shook the World by Jonathan D. Smele (Review). In *Ab Imperio*. No. 1, pp. 402–406. DOI 10.1353/imp.2017.0021.

Seth, B. A. (1990). *Cultural Analysis of the Russo-Soviet Anekdot*. BA, Univ. of Texas. 291 p.

Skandal v Novorossiiske: oskvernivshikh "Iskhod" lishit' prava na Den' Pobedy [Scandal in Novorossiysk: Deny Victory Day Rights to Those Who Desecrated the *Exodus*]. In *Regnum* [website]. 8 Apr. URL: <https://regnum.ru/news/society/1913401.html> (accessed: 06.11.2022).

Skandal'nyi pamyatnik "Primireniyu" v Sevastopole. Gde on nakhoditsya i chto s nim ne tak? [The Scandalous "Reconciliation" Monument in Sevastopol. Where Is It Located and What is Wrong with It?]. (2021). In *Yandex Dzen* [website]. 4 March. URL: <https://dzen.ru/media/nefotograf/skandalnyi-pamiatnik-primireniyu-v-sevastopole-gde-on-nahoditsya-i-chto-s-nim-ne-tak-603be3e16cd9133fa6540a01> (accessed: 06.11.2022).

Smele, J. D. (2016). *The "Russian" Civil Wars, 1916–1926: Ten Years That Shook the World*. L., Hurst. XXIV, 423 p.

Smele, J. D. (Ed.). (2015). *Historical Dictionary of the "Russian" Civil Wars, 1916–1926*. 2 Vols. Lanham, Maryland, N. Y., L., Rowman & Littlefield.

Stites, R. (1992). *Russian Popular Culture: Entertainment and Society Since 1900*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 304 p.

Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda [Strategies of State National Policy of the Russian Federation until 2025]. In *Elektronnyi fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov* [website]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (accessed: 07.11.2022).

Sztompka, P. (1999). Cultural Trauma. The Other Face of Social Change. In *European Journal of Social Theory*. No. 3 (4), pp. 449–466. DOI 10.1177/1368431002224895.

Tarasov, K. A. (2018). Grazhdanskie voyny na postimperskom prostranstve. Kruglyi stol “Peterburgskogo istoricheskogo zhurnala” [Civil Wars in the Post-imperial Space. St Petersburg Historical Journal Round Table]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal. Issledovaniya po rossiiskoi i vseobshchei istorii*. No. 3 (19), pp. 167–170. DOI 10.51255/2311-603X-2018-00055.

Taylor, R. (1985). Soviet Socialist Realism and the Cinema Avant-Garde. In *Studies in Comparative Communism*. No. 17 (3/4), pp. 185–202.

Tyurin, V. A. (2008). “Chrezvychaika”: Grazhdanskaya voyna v forme etnicheskogo protivostoyaniya [The “Extraordinary”: Civil War in the Form of Ethnic Confrontation]. In *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. No. 11, pp. 298–314.

Vance Kepley, Jr. (1996). Federal Cinema: The Soviet Film Industry, 1924–32. In *Film History*. Vol. 8. No. 3, pp. 344–356.

Youngblood, D. J. (1991). The Fate of Soviet Popular Cinema during the Stalin Revolution. In *The Russian Rev.* Vol. 50. No. 2, pp. 148–162.

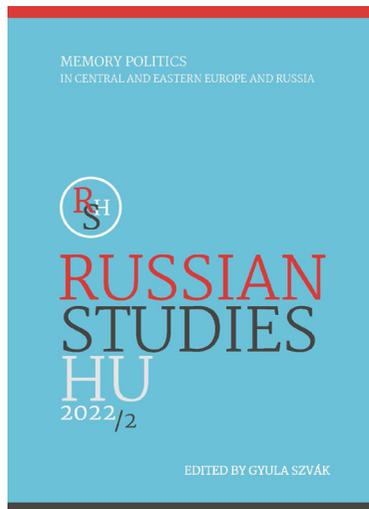
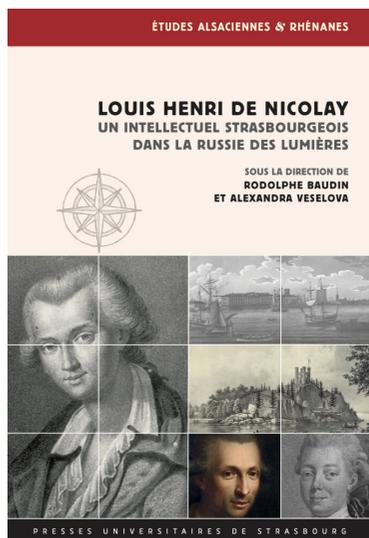
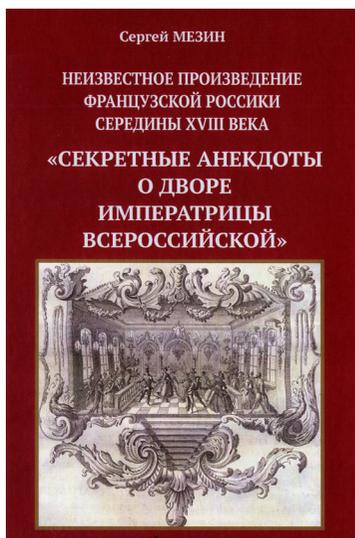
Za chto borolis'? [What Were They Fighting for?]. (1927). In *Smena*. No. 20, p. 10.

Zasedanie Prezidiuma Gossoveta o merakh po ukrepleniyu mezhnatsional'nogo soglasiya. 11 fevralya 2011 g., Ufa [Meeting of the Presidium of the State Council on Measures to Strengthen Interethnic Harmony. February 11, 2011, Ufa]. In *Prezident RF* [website]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/10312> (accessed: 07.11.2022).

The article was submitted on 20.08.2022

Controversiae
et recensiones

Controversiae
et recensione

The Chevalier d'Éon and His Contemporaries'
Contribution to French Rossica:
From Diplomatic Dispatches and Notes to *Anecdotes Secrètes**

Rev. of: Mezin, S. A. (2019). *Neizvestnoe proizvedenie frantsuzskoi rossiki serediny XVIII veka "Sekretnye anekdoty o dvore imperatritsy Vserossiiskoi"*
[An Unknown Work of French Rossica of the Mid-18th Century:
Anecdotes Secrètes about the Court of the Empress of All Russia]. –
St Petersburg, Europeiskii Dom. – 156 p.

Yuri Smirnov

Samara National Research University,
Samara, Russia

The review is devoted to a book by S. Mezin and the publication of an interesting historical source. Mezin is a well-known specialist in the history of modern Russo-French relations in various spheres. He consistently focuses on eighteenth-century French Rossica in his works. Now he has presented an unknown essay about the court of Empress Elizabeth to the scholarly community. It was written in 1757 by Chevalier d'Éon in the genre of historical anecdote, very popular at the time. The essay has been published both in French and in Russian, with Mezin doing the translation himself. The reviewed book includes the text *Secret Anecdotes about the Court of the All-Russian Empress* by the French diplomat and spy, along with comments, study, and substantive analysis. The publication and accompanying materials are preceded by a detailed essay by Mezin entitled "French Russia in the Mid-18th Century (1725–1762)". This is not only used to provide a historical background for the source, but also to study an important but insufficiently examined topic. The reviewer considers Mezin's book a valuable contribution to the historiography of the less explored period in the eighteenth century between the reigns of Peter I and Catherine II and to the source studies of this period in Russian history. At the same time, the reviewer clarifies some chronological and thematic characteristics of the historical anecdote as a specific genre, linking its emergence and formation with French historiography and literature in the seventeenth and eighteenth centuries.

Keywords: Russian Empire in the eighteenth century, historiography, source studies, Chevalier d'Éon, anecdote as a literary genre

* *Citation:* Smirnov, Yu. (2022). The Chevalier d'Éon and His Contemporaries' Contribution to French Rossica: From Diplomatic Dispatches and Notes to *Anecdotes Secrètes*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1917–1923. DOI 10.15826/qr.2022.5.769.

Цитирование: Smirnov Yu. The Chevalier d'Éon and His Contemporaries' Contribution to French Rossica: From Diplomatic Dispatches and Notes to *Anecdotes Secrètes* // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1917–1923. DOI 10.15826/qr.2022.5.769.

Представлена рецензия на книгу С. А. Мезина, известного специалиста по истории русско-французских отношений Нового времени в самых разных сферах жизни, и на публикацию в ней интересного исторического источника. Ученый постоянно обращается к французской россике XVIII в. В своей новой работе он представил научной общественности неизвестное сочинение шевалье д'Эона о дворе императрицы Елизаветы Петровны, написанное в 1757 г. в популярном тогда жанре исторического анекдота. Это сочинение впервые публикуется как на французском языке, так и в русском переводе, который сделал сам С. А. Мезин. В рецензируемое издание, кроме составленного упомянутым выше французским дипломатом и шпионом текста «Секретных анекдотов о дворе императрицы Всероссийской», вошли комментарии к нему, источниковедческий и содержательный обзоры этого сочинения. Предваряет публикацию источника и сопутствующие ей материалы обстоятельный очерк С. А. Мезина «Французская россика середины XVIII века (1725–1762)», который также вошел в данное издание. Он не только предназначен для создания исторического фона, на котором представлен данный источник, но и является оригинальным законченным исследованием на важную, но еще недостаточно изученную тему. Книга С. А. Мезина безусловно признается рецензентом ценным вкладом в историографию менее других изученного отрезка XVIII столетия между правлениями Петра I и Екатерины II и в источниковедение данного периода российской истории. Вместе с тем рецензент счел нужным уточнить некоторые хронологические и тематические характеристики исторического анекдота как определенного жанра, связав его возникновение и становление с французской историографией и литературой XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: Российская империя в XVIII в., историография, источниковедение, шевалье д'Эон, анекдот как литературный жанр

S. A. Mezin's works have drawn the attention of the academic community, primarily due to his role as an authoritative researcher of past Russo-French relations [Redin, Soboleva, p. 309]. His works on French sources and French writings about Russia in the eighteenth century are highly significant. He has shared his thoughts on the "Russian" pages of Voltaire's work in a number of recent articles, including in *Quaestio Rossica* [Мезин, 2020]. This journal, in whose publications the "eighteenth" century occupies an important place, is characterized by an effort to overcome "a sharply defined line, familiar to Russian academic discourse, between the 'epoch of the Enlightenment' and previous decades" [Артамонова, 2019а, с. 373]. In this regard, it is worth drawing the attention of its readers to Mezin's detailed study of the writings of French authors about Russia in the "era of palace coups", anticipating the transition to "enlightened absolutism". One of these works is of particular interest, a separate edition of a French original with a Russian translation [Мезин, 2019]¹.

¹ Hereinafter references to the peer-reviewed publication will be given in parentheses with the indication of pages.

Secret Anecdotes about the Court of the Empress of All Russia has remained practically unknown until now: it has not even been published in the original language, although it came from the pen of a historical person who has attracted the attention of not only scholars, but also fiction writers and filmmakers. According to the reviewed historian and a number of his French colleagues, the notorious Chevalier d'Éon (also known as Mademoiselle de Beaumont) was the creator of this work. According to Mezin, the transgender-duelling side of his life did not manifest itself during his stay in Russia (April 1756 – spring 1757, September 1757 – August 1760), contrary to the 'action-packed' conjectures of historical novels (for example, in V. Pikul's *Feather and Sword*). This allows us to refrain from detailed excursions into the most eccentric part of the biography of Charles d'Éon de Beaumont (5 October 1728–21 May 1810).

His writings fit well into the framework of the notes by diplomats, spies, and travellers typical of mid-eighteenth-century French Rossica: the Marquis de La Chetardi, Count Dalon, the Marquis de Lopital, de La Messelier, etc. All of these individuals did not lack an adventurous streak or a certain amount of self-admiration, but their behaviour did not manifest anything out of the ordinary.

This can be seen thanks to some interesting and useful features of Mezin's publication. It includes the French text and Russian translation of *Secret Anecdotes*, along with necessary comments, an index of names, and two source-study articles ("When and by whom were *Secret Anecdotes about the Court of the Empress of All Russia* written?" and "Empress Elizaveta Petrovna and Russia in the middle of the eighteenth century through the eyes of a French diplomat"). This publication also contains the extensive essay "French Rossica in the middle of the eighteenth century (1725–1762)", which, in terms of its volume and depth of research, can be considered a small monograph.

As a result, specialists and lovers of Russian history have received a wonderful gift in the form of a valuable contribution to the historiography of the less studied period of the eighteenth century between the reigns of Peter I and Catherine II, to source analysis of this period, and to publishing activity. However, the archaeological characterization of *Secret Anecdotes* is not entirely complete, since Mezin only had access to a transcription of the handwritten text and a description made by his French colleagues. The original was discovered in 2013 and now is in a private collection. It remains inaccessible to Russian researchers (c. 7).

The publication of *Secret Anecdotes* in Russia and the attention paid to it here are quite understandable. The anecdotes were written in Paris between two trips to Russia, probably in June 1757 (c. 52). There is little in them that could be added to the history of Franco-Russian relations or to the scandalous biography of the Chevalier d'Éon himself, both of which have attracted the attention of the European academic community and the general public for two and a half centuries. For Russian historians, the discovery of a new work by a foreigner well-informed about the people and customs of post-Petrine Russia is of undoubted value.

It is interesting to compare the attitude to *Secret Anecdotes* with the attention given to other writings of the aforementioned young diplomat, who in October 1757 took up the duties of the first secretary of the French embassy (c. 53). Having gained some experience, he completed some new works a little later: *Note on Russia in 1759 by the Chevalier d'Éon*, *Persons of the First Rank of This Court* (1759), and *Reflection on the Ease of a Coup in Russia after the Death of the Empress with a Plan That Should Follow to Achieve Success and about the Possibility of its Further Fulfilment* (March 1762). They included collected observations and analytical information useful to the French king and the foreign affairs department (c. 41–42). It has also aroused interest of modern French researchers, which led to the publication of *Notes on Russia* and related works in d'Éon's homeland [Liechtenhan].

Mezin has also identified falsified texts groundlessly attributed to the chevalier. Here, we are referring to his fictional "memoirs", from which appeared the never-before-seen *Adventures of a Young Cavalier in a Female Disguise at the Court of the Russian Empress Elizabeth Petrovna* and the notorious *Testament of Peter the Great* ("one of the most famous historical hoaxes") (c. 52–53).

Despite the fact that d'Éon created more detailed and elaborate notes after some time in Russia, *Secret Anecdotes* does not lose its value as a precious historical source, as explained by Mezin. Firstly, the chevalier took a different perspective when considering Russian realities in the *Note on Russia*, such as a "bird's eye view" and through jokes ("peeping through the keyhole"). Secondly, the text and information of the anecdotes are not directly repeated in d'Éon's other writings (c. 50).

The chevalier approached his mission in Russia very thoroughly. He became acquainted with original and translated literature about the country and the reports of French ambassadors: he even began to study the Russian language, replenishing his library with several Russian books. However, having put aside the originally conceived serious study of the history, sciences, and arts of Russia, d'Éon began to write about what really fascinated him, "about the court, about the inclinations of the courtiers, about their connections, intrigues, and interests... the genre of anecdotes corresponded completely to his aspirations" (c. 55–56).

Mezin gives definitions of the literary genre of historical anecdote, common in France in those days. The main items belonging to that genre were: 1) stories that "talk too freely, too frankly about the morals and behaviour of persons of the highest rank" and 2) "stories dedicated to the secret and covert affairs of monarchs." The researcher traces the appearance and name of this genre to the work of the Byzantine historian of the sixth century Procopius of Caesarea and its revival to the end of the seventeenth century in Europe (c. 56).

Let us make a clarification, since the opinion, according to which the beginning of the discussed genre occurred in seventeenth-century France, seems to be the most reasonable. At the time, a political pamphlet, forgotten for more than a thousand years, was rediscovered, translated from Greek

into Latin, and published in Lyon in 1623 for the French public: this work exposed the sinful customs and shameful deeds of Emperor Justinian, his wife Theodora, and those close to him. Procopius' work did not have a title, but in a Byzantine lexicon of the tenth century it was mentioned as an "anecdote", that is "unpublished"/"unreleased". This word gave the name to this work and its imitators: finally, it became the designation of a whole genre. To explain the unfamiliar Greek word, the title included the Latin expression *Historia Arcana*, a "secret/covert history" (*Procopii Caesariensis Anecdota seu Arcana Historia*). Published in 1685, A. de Variyas' book contributed to the popularization of this new genre in French literature and historiography: it was entitled *Les Anecdotes de Florence ou l'Histoire secrète de la maison de Médicis (Florentine Anecdotes, or the Secret History of the Medici House)*. In addition, Variyas expanded the scope of the historical anecdote, describing not only the hidden sources of well-known deeds and actions, as Procopius did, but also bringing to the public certain "hidden events" [Голубков, с. 229, 231–232, 237].

Returning from this excursion into the history of the anecdote genre to d'Éon's work, stylistic flaws are noticeable even in its title. *Secret Anecdotes* is, firstly, a tautology ("salt is salty"), and, secondly, is characterized by excessive pathos. It is no coincidence that Mezin considers "adventurism and bragging" to be the main "personal features" of the author in comparison with the other representatives of eighteenth-century French Rossica (с. 46). The chevalier does not reveal any deep secrets to the reader simply because he does not know them, not being admitted to the empress. He uses rumours and gossip, second-hand facts. However, gossipers and rumourmongers are sometimes quite well informed. Among his informants are nobles, court musicians, an artist, a doctor, and a jester (с. 57–58).

Further expansion of this genre from the event to the everyday sphere happened in the eighteenth century, allowing d'Éon's work to claim its place in the genre. Mezin mentions the contemporaneous French writer M. de Gomez, who, in her book *Anecdotes, or the Secret History of the Ottoman House* (1722), included in the definition of an anecdote a connotation with "the domestic history of sovereigns" (с. 57). Supporting such an interpretation, French authors even before d'Éon (Villebois, Voltaire) began to write stories about the rulers of Russia, primarily Peter the Great, in the genre of a historical anecdote, without pretending to present special innermost secrets (с. 58).

One can agree with Mezin that anecdotes are mostly oral sources; they can be considered to some extent as part of the "oral history" of their time (с. 57). As rulers and their subjects understood the significance of the word, they tried to preserve important statements in the form of records [Артамонова, 2019b, с. 531]. The transition to a modern society is generally characterized by a gradual replacement of traditional verbal expressions of collective ideas and historical memory with written, literary forms, such as noble family stories [Смирнов, с. 509, 511].

The text of *Secret Anecdotes* is divided into four parts. They are not titled and are not very coherent. Mezin reveals the inclusion of the following themes

in the work: 1) the daily routine, table, and favourites of the empress; 2) her circle of friends, clothes, and receptions in the palace; 3) the communication of the empress with diplomats, the punishments she practices, her personal qualities; and 4) theatre, court weddings, guardsmen (c. 59).

Mezin, following d'Éon, pays special attention to:

- the description of Empress Elizabeth's appearance and outfits;
- examples of her kindness and piety;
- emphasizing the empress' sympathies for France and its king, which, however, remain unfulfilled due to the weakness of her character and the malignity of some people from her inner circle;
- the empress' habits and daily routine, paying attention to going to bed late and frequent night walks around the palace and the guards, which are explained by the fear of possible conspiracies;
- the role of influential courtiers and Elizabeth's social circle;
- the palace receptions, clothes, and jewellery of courtiers, which, being purchased in Paris and Lyon, bring considerable benefits to French industrialists and merchants;
- final conclusions, stereotypes repeated by the diplomat: "Russian barbarism", "wild", "slave" and bestially "evil" people, whose ruler, even a "kind" one, can only be a despot (c. 60–65).

Even considering the everyday life of a distant northern country, the chevalier draws a conclusion, not original for a number of his compatriots, that in the interests of France one should not educate the Russians, but weaken them further, cultivate existing vices, and plant new ones. He is pleased that many visiting Frenchmen, pretending to be actors and teachers but in fact even being branded criminals, have contributed to the achievement of this goal (c. 66, 68).

To the annoyance of the author of *Secret Anecdotes*, a number of his contemporaries who wrote French Rossica, and their high-ranking addressees, such hopes for an unkind future for Russia did not materialize. The Russian Empire was on the verge of a new rise in power and its next steps along the path of modernization. Career ambitions and personal vanity, with the expectation of which such works were written, also did not come true. The only "beneficiaries" from their publication a quarter of a millennium later are specialists and history buffs, who have expanded the source base of their research. For this, one can thank even biased and not entirely benevolent observers. However, first of all, we must pay tribute to another highly professional academic work by Mezin and those colleagues in France and Russia who helped him.

Список литературы

Артамонова Л. М. Век Просвещения в «Quaestio Rossica» // Диалог со временем. 2019а. № 68. С. 372–379. DOI 10.21267/AQUILO.2019.68.34740.

Артамонова Л. М. Просвещение и социальная эмансипация в представлениях элиты эпохи Екатерины II: от «культурного шока» – к модернизационным практикам // Quaestio Rossica. 2019b. Т. 7, № 2. С. 525–538. DOI 10.15826/qr.2019.2.391.

Голубков А. В. Анекдот как альтернативная биография во французской культуре XVII века // *W kręgu problemów antropologii literatury. W stronę antropologii niezwykłości, studia* / pod red. W. Supy. Białystok : Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2013. S. 229–242.

Мезин С. А. Неизвестное произведение французской россики середины XVIII века «Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской». СПб. : Европ. Дом, 2019. 156 с.

Мезин С. А. История допетровской Руси в изложении Вольтера: взгляд просвещенного европейца // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 3. С. 807–822. DOI 10.15826/qr.2020.3.496.

Смирнов Ю. Н. Литературные обработки фамильных преданий Аксаковых и Рычковых как источники по истории юго-восточных окраин России в конце XVIII в. // *Русь, Россия, Средневековье и Новое время*. 2019. № 6. С. 508–512.

Liechtenhan F.-D. *En Russie au temps d'Élisabeth. Mémoire sur la Russie en 1759 par le chevalier d'Éon*. Paris : L'inventaire ed., 2006. 196 p.

Redin D., Soboleva L. The Epoch of the Enlightenment: From the Voyages of Peter I to the Ideas of the Catherinian Period // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 2. P. 303–312. DOI 10.15826/qr.2017.2.224.

References

Artamonova, L. M. (2019). Vek Prosveshcheniya v “Quaestio Rossica” [The Age of Enlightenment in *Quaestio Rossica*]. In *Dialog so vremenem*. No. 68, pp. 372–379. DOI 10.21267/AQUILO.2019.68.34740.

Artamonova, L. M. (2019). Prosveshcheniye i sotsialnaya emansipatsiya v predstavleniyakh elity epokhi Yekateriny II: ot “kul’turnogo shoka” k modernizatsionnym praktikam [The Enlightenment and Social Emancipation under Catherine II: From “Cultural Shock” to Modernisation Practices]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 2, pp. 525–538. DOI 10.15826/qr.2019.2.391.

Golubkov, A. V. (2013). Anekdot kak al'ternativnaya biografiya vo frantsuzskoi kul'ture XVII veka [Anecdote as an Alternative Biography in 17th-Century French Culture]. In Supy, W. (Ed.). *W kręgu problemów antropologii literatury. W stronę antropologii niezwykłości, studia*. Białystok, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, pp. 229–242.

Liechtenhan, F.-D. (2006). *En Russie au temps d'Élisabeth. Mémoire sur la Russie en 1759 par le chevalier d'Éon*. Paris, L'inventaire ed., 196 p.

Mezin, S. A. (2019). *Neizvestnoe proizvedenie frantsuzskoi rossiki serediny XVIII veka “Sekretnye anekdoty o dvore imperatrity Vserossiiskoi”* [An Unknown Work of French Rossica of the Mid-18th Century: Anecdotes Secrètes about the Court of the Empress of All Russia]. St Petersburg, Europeiskii Dom. 156 p.

Mezin, S. A. (2020). Istoriya dopetrovskoi Rusi v izlozhenii Vol'tera: vzglyad prosveshchennogo evropeitsa [The History of Pre-Petrine Russia as Recounted by Voltaire: The View of an Enlightened European]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, No. 3, pp. 807–822. DOI 10.15826/qr.2020.3.496.

Redin, D., Soboleva, L. (2017). The Epoch of the Enlightenment: From the Voyages of Peter I to the Ideas of the Catherinian Period. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 2, pp. 303–312. DOI 10.15826/qr.2017.2.224.

Smirnov, Yu. N. (2019). Literaturnye obrabotki famil'nykh predanii Aksakovykh i Rychkovykh kak istochniki po istorii yugo-vostochnykh okrain Rossii v kontse XVIII v. [Literary Treatments of the Aksakov and Rychkov Family Tales as Sources on the History of the South-Eastern Outskirts of Russia in the Late 18th Century]. In *Rus', Rossiya. Srednevekov'ye i Novoe vremya*. No. 6, pp. 508–512.

The article was submitted on 24.01.2022

Translated by I. S. Savelyeva

Нетипичная история эльзасца при петербургском дворе*

Рец. на кн.: Louis Henri de Nicolay, un intellectuel strasbourgeois dans la Russie des Lumières / sous la direction de R. Baudin et A. Veselova. – Strasbourg : Presses univ. de Strasbourg, 2020. – 279 p.

Ольга Ермакова

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

An Untypical Story of an Alsatian at the St Petersburg Court

Rev. of: Baudin, R., Veselova, A. (Eds.). (2020). *Louis Henri de Nicolay, un intellectuel strasbourgeois dans la Russie des Lumières*. – Strasbourg, Presses univ. de Strasbourg. – 279 p.

Olga Ermakova

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

The book about Louis Henri de Nicolay, a German-speaking poet from Strasbourg, is much more than a reconstruction of the biography of a “German in Russia”. The multi-author book edited by Rodolphe Baudin and Alexandra Veselova reveals the mechanisms underlying the functioning of intellectual ties between Alsace and Russia. Also, it demonstrates the “exemplary” and unique features of the personal history of a graduate of the University of Strasbourg, who became a tutor of the future Emperor Paul I and then president of the Academy of Sciences in St Petersburg. The authors show the life trajectory of Nicolay in the broad context of the tripartite cultural transfer between France, Germany, and Russia and of the “circulation of knowledge and people” in Europe as a whole. The multifaceted image of the Strasbourg intellectual is recreated through the analysis of his epistolary and poetic heritage, sources on the history of Mon Repos Park (Nicolay’s estate near Vyborg), and the study of the mythologisation of his personality in Russian and Soviet culture. The publication of sources of

* Citation: Ermakova, O. (2022). An Untypical Story of an Alsatian at the St Petersburg Court. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1924–1935. DOI 10.15826/qr.2022.5.770.

Цитирование: Ermakova O. An Untypical Story of an Alsatian at the St Petersburg Court // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1924–1935. DOI 10.15826/qr.2022.5.770 / Ермакова О. Нетипичная история эльзасца при петербургском дворе // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1924–1935. DOI 10.15826/qr.2022.5.770.

personal origin makes the book more valuable. They are letters of Louis Henri de Nicolay, introduced into scholarly circulation and extensively commented on by the authors of the edition. This research appears to be a landmark in the historiography of intellectual connections in Europe during the Age of Enlightenment.

Keywords: Louis Henri de Nicolay, intellectual networks, cultural transfer, University of Strasbourg, foreigners in Russia, Lumières

Книга о немецкоязычном поэте из Страсбурга Людвиге Генрихе Николаи представляет собой гораздо больше, чем реконструкцию биографии «немца в России». В коллективной монографии под редакцией Родольфа Бодэна и Александры Веселовой раскрываются механизмы функционирования интеллектуальных связей между Эльзасом и Россией, а также демонстрируются «образцовые» и уникальные черты персональной истории выпускника Страсбургского университета, ставшего воспитателем будущего императора Павла I, а затем президентом Академии наук в Петербурге. Жизненная траектория Николаи показана авторами в широком контексте трехстороннего культурного трансфера между Францией, Германией и Россией и «циркуляции знаний и людей» в Европе в целом. Многогранный образ героя исследования воссоздан благодаря анализу его эпистолярного и поэтического наследия, источников по истории парка Монрепо (усадьбы Николаи близ Выборга), а также изучению мифологизации его личности в российской и советской культуре. Дополнительную ценность книге придают опубликованные в ней источники личного происхождения – письма Людвиге Генрихе Николаи, впервые вводимые в научный оборот и развернуто прокомментированные авторами издания. Исследование представляется знаковым фактом в историографии интеллектуальных связей в Европе эпохи Просвещения.

Ключевые слова: Людвиг Генрих Николаи, интеллектуальные связи, культурный трансфер, Страсбургский университет, иностранцы в России, Просвещение

Первое, о чем хочется сказать, – книгу легко и интересно читать [Louis Henri de Nicolay]. Глубоко научное по содержанию и методологии повествование выстроено настолько гармонично и изящно, что воспринимается почти как художественная литература. Вероятно, личность самого героя исследования к тому располагает. В России Николаи запомнился более всего как президент Академии наук и владелец усадьбы Монрепо в окрестностях Выборга. В Западной Европе особенно ценится его вклад в немецкоязычную поэзию. Возникает даже некоторое замешательство, какой вариант имени страсбургского интеллектуала лучше использовать: французский – Луи Анри де Николаи, немецкий – Людвиг Генрих или же русский – Андрей Львович. Книга демонстрирует, что роль Николаи в качестве агента

культурного трансфера не столь однозначна, как может показаться на первый взгляд. Вероятно, в случае с выходцем из двуязычного Страсбурга, интегрировавшимся (но не всецело) в круги российской интеллектуальной элиты, не могло быть иначе.

С первых страниц введения очевидно, что книга написана в актуальном методологическом ключе изучения социальных связей и отсылает к французской историографической традиции исследования неформальных сетей доверия¹. Кроме того, сама структура коллективной монографии свидетельствует о том, что этот труд возможно отнести к жанру «интеллектуальной биографии» или «новой биографической истории»². Несмотря на то, что история Николаи в своих истоках типична, блестящее развитие карьеры эльзасца и положение, которого он в результате достиг в России, выводят его биографию в разряд уникальных. Этот тезис авторы книги успешно проиллюстрировали на основе новых источников личного происхождения, часть из которых опубликована в приложении к изданию.

Жизненная стратегия Николаи реконструирована авторами в широком контексте «циркуляции знаний и людей» в Европе эпохи Просвещения. Представление о типичных или нетипичных чертах персональной истории Людвиг Генриха создается благодаря имеющемуся в тексте описанию русско-эльзасских интеллектуальных связей и механизмов их действия. Во введении Р. Бодэн подчеркнул важную роль Страсбурга как двуязычного города и университетского центра, одного из знаковых пунктов на маршруте *Grand tour*.

Билингвальный характер обучения в Страсбургском университете создавал специфическое культурное пространство и привлекал разнообразный контингент студентов, среди которых было немало представителей российского дворянства, остзейских немцев. В первом разделе книги показан, по выражению его авторов (Д. Рюска, Р. Бодэна, В. Береловича), «благоприятный контекст» – связи Страсбургского университета с российскими интеллектуальными кругами на примере контактов двух знаковых фигур эльзасского научного сообщества – профессора естествознания Иоганна Германа и профессора Кристофа Гийома Коха, автора университетского курса по истории России³. При прочтении соответствующих глав создается очень объемное представление об интеллектуальных связях России и Страсбурга, их источниках и принципах функционирования. Важную роль, по мнению авторов, играли личные отношения. Так, связи Коха с Голлицыными носили давний характер и соединяли с влиятельнейшим

¹ См., [Mousnier; Hommage à Roland Mousnier; Boltanski; Patronages et clientélismes; Clientèle guerrière и др.]. Подробнее о французской историографии неформальных связей см.: [Ермакова, 2021a; Ермакова, 2021b].

² См. специальный выпуск журнала «Диалог со временем» (Вып. 8 «Персональная история и интеллектуальная биография») [Диалог].

³ Подробнее об университетском курсе Коха в контексте русско-французских интеллектуальных связей см. работу Р. Бодэна и В. Береловича [Histoire de Russie]; см. также: [Лавров].

русским аристократическим родом не только самого Гийома Коха, но и его братьев (р. 83–84)⁴.

Система интеллектуальных связей, частью которой являлся Николай, включала целый спектр различных вариантов социальных взаимодействий. При этом социальные интеракции ученых и литераторов строились не только на базе принадлежности к профессиональному сообществу, но и на общности интересов в целом (то есть в них ситуативно вовлекались случайные люди). Из приведенных в тексте сюжетов следует, что одной из наиболее распространенных разновидностей неформальных связей являлись патрон-клиентские отношения.

Так, Людвиг Генрих не единожды заручался поддержкой и рекомендациями своего преподавателя Ж.-Д. Шепфлина – основателя Дипломатической школы Страсбургского университета (р. 25, 39). Именно его протекция сразу после окончания университета положила начало сети собственных полезных знакомств Николаи, дальнейшему развитию которой способствовали профессиональные качества героя исследования. В частности, Дмитрий Голицын, российский посол в Вене, обратил внимание на Людвигу Генриха и пригласил его на службу секретарем (р. 39). В тот же период у Николаи завязалась крепкая дружба с графом Семеном Романовичем Воронцовым. В 1766 г. Людвигу Генриха нанял воспитателем к своему сыну Кириллу Разумовский, находившийся с визитом в Страсбурге, куда Николаи к тому моменту уже вернулся из Вены. Людвиг Генрих сопровождал Алексея Разумовского в поездке по Европе. Впоследствии именно Кирилл Разумовский стал одним из тех, чья рекомендация помогла Николаи получить место наставника великого князя Павла Петровича.

К слову, среди факторов, повлиявших на решение Людвигу Генриха принять предложение Никиты Панина о службе в России, авторы выявили причины личного характера. С одной стороны, неудача в любви – несостоявшаяся женитьба на представительнице семейства Тюркайм. С другой – перспектива встречи и совместной службы с ближайшим другом Николаи Франсуа Анри Лафермьером, который занимал должность библиотекаря и преподавателя французской литературы при наследнике российского престола (р. 40–44).

Вообще тема дружбы лейтмотивом проходит сквозь все повествование. Анализируя эпистолярное наследие Николаи, Р. Бодэн акцентировал внимание на свидетельствах проявления своеобразного культа дружбы, характерного для изучаемого периода. В этой связи уместно вспомнить исследования, посвященные дружеским связям (*réseaux d'amitié*) как разновидности неформальных сетей доверия во Франции. Под названным термином понимаются не просто связи частного характера, основанные на глубокой личной привязанности. Дружеские узы выходят в публичную сферу, подразумевают обмен услугами (хотя могут существовать и без такового). Но, в отличие

⁴ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание приводятся в круглых скобках с указанием страниц.

от патрон-клиентских отношений, «друзья» равны по социальному статусу. Поддержанию таких связей служит эпистолярный канал. Переписка не прекращается и при отсутствии взаимного оказания услуг⁵. Пример Николаи показывает, каким образом дружеские связи помогали в карьерном продвижении, насколько важной оказывалась взаимная поддержка в профессиональной сфере. Именно Людвиг Генрих содействовал тому, что Борис Воронцов нанял на службу Лафермьера. В свою очередь, во многом благодаря Лафермьеру Николаи оказался при дворе будущего императора Павла. Интересно наблюдение Р. Бодэна о том, что дружба играла важную роль еще и как средство самопрезентации, социальной идентификации, *self-fashioning* главного героя и его ближайшего друга (р. 47–48).

Возвращаясь к мотивам переезда Николаи в Россию, следует подчеркнуть главный из них. Как и многим другим выпускникам, Людвигу Генриху не удалось получить должность в Страсбургском университете. Помимо прочего, причиной тому являлось его скромное социальное происхождение, утверждают авторы. Николаи не оставил попыток устроиться в университет и получил долгожданное предложение. Однако в конечном итоге он все же выбрал службу в России. Такое решение объяснялось еще и длительным промедлением со стороны Страсбурга. Условия работы, согласованные Страсбургским университетом, оказались гораздо скромнее предложения из Петербурга (хотя Николаи до конца сомневался, стоит ли принимать лестные приглашения из-за границы). В целом авторы отмечают, что из-за нехватки вакансий в университетах (включая Страсбургский) миграции ученых становились своего рода профессиональной привычкой, формировали особую культуру и систему отношений, сети знакомств, неформальных связей, патроната. В этом смысле эмиграция Николаи представляла собой «образцовый» случай (р. 39).

Надо сказать, что отсутствие возможности трудоустройства на родине вынуждало и другого рода специалистов (инженеров, мастеров и пр.) уезжать из Западной Европы. Именно в России они зачастую находили для себя наиболее выгодные условия работы. И следует заметить, что очень часто переход на русскую службу способствовал повышению социального статуса иностранцев. Даже простые мастера или рабочие, оказываясь в роли агентов трансфера – носителей технических и/или культурных инноваций, удостаивались большего социального престижа (чем имели, проживая в своем отечестве), что давало им совершенно осязаемые материальные выгоды. Что же касается Николаи, то его возвышение по карьерной лестнице и социальной иерархии очень показательно. Достаточно вспомнить хотя бы факт получения Людвигом Генрихом баронского титула, не говоря уже о его владениях землей и крепостными. Вместе с тем авторы книги считают, что Николаи не просто добился повышения статуса,

⁵ О «дружбе» как разновидности неформальных связей см.: [Constant, 1994, p. 33; Constant, 1985, p. 167, 188; Boltanski, p. 243; Figeac, p. 48; Jouanna, p. 21–22].

но достиг по-настоящему выдающихся успехов по сравнению с другими выпускниками Страсбургского университета, что и делает его жизненную траекторию исключительной.

Исследование профессиональной деятельности Николаи актуализирует проблему восприятия гувернеров-иностранцев современниками изучаемых событий. В этом смысле обращает на себя внимание одно из писем Людвига Генриха, текст которого опубликован в книге. Письмо написано в 1770 г. из Петербурга и адресовано Теофилю Конраду Пфефелю – интеллектуалу, преподавателю и поэту из Кольмара. Благодаря развернутому комментарию Р. Бодэна мы узнаем, что с Пфефелем Николаи и Лафермьер подружились во время обучения в Страсбурге. Людвиг Генрих в переписке подробно описывает материальную сторону своей жизни в России. Он детально характеризует условия проживания, рассказывает буквально о каждой комнате в квартире, занимаемой им и Лафермьером.

Такое внимание к бытовым вопросам объяснялось, по мнению Р. Бодэна, не только своеобразным культом домашней, частной жизни, характерным для второй половины XVIII в., но и спецификой найма по контрактам воспитателей из-за рубежа. Подспудно текст направлен на то, чтобы показать оставшимся на родине соотечественникам, насколько автор письма и его друг преуспели, приняв решение об эмиграции. Параллельно создавался образ России как современной процветающей страны, равной Эльзасу. Такого рода информация призвана была избежать снижения социального престижа тех, кто уехал работать за границу, особенно воспитателей и гувернеров. Таким способом доказывалось, что их статус выше положения домашней прислуги (р. 49).

Действительно, образ воспитателя или гувернера довольно противоречив именно с точки зрения отношения к нему современников (включая соотечественников). То, что гувернерами нередко становились иностранцы, которые на родине занимались совсем другой деятельностью или же потерпели фиаско в своих предприятиях в России, известный факт, подтверждающийся архивными документами, а не идущий только от стереотипов из художественной литературы [см., например: РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 22. Л. 134, 199 об.]. В то же время, как показали результаты крупного исследовательского проекта В. Ржеуцкого и А. Чудинова, негативный образ гувернера (не только в России, но и в других странах) выглядит слишком однобоким, а его формирование объяснялось совершенно конкретными причинами. Например, В. Ржеуцкий отмечал, что «для французских дипломатов все выходцы из Французского королевства, за исключением разве что купцов (которые способствуют своей деятельностью обогащению «исторической родины»), автоматически приписывались к категории *Français déméritants* – недостойных французов» [Ржеуцкий, с. 60].

В упомянутом письме к Пфефелю содержится еще один важнейший пласт информации – сведения о профессиональной деятельно-

сти Николаи и Лафермьера. Речь идет не только об образовательных занятиях с великим князем, но и о совместной работе друзей над каталогом библиотеки наследника престола. Наконец, в письме раскрываются подробности социализации эльзасцев в новой среде, а также описывается их повседневный распорядок жизни. Имеются указания на то, в каких аристократических кругах бывают Николаи и Лафермьер, с кем они особенно дружны (р. 46). В контексте изучения трансфера знаний и идей эпохи Просвещения представляется знаковым наблюдение Р. Бодэна о том, что для интеллектуалов (таких как Николаи и Пфедель) роль медиатора в межкультурном взаимодействии виделась своего рода моральным долгом, добродетелью (р. 50). Как участники большой «интеллектуальной сети» они являлись посредниками научного и культурного обмена, в первую очередь друг для друга, а затем – для всей цепочки контактов (друзей, клиентов, учеников и пр.) и социальной среды каждого из них. Такие наблюдения позволяют говорить об осознанном целенаправленном трансфере, а не просто о естественном социокультурном взаимовлиянии как побочном эффекте переноса научных и технологических инноваций.

Раздел коллективной монографии, повествующий о службе Николаи в России, состоит из двух частей. Примечательно, что глава, написанная М. Аренсом, названа *Écrire pour éduquer* («Писать, чтобы обучать»). В ней рассказывается о профессиональной деятельности Людвига Генриха с момента его прибытия в Петербург. Основной акцент сделан на работе литературного, редакционного и переводческого плана, выполнявшейся в рамках образовательного процесса в период наставничества Николаи у великого князя Павла Петровича. Людвиг Генрих использовал свой прежний педагогический опыт в качестве воспитателя Алексея Разумовского. Когда Николаи вместе со своим бывшим подопечным путешествовал в рамках *Grand tour*, в Британии он познакомился с королевским историографом Шотландии Уильямом Робертсоном, чьи работы впоследствии перевел для библиотеки и обучения Павла Петровича (р. 104).

Следует отметить, что если в первой части книги детально рассмотрены научные связи страсбургских интеллектуалов, то в данной главе подчеркнута значимость сетей доверия в писательских кругах. Обращает также на себя внимание замечание М. Аренса о том, что творчество Николаи фигурировало в исследованиях XIX–XX вв. прежде всего в контексте присутствия немецкой литературы в других странах (в частности, в России) (р. 100). При этом труды Людвига Генриха не переводились на русский язык.

Период, когда Николаи занимал пост президента Академии наук, освещен в следующей главе (автор – Наталья Прохоренко). Это время охарактеризовано как наиболее благоприятное для академии. Людвиг Генрих предстает прогрессивным руководителем, стремившимся максимально улучшить материальные и моральные условия исследовательской деятельности ученых, расширить их свободу, из-

бавить от непрофильных обязанностей. Проект устава Академии наук, составленный Николаи и взятый за основу регламента 1803 г., хотя и не полностью воплощенный в жизнь, считается образцовым. Людвиг Генрих внес большой вклад в интенсификацию циркуляции научного знания. Сведения о технических новшествах из-за рубежа переводились и публиковались в российских изданиях, что позволяло применять их на практике. Николаи внес изменения в структуру управления, ввел должность вице-президента Академии наук.

Специальный раздел книги посвящен усадьбе Николаи – Монрепо. Думается, что в облике парка (каким его хотел видеть Людвиг Генрих) отразилось все своеобразие творческой личности владельца. В этом смысле Николаи абсолютно шел в ногу со временем, уделяя большое внимание «поэзии садов». Поэма «Монрепо» тому подтверждение. Людвиг Генрих непрерывно работал над проектами украшения усадьбы, создавал новые вариации классических образов, синтезировал различные стили как во внешнем виде садово-паркового ансамбля, так и в его поэтической репрезентации. Авторам (А. Ананьева, М. Ефимов, Ю. Мошник) удалось изящно продемонстрировать, что усадьба являлась наглядным отражением культурного диалога между Европой и Россией, а сам Николаи считал Монрепо своим наиболее успешным творением (р. 148).

Особый интерес представляет заключительный раздел книги «Образ Людвиг Генриха Николаи в памяти потомков» (авторы – А. Веселова и М. Ефимов). А. Веселова показала, насколько Николаи не соответствовал традиционному образу «сухого академичного немца», господствовавшему в России XIX в. В тот период личность Людвиг Генриха вызывала интерес в публичном пространстве прежде всего в связи с его деятельностью на посту президента Академии наук. В этом отношении Николаи заслужил абсолютное признание и уважение, хотя некоторые ироничные высказывания (не имевшие, впрочем, цели принизить его) вызвали даже полемику, в которой в качестве защитника Людвиг Генриха выступил его внук (р. 201). М. Ефимов показал образ Николаи в романе Ю. Тынянова «Кюхля», осветив и подлинную историю отношений барона с семейством Кюхельбекеров.

По наблюдениям авторов коллективной монографии, Николаи совсем не был «сухим немцем». Людвиг Генрих отличался легким гибким характером, что позволило ему с самого начала пребывания в России не только занять прочные позиции в ближайшем окружении будущего императора Павла, но и удостоиться расположения супруги последнего Марии Федоровны, стать ее секретарем (р. 127, 256). Учитывая все вышесказанное, можно с уверенностью утверждать, что реконструкция «персональной истории» Николаи служит не только для понимания контекста социальной среды и международных связей страсбургской интеллектуальной элиты, но и отражает разносторонние коммуникации российских аристократических кругов, а также некоторые аспекты повседневной жизни «малого двора» Петербурга.

Нетривиальным и ценным выглядит вывод авторов о роли Николаи как агента культурного трансфера между Францией и Германией, но не между Францией и Россией. Дело в том, что свои художественные сочинения Николаи писал на немецком языке; он также переводил произведения других авторов с французского на немецкий. С одной стороны, обосновавшись в России, получив обширные имения и крепостных, Людвиг Генрих не собирался возвращаться на родину, что было совсем не характерно для его соотечественников. В то же время Николаи сохранял привычный для себя европейский образ жизни. Следовательно, стратегия его социокультурной адаптации в новой среде исключала преобладание элементов ассимиляции, а предполагала сохранение исходного культурного кода и поддержание некоторой обособленности. Вероятно, этому способствовала и окружавшая его в России социальная элита эпохи Просвещения. Символична в этом смысле даже стилистика усадьбы Монрепо, которую авторы книги определили как «предмет-границу», где Николаи попытался синтезировать «античную мифологию, европейскую неоклассицистскую эстетику и произвольно им интерпретированный финский этнографический субстрат» (р. 268).

В целом книга видится очень гармоничной и живой. В ней показаны профессиональные и личностные качества героя исследования. Рассказанная история представляется переплетением разнообразных социальных сетей. Порой едва уловима грань между дружескими и патрон-брокер-клиентскими отношениями, но очевидна включенность персонажа исследования в разветвленную систему интеллектуальных связей в широком контексте трехстороннего межкультурного взаимодействия «Россия – Франция – Германия». В качестве пожелания хотелось бы отметить ощущение некоторой потребности в более подробной характеристике семейных связей Николаи и его супруги, представительницы семейства Поггенполь. Какую роль родственные узы играли в развитии карьеры и эволюции творчества Людвиг Генриха? И играли ли вообще? Думается, что в определенной степени должны были. Сам Николаи не мог похвастаться завидным происхождением. Однако, добившись получения баронского титула и существенного повышения социального статуса, он открыл возможности социальной мобильности для своих потомков. Насколько им удалось воспользоваться данным преимуществом? Авторы частично затронули такого рода вопросы, но не останавливались на них прицельно.

В завершение нельзя не отметить, что неоспоримым достоинством книги является публикация нескольких писем Николаи. Удивительно, насколько каждое из них многослойно по информационному потенциалу. В полной мере оценить богатство источников позволяют обстоятельные комментарии авторов исследования. Наконец, необходимо подчеркнуть литературную филигранность, с которой выполнена книга. Несмотря на то, что перед нами коллективная, а не индивидуальная монография, в ней не встретишь неуклюжих стыков

между текстами разных авторов, стилистических или смысловых перепадов. Как в театре, когда оказываешься на спектакле с участием одного очень известного выдающегося артиста, и вдруг остальные участники пьесы меркнут на его фоне. Но бывают такие постановки, где действие едино, а все актеры играют так же блестяще, как ожидаешь от того самого «очень талантливого и заслуженного». Это дорогого стоит. Тогда можно с уверенностью утверждать, что произведение получилось, а в данном случае – что книга удалась.

Список литературы

Диалог со временем. Вып. 8. Персональная история и интеллектуальная биография. 2002. 460 с.

Ермакова О. К. Теоретико-методологические подходы к изучению неформальных связей во Франции Старого порядка во французской историографии (середина XX – начало XXI в.) // История : электрон. науч.-образоват. журн. : [сайт]. 2021а. Т. 12. URL: <https://history.jes.su/s207987840014298-6-1/> (дата обращения: 17.05.2022). DOI 10.18254/S207987840014298-6.

Ермакова О. К. Терминологические аспекты дискуссии о неформальных связях в государствах Европы Нового времени (на примере современной англо- и франкоязычной историографии) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2021b. № 2. С. 23–29. DOI 10.52452/19931778_2021_2_23.

Лауров А. Первый университетский курс российской истории во Франции // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9, № 4. С. 1518–1526. DOI 10.15826/qr.2021.4.653.

РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 22.

Ржеуцкий В. С. Французские гувернеры в России XVIII в. Результаты международного исследовательского проекта «Французы в России» // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М. : ИВИ РАН, 2011. С. 58–80.

Boltanski A. Les ducs de Nevers et l'état royal: genèse d'un compromis (ca 1550 – ca 1600). Genève : Droz, 2006. 580 p.

Clientèle guerrière, clientèle foncière et clientèle électorale: histoire et anthropologie / sous la direction de V. Lécirvain. Dijon : Ed. univ. de Dijon, 2007. 250 p.

Constant J.-M. La vie quotidienne de la noblesse française aux XVIe et XVIIe s. Paris : Hachette, 1985. 317 p.

Constant J.-M. La société française aux XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles. Paris : Ed. Ophrys, 1994. 163 p.

Figeac M. Les noblesses en France du XVIe au milieu du XIXe siècle. Paris : Armand Colin, 2013. 415 p.

Histoire de Russie, avec sa partie politique, par Mr. Koch, professeur à Strasbourg: suivie de la Constitution de l'empire de Russie / éd. présentée et commentée par R. Baudin, W. Berelowitch. Strasbourg : Presses univ. de Strasbourg, 2018. 326 p.

Hommage à Roland Mousnier: clientèles et fidélités en Europe à l'Epoque moderne / sous la direction de Y. Durand. Paris : Presses univ. de France, 1981. XXIII, 388 p.

Jouanna A. Des reseaux d'amitié aux clientèles centralisés: les provinces et la cour (France, XVIe – XVIIe siècle) // Patronages et clientélismes, 1550–1750: France, Angleterre, Espagne, Italie : [actes du colloque, Institut français du Royaume-Uni, Londres, 3–5 mai 1990] / eds. Ch. Giry-Deloison, R. Mettam. Villeneuve-d'Ascq : Centre d'histoire de la région du Nord et de l'Europe du Nord-Ouest de l'Université de Charles-de-Gaulle-Lille III ; Londres : Inst. français du Royaume-Uni, 1995. P. 21–38.

Louis Henri de Nicolay, un intellectuel strasbourgeois dans la Russie des Lumières / sous la direction de R. Baudin et A. Veselova. Strasbourg : Presses univ. de Strasbourg, 2020. 279 p.

Mousnier R. Les concepts d'« ordres », d'« états », de « fidélité » et de « monarchie absolue » en France de la fin du XVe siècle à la fin du XVIIIe // *Revue historique*. 1972. No. 502. P. 289–312.

Patronages et clientélismes, 1550–1750: France, Angleterre, Espagne, Italie : [actes du colloque, Institut français du Royaume-Uni, Londres, 3–5 mai 1990] / eds. Ch. Giry-Deloison, R. Mettam. Villeneuve-d'Ascq : Centre d'histoire de la région du Nord et de l'Europe du Nord-Ouest de l'Université de Charles-de-Gaulle-Lille III; Londres : Inst. français du Royaume-Uni, 1995. 268 p.

References

Baudin, R., Berelowitch, W. (Eds.). (2018). *Histoire de Russie, avec sa partie politique, par Mr. Koch, professeur à Strasbourg: suivie de la Constitution de l'empire de Russie*. Strasbourg, Presses univ. de Strasbourg. 326 p.

Baudin, R., Veselova, A. (Eds.). (2020). *Louis Henri de Nicolay, un intellectuel strasbourgeois dans la Russie des Lumières*. Strasbourg, Presses univ. de Strasbourg. 279 p.

Boltanski, A. (2006). *Les ducs de Nevers et l'état royal: genèse d'un compromis (ca 1550 – ca 1600)*. Genève, Droz. 580 p.

Constant, J.-M. (1985). *La vie quotidienne de la noblesse française aux XVIe et XVIIe s.* Paris, Hachette. 317 p.

Constant, J.-M. (1994). *La société française aux XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles*. Paris, Ed. Ophrys. 163 p.

Dialog so vremenem. Iss. 8: Personal'naya istoriya i intellektual'naya biografiya [Dialogue with Time. Iss. 8. Personal History and Intellectual Biography]. (2002). 460 p.

Durand, Y. (Ed.). (1981). *Hommage à Roland Mousnier: clientèles et fidélités en Europe à l'Epoque moderne*. Paris, Presses univ. de France. XXIII, 388 p.

Ermakova, O. K. (2021a). Teoretiko-metodologicheskie podkhody k izucheniyu neformal'nykh svyazei vo Frantsii Starogo poryadka vo frantsuzskoi istoriografii (seredina XX – nachalo XXI v.) [Theoretical and Methodological Approaches to Studying Informal Ties in France during the Ancien Régime in French Historiography (Mid-20th – Early 21st Centuries)]. In *Istoriya. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal* [website]. Vol. 12. URL: <https://history.jes.su/s207987840014298-6-1/> (accessed: 17.05.2022). DOI 10.18254/S207987840014298-6.

Ermakova, O. K. (2021b). Terminologicheskie aspekty diskussii o neformal'nykh svyazyakh v gosudarstvakh Evropy Novogo vremeni (na primere sovremennoi anglo-i frankoyazychnoi istoriografii) [Terminological Aspects of the Discussion about Informal Ties in European States of the Modern Time (with Reference to Contemporary English- and French-Language Historiography)]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*. No. 2, pp. 23–29. DOI 10.52452/19931778_2021_2_23.

Figeac, M. (2013). *Les noblesses en France du XVIe au milieu du XIXe siècle*. Paris, Armand Colin. 415 p.

Giry-Deloison, Ch., Mettam, R. (Eds.). (1995). *Patronages et clientélismes, 1550–1750: France, Angleterre, Espagne, Italie : [actes du colloque, Institut français du Royaume-Uni, Londres, 3–5 mai 1990]*. Villeneuve-d'Ascq, Centre d'histoire de la région du Nord et de l'Europe du Nord-Ouest de l'Université de Charles-de-Gaulle-Lille III ; Londres, Institut français du Royaume-Uni. 268 p.

Jouanna, A. (1995). Des réseaux d'amitié aux clientèles centralisés: les provinces et la cour (France, XVIe – XVIIe siècle). In Giry-Deloison, Ch., Mettam, R. (Eds.). *Patronages et clientélismes, 1550–1750: France, Angleterre, Espagne, Italie : [actes du colloque, Institut français du Royaume-Uni, Londres, 3–5 mai 1990]*. Villeneuve-d'Ascq, Centre d'histoire de la région du Nord et de l'Europe du Nord-Ouest de l'Université de Charles-de-Gaulle-Lille III ; Londres, Institut français du Royaume-Uni, pp. 21–38.

Lavrov, A. (2021). Pervyi universitetskii kurs rossiiskoi istorii vo Frantsii [France's First University Course in Russian History]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9. No. 4. P. 1518–1526. DOI 10.15826/qr.2021.4.653.

Lécrivain, V. (Ed.). (2007). *Clientèle guerrière, clientèle foncière et clientèle électorale: histoire et anthropologie*. Dijon, Ed. univ. de Dijon. 250 p.

Mousnier, R. (1972). Les concepts d'« ordres », d'« états », de « fidélité » et de « monarchie absolue » en France de la fin du XVe siècle à la fin du XVIIIe. In *Revue historique*. No. 502, pp. 289–312.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 283. List 1. Dos. 22.

Rjécoutski, V. S. (2011). Frantsuzskie gubernery v Rossii XVIII v. Rezul'taty mezhdunarodnogo issledovatel'skogo proekta "Frantsuzy v Rossii" [French Tutors in Russia in the 18th Century: The Results of the *Frenchmen in Russia* International Research Project]. In *Frantsuzskii ezhegodnik 2011. Frankoyazychnye gubernery v Evrope XVII–XIX vv.* Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 58–80.

The article was submitted on 26.08.2022

Hungarian and International Russian Studies in a Modern Academic Journal: Overview and Trends* **

Katalin Schrek

University of Debrecen,
Debrecen, Hungary

Russian studies have a decade-long tradition in Hungary. As part of a professional renewal following the change of the regime, new forums were established, including the Eötvös Lóránd University Russian Studies Institute, which later became a centre, and then was replaced by the Centre for the Research and Methodology of Russian Studies. In the meantime, Russian studies workshops were launched at other universities in Pécs, Szeged, Eger, Szombathely, and Debrecen. Research in Russian studies covers a broad spectrum in Hungary both in terms of time and topics, applying a multidisciplinary approach to Russian history and culture. The *Russian Studies Hu* periodical has undertaken to provide this multi-layered cultural and academic community with a medium and, along with it, a unique opportunity to present their most recent research findings in Russian studies. Representing a broad scholarly perspective, the periodical also promotes cooperation with international researchers studying Russian history and culture. The composition of the editorial board and the content of the issues published so far reflects this approach, with recognised international historians among the authors whose works have been published in the journal between 2019 and 2022. The issues of *Russian Studies Hu* provide an overview of the trends in modern Russian studies (after 2000). The periodical covers a wide range of historical genres and views and is strongly connected to historiographical approaches. This is especially true of the issues published after 2021, which we will pay particular attention to in our study.

Keywords: Russian studies, historiography, academic journal, Eötvös Lóránd University

* This article is supported by the University of Debrecen Faculty of Humanities Scholarly Fund.

** *Citation:* Schrek, K. (2022). Hungarian and International Russian Studies in a Modern Academic Journal: Overview and Trends. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1936–1946. DOI 10.15826/qr.2022.5.771.

Цитирование: Schrek K. Hungarian and International Russian Studies in a Modern Academic Journal: Overview and Trends // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1936–1946. DOI 10.15826/qr.2022.5.771.

Венгерские исследования в области русистики основаны на традициях в несколько десятилетий. Частью профессионального обновления, следовавшего за сменой политической системы, явились такие новые научные форумы, как Институт русистики, а затем Центр русистики Университета имени Лоранда Этвёша; теперь в качестве их интеллектуального наследника функционирует Исследовательский и методологический центр русистики. В других университетах в городах Печ, Сегед, Эгер, Сомбатхей организовались профессиональные мастерские; примеры продолжения русских исследований можно найти и в Дебрецене. Венгерские исследования в области русистики как во времени, так и в плане тематики покрывают чрезмерно широкий спектр, подходя при этом к вопросам русских истории и культуры методами междисциплинарных исследований. Журнал *Russian Studies Hu* взялся объединить эту многогранную интеллектуально-научную среду, чем открыл уникальную возможность для презентации результатов новейших исследований в области русистики. В то же время подход редакции журнала намного шире: помимо венгерской, он продвигает также и сотрудничество с представителями международной русистики. Данная концепция усиливается и составом редакционной коллегии журнала, и профилем его вышедших номеров. В томах, вышедших в период 2019–2022 гг., кроме венгерских исследователей, можно найти статьи известных зарубежных историков. Обзор журнала позволяет выявить комплексную картину исследовательских трендов в области русистики XXI в., поскольку этот журнал не только привержен идее разнообразия исторических жанров в презентации материала, но и внимательно относится к методикам изучения и разнообразию историографических традиций.

Ключевые слова: венгерская русистика, историческая наука, историография, Университет имени Лоранда Этвёша, научный журнал

For the purposes of our analysis, we applied a thematizing methodology. Accordingly, we will present the articles published in *Russian Studies Hu* sorted by historiographical approaches. We will also describe the research trends that have been reflected in Hungarian and international historiography in the last two decades regarding the history of Russia. It should be noted that when compiling this study, we had to apply a selection process based on the above criteria, for, due to length constraints, it was impossible to comprehensively present all studies published in the periodical between 2019 and 2022.¹ In this study, we will discuss the issues of *Russian Studies Hu* divided into two sections. First, we will analyse the issues published in 2019 and 2020, which are rather varied in terms of topics and methodologies. In the second section, we will examine three issues that make up a series and were published in 2021 and 2022.

In the issues of the *Russian Studies Hu* published in 2019–2020, popular and pioneering genres of modern historiography are represented by *memory*

¹ Five issues of the periodical have been published over four years, containing 50 studies and four reviews.

politics, micro-history, and oral history. Among the most significant works we have to mention in Hungarian and International Russian Studies are Tamás Krausz's essays on the intertwining of historiography and memory politics [Краусз] and the relationship between Lenin and global historiography. In the latter, the author analyses how modern historiography relates to Lenin's works in light of the change of narrative that took place following the change of regime in Eastern Europe. With his theoretical works and specific view of history, Lenin directly influenced the study of history and its methodology [Krausz].

Gyula Szvák published a thought-provoking study on the relationship between history policy and historical memory, and their appearance in Hungarian and Russian history, in which he also defined a new research direction [Szvák, 2019]. The author's other work is an exciting micro-historical case study, which reflects on the situation and ordeal of the Russian history of science following the disintegration of the Soviet Union through presenting a failed internal discussion about a doctoral thesis submitted at the University of St Petersburg in 1993 [Szvák, 2020]. Bálint Mezei's study describes the life of a micro-community of Soviet soldiers of Hungarian origin from the Transcarpathian region during the military intervention in Afghanistan. The author presents findings of a piece of research conducted between 2010 and 2013. Researchers involved in the project collected information on the multinational features of the Soviet army, on war memory, and on the lives of young Hungarian soldiers after the war through interviews conducted with veterans, combining the genres of oral history, community research, and collective memory [Мезеи].

Memoire and autobiography represent another major research direction. Based on the memoir of Joseph Edward Davies, the US ambassador to the Soviet Union between 1936 and 1938, Tibor Frank outlines the situation in the country in a critical period that may be best characterised by the widespread use of show trials. As he was easy to influence, Davies saw and presented the other side of the Soviet regime. In this case, the source study is especially exciting because, in addition to the description of the contemporary relationship between the US and the SU, it also sheds light on how a biased person was able to provide an overall picture that affected cooperation between the two countries in the Second World War in the long run [Франк]. Igor Tyumentsev and Alexander Kleitman analysed a memoir with insight into the era of the Great Terror and described the actions of Stalin's regime against Hungarian communists [Тюменцев, Клейтман]. The two studies more or less cover the same period, but they use completely different approaches and aspects.

Róbert Hermann and Charles Halperin focus on issues related to *processing sources and methodology.* Hermann's study introduces an exciting and telling example of historical constructs. He analyses a motif that often comes up in relation to the meeting between Franz Joseph I of Austria and Nicholas I of Russia in Warsaw in 1849, proving that there is no trace of it either in historical sources or international literature. The author discusses

the issues of misinterpreting historical events and accepting information automatically, simply based on the prestige of the source [Херманн]. Charles Halperin also brought up important theoretical problems. He raised questions relevant to research into Ivan IV and discussed potential research tendencies [Halperin, 2020].

Studying the relationship between history and visual culture has become an increasingly dominant line of research. *Historical iconography* belongs to this area, and is represented by Endre Sashalmi's study on Alexander III. This seeks to clarify the contradiction between the reserved nature of the tsar's public appearances and his growing "visibility". The author also introduces the tools that promoted and distributed the image of the tsar among the people, including iconographies, the so-called 'lubki' controlled by central censorship, coronation coins, and the funeral ceremony. He also describes how these tools fuelled Russian nationalism [Sashalmi].

From 2021, a line focusing on historiography appeared in the periodical that shed light on modern approaches to particular periods in uniform sections. Even though written in different styles, the studies published in 2021 and 2022 are fully consistent in two things, namely the historiographical overview of the period in question and their focus on modern historiography. The latter is illustrated by the fact that most of the articles about the historiography of Russian history focus on works produced in the last two decades (2000–2020). Thus, *Russian Studies Hu* launched a unique series leading us through the great periods of Russian history. Three thematic issues have been published so far. They deal with Kievan Rus (2021/2), Muscovy (2021/1), and eighteenth-century Russia (2022/1).

To follow a chronological and thematic order, first let us consider briefly the 2021/2 issue, which concentrates on the period of Kievan Rus. The historiographical studies can be grouped by the regions they investigate: Anglo-Saxon, Western European, and Central and Eastern European historiography. The first larger block includes essays by Christian Raffensperger and Pierre Gonneau. In his overview, Raffensperger describes the findings of UK, US, and Canadian researchers, and the current tendencies in the study of Kievan Rus. The author highlights the differences between UK and North American research attitudes. US and Canadian researchers have investigated early Russian history from an archaeological point of view, and the relationship between Rus and Medieval Europe. By contrast, in the last two decades UK historians have focused mainly on the relationships between Byzantium and Rus [Raffensperger]. French historiography represents an approach similar to that observed in the UK, dominated by studies about Byzantium. However, as Pierre Gonneau points out, in France currently there are no institutional programmes that specifically study the period of Rus. And in the case of early Russian history, cultural and religious history, linguistic issues, and source publications dominate rather than the history of politics [Gonneau, 2021b].

Central and Eastern European historiography represents a different approach. Scholars in Germany, Austria, and Switzerland focus on the

investigation of the political and dynasty connections of Kievan Rus with the Central European region, in particular with the German territories, the Holy Roman Empire, and the Teutonic Order. Another important factor in relation to historical research is economic cooperation with the Hanseatic League. Also, many studies have been produced lately in key areas like the history of law, religion, and towns [Kersken]. János Makai summed up the most recent findings of Hungarian historiography. From the late 1990s, Márta Font, Gyula Szvák, Endre Sashalmi, and Tímea Bótor created gap-filling works. Emil Niederhauser's study on Eastern European historiography laid down the foundations of research with a historiographical approach [Макай].

Vadim Aristov has discussed current issues in Ukrainian historiography on Kievan Rus. In addition to analysing Ukrainian studies published between 2000 and 2020, the author also investigates the Ukrainian and Russian contexts that resulted in conflicting interpretations of the findings [Аристов]. Another Ukrainian historiographical analysis was written by Stanislav Kelembet, who provides an overview of Ukrainian research related to the situation of the southern areas of Kievan Rus in the fourteenth and fifteenth centuries, focusing on a highly complex period when certain areas of Rus were controlled by the Kingdom of Poland, the Kingdom of Hungary, and Lithuania [Келембет].

In addition to his account of the findings of Polish historiography, Andrej Jusupović's study represents a new approach by writing honestly about the problems related to researching Rus, including the difficulties of educating new researchers and the necessity of acquiring language skills and learning methodologies. As these factors are crucial to the study of early and late medieval Russian history, continuing important basic research like Andrzej Poppe's work is a huge challenge for young Polish historians [Jusupović].

In the Eastern European section, three studies represent the modern Russian historiography. Dmitri Borovkov investigates the historiography of social and political development in tenth- and eleventh-century Russia and issues related to written historical sources [Боровков]. Vitali Politov provides a modern analysis of the history of Rus during the Mongol-Tatar yoke. He presents studies related to the topic published in the twenty-first century through the publications of four historian workshops in Moscow, St Petersburg, Kazan, and an independent, so-called regional school. The author describes how post-Marxist historiography tried to find its way and what approaches it used in terms of methodology, exploring important issues like periodization, different views on the expression "yoke", the extent of dependency on the Golden Horde, and the analysis of the image of Mongol Tatars among Russian people [Политов]. Vladimir Petrukhin interprets the newest findings and research directions related to sources and chronicles of early Russian history [Петрухин].

Moving ahead in time, the 2021/1 issue of the periodical focuses on the history of Muscovy, applying a historiographical structure similar to the one used with Kievan Rus. Again, the historical works of Anglo-Saxon

and Western European authors are overviewed, and Central and Eastern European research trends are described. However, the historiographical viewing angle is wider in this case. In this issue, focus is shifted from America and Europe to research carried out in the Far East, especially in China [Zhang]. This trend continues in the issues published in 2022.

In their studies, Charles Halperin and Pierre Gonneau discuss American and French approaches to the history of early modern Russia. Halperin describes major issues regarding research into Muscovy in a highly problem-oriented manner, pointing out that there is no consensus among American researchers regarding key areas, like the issue of periodization [Halperin, 2021]. Gonneau deals with other processes in his writing. He believes that research directions in the early modern period should be interpreted in combination with other disciplines, not only within the science of history, referring to, for example, the close connection between historical, philological, and cultural approaches [Gonneau, 2021a].

In German-speaking areas, Eastern European historical research and Slavic studies have a strong institutional background, which has strongly contributed to the expansion and high productivity of Russian studies. The situation report of Ludwig Steindorff reflects on German, Austrian, and Swiss research work into the history of Muscovy, pointing out the important role of universities and research centres like the *Leibniz-Institut für Ost- und Südosteuropaforschung* in Regensburg and the *Osteuropa-Institute* in Berlin. The historical studies produced in the 2000s are basically in line with the trends already mentioned in connection with Rus and the Middle Ages. Regarding the international relations of the Russian state in the early modern period, the analysis of the reception of envoys and so-called symbolic communication is a new and promising line, along with the discussion of the emergence of national and regional identity [Steindorff].

Hungarian researchers interested in the early modern history of Russia have carried out a broad range of studies in recent decades. Gábor Gyóni points out that leading researchers dealing with the history of Russia have successfully prepared a new generation of historians. In the meantime, Russian studies centres have been established in Hungary that, as regional schools, provide an institutional framework for Russian historical research. The main topics in this period include the establishment of the Grand Duchy of Moscow, the relationship between the state and the Church, the analysis of contemporary works on the theory of the state, the process of conquering Siberia, and the issue of the Ukrainian region [Дѣѣни].

The Grand Duchy of Moscow, is, of course, an integral part of early modern Russian historical works as well. Research into the sixteenth and seventeenth centuries is summarised by Vyacheslav Kozliakov and Andrei Pavlov in their two-volume study. One of their most significant conclusions is that the Russian study of history that started to change after the collapse of the Soviet Union became gradually detached from the Marxist view of social classes. Instead of dependent social groups, other segments of Russian society came to the fore, such as the social and political role

of the nobility and the relationship between the state and different social strata. In past decades, research into the history of churches, which have been pushed into the background, has also gained momentum [Козляков, Павлов, 2021a; Козляков, Павлов, 2021b].

The third part of the historiographical overview of the great periods of Russian history focuses on the eighteenth century. In addition to the usual regional sections, Latin America and the Far East appear in the periodical. Martín Baña describes the research areas of Argentine, Chilean, Mexican, and Spanish historians, focusing not just on eighteenth century, but also on Russian history in its entirety. The author highlights that although Russian studies do not belong to mainstream Spanish-language historiography, the need to understand global history and research into international relations validate the study of Russian history [Baña]. The review of Chinese research work also covers a broad period. These articles pay great attention to the history of Russia, reflecting intense work in the areas of Russian political culture, economic and social history, geopolitics, and diplomacy [Zhou, Cao]. A similar trend can be observed in Japan, where the change of regime in Russia opened up a completely new era in the study of Russian history, with special focus on the eighteenth century. The study of how the Russian Empire became a great power requires the investigation of political history, the history of governance and social history, and the study of foreign trade relations. Since the early 2000s, the Japanese Society for Eighteenth-Century Russian Studies has provided institutional background for historians, linguists, and philologists studying the era in question [Tanaka].

Based on research findings from the US in the 2000s, Gary Marker introduces new areas that approach Russian history in an innovative way [Marker], while Lubica Harbuřová, Patrik Dinnyés, and Adam Danilczyk discuss the developments in Russian studies in Hungary, Slovakia, and Poland. New generations have given new impetus to Russian studies in the Czech Republic and Slovakia, with the dominance of thematic studies [Харбулова]. In his historiographical writings, Patrik Dinnyés reviews the work of researchers like Gyula Szvák, Sándor Gebei, Endre Sashalmi, László V. Molnár, Erzsébet Bodnár, Szergej Filippov, and Beáta Varga, who represent Russian studies centres operating in Budapest, Pécs, Szeged, Eger, and Debrecen. He is also interested in researchers whose primary focus has not been on the period in questions, but whose work is connected to eighteenth-century research, like György Bebesi and Katalin Schrek [Диннеш]. Research carried out in Poland over the past twenty years has resulted in studies about the history of Polish-Russian relations, the effect of Russian political influence in the Eastern European region, and the period of the partitioning of the Rzeczpospolita [Данильчик].

The historiographical approach that appears in the 2021–2022 issues can be considered unique because these issues practically provide a comprehensive picture of how twenty-first century historians are thinking about one thousand years of Russian history, thus representing the main directions of Russian studies within world history. In conclusion, we believe

that with its modern and contemporary approach and its embeddedness in the Hungarian and international academic world, *Russian Studies Hu* provides researchers dealing with Russian studies with a high-quality, innovative environment for publications.

Список литературы

Аристов В. Древняя Русь в украинской историографии (2000–2020): контексты и достижения // *Russian Studies Hu*. 2021. Vol. 3, № 2. С. 153–179. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.18.

Боровков Д. А. Проблемы источниковедения памятников древнерусской письменности и историографии социально-политического развития Руси XI–XII вв. в российской исторической науке 2000–2020 гг. // *Russian Studies Hu*. 2021. Vol. 3, № 2. С. 117–134. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.16.

Данильчик А. Россия XVIII века в польской историографии // *Russian Studies Hu*. 2022. Vol. 4, № 1. С. 149–173. DOI 10.38210/RUSTUDH.2022.4.10.

Диннеш П. Россия XVIII века в современной венгерской историографии (2000–2020 гг.) // *Russian Studies Hu*. 2022. Vol. 4, № 1. С. 123–147. DOI 10.38210/RUSTUDH.2022.4.6.

Дьёни Г. «Московия» в венгерской историографии (с 2000 г.) // *Russian Studies Hu*. 2021. Vol. 3, № 1. С. 107–133. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.10.

Келембет С. «Древнерусское наследие» соседей: Южная Русь под властью Литвы, Польши и Венгрии в 1340–1430-х гг. Современная украинская историография (2001–2021 гг.) // *Russian Studies Hu*. 2021. Vol. 3, № 2. С. 181–205. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.21.

Козляков В. Н., Павлов А. П. Россия XVI–XVII веков в исследованиях российских историков новейшего времени (2000–2020). Часть 1 // *Russian Studies Hu*. 2021a. Vol. 3, № 1. С. 135–169. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.4.

Козляков В. Н., Павлов А. П. Россия XVI–XVII веков в исследованиях российских историков новейшего времени (2000–2020). Часть 2 // *Russian Studies Hu*. 2021b. Vol. 3, № 1. С. 171–192. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.5.

Краус Т. Отношения между историографией и политикой памяти // *Russian Studies Hu*. 2019. Vol. 1, № 1. С. 19–32. DOI 10.38210/RUSTUDH.2019.1.2.

Макаи Я. Средневековая Русь в современной венгерской историографии (2000–2020 гг.) // *Russian Studies Hu*. 2021. Vol. 3, № 2. С. 207–225. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.22.

Мезеи Б. Микросообщество и устная история: венгерские ветераны Закарпатья в афганской войне // *Russian Studies Hu*. 2019. Vol. 1, № 1. С. 163–174. DOI 10.38210/RUSTUDH.2019.1.8.

Петрухин В. Я. Начало Русского государства и летописания в российских работах 2000–2020-х гг. // *Russian Studies Hu*. 2021. Vol. 3, № 2. С. 89–115. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.15.

Политов В. В. Современная российская историография эпохи татаро-монгольского завоевания Руси (2000–2020) // *Russian Studies Hu*. 2021. Vol. 3, № 2. С. 135–152. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.17.

Тюменцев И. О., Клейтман А. Л. Венгры в ГУЛАГе (по воспоминаниям инженера-конструктора И. А. Маханова) // *Russian Studies Hu*. 2020. Vol. 2, № 1. С. 85–100. DOI 10.38210/RUSTUDH.2020.2.7.

Франк Т. Слепой свидетель: американский посол Джозеф Э. Дэвис в Москве, 1936–1938 // *Russian Studies Hu*. 2020. Vol. 2, № 1. С. 101–131. DOI 10.38210/RUSTUDH.2020.2.4.

Харбулова Л. История России до конца XVIII века в исследованиях словацких и чешских историков в 2000–2020 гг. // *Russian Studies Hu*. 2022. Vol. 4, № 1. С. 109–122. DOI 10.38210/RUSTUDH.2022.4.3.

- Херманн Р.* Целую руки вашему величеству. Об одном несостоявшемся жесте // *Russian Studies Hu.* 2020. Vol. 2, № 1. С. 133–149. DOI 10.38210/RUSTUDH.2020.2.2.
- Bañá M.* Russian History Studies in Latin America and Spain (2001–2021) // *Russian Studies Hu.* 2022. Vol. 4, № 1. P. 177–194. DOI 10.38210/RUSTUDH.2022.4.4.
- Gonneau P.* French and French-speaking Contributions to the Historiography of Muscovy 1462–1689, (2000–2020) // *Russian Studies Hu.* 2021a. Vol. 3, № 1. P. 45–63. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.3.
- Gonneau P.* French and French-Speaking Contributions to the Historiography of Rus (862–1462) // *Russian Studies Hu.* 2021b. Vol. 3, № 2. P. 33–44. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.13.
- Halperin Ch. J.* An Agnostic Approach to Ivan the Terrible // *Russian Studies Hu.* 2020. Vol. 2, № 1. P. 151–171. DOI 10.38210/RUSTUDH.2020.2.3.
- Halperin Ch. J.* US Publications (2000–2020) on Muscovite History, 1462–1689 // *Russian Studies Hu.* 2021. Vol. 3, № 1. P. 11–44. DOI 10.38210/RUSTUDH.2020.2.1.
- Jusupović A.* Medieval Rus' in Polish Research of the Last Twenty Years // *Russian Studies Hu.* 2021. Vol. 3, № 2. P. 71–88. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.20.
- Kersken N.* Research by German-Speaking Researchers on the History of the Principalities of Rus' up to the End of the 15th Century // *Russian Studies Hu.* 2021. Vol. 3, № 2. P. 45–69. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.19.
- Krausz T.* Lenin on Global History – The Global Historiography on Lenin // *Russian Studies Hu.* 2020. Vol. 2, № 1. P. 11–28. DOI 10.38210/RUSTUDH.2020.2.1.
- Marker G.* Russia's Eighteenth Century in Recent US Historiography // *Russian Studies Hu.* 2022. Vol. 4, № 1. P. 39–61. DOI 10.38210/RUSTUDH.2022.4.1.
- Raffensperger Ch.* UK and North American Russian, 2000–2020 // *Russian Studies Hu.* 2021. Vol. 3, № 2. P. 11–31. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.12.
- Sashalmi E.* Withdrawal from the Public and Increased Ruler Visibility: The Tsar's Image and His Mortal Body as Means of Fostering National Cohesion During the Reign of Tsar Alexander III (1881–1894) // *Russian Studies Hu.* 2019. Vol. 1, № 1. P. 97–123. DOI 10.38210/RUSTUDH.2019.1.5.
- Steindorff L.* Historiography on Muscovy (1462–1689) in Germany, Austria and Switzerland (2000–2020) // *Russian Studies Hu.* 2021. Vol. 3, № 1. P. 65–106. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.9.
- Szvák G.* Magyar és orosz panteonok // *Russian Studies Hu.* 2019. Vol. 1, № 1. P. 11–17. DOI 10.38210/RUSTUDH.2019.1.1.
- Szvák G.* “Az orosz történetet az oroszoknak kell írniuk, miért avatkoznak ebbe bele a magyarok?” (Mikrohistoriográfiai etűd) // *Russian Studies Hu.* 2020. Vol. 2, № 1. P. 29–58. DOI 10.38210/RUSTUDH.2020.2.5.
- Tanaka Y.* Japanese Historiography on 18th-Century Russian History in 2000–2020 // *Russian Studies Hu.* 2022. Vol. 4, № 1. P. 93–108. DOI 10.38210/RUSTUDH.2022.4.5.
- Zhang J.* A Review of and Reflection on the Study of Russian History in China (1878–2015) // *Russian Studies Hu.* 2021. Vol. 3, № 1. P. 197–219. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.11.
- Zhou H., Cao W.* Chinese Scholars' Studies on Russian History (862–1800) since 2000 // *Russian Studies Hu.* 2022. Vol. 4, № 1. P. 63–92. DOI 10.38210/RUSTUDH.2022.4.2.

References

- Aristov, V. (2021). Drevnyaya Rus' v ukrainskoi istoriografii (2000–2020): konteksty i dostizheniya [Old Rus' in Ukrainian Historiography (2000–2020): Contexts and Achievements]. In *Russian Studies Hu.* Vol. 3. No. 2, pp. 153–179. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.18.
- Bañá, M. (2022). Russian History Studies in Latin America and Spain (2001–2021). In *Russian Studies Hu.* Vol. 4. No. 1, pp. 177–194. DOI 10.38210/RUSTUDH.2022.4.4.
- Borovkov, D. A. (2021). Problemy istochnikovedeniya pamyatnikov drevnerusskoi pis'mennosti i istoriografii sotsial'no-politicheskogo razvitiya Rusi XI–XII vv. v rossiiskoi

istoricheskoi nauke 2000–2020 gg. [Problems of the Source Study of Old Russian Written Artefacts and Historiography of the Socio-Political Development of Russia in the 11th–12th Centuries in Russian Historical Science of 2000–2020]. In *Russian Studies Hu.* Vol. 3. No. 2, pp. 117–134. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.16.

Danilczyk, A. (2022). Rossiya XVIII veka v pol'skoi istoriografii [18th-Century Russia in Polish Historiography]. In *Russian Studies Hu.* Vol. 4. No. 1, pp. 149–173. DOI 10.38210/RUSTUDH.2022.4.10.

Dinnyés, P. (2022). Rossiya XVIII veka v sovremennoi vengerskoi istoriografii (2000–2020 gg.) [18th-Century Russia in Modern Hungarian Historiography (2000–2020)]. In *Russian Studies Hu.* Vol. 4. No. 1, pp. 123–147. DOI 10.38210/RUSTUDH.2022.4.6.

Frank, T. (2020). Slepoi sviditel': amerikanskii posol Dzhozef E. Devis v Moskve, 1936–1938 [The Blind Eyewitness: US Ambassador Joseph Edward Davies in Moscow, 1936–1938]. In *Russian Studies Hu.* Vol. 2. No. 1, pp. 101–131. DOI 10.38210/RUSTUDH.2020.2.4.

Gonneau, P. (2021a). French and French-Speaking Contributions to the Historiography of Muscovy 1462–1689, (2000–2020). In *Russian Studies Hu.* Vol. 3. No. 1, pp. 45–63. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.3.

Gonneau, P. (2021b). French and French-Speaking Contributions to the Historiography of Rus (862–1462). In *Russian Studies Hu.* Vol. 3. No. 2, pp. 33–44. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.13.

Gyóni, G. (2021). «Moskoviya» v vengerskoi istoriografii (s 2000 g.). [“Muscovy” in Hungarian Historiography since 2000]. In *Russian Studies Hu.* Vol. 3. No. 1, pp. 107–133. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.10.

Halperin, Ch. J. (2020). An Agnostic Approach to Ivan the Terrible. In *Russian Studies Hu.* Vol. 2. No. 1, pp. 151–171. DOI 10.38210/RUSTUDH.2020.2.3.

Halperin, Ch. J. (2021). US Publications (2000–2020) on Muscovite History, 1462–1689. In *Russian Studies Hu.* Vol. 3. No. 1, pp. 11–44. DOI 10.38210/RUSTUDH.2020.2.1.

Harbuľová, L. (2022). Istoriya Rossii do kontsa XVIII veka v issledovaniyakh slovatskikh i cheshskikh istorikov v 2000–2020 gg. [The History of Russia until the Late 18th Century in Studies by Slovak and Czech Historians between 2000 and 2020]. In *Russian Studies Hu.* Vol. 4. No. 1, pp. 109–122. DOI 10.38210/RUSTUDH.2022.4.3.

Hermann, R. (2020). Tseluyu ruki vashemu velichestvu. Ob odnom nesostoyavshemsya zheste [“I Beg to Leave a Kiss on Your Majesty’s Hand!” About a Gesture Which Never Happened]. In *Russian Studies Hu.* Vol. 2. No. 1, pp. 133–149. DOI 10.38210/RUSTUDH.2020.2.2.

Jusupović, A. (2021). Medieval Rus’ in Polish Research of the Last Twenty Years. In *Russian Studies Hu.* Vol. 3. No. 2, pp. 71–88. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.20.

Kelembet, S. (2021). “Drevnerusskoe nasledie” sosedei: Yuzhnaya Rus’ pod vlast’yu Litvy, Pol’shi i Vengrii v 1340–1430-kh gg. Sovremennaya ukrainiskaya istoriografiya (2001–2021 gg.) [The “Legacy of Old Russia” in Her Neighbours’ Heritage: Southern Russia under the Rule of Lithuania, Poland, and Hungary in the 1340s–1430s. Contemporary Ukrainian Historiography (2001–2021)]. In *Russian Studies Hu.* Vol. 3. No. 2, pp. 181–205. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.21.

Kersken, N. (2021). Research by German-Speaking Researchers on the History of the Principalities of Rus’ up to the End of the 15th Century. In *Russian Studies Hu.* Vol. 3. No. 2, pp. 45–69. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.19.

Kozlyakov, V. N., Pavlov, A. P. (2021a) Rossiya XVI–XVII vekov v issledovaniyakh rossiiskikh istorikov noveishego vremeni (2000–2020) Chast’ 1 [Russia of the 16th–17th Centuries in the Explorations of Modern Russian Historians (2000–2020). Part 1]. In *Russian Studies Hu.* Vol. 3. No. 1, pp. 135–169. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.4.

Kozlyakov, V. N., Pavlov, A. P. (2021b) Rossiya XVI–XVII vekov v issledovaniyakh rossiiskikh istorikov noveishego vremeni (2000–2020). Chast’ 2 [Russia of the 16th–17th Centuries in the Explorations of Modern Russian Historians (2000–2020). Part 2]. In *Russian Studies Hu.* Vol. 3. No. 1, pp. 171–192. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.5.

- Krausz, T. (2019). Otnosheniya mezhdru istoriografiei i politikoï pamyati [The Connections Between Historiography and Memory Politics]. In *Russian Studies Hu.* Vol. 1. No. 1, pp. 19–32. DOI 10.38210/RUSTUDH.2019.1.2.
- Krausz, T. (2020). Lenin on Global History – The Global Historiography on Lenin. In *Russian Studies Hu.* Vol. 2. No. 1, pp. 11–28. DOI 10.38210/RUSTUDH.2020.2.1.
- Makai, J. (2021). Srednevekovaya Rus' v sovremennoi vengerskoi istoriografii (2000–2020 gg.) [Hungarian Historiography of Medieval Rus' (2000–2020)]. In *Russian Studies Hu.* Vol. 3. No. 2, pp. 207–225. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.22.
- Marker, G. (2022). Russia's Eighteenth Century in Recent US Historiography. In *Russian Studies Hu.* Vol. 4. No. 1, pp. 39–61. DOI 10.38210/RUSTUDH.2022.4.1.
- Mezei, B. (2019). Mikroobshchestvo i ustnaya istoriya: vengerskie veterany Zakarpat'ya v afganskoï voine [Micro-Communities and Oral History: Transcarpathian Hungarian Veterans of the Soviet Union's War in Afghanistan]. In *Russian Studies Hu.* Vol. 1. No. 1, pp. 163–174. DOI 10.38210/RUSTUDH.2019.1.8.
- Petrukhin, V. Ya. (2021). Nachalo Russkogo gosudarstva i letopisaniya v rossiiskikh rabotakh 2000–2020-kh gg. [The Beginning of the Russian State and Chronicles in Russian Works of the 2000s–2020s]. In *Russian Studies Hu.* Vol. 3. No. 2, pp. 89–115. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.15.
- Politov, V. V. (2021). Sovremennaya rossiiskaya istoriografiya epokhi tataro-mongol'skogo zavoevaniya Rusi (2000–2020) [Modern Russian Historiography of the Era of the Tatar-Mongol Conquest of Russia (2000–2020)]. In *Russian Studies Hu.* Vol. 3. No. 2, pp. 135–152. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.17.
- Raffensperger, Ch. (2021). UK and North American Rusiana, 2000–2020. In *Russian Studies Hu.* Vol. 3. No. 2, pp. 11–31. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.12.
- Sashalmi, E. (2019). Withdrawal from the Public and Increased Ruler Visibility: The Tsar's Image and His Mortal Body as Means of Fostering National Cohesion During the Reign of Tsar Alexander III (1881–1894). In *Russian Studies Hu.* Vol. 1. No. 1, pp. 97–123. DOI 10.38210/RUSTUDH.2019.1.5.
- Steindorff, L. (2021). Historiography on Muscovy (1462–1689) in Germany, Austria and Switzerland (2000–2020). In *Russian Studies Hu.* Vol. 3. No. 1, pp. 65–106. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.9.
- Szvák, G. (2019). Magyar és orosz panteonok [Hungarian and Russian Pantheons]. In *Russian Studies Hu.* Vol. 1. No. 1, pp. 11–17. DOI 10.38210/RUSTUDH.2019.1.1.
- Szvák, G. (2020). „Az orosz történetet az oroszoknak kell írniuk, miért avatkoznak ebbe bele a magyarok?” [Mikrohistoriográfiai etűd]. In *Russian Studies Hu.* Vol. 2. No. 1, pp. 29–58. DOI 10.38210/RUSTUDH.2020.2.5.
- Tanaka, Y. (2022). Japanese Historiography on 18th-Century Russian History in 2000–2020. In *Russian Studies Hu.* Vol. 4. No. 1, pp. 93–108. DOI 10.38210/RUSTUDH.2022.4.5.
- Tyumentsev, I. O., Kleitman, A. L. (2020). Vengry v GULAGe (po vospominaniyam inzhenera-konstruktora I. A. Makhanova) [Hungarians in the GULAG (on the Memoirs of Design-Engineer I. A. Makhanov)]. In *Russian Studies Hu.* Vol. 2. No. 1, pp. 85–100. DOI 10.38210/RUSTUDH.2020.2.7.
- Zhang, J. (2021). A Review of and Reflection on the Study of Russian History in China (1878–2015). In *Russian Studies Hu.* Vol. 3. No. 1, pp. 197–219. DOI 10.38210/RUSTUDH.2021.3.11.
- Zhou, H., Cao, W. (2022). Chinese Scholars' Studies on Russian History (862–1800) since 2000. In *Russian Studies Hu.* Vol. 4. No. 1, pp. 63–92. DOI 10.38210/RUSTUDH.2022.4.2.

The article was submitted on 23.08.2022

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Абдрахманов Константин Алексеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Оренбургский государственный педагогический университет.

460014, Россия, Оренбург, ул. Советская, 19.
ORCID 0000-0001-9469-7694
kostya.abdrakhmanov@mail.ru

Бахарев Дмитрий Сергеевич, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
ORCID 0000-0002-5654-0685
dmitry.s.bakharev@gmail.com

Бобицкий Александр Владимирович, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
ORCID 0000-0002-2541-7078
alexander.bobitsky@urfu.ru

Брюханова Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет.

656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, 61.
ORCID 0000-0002-6974-5065
brelenochka@mail.ru

Бухарбаев Марат Абулхаирович, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой технических и естественнонаучных дисциплин, Казахско-Русский международный университет.

030006, Казахстан, Актобе, ул. Айтеке би, 52.
ORCID 0000-0001-5502-485X
marat58buh@mail.ru

Веселкова Наталья Вадимовна, кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-0855-8901
vesselkova@yandex.ru

Владимиров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет.

656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, 61.
ORCID 0000-0002-0555-4999
vnapple@yandex.ru

Власова Елена Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15.
ORCID 0000-0002-9309-0417
elena_vlasova@list.ru

Высокова Вероника Витальевна, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-5689-7166

vysokova@mail.ru

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0001-7013-5013

elena.glavatskaya@urfu.ru

Головашина Оксана Владимировна, доктор философских наук, ведущий специалист, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-9911-175X

ovgolovashina@mail.ru

Грачатчикова Наталья Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

ORCID 0000-0002-2585-7399

n.gramatchikova@gmail.com

Ермакова Ольга Константиновна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

ORCID 0000-0002-2095-1001

ermakovaok@mail.ru

Ефремова Елена Николаевна, кандидат филологических наук, заведующий отделом краеведческой литературы, Свердловская областная универсальная научная библиотека имени В. Г. Белинского.

620075, Россия, Екатеринбург, ул. Белинского, 15.

ORCID 0000-0002-5194-797X

efremova.eln@gmail.com

Заболотных Елизавета Александровна, младший научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

ORCID 0000-0002-1002-8723

ezabolotnych@gmail.com

Зырянов Олег Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0003-3327-8116
o.v.zyrianov@urfu.ru

Келлер Андрей Викторович, доктор исторических наук, научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет; старший научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
125993, Россия, Москва, Миусская площадь, 6.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-9086-1079
a.v.keller@urfu.ru

Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0003-0407-3816
ln.mazur@urfu.ru

Неженцева Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет.
656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, 61.
ORCID 0000-0002-6700-7739
neshenzewan@mail.ru

Поддубнова Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.
620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
ORCID 0000-0001-5210-0861
tristia@yandex.ru

Прямикова Елена Викторовна, доктор социологических наук, старший научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-6783-008X
pryamikova@yandex.ru

Репина Лорина Петровна, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; старший научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32а.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-8008-9388
lorinarepina@yandex.ru

Смирнов Юрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева.
443086, Россия, Самара, Московское шоссе, 34.
ORCID 0000-0002-4333-3230
smirnov195503@yandex.ru

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-0694-6687

l.s.soboleva@mail.ru

Созинова Ксения Андреевна, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-6980-5881

k.a.sozinova@urfu.ru

Сорокин Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского.

644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55-А.

ORCID 0000-0001-7942-7266

sorokinan@omsu.ru

Суюнбаева Алтынгүль Жакиповна, кандидат филологических наук, доцент, Военный институт сил воздушной обороны имени Т. Я. Бегельдинова.

030012, Казахстан, Актөбе, пр. Алии Молдагуловой, 39.

ORCID 0000-0002-0676-2028

altin_suenbaeva@mail.ru

Тимофеев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, заведующий центром социальной истории, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; профессор, выпускающий редактор журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-6578-8762

dmitrtim@yandex.ru

Хоруженко Татьяна Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-0477-7517

tkhoruzhenko@mail.ru

Цеменкова Светлана Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0003-3389-6723

sts.klio@mail.ru

Цыряпкина Юлия Николаевна, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, Алтайский государственный педагогический университет.

656031, Россия, Барнаул, ул. Молодежная, 55.

ORCID 0000-0002-8537-8410

guzvenko@yandex.ru

Шабатовский Олег Олегович, научный сотрудник, Объединенный музей писателей Урала; магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620075, Россия, Екатеринбург, ул. Пролетарская, 18.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0001-8271-6982

shabatoleg@gmail.com

Шелестюк Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет.

454001, Россия, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.

ORCID 0000-0003-4254-4439

shelestiuk@yandex.ru

Шпак Георгий Владимирович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; старший научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32а.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0001-7669-078X

geo.shpak@gmail.com

Шрек Каталин, PhD, ассистент-преподаватель, Дебреценский университет. Н-4032, Венгрия, Дебрецен, Egyetem tér, 1.

ORCID 0000-0002-8601-6382

schrek.katalin@arts.unideb.hu

Юнглод Валерий Теодорович, доктор исторических наук, профессор, Вятский государственный университет.

610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36.

ORCID 0000-0002-2706-3904

youngblood@vyatsu.ru

Abdrakhmanov Konstantin, PhD (History), Senior Lecturer, Orenburg State Pedagogical University.

19, Sovetskaya Str., 460014, Orenburg, Russia.

ORCID 0000-0001-9469-7694

kostya.abdrakhmanov@mail.ru

Bakharev Dmitry, Research Fellow, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-5654-0685

dmitry.s.bakharev@gmail.com

Bobitsky Aleksander, Research Fellow, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-2541-7078

alexander.bobitsky@urfu.ru

Bryukhanova Elena, PhD (History), Associate Professor, Altai State University.
61, Lenin Ave., 656049, Barnaul, Russia.
ORCID 0000-0002-6974-5065
brelenchka@mail.ru

Bukharbaev Marat, PhD (Pedagogy), Head of the Department of Technical and Natural Science Disciplines, Kazakh-Russian International University
52, Aiteke bi Str., 030006, Aktobe, Kazakhstan.
ORCID 0000-0001-5502-485X
marat58buh@mail.ru

Efremova Elena, PhD (Philology), Head of the Department of Local Lore Literature, V. G. Belinsky Sverdlovsk Regional Research Library.
15, Belinsky Str., 620075, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-5194-797X
efremova.eln@gmail.com

Ermakova Olga, PhD (History), Research Fellow, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-2095-1001
ermakovaok@mail.ru

Glavatskaya Elena, Dr. Hab. (History), Chief Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0001-7013-5013
elena.glavatskaya@urfu.ru

Golovashina Oksana, Dr. Hab. (Philosophy), Head Specialist, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-9911-175X
ovgolovashina@mail.ru

Gramatchikova Natalya, PhD (Philology), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-2585-7399
n.gramatchikova@gmail.com

Keller Andrei, Dr. Hab. (History), Research Fellow, Russian State University for the Humanities; Senior Researcher, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
6, Miusskaya Sq., 125993, Moscow, Russia.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-9086-1079
a.v.keller@urfu.ru

Khoruzhenko Tatiana, PhD (Philology), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-0477-7517
tkhoruzhenko@mail.ru

Mazur Lyudmila, Dr. Hab. (History), Head of the Department of Document Management, Archival Studies, and History of Public Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0003-0407-3816
ln.mazur@urfu.ru

Nezhentzeva Natalya, PhD (History), Associate Professor, Altai State University.

61, Lenin Ave., 656049, Barnaul, Russia.
ORCID 0000-0002-6700-7739
neshenzewan@mail.ru

Podlubnova Yulia, PhD (Philology), Research Fellow, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0001-5210-0861
tristia@yandex.ru

Pryamikova Elena, Dr. Hab. (Sociology), Senior Researcher, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-6783-008X
pryamikova@yandex.ru

Repina Lorina, Dr. Hab. (History), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

32a, Leninsky Ave., 119334, Moscow, Russia.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-8008-9388
lorinarepina@yandex.ru

Schrek Katalin, PhD, Assistant Lecturer, University of Debrecen.

1, Egyetem tér, H-4032, Debrecen, Hungary.
ORCID 0000-0002-8601-6382
schrek.katalin@arts.unideb.hu

Shabatovsky Oleg, Research Fellow, Integrated Museum of the Ural Writers; Undergraduate student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

18, Proletarskaya Str., 620075, Yekaterinburg, Russia.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0001-8271-6982
shabatoleg@gmail.com

Shelestyuk Elena, Dr. Hab. (Philology), Professor, Chelyabinsk State University. 129, Bratyev Kashirinykh Str., 454001, Chelyabinsk, Russia.

ORCID 0000-0003-4254-4439
shelestiuk@yandex.ru

Shpak Georgii, PhD (History), Junior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

32a, Leninsky Ave., 119334, Moscow, Russia.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0001-7669-078X
geo.shpak@gmail.com

Smirnov Yuri, Dr. Hab. (History), Professor, Samara National Research University.

34, Moskovskoye shosse Str., 443086, Samara, Russia.
ORCID 0000-0002-4333-3230
smirnov195503@yandex.ru

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-0694-6687
l.s.soboleva@mail.ru

Sorokin Aleksey, PhD (History), Associate Professor, Dostoevsky Omsk State University.

55-A, Mira Ave., 620002, Omsk, Russia.
ORCID 0000-0001-7942-7266
sorokinan@omsu.ru

Sozinova Kseniya, PhD (History), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-6980-5881
k.a.sozinova@urfu.ru

Suyunbayeva Altyngul, PhD (Philology), Associate Professor, Military Institute of Air Defense Forces.

39, Aliya Moldagulova Ave., 030012, Aktobe, Kazakhstan.
ORCID 0000-0002-0676-2028
altin_suenbaeva@mail.ru

Timofeev Dmitry, Dr. Hab. (History), Head of the Department of Social History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Professor, Executive Editor of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-6578-8762
dmitrtim@yandex.ru

Tsemenkova Svetlana, PhD (History), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0003-3389-6723
sts.klio@mail.ru

Tsyrlyapkina Yulia, PhD (History), Head of the Department of World History, Altai State Pedagogical University.

55, Molodezhnaya Str., 656031, Barnaul, Russia.
ORCID 0000-0002-8537-8410
guzvenko@yandex.ru

Vesselkova Natalya, PhD (Sociology), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-0855-8901

vesselkova@yandex.ru

Vladimirov Vladimir, Dr. Hab. (History), Professor, Altai State University.

61, Lenin Ave., 656049, Barnaul, Russia.

ORCID 0000-0002-0555-4999

vnapple@yandex.ru

Vlasova Elena, PhD (Philology), Associate Professor, Perm State National Research University.

15, Bukirev Str., 614990, Perm, Russia.

ORCID 0000-0002-9309-0417

elena_vlasova@list.ru

Vysokova Veronika, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-5689-7166

vyssokova@mail.ru

Yungblud Valery, Dr. Hab. (History), Professor, Vyatka State University.

36, Moskovskaya Str., 610000, Kirov, Russia.

ORCID 0000-0002-2706-3904

youngblood@vyatsu.ru

Zabolotnykh Elizaveta, Junior Researcher, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Research Fellow, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-1002-8723

ezabolotnych@gmail.com

Zyryanov Oleg, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0003-3327-8116

o.v.zyryanov@urfu.ru

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

ГAAK – Государственный архив Алтайского края
GAAK – Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia

ГAHO – Государственный архив Новосибирской области
GANO – Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti

ГAOO – Государственный архив Оренбургской области
GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti

ГAPФ – Государственный архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii

ГAТО – Государственный архив Томской области
GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti

НАРУз – Национальный архив Республики Узбекистан
NARUz – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Uzbekistan

ОМПУ – Объединенный музей писателей Урала
OMPU – Ob'edinennyi muzei pisatelei Urala

РГАЭ – Российский государственный архив экономики
RGAE – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv

СОКМ – Свердловский областной краеведческий музей
SOKM – Sverdlovskij oblastnoj kraevedcheskij muzej

СОУНБ – Свердловская областная универсальная научная библиотека
имени В. Г. Белинского
SOUNB – Sverdlovskaya oblastnaya universal'naya nauchnaya biblioteka imeni
V. G. Belinskogo

УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания
UOLE – Ural'skoe obshchestvo lyubitelej estestvoznaniya

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 10, 2022, № 5

Редакторы *Е. Березина*

А. Попович

Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*

Alexey Popovich

Imposition *Alexey Matveev*

Распространяется бесплатно

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1 федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013.
Учредитель – ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 28.12.2022. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 31,9. Усл. печ. л. 34,3.
Тираж 500 экз. Заказ № 262.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru